

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. XV, part 2

Editor-in-chief Evgeny V. Golovko

St. Petersburg
Institute for Linguistic Studies
Russian Academy of Sciences

2019

АСТА
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том XV, часть 2

Главный редактор Е. В. Головкин

Санкт-Петербург
Институт лингвистических исследований РАН

2019

УДК 81
ББК 81.2
А 38

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Глав. ред. Е. В. Головки.
Т. XV. Ч. 2. I. Материалы Четырнадцатой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (2017 г.) / Ред. Д. Ф. Мищенко, Д. В. Герасимов, Н. М. Заика, О. В. Кузнецова, М. А. Холодилова; II. Varia. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. — 458 с.

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Transactions of the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences / Ed.-in-chief Evgeny V. Golovko. Volume XV. Part 2. I. Proceedings of the Fourteenth Conference on Typology and Grammar for Young Scholars (2017) / Eds. D. F. Mishchenko, D. V. Gerasimov, N. M. Zaika, O. V. Kuznetsova, M. A. Kholodilova; II. Varia. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, 2019. — 458 p.

Редакторы тома (раздел I): Д. Ф. Мищенко, Д. В. Герасимов,
Н. М. Заика, О. В. Кузнецова, М. А. Холодилова

Ответственные за выпуск от редколлегии: Н. М. Заика,
А. Ю. Русаков

Материалы издания доступны в электронном виде на сайте ИЛИ РАН
<https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html>

ISSN 2306-5737
DOI 10.30842/alp23065737152

© Коллектив авторов, 2019
© ИЛИ РАН, 2019

РЕДКОЛЛЕГИЯ

член-корр. РАН, д. филол. н. Е. В. Головкин, главный редактор (ИЛИ РАН); д. истор. н. А. К. Байбури (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург); PhD, Assoc. Prof. А. Барентсен (Амстердамский университет); д. истор. н. Ю. Е. Березкин (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург); д. филол. н. П. Е. Бухаркин (Санкт-Петербургский государственный университет); член-корр. РАН, д. филол. н., проф. Н. Б. Вахтин (Европейский Университет в Санкт-Петербурге); д. филол. н. М. Д. Воейкова (ИЛИ РАН); PhD, Prof. Л. Гренобль (университет Чикаго); к. филол. н. С. Ю. Дмитренко (ИЛИ РАН); PhD, к. филол. н. Н. М. Заика (ИЛИ РАН; Санкт-Петербургский государственный университет); д. филол. н. В. Б. Касевич (Санкт-Петербургский государственный университет); к. филол. н. А. Ю. Кожевников (ИЛИ РАН); член-корр. РАН, д. филол. н. Н. В. Корниенко (Институт мировой литературы РАН, Москва); д. филол. н. М. А. Кронгауз (НИУ «Высшая школа экономики», Москва); д. филол. н. В. М. Круглов (ИЛИ РАН); к. филол. н. Г. А. Мольков (ИЛИ РАН); член-корр. РАН, д. филол. н. С. А. Мызников (Институт славяноведения РАН, Москва); акад. РАН, д. филол. н. С. И. Николаев (Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург); д. филол. н., проф. В. И. Подлеская (Российский государственный гуманитарный университет, Москва); д. филол. н. К. И. Поздняков (Национальный институт восточных языков и цивилизаций, Париж); PhD, Prof. Дж. Рассел (Университет штата Калифорния в Фресно); д. филол. н. А. Ю. Русаков (ИЛИ РАН); к. филол. н. С. С. Сай (ИЛИ РАН; Санкт-Петербургский государственный университет); д. филол. н., проф. А. Н. Соболев, зам. председателя (ИЛИ РАН); д. филол. н. С. Г. Татевосов (Московский государственный университет); к. филол. н. А. Ю. Урманчиева (ИЛИ РАН); д. истор. н., проф. Д. А. Функ (Институт этнологии и антропологии РАН; Московский государственный университет); д. филол. н., проф. В. С. Храковский (ИЛИ РАН); М. Е. Шляхтер, секретарь редколлегии (ИЛИ РАН); Dr. habil., Prof. Ю. А. Янхунен (университет Хельсинки)

EDITORIAL BOARD

Evgeny V. Golovko, editor-in-chief (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Albert K. Baiburin (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences); Adriaan Barentsen (University of Amsterdam); Yury E. Berezkin (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences); Petr E. Bukharkin (St. Petersburg State University); Sergey Yu. Dmitrenko (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Dmitry A. Funk (Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences; Moscow State University); Lenore Grenoble (University of Chicago); Juha A. Janhunen (University of Helsinki); Vadim B. Kasevich (St. Petersburg State University); Viktor S. Khrakovsky (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Natalia V. Kornienko (Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences); Aleksandr Yu. Kozhevnikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Maksim A. Krongauz (National Research University Higher School of Economics, Moscow); Vasily M. Kruglov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Georgy A. Molkov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergei A. Myznikov (Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergei I. Nikolaev (Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences); Vera I. Podlesskaya (Russian State University for the Humanities); Konstantin I. Pozdnyakov (INALCO); Aleksandr Yu. Rusakov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); James Russell (California State University, Fresno); Sergey S. Say (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences; St. Petersburg State University); Andrey N. Sobolev, deputy general editor-in-chief (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Mayya E. Shlyakhter, secretary of the editorial board (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergei G. Tatevosov (Moscow State University); Anna Yu. Urmanchieva (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Nikolai B. Vakhtin (European University at St. Petersburg); Maria D. Voeikova (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Natalia M. Zaika (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences; St. Petersburg State University)

**I. Материалы Четырнадцатой
конференции по типологии и
грамматике для молодых
исследователей (2017 г.)**

**I. Proceedings of the Fourteenth
Conference on Typology and Grammar
for Young Scholars (2017)**

ОТ РЕДАКТОРОВ

Тематическая часть настоящего выпуска журнала «Acta Linguistica Petropolitana» содержит 12 статей, написанных по материалам выступлений на XIV Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей¹, проходившей в Институте лингвистических исследований РАН с 23 по 25 ноября 2017 года. В ежегодных конференциях по типологии и грамматике принимают участие молодые исследователи, занимающиеся различными вопросами лингвистической типологии и грамматической теории. Основная часть докладов участников по традиции основана на собственных полевых материалах авторов; нередко на Конференции звучат доклады, посвященные проблемам лингвистической типологии или представляющие результаты корпусных исследований.

Непрерывный рост интереса потенциальных участников к Конференции привел к тому, что в 2017 г. заседания впервые были организованы в формате двух параллельных секций. Это позволило расширить состав участников: вместо 35–45 выступлений, как это было в предыдущие годы, на XIV Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей прозвучало 66 докладов. Их представили студенты, аспиранты, научные сотрудники и преподаватели — представители различных научно-исследовательских организаций и вузов России, Германии, Франции, Италии, Финляндии и Южной Кореи. Статьи, вошедшие в настоящий том, посвящены проблематике шести языков различной генетической принадлежности: горномарийского, ингерманландского финского, бурятского, чувашского, андийского и абазинского — и демонстрируют широту проблематики и подходов к исследованиям.

Сборник открывает статья Федора Валентиновича Голосова (НИУ ВШЭ, Москва) «Легкие глаголы-телисизаторы горномарийского языка: грамматическая семантика и дистрибуция». В ней подробно анализируется семантика четырех рассматри-

---

¹ Программа, тезисы и материалы докладов доступны на сайте Конференции (<http://www.youngconfspb.com/ru-ru/proshedshie-konferencii/xiv-konferenciya-2017-g>).

ваемых легких глаголов и описывается обнаруженное автором дополнительное распределение легких глаголов *keïš* 'уйти' и *koltaš* 'послать', основанное на семантических ролях. Материал горномарийского языка представлен еще в пяти статьях сборника. Татьяна Игоревна Давидюк и Ксения Андреевна Студеникина (МГУ, Москва) в своей работе «Элативный показатель и значение ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ в горномарийском языке» выдвигают гипотезу о происхождении значения ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ у элативного показателя из значения электива. Как показывают авторы, гипотеза подтверждается набором посессивных отношений, для которых возможен подъем посессора в послеложных конструкциях с послелогом элатива. В статье Ильи Владимировича Макаrchука (НИУ ВШЭ, Москва) «Глагольный аттенуатив в горномарийском языке» обсуждаются аспектуальные характеристики дериватов с показателем аттенуатива и его полисемия. Доступные для показателя интерпретации автор статьи предлагает анализировать как аспектуальный тип с короткой длительностью ситуации, по окончании которой актант не достигает результирующего состояния. Типологически неожиданным свойствам инфинитивных целевых клауз в горномарийском языке посвящена статья Дениса Михайловича Рахмана (НИУ ВШЭ, Москва) «Нулевой субъект целевых клауз и эллипсис аргумента в горномарийском языке». Автор анализирует влияние неаккузативности целевой клаузы на возможность опущения ее субъекта и показывает, что такое опущение является эллипсисом, а не ожидаемой в подобных контекстах заменой на нулевое местоимение PRO. Юлия Вячеславовна Синицына (МГУ, Москва) в статье «Полисемия и морфологический статус горномарийского показателя *-la*» рассматривает функционирование маркера *-la* в сравнительных конструкциях и в сочетании с глаголами субъективного восприятия и предлагает в последнем случае считать *-la* транскатегориальным показателем, выполняющим функцию комплементаризера. Наконец, в статье Аниты Вячеславовны Соловьёвой (МГУ, Москва) «Синтаксис и семантика партитивных и псевдопартитивных конструкций в горномарийском языке» подробно анализируются конструкции с соположением, обладающие мерным прочтением, и особенности образования псевдопартитивных и партитивных конструкций, отлич-

чающихся, как показывает автор, референтностью или неререферентностью обозначаемого подмножества единиц.

Две статьи, вошедшие в сборник, представляют материал бурятского языка. Анастасия Ильинична Груздева (МГУ / МТС ИТ, Москва) в статье «Синтаксис комитативных конструкций с показателем социатива *-лса* в баргузинском диалекте бурятского языка» анализирует две логические возможности, описывающие синтаксический статус именной группы в комитативе при глагольных дериватах на *-лса*; на основании результатов ряда синтаксических тестов автор делает вывод о сосуществовании в бурятском языке обеих структур: комитативный участник может входить как в именную группу с номинативным участником, так и в глагольную группу с дериватом на *-лса*. Статья «Слусинговые конструкции в бурятском языке» Екатерины Витальевны Моргуновой (МГУ, Москва) посвящена проблеме клефтового и фокусного подходов к анализу слусинговых конструкций в языках *wh-in-situ*, к числу которых принадлежит бурятский. Обосновав неприменимость обоих подходов к материалу этого языка, Е. В. Моргунова предлагает альтернативное описание слусинговых конструкций при помощи скрэмблинга.

Данным чувашского языка посвящена статья Натальи Николаевны Логвиновой (НИУ ВШЭ / ИЛИ РАН, Санкт-Петербург) «Непосессивные функции показателя посессивности третьего лица в малокарачкинском говоре чувашского языка». Как показывает автор, имеющиеся алломорфы посессивного показателя 3-го лица в этом языке в некоторых контекстах демонстрируют различную семантику и свойства, а в отдельных словоформах допустимо двойное употребление рассматриваемых показателей в разных функциях.

Анастасия Борисовна Панова (НИУ ВШЭ, Москва) в статье «Рефактив(ы) в абазинском языке» предлагает возможное объяснение разницы в поведении двух показателей рефактива, имеющих в этом языке; как показывает автор, причина различия заключается в том, что два рефактива обладают разной сферой действия.

Нэж Рошан (Université Sorbonne Nouvelle / CNRS, LaCITO — LLACAN, Париж) в своей статье, посвященной лабильности в андийском языке, применяя ряд тестов, демонстрирует, что в этом

языке как пассивная, так и антиказаутивная интерпретации при непереходном употреблении доступны для всех переходных глаголов и, следовательно, два типа лабильности не отличаются по своему синтаксическому статусу и оба предполагают мену переходности. Таким образом Н. Рошан подтверждает предположение Дени Кресселя о том, что в языках типа андийского переходность является свойством не предикативных конструкций, а их реализаций.

Наконец, данные ингерманландских говоров финского языка анализируются в статье Софьи Сергеевны Шарыгиной (СПбГУ, Санкт-Петербург) «Способы выражения значений будущего времени и проспектива в ингерманландском финском». Автор описывает имеющиеся в языке способы выражения значений проспективной и футуральной зон и делает наблюдения о контекстах употребления и особенностях каждого из них.

Редакторы сборника хотели бы выразить благодарность авторам всех статей, присланных для публикации в этой подборке, Михаилу Юрьевичу Князеву, Софье Алексеевне Оскольской и Сергею Сергеевичу Саю, участвовавшим в работе со статьями на начальном этапе их подготовки, и нашим коллегам, выступившим в качестве анонимных рецензентов, за неоценимую помощь и комментарии, позволившие сделать статьи еще лучше. Кроме того, мы бы хотели поблагодарить ответственного представителя редколлегии «Acta Linguistica Petropolitana» Александра Юрьевича Русакова, работавшего с данным выпуском, за внимательную и деликатную правку и Виктора Андреевича Стегния за помощь с редактированием текстов на английском языке.

*Д. Ф. Мищенко, Д. В. Герасимов, Н. М. Заика, О. В. Кузнецова,
М. А. Холодилова*

ЛЕГКИЕ ГЛАГОЛЫ-ТЕЛИСИЗАТОРЫ ГОРНОМАРИЙСКОГО ЯЗЫКА: ГРАММАТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА И ДИСТРИБУЦИЯ¹

Ф. В. Голосов

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва
glabgtodor@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена грамматической семантике и дистрибуции легких глаголов-телисизаторов *keäš* ‘уйти’, *koltaš* ‘послать’, *šuaš* ‘бросить’ и *šändäš* ‘поставить’. В статье описывается обнаруженное дополнительное распределение глаголов *keäš* и *koltaš*, основанное прежде всего на семантических ролях, а также детальная семантика каждого из легких глаголов. Так, легкие глаголы *koltaš* и *keäš* вводят или специфицируют предельную интерпретацию лексического глагола, *šuaš* привносит значения полноты охвата действия и затронутости, а *šändäš* вводит предел удовлетворения действием.

Ключевые слова: сложные глаголы, легкие глаголы, акциональность, грамматикализация.

Telicizing light verbs in Hill Mari: Semantics and distribution

F. V. Golosov

National Research University Higher School of Economics, Moscow
glabgtodor@mail.ru

Abstract. This article deals with semantics and distribution of the light verbs *keäš* ‘to go’, *koltaš* ‘to send’, *šuaš* ‘to throw’ and *šändäš* ‘to put’ in Hill Mari. Light verbs are verbs that have lost their lexical meaning and thus cannot denote a situation on their own. They function as actional modifiers, governing the lexical verbs (in our case, in the form of a converb) and forming so-called complex

---

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ 19-012-00627 «Семантика и синтаксис урало-алтайских языков в функционально-типологической и формальной перспективах».

predicates, i.e. constructions that consist of two verbal forms but denote a single event. The author describes semantics of four mentioned light verbs, which all form complex predicates with punctual interpretation, but differ in terms of distribution and semantic properties of a described point. Light verbs *keäš* ‘to go’ and *koltaš* ‘to send’ form complex predicates that denote a culmination point of an event: starting point for states, endpoint for processes and point *per se* for punctual predicates. However, the distribution of these light verbs is almost complementary: *keäš* ‘to go’ combines only with patientive lexical verbs, while *koltaš* ‘to send’ combines only with the verbs except for patientive ones. Two more complicated cases are also described: derived inchoatives in *-em* and derived detransitives in *-alt*. Light verb *šuaš* ‘to throw’ combines only with a subset of transitive light verbs and has two meanings: exhaustiveness of a process or affectedness of a patient. Light verb *šändäš* ‘to put’ denotes a contextually relevant point of sufficiency of an action and combines only with verbs that have a durative interpretation. The meaning of the light verbs *šuaš* and *šändäš* are also compared with the meaning of Russian prefixes *iz-* and *na-* that behave similarly with what these light verbs do. Some typological background is discussed in the article as well. Hill Mari data present an interesting information for the theory of the motion verbs grammaticalization in general and is a non-trivial areal phenomenon: light verbs and complex predicates occur in many Turkic languages, and Hill Mari constructions seem to be loaned from them.

Keywords: complex predicates, light verbs, actionality, grammaticalization.

1. Введение

Эта статья посвящена грамматической семантике и лексическому распределению четырех легких глаголов горномарийского языка: *keäš* ‘уйти’, *koltaš* ‘послать’, *šuaš* ‘бросить’ и *šändäš* ‘поставить’. Рассматриваемые лексемы представляют типологический интерес, потому что в ходе грамматикализации они, помимо собственно лексических значений, приобрели нетривиальные грамматические функции. В сочетании с глаголами в форме деепричастия на *-än* они могут выступать не только в своем лекси-

ческом значении (как в примере (1a)), но и в качестве аспектуальных модификаторов (как в примере (1б)):

(1a) *pi opt-alal-ân ke-š*
 собака лаять-АТТ-CVB уйти-АОР.3SG
 ‘Собака ушла, полаяв’.

(1б) *tädä amal-en ke-š*
 тот спать-CVB уйти-АОР.3SG
 ‘Он уснул’.

Конструкция, состоящая из лексических глаголов в форме деепричастия и грамматикализовавшихся финитных глаголов, в черемистике, как и в ряде других лингвистических традиций, называется **сложным глаголом** (см., например, [Саваткова 2002]). Глагол-модификатор мы будем далее называть **легким глаголом**, противопоставляя его глаголу лексическому.

Легкие глаголы горномарийского языка чрезвычайно разнообразны — наиболее наглядно это отражено в работе [Bradley 2016]. В своей статье мы ограничимся лишь четырьмя вышеперечисленными легкими глаголами, которые удобно рассматривать вместе в связи с их общей функцией — **телисизацией**, т. е. введением в структуру события модифицируемого предиката предела. На этом основании мы будем кратко называть глаголы *keäš*, *koltaš*, *šuaš* и *šändäš* **телисизаторами**. Само наличие такой функции у рассматриваемых лексем будет доказано далее.

На горномарийском языке говорят около двадцати трех тысяч человек, в основном проживающих в Горномарийском р-не Республики Марий Эл, на ее юго-западе, на границе с Нижегородской обл. и Чувашией. Вместе с близкородственным лугово-марийским (преобладающим в остальных тринадцати районах республики) он входит в марийскую группу финно-угорской семьи языков.

Данные, на которых основана эта статья, были собраны в ходе горномарийских экспедиций отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и Школы лингвистики НИУ ВШЭ в с. Микряково Горномарийского р-на Республики Марий Эл и представляют, таким образом, крайнезападные (т. н. емангашские) говоры

горномарийского. В рамках данной статьи мы опираемся на материал, полученный в результате элицитации.

Цель статьи состоит в следующем. Мы намерены предложить описание грамматической семантики рассматриваемых легких глаголов-телисизаторов в горномарийском языке, полученное на основании полевых исследований, и определить их сочетаемостные ограничения.

Настоящая статья структурирована следующим образом. После вводного раздела в разделе 2 мы дадим краткий обзор литературы, посвященной проблеме интересующих нас легких глаголов. Разделы 3 и 4 будут посвящены нашей собственной интерпретации горномарийских данных: в разделе 3 будут описаны грамматические функции глаголов *keäš*, *koltaš*, *šuaš*, *šëndäš* (каждому будет отведен свой подраздел), а также их сочетаемостные особенности (кроме тех, что будут описаны отдельно в следующем разделе); раздел 4 будет посвящен проблеме дистрибуции глаголов *keäš* и *koltaš*, представляющей самостоятельный научный интерес. В разделе 5 мы представим типологический и ареальный фон, а в разделе 6 подведем итоги нашего исследования.

2. Предыдущие исследования

Конструкции со сложными глаголами в горномарийском языке одним из первых рассматривает Б. А. Серебренников, называя их **составными глаголами** [Серебренников 1960]. У глагола *каши / кейш*² 'уходить' он выделяет значение «быстрого и внезапного изменения состояния» [Там же: 192], также он отмечает, что при этом глаголе «завершение действия сопровождалось изменением качества его носителя». Глагол *колташ* 'пускать', по Серебренникову, используется «для выражения совершенности

---

² Мы должны сделать важную оговорку: в подавляющем большинстве случаев исследователи марийских сложных глаголов не анализировали данные марийских языков по отдельности. В случае, если фонетически луговой и горный варианты легкого глагола не совпадают, мы будем приводить обе формы — как в варианте записи, к которому относится сноска. Кроме того, мы сохраняем принятую в рассматриваемых нами трудах орфографию.

действия, процесс которого протекает быстро, динамично» [Серебренников 1960: 190]. Глагол *шуаш* ‘бросить’ не рассматривается, а глагол *шындаш / шьндäш* ‘сажать’ описывается как грамматический маркер «действия, завершившегося установлением очевидного результата, связанного с возникновением более или менее длительного состояния» [Там же: 194].

Среди современных работ стоит упомянуть в первую очередь диссертацию [Bradley 2016]. В своем анализе автор ориентируется в основном на данные традиционных грамматик, предпринимая попытки собрать уже имеющиеся описания и изложить их языком современной лингвистической типологии. Кроме того, он проводит корпусное исследование на материале текстов на лугомарийском языке и для каждого из легких глаголов приводит список смысловых глаголов, сочетаемость с которыми подтверждена корпусными данными. Важно отметить, что при такой методике определения сочетаемостных особенностей легких глаголов невозможно в точности установить их сочетаемостные ограничения, поскольку отсутствует отрицательный материал.

Глагол *kajaš / keäš* Дж. Брэдли называет «аспектуальным показателем начинательности и завершенности с оттенком неожиданности, сочетающимся с глаголами, обозначающими изменение состояния или местонахождения» [Bradley 2016: 153]. Глаголу *koltaš* приписываются три аспектуальные функции: он служит «показателем моментальности с намеком на неожиданность действия», «показателем начинательности с намеком на неожиданность и моментальность» и «показателем диминутива» [Ibid.: 170]. Глагол *šuaš*, по Дж. Брэдли, «обозначает одиночное результирующее действие, намекает на энергичное, стремительное, внезапное, быстрое исполнение» [Ibid.: 241]. Глагол *šəndaš / šəndäš* «обозначает однократное выполнение [действия] с набором дополнительных оттенков временного значения: неожиданность, интенсивность проявления, очевидный результат, приводящий к длительному изменению состояния» [Ibid.: 222].

Тематике сложных глаголов посвящены также работы Е. В. Кашкина [Кашкин 2017; 2018a; 2018b; 2018c], где автор рассматривает грамматикализацию телисизаторов преимущественно с лексико-типологической точки зрения.

Существующая литература по марийским сложным глаголам дает общее представление о том, что семантическая роль рассматриваемых легких глаголов заключается во влиянии на структуру события лексического глагола. В настоящей статье мы постараемся дать ответы на следующие вопросы:

- каковы в точности грамматические функции каждого из глаголов?
- каковы сочетаемостные ограничения у легких глаголов и как эти глаголы соотносятся друг с другом?

3. Горномарийские данные

Перед тем как перейти к анализу конкретных глаголов, следует отдельно описать алгоритм проверки легких глаголов на сочетаемость с глаголами разных акциональных классов. В ходе экспедиций 2016–2017 гг. согласно методике, предложенной С. Г. Татевосовым [Tatevosov 2002], участниками была собрана база данных по акциональной семантике горномарийской глагольной лексики, включающая 135 лексем.

Методика предполагает следующие действия исследователя: собираются акциональные интерпретации форм с перфективной интерпретацией и форм с имперфективной интерпретацией, и в зависимости от набора акциональных интерпретаций и их распределения по перфективным и имперфективным формам определяется акциональный класс глагола. В качестве форм, лицензирующих имперфективную интерпретацию, принято брать формы грамматического времени, реферирующего к событиям настоящего, — в горномарийском языке это Непрошедшее время. В качестве форм, лицензирующих перфективную интерпретацию, в горномарийском можно взять формы Аориста или Перфекта, поскольку, согласно [Голосов, Козлов 2018], акциональных различий между двумя синтетическими прошедшими временами горномарийского языка обнаружено не было.

Глагол *koškaš* ‘сохнуть’ относится к классу слабых предельных глаголов <ES P, P>. Это значит, что в формах Аориста и Перфекта он может иметь интерпретацию как развивающегося процесса (*koškâš / košken* ‘(он) сох’), так и результирующего состояния (*koškâš / košken* ‘(он) высох’). Именно это сообщают обозначения ES и P, которые расположены на схеме перед за-

пятой — так принято отделять акциональные значения форм с перфективной интерпретацией от акциональных значений форм с имперфективной интерпретацией, которые, в свою очередь, располагаются после запятой. Как мы видим, в форме Непрошедшего времени глагол *koškaš* при референции к плану настоящего имеет единственно возможное значение развивающегося во времени процесса: *koška* ‘сохнет’.

Набор потенциальных акциональных интерпретаций включает в себя следующие интерпретации: S — состояние, P — процесс, ES — вхождение в состояние, EP — вхождение в процесс, MP — мультипликативный процесс, EMP — вхождение в мультипликативный процесс. На основании совокупности акциональных интерпретаций глагола в разных его формах выделяются акциональные классы глаголов. Однако мы не будем здесь вводить их список: в случае упоминания какого бы то ни было акционального класса мы будем приводить набор самих акциональных интерпретаций.

Пользуясь базой, мы проверили сочетаемость глаголов *keäš*, *koltaš*, *šuaš* и *šändäš* с лексическими глаголами разных акциональных классов и можем с высокой степенью уверенности утверждать, что ограничений на сочетаемость, связанных конкретно с акциональным классом лексического глагола, практически не обнаружено. Единственное исключение — ограничение у легкого глагола *šändäš* на сочетаемость с пунктивами — будет отмечено в особом порядке.

3.1. Глагол *keäš* ‘уходить’

Рассматриваемые нами легкие глаголы не имеют ограничений на сочетаемость с глаголами разных акциональных классов, однако акциональная характеристика лексического глагола все же играет важную роль: она влияет на то, какое грамматическое значение приобретает *keäš*.

В сочетании с состояниями легкий глагол выполняет функцию инцептива (2), а в сочетании с процессами — функцию комплетива (3):

- (2) *tädä amal-en ke-š*
 тот спать-CVB уйти-AOR.3SG
 ‘Он уснул / *спал’.

- (3) *pört vəc minut-ăštâ / *minut oxâr-em-Ø*
 дом пять минута-IN минута пустеть-INCH-CVB
ke-š
 уйти-AOR.3SG
 ‘Дом опустел *(за) 5 минут’.

Обобщить правила употребления глагола *keš*, проиллюстрированные на примерах предложений (2)–(3), можно следующим образом: рассматриваемый легкий глагол вводит акциональную интерпретацию вхождения в состояние. Тогда совершенно закономерным окажется, что в случае процессов это вхождение в результирующее состояние (= комплетив), а в случае состояний — вхождение в состояние, выраженное лексической основой (= инцептив).

Стоит также отметить, что функцию глагола *keš*, по-видимому, необходимо рассматривать именно как введение, а не выбор интерпретации «вхождение в состояние». Как показывают примеры (4)–(7), легкий глагол сочетается не только с предельными процессами (например, *kuškaš* ‘расти’ <ES P, P>) и инцептивно-стативными глаголами (например, *obižäjältäš* ‘обижаться’ <ES S, S>), но и с неопредельными процессами (например, *jêlaš* ‘гореть’ <P, P>) и простыми состояниями (например, *amalaš* ‘спать’ <S, S>), у которых такая интерпретация лексически отсутствует:

- (4a) *tädä kušk-ân*
 тот расти-PRF.3SG
 ‘Он рос / вырос’.
- (4б) *tädä kušk-ân ke-š*
 тот расти-CVB уйти-AOR.3SG
 ‘Он вырос / *рос’.
- (5a) *vas’a obižäj-ält-ân*
 В. обижать-DETR-PRF.3SG
 ‘Вася обиделся / обижался’.
- (5б) *vas’a obižäj-ält-Ø ke-š*
 В. обижать-DETR-CVB уйти-AOR.3SG
 ‘Вася обиделся / *обижался’.

- (6a) *pört jâl-en*
 дом гореть-PRF.3SG
 ‘Дом горел / *сгорел’.
- (6б) *pört jâl-en ke-š*
 дом гореть-CVB уйти-AOR.3SG
 ‘Дом сгорел’.
- (7a) *vas’a amal-en*
 В. спать-PRF.3SG
 ‘Вася спал / *уснул’.
- (7б) *vas’a amal-en ke-š*
 В. спать-CVB уйти-AOR.3SG
 ‘Вася уснул’.

Таким образом, глагол *keäš* ‘уходить’ можно описывать как глагол-телисизатор, т. е. легкий глагол, функция которого — вводить предел (левый или правый) ситуации, обозначаемой лексическим глаголом. При этом никаких дополнительных оттенков значения у *keäš* обнаружено не было.

3.2. Глагол *koltaš* ‘послать’

Грамматическая функция глагола *koltaš* совпадает с грамматической функцией глагола *keäš*. Легкий глагол вводит акциональную интерпретацию «вхождение в состояние» и потому выступает в качестве маркера инцептива для состояний (8) и в качестве маркера комплетива для процессов (9):

- (8) *vas’a sâlâkkan-en kolt-âš*
 В. грустить-CVB послать-AOR.3SG
 ‘Вася загрустил / *грустил’.
- (9) *tädä vəc *minut / minut-âšt=ok*
 тот пять минута минута-IN=EMPH
vädä-m jü-n kolt-âš
 вода-ACC пить-CVB послать-AOR.3SG
 ‘Он выпил воду *(за) пять минут’.

Так же как и *keäš*, глагол *koltaš* способен вводить интерпретацию вхождения в состояние, глаголам лексически не свойственную, поэтому он сочетается не только с предельными

процессами (например, *čüčäš* ‘запереть’ <ES P, P> (10)) и инцептивно-стативными глаголами (например, *lüüdäš* ‘бояться’ (11)), но и с неопределенными процессами и состояниями, у которых такая интерпретация лексически отсутствует (12)–(13):

- (10a) *tädä amasa-m čüč-än*
 тот дверь-ACC запереть-PRF.3SG
 ‘Он запер / запира́л дверь’.
- (10б) *tädä amasa-m čüč-än kolt-äš*
 тот дверь-ACC запереть-CVB послать-AOR.3SG
 ‘Он запер / *запира́л дверь’.
- (11a) *tädä lüüd-än*
 тот бояться-PRF.3SG
 ‘Он испуга́лся / боя́лся’.
- (11б) *tädä lüüd-än kolt-äš*
 тот бояться-CVB послать-AOR.3SG
 ‘Он испуга́лся / *боя́лся’.
- (12a) *vas’a sêlêkkan-en*
 В. грустить-PRF.3SG
 ‘Вася грусти́л / *загрусти́л’.
- (12б) *vas’a sêlêkkan-en kolt-äš*
 В. грустить-CVB послать-AOR.3SG
 ‘Вася загрусти́л’.
- (13a) *vas’a lem-äm kačk-än*
 В. суп-ACC есть-PRF.3SG
 ‘Вася ел / *съел суп’.
- (13б) *vas’a lem-äm kačk-än kolt-äš*
 В. суп-ACC есть-CVB послать-AOR.3SG
 ‘Вася съел / *ел суп’.

Таким образом, глагол *koltaš* можно также описывать как легкий глагол-телисизатор. Никаких дополнительных оттенков значения у *koltaš* обнаружено не было.

3.3. Глагол *šuaš* ‘бросать’

Легкий глагол *šuaš* сочетается только с переходными глаголами:

(14) *tädä möškä-m pušt-ân šu-š*
 тот медведь-ACC убить-CVB бросить-AOR.3SG
 ‘Он убил медведя’.

(15) **cilä väd jog-en šu-š*
 весь вода литься-CVB бросить-AOR.3SG
 Ожид.: ‘Вся вода вылилась’.

При этом транзитивность глагола — необходимое, но не достаточное условие. У легкого глагола *šuaš* есть два семантически связанных грамматических значения, определяющих его сочетаемость:

1) Полнота охвата действием (термин употребляется, например, в [Падучева, Розина 1993] для описания значения русской приставки *из-* (*ис-*) в глаголах типа *исписать*, *изломать*, *изрезать* и т. п), аналогичное значение также выделяется в [Кашкин 2018а; 2018с]. В таком значении глагол *šuaš* сочетается только с глаголами, у которых семантической ролью объекта является инкрементальная тема (в понимании [Dowty 1991]). Таким образом, для употребления глагола *šuaš* в этом значении необходимо, чтобы действие, обозначаемое лексическим глаголом, состояло из цепочки последовательных событий, доводящих действие до естественного предела. В таком случае легкий глагол указывает на то, что пройдены все стадии события:

(16) **tädä miskä-m mâšk-ân šu-š*
 тот миска-ACC мыть-CVB бросить-AOR.3SG
 Ожид.: ‘Он помыл миску’.

(17) *tädä cilä miskä-m mâšk-ân*
 тот весь миска-ACC мыть-CVB
šu-š
 бросить-AOR.3SG
 ‘Он помыл все миски’.

2) Затронутость действием (*affectedness*), т. е. наличие внутреннего физического изменения объекта. В таком значении глагол *šuaš* может употребляться с глаголами, у которых объект — прототипический пациент (т. е. актанта, претерпевающий изменение внутреннего состояния), если при этом объект этого глагола не является инкрементальной темой. Показатель-

ным примером здесь служит сочетание с семейфактивными событиями (семейфактив в нормальном случае с аспектуальной точки зрения является квантом, не делимым на подсобытия):

- (18) *tädä vedrä-m čäm-al-Ø šu-š*
 тот ведро-ACC пинать-АТТ-СВБ бросить-АОР.3SG
 ‘Он пнул ведро (очень сильно), так, что ведро каким-то образом потеряло целостность’.

Глагол *šuaš* вводит такую же акциональную интерпретацию, как и *keäš* и *koltaš*, — «вхождение в состояние», однако в силу своей семантики сочетается только с процессами с пациентивным дополнением, выражая грамматическое значение комплетива:

- (19) *tädä ik putaga-m vəc minutâ-št-ok*
 тот один бумага-ACC пять минута-IN=EMPH
 / (*vəc minut) *sir-en*
 пять минута писать-СВБ
šu-š
 бросить-АОР.3SG
 ‘Он исписал (весь) листок *(за) 5 минут’.

При этом он может сочетаться как с предельными (например, *käškedäš* ‘рвать’ <ES P, P> (20)), так и с непредельными процессами (например, *jüäš* ‘пить’ <P, P> (21)):

- (20a) *tädä putaga-m käšked-än*
 тот бумага-ACC рвать-PRF.3SG
 ‘Он бумагу рвал / порвал’.
- (20б) *tädä putaga-m käšked-Ø šu-š*
 тот бумага-ACC рвать-СВБ бросить-АОР.3SG
 ‘Он изорвал / *рвал бумагу’.
- (21a) *tädä vädä-m jü-n*
 тот вода-ACC пить-PRF.3SG
 ‘Он пил / *выпил воду’.
- (21б) ²*tädä cilä vädä-m jü-n šu-š*
 тот весь вода-ACC пить-СВБ бросить-АОР.3SG
 ‘Он выпил всю воду’.

3.4. Глагол *šëndäš* ‘*ставить*’

В сочетании с некоторыми лексическими глаголами легкий глагол имеет семантику сатуратива, т. е. маркирует насыщенность субъекта, его удовлетворенность совершаемым действием:

- (22) *tädä kačk-än šënd-äš*
 тот есть-CVB ставить-AOR.3SG
 ‘Он наелся’.
- (23) *tädä jü-n šënd-äš*
 тот пить-CVB ставить-AOR.3SG
 ‘Он напился’.
- (24) *tädä vädä-m jü-n šënd-äš*
 тот вода-ACC пить-CVB ставить-AOR.3SG
 ‘Он напился воды’.

Однако не в каждом своем употреблении *šëndäš* исполняет роль сатуратива, т. е. не в любом случае можно говорить о насыщении субъекта в узком смысле:

- (25) *tädä putaga-m kăšked-Ø šënd-äš*
 тот бумага-ACC рвать-CVB ставить-AOR.3SG
 ‘Он нарвал бумаги’.

Тем не менее можно предложить общий анализ семантики рассматриваемого легкого глагола, объясняющий разные оттенки его значения. В работе [Kagan 2013] предлагается описывать сатуративную интерпретацию русской приставки *на-* следующим образом: событие развилось до контекстно заданного предела удовлетворения или превысило его. Так, например, действие, обозначаемое глаголом *нарвать* в предложении *Он нарвал бумаги для игры в «Шляпу»*, совершается таким образом, что в конечном итоге агент удовлетворяет свою потребность, имея перед собой как минимум достаточное для игры количество кусков бумаги. Также в эту систему укладываются и сатуративы типа *наестся*: человек удовлетворил свое чувство голода или даже съел больше, чем хотел.

Мы предлагаем распространить предложенный анализ³ на легкий глагол *šëndäš*. В самом деле, в примерах (22)–(25) телиси-

³ Стоит оговориться, что мы на данном этапе исследования не ставим себе цели каким-либо образом охарактеризовать адекватность

затор вводит некоторый предел удовлетворения, до которого развивается событие. Такой семантики нет, например, у легкого глагола *šuaš*, сравните минимальную пару (25) и (26):

- (26) *tädä putaga-m kăšked-Ø šu-š*
 тот бумага-ACC рвать-CVB бросить-AOR.3SG
 ‘Он изорвал бумагу (в ключья)’.

Кроме того, *šändäš* не сочетается с пунктивами (в данном случае — глаголами, обозначающими моментальное событие), т. е., по-видимому, легкий глагол требует от модифицируемого события, чтобы оно было не мгновенным:

- (27) **tädä vas'a-lan olma-m pu-en šänd-äš*
 тот В.-ДАТ яблоко-ACC дать-CVB ставить-AOR.3SG
 Ожид.: ‘Он дал Васе яблоко’.

- (28) **tädä ik gänä lü-en šänd-äš*
 тот один раз стрелять-CVB ставить-AOR.3SG
 Ожид.: ‘Он один раз стрельнул’.

Таким образом, значение рассматриваемого легкого глагола-телисизатора можно описать следующим образом: *šändäš* маркирует достижение контекстно заданного момента удовлетворения действием, из чего, в частности, следует, что для его достижения необходимо, чтобы описываемое событие имело длительность.

Глагол *šändäš* так же, как и другие телисизаторы, вводит акциональную интерпретацию вхождения в состояние, но ввиду своих индивидуальных семантических особенностей выполняет грамматическую функцию комплетива в сочетании не только с процессами (29), но и с состояниями (30):

- (29) *tädä pörtä-m stroj-en šänd-äš*
 тот дом-ACC строить-CVB ставить-AOR.3SG
 ‘Он построил дом’.

- (30) *tädä amal-en šänd-äš*
 тот спать-CVB ставить-AOR.3SG
 ‘Он выспался’.

данной гипотезы на материале русского языка: она нужна нам главным образом для анализа глагола *šändäš*.

Так же, как и *keäš*, *koltaš* и *šuaš*, *šändäš* вводит, а не выбирает акциональную интерпретацию вхождения в состояние. Он сочетается не только с предельными процессами (например, *käškedäš* ‘рвать’ <ES P, P> (31)) и инцептивно-стативными глаголами (например, *koläštaš* ‘слушать’ <ES S, S> (32)), но и с непредельными процессами (например, *rovotajaš* ‘работать’ <P, P> (33)) и простыми состояниями (например, *kiäš* ‘лежать’ <S, S> (34)), которые лексически не имеют интерпретации вхождения в состояние:

- (31a) *tädä putaga-m käšked-än*
 тот бумага-ACC рвать-PRF.3SG
 ‘Он бумагу рвал / порвал’.
- (31б) *tädä putaga-m käšked-Ø šänd-äš*
 тот бумага-ACC рвать-CVB ставить-AOR.3SG
 ‘Он нарвал бумаги / *рвал бумагу’.
- (32a) *tädä koläšt-än*
 тот слушать-PRF.3SG
 ‘Он слушал / послушал’.
- (32б) *tädä koläšt-Ø šänd-äš*
 тот слушать-CVB ставить-AOR.3SG
 ‘Он наслушался / *слушал’.
- (33a) *tädä rovotaj-en*
 тот работать-PRF.3SG
 ‘Он работал / *отработал / *наработался’.
- (33б) *tädä rovotaj-en šänd-äš*
 тот работать-CVB ставить-AOR.3SG
 ‘Он наработался / *работал’.
- (34a) *tädä ki-n*
 тот лежать-PRF.3SG
 ‘Он лежал / *належался’ / *лег’.
- (34б) *tädä ki-n šänd-äš*
 тот лежать-CVB ставить-AOR.3SG
 ‘Он належался / *лежал’.

4. Дистрибуция глаголов *kešš* и *koltaš*

С точки зрения грамматической семантики никакой разницы между *kešš* и *koltaš* обнаружено не было: оба легких глагола являются простыми телесизаторами и не вводят никаких обязательных оттенков значения. Однако было установлено следующее: в большинстве случаев употребления *kešš* и *koltaš* находятся в отношении дополнительной дистрибуции, т. е. с каждой конкретной глагольной лексемой сочетается либо один, либо другой глагол, но почти никогда не являются допустимыми оба.

Проверив глагольные лексемы из вышеупомянутого глагольного словника на сочетаемость с каждым из телесизаторов, мы с большой долей уверенности установили правило распределения данных легких глаголов: глагол *kešš* сочетается только с моновалентными предикатами с аргументом, обладающим семантической ролью пациенса в узком понимании, т. е. участника ситуации, претерпевающего изменение внутреннего состояния, а *koltaš* — со всеми остальными глаголами:

- (35) *pört vəc minut-âštâ oxâr-em-Ø*
 дом пять минута-IN пустеть-INCH-CVB
ke-šš / **kolt-âšš*
 уйти-AOR.3SG послать-AOR.3SG
 ‘Дом опустел за 5 минут’.
- (36) *tädä vedrâ-m čâm-al-Ø *ke-šš*
 тот ведро-ACC пинать-ATT-CVB уйти-AOR.3SG
 / *kolt-âšš*
 послать-AOR.3SG
 ‘Он пнул ведро’.

В частности, именно *koltaš*, а не *kešš*, сочетается с глаголами перемещения объекта в пространстве в качестве аспектуального маркера:

- (37) *vas'a ke-n kolt-âšš*
 В. уйти-CVB послать-AOR.3SG
 ‘Вася ушел’.

Однако глагол *keäš* может сочетаться с глаголами перемещения объекта в своей директивной функции маркирования «отдаления от дейктического центра», выделяемой в [Bradley 2016]:

- (38) *anžə, mašinä mändör-kə kədal-Ø*
 смотреть.IMP.SG машина далеко-ILL ехать-CVB
ke-ä
 уйти-NPST.3SG
 ‘Смотри, машина уезжает вдаль’.

При этом важно отметить, что глагол *keäš* в директивной функции отличается от аспектуального маркера *keäš* набором акциональных интерпретаций. Как можно заметить в примере (38), сложный глагол *kədal keäš* имеет длительную интерпретацию, которая проявляется в том, что форма непрошедшего времени может отсылать к ситуации в настоящем. В аспектуальном же употреблении сложные глаголы с *keäš* такой интерпретации лишены:

- (39) *tədä amal-en ke-ä*
 тот спать-CVB уйти-NPST.3SG
 1. ‘Он уснет’.
 2. #‘Он засыпает’.
 3. #‘Он спит’.

Также закономерным выглядит то, что моновалентные экспериенциальные предикаты⁴ сочетаются именно с *koltaš*:

- (40) *tədä səlāklan-en kolt-əš*
 тот грустить-CVB послать-AOR.3SG
 / *ke-š
 уйти-AOR.3SG
 ‘Он загрустил’.

Чувствительность телисизаторов *keäš* и *koltaš* к набору семантических ролей актанта можно продемонстрировать на примере глагола *kəlmäš* ‘мерзнуть’. В своем экспериенциальном значении ‘испытывать дискомфорт от чрезмерно низкой темпе-

⁴ Можно заметить, что пример (56) со сложным глаголом *obižajalt keäš* ‘обидеться’ противоречит этому правилу. Ниже приводится подробное описание случаев подобного типа: такие глаголы содержат суффикс детранзитива *-alt*, который позволяет им сочетаться и с *keäš*.

ратуры' он сочетается только с глаголом *koltaš*, а в пассивном значении 'обледенеть, физически измениться под воздействием низкой температуры' — только с глаголом *keäš*:

- (41a) *väd käl̄m-en ke-š*
 вода замерзать-CVB уйти-AOR.3SG
 / *kolt-äš
 послать-AOR.3SG
 'Вода замерзла'.

- (41b) *män' käl̄m-en kolt-äš-äm*
 я замерзать-CVB послать-AOR-1SG
 / ??*ke-š-em*
 уйти-AOR-1SG
 'Я замерз'.

Таким образом, в целом распределение глаголов *keäš* и *koltaš* можно описывать в терминах (не)пациентивности лексических глаголов, если помнить при этом, что глаголы перемещения объекта в данном распределении попадают в группу непациентивных предикатов. Однако имеет смысл также указать на два случая усложнения модели, которые, впрочем, в большинстве своем логически связаны с основным принципом распределения.

Во-первых, в горномарийском языке есть суффикс инхотива *-em-*, который в большинстве случаев образует моновалентные глаголы с аргументом, обладающим семантической ролью пациенса: *šimemäš* 'становиться черным', *kätäkemäš* 'становиться короче' и т. д. Закономерным образом с такими глаголами сочетается глагол *keäš* и не сочетается *koltaš*:

- (42) *tädä kuž-em-Ø ke-š*
 тот длинный-INCH-CVB уйти-AOR.3SG
 / *kolt-äš
 послать-AOR.3SG
 'Он стал длиннее'.

Интересными с точки зрения анализа оказываются те относительно редкие случаи, когда суффикс *-em-* образует глагол с единственным актантом-экспериенцером. В таких случаях становится допустим *koltaš*, но, что важнее, не становится недопустим *keäš*:

- (43) *tädä susu-em-Ø* ^{OK}*ke-š*
 тот рад-INCH-CVB уйти-AOR.3SG
 / *kolt-š*
 послать-AOR.3SG
 ‘Он обрадовался’.

Видимо, такое отклонение от общего распределения можно объяснить наличием некоей формальной связи между *keš* и инхотативами на *-em-*: коль скоро большинство глаголов на *-em-* имеют пациентивную семантику, сам суффикс *-em-* ассоциируется с пациентивностью и потому допускает сочетаемость с *keš* и у тех инхотативов, которые имеют не собственно пациентивную, а экспериенциальную семантику.

Во-вторых, существует еще одна группа глаголов, среди которых некоторые могут сочетаться с обоими телисизаторами, — это детранзитивы на *-alt-*. Поскольку в ходе детранзитивизации субъектом становится пациенс исходного глагола, такие глаголы сочетаются с *keš*:

- (44a) *tädä tãgâr-âm* *kãšked-en*
 тот рубашка-ACC рвать-PRF.3SG
 ‘Он рвал рубашку’.
- (44b) *tãgâr* *kãšked-ãlt-Ø* *ke-š*
 рубашка рвать-DETR-CVB уйти-AOR.3SG
 ‘Рубашка порвалась’.

Однако в тех случаях, когда субъектом детранзитива становится экспериенцер, возможно употребление и *keš*, и *koltaš*:

- (45) *vas'a obižaj-alt-Ø* *ke-š*
 В. обижать-DETR-CVB уйти-AOR.3SG
 / *kolt-š*
 послать-AOR.3SG
 ‘Вася обиделся’.

Других нарушений распределения *keš* / *koltaš* по принципу пациентивности / агентивности лексического глагола, за исключением вышеописанных, обнаружено не было. Заметим, что в обоих описанных исключениях нарушение заключается в допущении обоих телисизаторов — не было обнаружено ни одной

такой глагольной лексемы, которая бы не допускала сочетаемости с предписываемым ему нашим семантическим правилом легким глаголом, сочетаясь при этом с другим глаголом из пары.

В заключение отметим, что оба легких глагола — и *keäš*, и *koltaš* — не сочетаются с глаголами созидания:

(46a) *maša-n ergä-žä   *šač-än*
 M.-GEN сын-POSS.3SG родиться-CVB
ke-š   / *kolt-äš*
 уйти-AOR.3SG   послать-AOR.3SG
 Ожид.: ‘У Маши родился сын’.

(46b) **oleg olma-m risuj-en ke-š*
 O. яблоко-ACC рисовать-CVB уйти-AOR.3SG
 / *kolt-äš*
 послать-AOR.3SG
 Ожид.: ‘Олег нарисовал яблоко’.

5. Типологический и ареальный фон

Грамматикализация глаголов перемещения — типологически крайне распространенное явление. В частности, в книге [Майсак 2005] рассматриваются различные сценарии грамматикализации глаголов со значением УХОДИТЬ, среди которых есть и превращение рассматриваемых глаголов в телесизаторы, см. пример из тамильского языка:

ТАМИЛЬСКИЙ [Steever 1983: 497] (цит. по [Майсак 2005: 171])
 (47) *avaN vayiru kayntu poiRRu*
 он желудок высыхать.CVB **уходить**-PST.3N
 ‘Его желудок вконец высох (= «высохнув ушел»)’. {= Он был настолько голоден, что готов был съесть что угодно.}

Можно также заметить, что конструкция в примере (47) структурно схожа с горномарийским сложным глаголом: лексический глагол представлен в форме деепричастия, а телесизатор — в финитной форме.

В черемистике сложилось устойчивое представление о том, что марийские сложные глаголы возникли в результате влияния соседних тюркских языков, прежде всего, чувашского (см., например, [Серебренников 1960] и [Bradley 2016]). Главным аргументом

в пользу такого утверждения можно считать незначительную распространенность аналогичных конструкций в родственных финно-угорских языках при широкой распространенности сложных глаголов в тюркских языках.

В работе [Гращенков 2015] производится попытка обобщить поведение легких глаголов в тюркских языках, в частности, в области грамматической семантики. Так, у глаголов типа УХОДИТЬ выделяется прототипическая грамматическая функция «результатив (-контроль)», у глаголов типа БРОСАТЬ — «пунктив», у глаголов типа ПОСЫЛАТЬ — «результатив», у глаголов типа СТАВИТЬ — «пунктив» и «результатив (-контроль)». Как можно заметить, горномарийские данные в целом имеют параллели с общетюркской картиной: глаголы с теми же значениями также грамматикализовались в акциональные модификаторы, при этом глагол *keäš* ‘уйти’ также не сочетается с контролируемыми предкатами.

В качестве перспективного пути исследования мы рассматриваем сравнение грамматической семантики легких глаголов в горномарийском и чувашском языках.

6. Выводы

Легкие глаголы *keäš* ‘уходить’, *koltaš* ‘пускать, посылать’, *šuaš* ‘бросить’ и *šändäš* ‘ставить, сажать’ в горномарийском языке имеют общую функцию — введение в структуру события предела — и благодаря этому приписывают описываемому событию акциональную интерпретацию «вхождение в состояние».

У глаголов *keäš* ‘уходить’ и *koltaš* ‘пускать, посылать’ не обнаружено никаких дополнительных оттенков значения, кроме собственно введения предельной интерпретации: в этом смысле их можно называть **простыми телисизаторами**. Функционально не отличаясь друг от друга, простые телисизаторы в подавляющем большинстве случаев дополнительно распределены: *keäš* сочетается с моновалентными предикатами с аргументом с семантической ролью пациенса, а *koltaš* — со всеми остальными предикатами.

Легкий глагол *šuaš* ‘бросать’ имеет два логически связанных грамматических значения: 1) полнота охвата действием (при переходных глаголах с объектом-инкрементальной темой); 2) за-

тронутость (при переходных глаголах-пунктивах с объектом-пациентом). Легкий глагол *šändäš* 'ставить' маркирует достижение контекстно заданного предела удовлетворения немгновенным действием.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ACC — аккузатив; AOR — аорист; ATT — аттенуатив; CAUS — каузатив; CVB — конверб (деепричастие); DAT — датив; DETR — детранзитив; EMPH — эмфатическая частица; EP — вхождение в процесс; ES — вхождение в состояние; GEN — генитив; ILL — иллатив; IMP — императив; IN — инессив; INCH — инхоатив; MP — мультипликативный процесс; N — средний род; NPST — непрошедшее (настояще-будущее) время; P — процесс; POSS — посессивный показатель; PRF — перфект; PST — прошедшее время; S — состояние; SG — единственное число.

Литература

- Голосов, Козлов 2018 — Ф. В. Голосов, А. А. Козлов. Наблюдатель в системе прошедших времен горномарийского языка // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. 2018. Т. XIV. Ч. 2. С. 154–194.
- Гращенко 2015 — П. В. Гращенко. Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Кашкин 2017 — Е. В. Кашкин. К типологии грамматикализации глаголов перемещения: горномарийский глагол *keäš* 'идти, уходить' // А. А. Кретов (ред.). Проблемы компьютерной лингвистики и типологии. Вып. 6. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. С. 36–47.
- Кашкин 2018а — Е. В. Кашкин. О семантике сложных глагольных комплексов в горномарийском языке: конструкции со значением достижения предела // М. К. Амелина, А. А. Ануфриев, В. В. Дьячков, Н. В. Макеева, О. В. Попова, О. В. Соколова (ред.). Проблемы языка. Сб. научных статей по материалам Шестой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» (12–14 марта 2018 г.). М.: Институт языкознания РАН; Канцлер, 2018. С. 110–129.
- Кашкин 2018b — Е. В. Кашкин. Грамматикализация горномарийских глаголов позиции // А. М. Иванова, Э. В. Фомин (сост., отв. ред.). Языковые контакты народов Поволжья и Урала. XI Международный симпозиум (Чебоксары, 21–24 мая 2018 г.). Сб. статей. Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2018. С. 178–184.

- Кашкин 2018с — Е. В. Кашкин. К типологии семантического развития глаголов со значением ‘бросать’: данные горномарийского языка // Урало-алтайские исследования. 2018. № 4 (34). С. 112–129.
- Майсак 2005 — Т. А. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005.
- Падучева, Розина 1993 — Е. В. Падучева, Р. И. Розина. Семантический класс глаголов полного охвата: толкование и лексико-синтаксические свойства // Вопросы языкознания. 1993. № 6. С. 5–16.
- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка. (Bibliotheca Ceremissica 5). Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002.
- Серебренников 1960 — Б. А. Серебренников. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Bradley 2016 — J. Bradley. Mari converb constructions: Productivity and regional variance. Doctoral Thesis. Universität Wien, Wien, 2016.
- Dowty 1991 — D. Dowty. Thematic proto-roles and argument selection // *Language*. 1991. Vol. 67. № 3. P. 547–619.
- Kagan 2013 — O. Kagan. Scalarity in the domain of verbal prefixes // *Natural Language & Linguistic Theory*. 2013. Vol. 31. № 2. P. 483–516.
- Steever 1983 — S. B. Steever. A study in auxiliiation: The grammar of the indicative auxiliary verb system of Tamil. PhD Thesis. University of Chicago, Department of Linguistics, Chicago, 1983.
- Tatevosov 2002 — S. Tatevosov. The parameter of actionality // *Linguistic Typology*. 2002. Vol. 6. № 3. P. 317–401.

References

- Bradley 2016 — J. Bradley. Mari converb constructions: Productivity and regional variance. Doctoral Thesis. Universität Wien, Wien, 2016.
- Dowty 1991 — D. Dowty. Thematic proto-roles and argument selection. *Language*. 1991. Vol. 67. No. 3. P. 547–619.
- Golosov, Kozlov 2018 — F. V. Golosov, A. A. Kozlov. Nablyudatel v sisteme proshedshikh vremen gornomariyskogo yazyka [Perspective point in past tenses’ system in Hill Mari]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. 2018. Vol. XIV. Pt. 2. P. 154–194
- Grashchenkov 2015 — P. V. Grashchenkov. Tyurkskiye konverby i serializatsiya: sintaksis, semantika, grammatikalizatsiya [Turkic Converbs and Serialization: Syntax, Semantics and Grammaticalization]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2015.

- Kagan 2013 — O. Kagan. Scalarity in the domain of verbal prefixes. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2013. Vol. 31. No. 2. P. 483–516.
- Kashkin 2017 — E. V. Kashkin. K tipologii grammatikalizatsii glagolov peremeshcheniya: gornomariyskiy glagol *keäš* ‘idti, ukhodit’ [Grammaticalization of motion verbs in typology: The case of Hill Mari *keäš* ‘to go, to leave’]. A. A. Kretov (ed.). *Problemy kompyuternoy lingvistiki i tipologii* [Issues in Computer Linguistics and Typology]. Iss. 6. Voronezh: Voronezh State University Publishing House, 2017. P. 36–47.
- Kashkin 2018a — E. V. Kashkin. O semantike slozhnykh glagolnykh kompleksov v gornomariyskom yazyke: konstruksii so znacheniyem dostizheniya predela [On semantics of complex verb constructions in Hill Mari: Completive constructions]. M. K. Amelina, A. A. Anufriev, V. V. Dyachkov, N. V. Makeeva, O. V. Popova, O. V. Sokolova (eds.). *Problemy yazyka. Sb. nauchnykh statey po materialam Shestoy konferentsii-shkoly “Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh” (12–14 marta 2018 g.)* [Language Issues: Collection of articles based on the Conference “Language Issues: A Young Scholars’ View” (March 12–14, 2018)]. Moscow: Institute of Linguistics RAS; Kanzler, 2018. P. 110–129.
- Kashkin 2018b — E. V. Kashkin. Grammatikalizatsiya gornomariyskikh glagolov pozitsii [Grammaticalization of Hill Mari posture verbs]. A. M. Ivanova, E. V. Fomin (comps., eds.). *Yazykovyye kontakty narodov Povolzhya i Urala. XI Mezhdunarodnyy simpozium (Cheboksary, 21–24 maya 2018 g.)* [Language Contacts of the Peoples of the Volga Region and Ural. XI International Symposium (Cheboksary, May 21–24, 2018)]. Collection of articles. Cheboksary: Chuvash University Press, 2018. P. 178–184.
- Kashkin 2018c — E. V. Kashkin. K tipologii semanticheskogo razvitiya glagolov so znacheniyem ‘brosat’: dannyye gornomariyskogo yazyka [Towards the typology of semantic shifts undergone by verbs of throwing: Evidence from Hill Mari]. *Uralo-altayskiye issledovaniya*. 2018. No. 4 (34). P. 112–129.
- Maisak 2005 — T. A. Maisak. Tipologiya grammatikalizatsii konstruksiy s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii [Typology of Grammaticalization of the Constructions with Motion and Posture Verbs]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2005.
- Paducheva, Rozina 1993 — E. V. Paducheva, R. I. Rozina. Semanticheskii klass glagolov polnogo okhvata: tolkovaniye i leksiko-sintaksicheskiye svoystva [Thematic class of full coverage verbs: Meaning and lexical-syntactic properties]. *Voprosy yazykoznaneya*. 1993. No. 6. P. 5–16.

- Savatkova 2002 — A. A. Savatkova. *Gornoye narechiye mariyskogo yazyka* [Hill Mari Language]. (Bibliotheca Ceremissica 5). Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002.
- Serebrennikov 1960 — B. A. Serebrennikov. *Kategorii vremeni i vida v fino-ugorskikh yazykakh permskoy i volzhskoy grupp* [Tense and Aspect in Permic and Volga]. Moscow: USSR Academy of Sciences Press, 1960.
- Steever 1983 — S. B. Steever. *A study in auxiliation: The grammar of the indicative auxiliary verb system of Tamil*. PhD Thesis. University of Chicago, Department of Linguistics, Chicago, 1983.
- Tatevosov 2002 — S. Tatevosov. The parameter of actionality. *Linguistic Typology*. 2002. Vol. 6. No. 3. P. 317–401.

**СИНТАКСИС КОМИТАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ
С ПОКАЗАТЕЛЕМ СОЦИАТИВА -ЛСА
В БАРГУЗИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА¹**

А. И. Груздева
МТС ИТ, Москва
nastya.gruzdeva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена синтаксическому статусу именной группы в комитативе при глагольных дериватах на *-лса*, выражающих в бурятском языке значения социатива и реципрока. Существует две логические возможности: комитативный участник может входить либо в именную группу с номинативным участником, либо в глагольную группу с дериватом на *-лса*. На основании ряда синтаксических тестов мы делаем вывод о том, что в баргузинском диалекте бурятского языка возможны обе синтаксические структуры.

Ключевые слова: монгольские языки, бурятский язык, актантные деривации, социатив, реципрок, синтаксис, комитатив.

**Syntax of comitative constructions with the sociative marker *-lsa*
in Barguzin Buryat**

A. I. Gruzdeva
MTS IT, Moscow
nastya.gruzdeva@mail.ru

Abstract. The paper is based on evidence collected from Barguzin speakers during the author's field trips to Baraghan Village, Kurumkan Region, Republic of Buryatia in August 2015, 2016, and 2017.

In Barguzin Buryat, the suffix *-lsa* can express either reciprocal or sociative meaning. The reciprocal denotes simultaneous mutual action by two or more participants, each performing more than one semantic role, e.g.: *badma darimatai ta:lalsa*: 'Badma and Darima

---

¹ Языковые данные были собраны при поддержке гранта РФФИ 17-04-18036е. Дальнейшая работа над материалом осуществлялась при поддержке гранта РФФИ 16-06-00536а.

kissed each other'. The sociative transforms the diathesis, adding to the basic event structure a subevent with a different argument (for example, *dugar badmatai enje:lsene* 'Dugar laughs with Badma (supporting Badma's laugh)'), or with different descriptive characteristics (i.e., a predicate).

This study addresses the syntactic structure of clauses with *-lsa* and plural arguments, in particular, the syntactic position of NPs in the comitative. In Russian, constructions with comitatives were analysed by Ionin & Matushansky and Vassilieva & Larson. There are two logical possibilities:

- the comitative participant is a part of the NP;
- the comitative participant is a part of the VP.

A number of tests based on various constituent-identification criteria were applied to sociative and reciprocal constructions to find out which of the two options are available for Buryat derivatives in *-lsa*. These included tests based on:

- coordination criterion;
- highlighting by focal elements *gansa* 'only' and *-l* 'exactly';
- fragment answers;
- capacity to be the antecedent for binding;
- word order.

The tests show that both configurations are possible in Buryat, which may mean that *-lsa* only changes the semantics of the base verb, rather than introducing a new participant.

Keywords: Mongolic languages, Buryat, valency-changing operations, sociative, reciprocal, syntax, comitative.

1. Введение

Статья посвящена синтаксическому статусу комитативной именной группы при глагольных дериватах на *-lsa* в баргузинском диалекте бурятского языка, а именно вопросу о том, где в синтаксической структуре клаузы расположена комитативная именная группа. Суффикс *-lsa* в этом языке является показателем социативной и реципрокальной актантажной деривации, а комитативная именная группа наряду с именной группой в номинативе или аккумулятиве — это самый типичный способ выражения мно-

жественности субъекта или объекта соответственно (по крайней мере в социативных клаузах).

Материалами для исследования послужили глагольная база данных баргузинского диалекта бурятского языка (содержит информацию о 50 непроизводных глаголах), собранная Д. Привозновым, И. Погодаевым и автором статьи в августе 2015 г. в ходе экспедиции в с. Барагхан Курумканского р-на Республики Бурятия, и данные, полученные в результате полевой работы в с. Барагхан в августе 2016 и 2017 гг. Носителям предъявлялись как стимулы на русском для элицитации бурятских предложений, так и предложения на бурятском для оценки их грамматичности. Опрошенные носители — люди преимущественно среднего и пожилого возраста, преподающие в местной школе. Также было опрошено несколько студентов — уроженцев села.

В разделе 2 настоящей статьи дана общая информация о значениях суффикса *-лса* и сопутствующих им изменениях исходной диатезы, а также о способах выражения множественности участников при этих преобразованиях. В разделе 3 выдвигаются гипотезы о синтаксической структуре конструкций с дерииватами на *-лса* и комитативным участником, которые далее проверяются с помощью ряда синтаксических тестов. В разделе 4 приведены выводы настоящего исследования.

2. Общие сведения о суффиксе *-лса*

В работах [Поппе 1938: 196; Санжеев 1941: 63; Порпе 1960: 101; Санжеев (отв. ред.) 1962: 238–244] утверждается, что значением изучаемого нами суффикса является «совместное действие», или «совместный залог». Однако Г. Д. Санжеев отмечает при этом, что *-лса* может употребляться и в значении «взаимного залога». Этот бурятский суффикс рассматривается и в работе [Nedjalkov et al. 2007], посвященной реципрокальным, социативным, комитативным и ассистивным конструкциям в бурятском и халха-монгольском языках.

На материале баргузинского диалекта бурятского языка автором были выявлены два основных регулярных значения суффикса *-лса*: реципрок и социатив.

1. **Реципрок** — одновременное взаимное действие двух (или более) участников, каждый из которых задействован в более

чем одной семантической роли. В прототипической реципрокальной клаузе два аргумента глагола кореферентны. Один аргумент (мы будем называть его множественным аргументом) выражен полной именной группой или сочетанием именных групп, обозначающим множественного участника (содержимое квадратных скобок в (1б)). Второй аргумент может быть либо никак не выражен на поверхностном уровне (1б), либо выражен реципрокальным местоимением *бэе бэе* ‘друг друга’ (2).

В (1а) мы видим базовый пример исходной диатезы, в котором номинативный аргумент выражен именной группой *бадма*, а аккузативный аргумент — именной группой *даримые*:

(1а) [*бадма*] [*дарим-ые*] *таал-аа*
 Бадма Дарима-АСС целовать-РRT1
 ‘Бадма поцеловал Дариму’.

(1б) [*бадма дарима-тай*²] *таала-лс*³-аа
 Бадма Дарима-СОМ целовать-СОС-РRT1
 ‘Бадма с Даримой поцеловались’.

В (1б) после реципрокального преобразования диатезы вместо простого номинативного аргумента мы получаем множественный, состоящий из двух именных групп: номинативной (*бадма*) и комитативной (*дариматай*). Такое сочетание — это один из способов выражения множественности первого аргумента. Аккузативный же аргумент в (1б) не выражен поверхностно.

(2) [*бадма дарима-тай*] [*бэе бэ-еэ*]
 Бадма Дарима-СОМ тело тело-АСС.REFL
таала-лс-аа
 целовать-СОС-РRT1
 ‘Бадма и Дарима поцеловали друг друга’.

² Показатель комитатива может выглядеть как *-тай*, *-тэй* или *-той* в соответствии с принципом гармонии гласных.

³ Краткий гласный суффикса *-лса* элидируется перед аффиксом, начинающимся на долгий гласный, по общему правилу: [+syll, -long] → Ø / _+[+syll, +long] (см. [Татевосов и др. (ред.), в печати]).

В (2) аккумулятивный участник выражен (в отличие от (1б)) реципрокальным местоимением *бэе бэеэ*.

Возможен в баргузинском бурятском и объектный реципрок в клаузах с *-лса*, но только при поверхностно выраженном реципрокальном местоимении:

- (3) *дугар хубүү-д-ые* *(*бэе бэе-дэ-нь*)
Дугар мальчик-PL-ACC тело тело-DAT-3
эльгээ-лс-ээ
посылать-SOC-PRT1
'Дугар послал мальчиков другу к другу'.

Множественность субъекта⁴ (выделен с помощью квадратных скобок) при реципроке может быть выражена пятью способами:

1) с помощью комитативной конструкции:

- (4) [*дугар сэсэг-тэй*] *хара-лс-аа*
Дугар Сэсэг-СОМ видеть-SOC-PRT1
'Дугар встретился с Сэсэг'.

2) с помощью *хоёр* 'два' — особый способ сочинения с помощью числительных⁵:

- (5) [*бадма дарима хоёр*] *хара-лс-аа*
Бадма Дарима два видеть-SOC-PRT1
'Бадма с Даримой увиделись'.

3) с помощью множественного числа номинативного участника (6.1):

- (6) [*нүхэ-д*] *хара-лс-аа*
друг-PL видеть-SOC-PRT1
1. 'Друзья увиделись (друг с другом)'.
2. 'Друзья (вместе) увиделись с кем-то'.

---

⁴ Множественность объекта при реципроке не изучалась автором подробно.

⁵ В сочинении могут использоваться и другие числительные:

- (i) *дугар бадма дарима гурбан хара-лс-аа*
Дугар Бадма Дарима три видеть-SOC-PRT1
'Дугар, Бадма и Дарима втроем увиделись'.

4) с помощью сочиненной конструкции с использованием сочинительного союза *ба* ‘и’:

- (7) [*бадма ба дарима*] *хара-лс-аа*
 Бадма и Дарима видеть-SOC-PRТ1
 ‘Бадма с Даримой увиделись’.

5) с помощью сочетания именного участника с нулевым местоимением (по крайней мере на семантическом уровне):

- (8) [*бадма Ø*] *хара-лс-аа*
 Бадма PRON видеть-SOC-PRТ1
 ‘Бадма с кем-то увиделся’.

2. **Социатив** — «совместное действие» по [Санжеев (отв. ред.) 1962: 238–244]; преобразование диатезы, которое добавляет в исходную событийную структуру еще одно подсобытие, отличающееся от исходного аргументом (9)–(11) (I тип социатива) или дескриптивными характеристиками (12)–(13) (II тип социатива).

- (9а) [*дугар*] *энеэ-нэ*
 Дугар смеяться-PRS
 ‘Дугар смеется’.

- (9б) [*дугар бадма-тай*] *энеэ-лсэ-нэ*
 Дугар Бадма-СОМ смеяться-SOC-PRS
 ‘Дугар смеется с Бадмой (поддерживает смех Бадмы)⁶’.

В (9) представлено социативное преобразование диатезы, при котором два подсобытия (‘Дугар смеется’ и ‘Бадма смеется’) различаются субъектами. Иными словами, множественность события здесь достигается множественностью субъекта, которая выражена сочетанием именной группы в номинативе и именной группы в комитативе.

- (10а) *үсэгэлдэр* [*дугар*] *энэ* *стул-да* *һуу-гаа*
 вчера Дугар этот стул-DAT сидеть-PRТ1
 ‘Вчера Дугар сидел на этом стуле’.

⁶ При социативе с множественным субъектом иногда возникает факультативное дополнительное значение помощи, поддержки, однако у нас нет данных о том, от чего зависит его появление или неоявление.

- (10б) *үсэгэлдэр* [дугар дарима хоёр] энэ
 вчера Дугар Дарима два это
стул-да *хуу-лс-аа*
 стул-DAT сидеть-SOC-PRT1
 ‘Вчера Дугар и Дарима вместе сидели на этом стуле’.

В (10) можно наблюдать то же преобразование, что и в (9), с тем лишь отличием, что множественность субъекта здесь выражена посредством сочинения с помощью числительного.

- (11а) [дугар] [шүлэг] *уни-аа*
 Дугар стихотворение.ACC читать-PRT1
 ‘Дугар прочитал стихотворение’.

- (11б) [дугар] [шүлэг] *рассказ-тай*
 Дугар стихотворение.ACC рассказ-COM
униа-лс-аа
 читать-SOC-PRT1
 ‘Дугар прочитал стихотворение попутно, вместе с рассказом’.

В (11) мы видим уже множественный объект: два подсобытия (прочтение Дугаром стихотворения и прочтение Дугаром рассказа) различаются прямыми объектами.

- (12а) *дугар* *яблока* *аб-аа*
 Дугар яблоко.ACC брать-PRT1
 ‘Дугар купил яблок’.

- (12б) *дугар* *гэр-т-ээ* *ошо-жо* *бай-ха-д-аа*,
 Дугар дом-DAT-REFL ходить-CONV1 быть-POT-DAT-REFL
яблока *аба-лс-аа*
 яблоко.ACC брать-SOC-PRT1
 ‘Дугар, идя домой, еще и купил яблок’.

В (12) представлен II вид социатива, при котором добавляется новое подсобытие, отличающееся от исходного своими характеристиками (подсобытия в этом случае выражены клаузами с разными предикатами и, зачастую, аргументами). При этом мы получаем следующую семантику: «Дугар шел домой» + «Дугар купил яблок (в придачу к действию “идти домой”»).

В отличие от множественности аргумента при реципроке, множественность аргумента при социативе может быть выражена только тремя способами:

1) с помощью комитативной конструкции:

- (13) [дарима марина-тай] ном
 Дарима Марина-СОМ книга.АСС
 унша-лса-ха
 читать-SOC-РОТ
 ‘Дарима с Мариной вместе будут читать книгу’.

2) с помощью сочинительной конструкции с *хоёр* ‘два’ (допускается не всеми носителями: только одним из четырех опрошенных) — пример (10б) = (14):

- (14) *үсэгэлдэр* [дугар дарима хоёр] энэ
 вчера Дугар Дарима два этот
стул-да *һуу-лс-аа*
 стул-DAT сидеть-SOC-PRT1
 ‘Вчера Дугар и Дарима вместе сидели на этом стуле’.

3) с помощью сочетания именного участника с нулевым анафорическим местоимением (по крайней мере на семантическом уровне):

- (15) [үхибүү-д Ø] эжы таала-лс-аа
 ребенок-PL PRON мама.АСС целовать-SOC-PRT1
 1. (Кто-то поцеловал маму.) ‘Дети тоже (вместе с кем-то) стали целовать маму’.
 2. *‘Дети стали целовать маму’.

Множественный аргумент при социативе не может выражаться⁷ с помощью именной группы во множественном числе (16) или союза *ба* (17):

⁷ Под этой формулировкой подразумевается следующее: именная группа во множественном числе и именные группы, сочиненные союзом *ба*, не могут удовлетворить ограничение суффикса *-лса* на множественность участника при социативе. Обозначаемый таким образом множественный референт в клаузах с суффиксом *-лса* воспринимается носителями как единый неделимый участник, не являющийся множественным в том смысле, в каком это необходимо для социативного события.

- (16) *үхибүү-д* $\emptyset$ *ном*   *бэдэр-элсэ-нэ*
ребенок-PL   PRON   книга.ACC   искать-SOC-PRS
1. ‘Дети помогают кому-то искать книгу’.
2. *‘Дети вместе ищут книгу’.
- (17) *дугар*   *ба*   *бадма* $\emptyset$ *хүдэл-элсэ-нэ*
Дугар   и   Бадма PRON   работать-SOC-PRS
1. ‘Дугар с Бадмой помогают кому-то работать’.
2. *‘Дугар и Бадма работают’.

Есть основания полагать, что социатив является основным значением суффикса, поскольку это значение более регулярно: у всех полученных дериватов на *-лса* (кроме деривата от *таниха* ‘знать’, который имеет только реципрокальное значение) возможно социативное значение, чего нельзя сказать о реципроке⁸ (из 32 дериватов 31 имеет социативное значение и только восемь — реципрокальное).

3. Синтаксис конструкций с комитативным участником

Целью данного раздела является определение синтаксической позиции именной группы в комитативе⁹ (так как именно введение комитативного участника — это самый типичный способ выражения множественности участника в реципрокальных и социативных конструкциях с *-лса* в баргузинском диалекте бурятского языка, поскольку он является единственным допускаемым всеми носителями во всех случаях способом¹⁰).

Существует две логические возможности:

- Анализ 1: комитативный участник входит в именную группу (Рис. 1).

---

⁸ Речь идет о дериватах, способных иметь реципрокальное значение в клаузах без поверхностно выраженного реципрокального местоимения.

⁹ В данной статье термин «комитатив» употребляется в качестве названия грамматического падежа ([Архипов 2005: 77]).

¹⁰ Аналогичных известных автору описаний синтаксического поведения комитативной ИГ в других диалектах бурятского языка не существует.

- Анализ 2: комитативный участник входит в глагольную группу (Рис. 2) или в составляющую, которая содержит в себе глагольную группу (Рис. 3).

Рис. 1. Анализ 1:
комитативный
участник в ИГ

Fig. 1. Analysis 1:
comitative participant
is inside NP

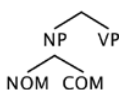

Рис. 2. Анализ 2:
комитативный
участник в ГГ

Fig. 2. Analysis 2:
comitative participant
is inside VP

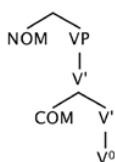
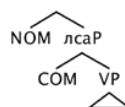

Рис. 3. Анализ 2:
комитативный участ-
ник в составляющей,
содержащей ГГ

Fig. 3. Analysis 2:
omitative participant
is inside a constituent
containing VP

Для определения синтаксической позиции комитативного участника в изучаемых конструкциях было использовано несколько критериев на выделение составляющих¹¹:

¹¹ Среди критериев не фигурирует тест с согласовательными показателями единственного и множественного числа на предикате (см., например, [Vassilieva, Larson 2005: 104]), поскольку ни для одного из опрошенных носителей показатель множественного числа на глаголах 3 л. при множественном субъекте не является обязательным, а с глаголами 1 и 2 л. мн. ч. возможны только личные местоимения множественного числа:

- (i) *би дугар-тай ном униша-лса-на-б*
я Дугар-СОМ книга.АСС читать-SOC-PRS-1SG
'Я читаю книгу с Дугаром (помогаю ему читать книгу).'
- (ii) **би дугар-тай ном униша-лса-на-бди*
я Дугар-СОМ книга.АСС читать-SOC-PRS-1PL
- (iii) *бидэ дугар-тай ном униша-лса-на-бди*
мы Дугар-СОМ книга.АСС читать-SOC-PRS-1PL
'Мы (экскл. / *инкл.) с Дугаром читаем книгу'.

- сочинение;
- выделение фокусными элементами;
- автономность (fragment answers);
- способность быть антецедентом для связывания;
- разрыв составляющей.

Сочинение

В этом тесте мы пробуем сочинить дериват на *-лса* с множественным субъектом и непроизводный глагол. Если комитативный участник входит в именную группу с номинативным (Рис. 4), событие, обозначаемое непроизводным глаголом, будет относиться к ним обоим, а если в глагольную (Рис. 5) — то только к участнику в номинативе.

Рис. 4. Комитативный участник в ИГ

Fig. 4. Comitative participant is

inside NP

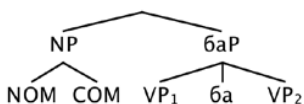
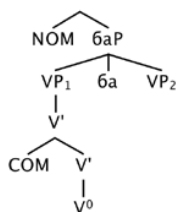

Рис. 5. Комитативный участник в ГГ

Fig. 5. Comitative participant is

inside VP

-
- (iv) *бидэ дугар-тай ном унша-на-бди*
 мы Дугар-СОМ книга.АСС читать-PRS-1PL
 ‘Мы (экскл. / инкл.) с Дугаром читаем книгу’.

В примере (i) мы видим единственно возможное согласование предиката по единственному числу с местоимением 1 л. ед. ч. В примере (iii) глагол согласуется по множественному числу с местоимением 1 л. мн. ч. («мы» в этом случае может интерпретироваться только эксклюзивно; инклюзивная интерпретация предложения возможна без *-лса* (iv)). Пример (ii) показывает, что комитативная ИГ не сочинена с номинативной (в противном случае предикат согласовался бы с субъектом по множественному числу), однако для предложения в (i) по-прежнему возможны две структуры: комитативная ИГ может либо входить в глагольную группу, либо быть адьюнктом номинативной ИГ, не позволяя контролировать множественное число на глаголе.

Подобные тесты описаны в [Wilder 1994; Митренина и др. 2012: 30].

- (18) *дугар дарима-тай таала-лс-аа ба яб-аа*
 Дугар Дарима-СОМ целовать-SOC-PRT1 и идти-PRT1
 1. ‘Дугар с Даримой поцеловались и ушли’.
 2. ‘Дугар поцеловался с Даримой и ушел’.

- (19) *дугар бадма-тай ном унша-лс-аа*
 Дугар Бадма-СОМ книга.ACC читать-SOC-PRT1
ба яб-аа
 и идти-PRT1
 1. ‘Дугар с Бадмой почитали книгу и ушли’.
 2. ‘Дугар с Бадмой почитал книгу и ушел’.

Примеры (18)–(19) допускают две интерпретации: 1 — глаголы относятся к множественному субъекту, выраженному именной группой, состоящей из номинативного и комитативного участников (как на Рис. 4); 2 — глагол относится только к номинативному участнику *Дугар*, а комитативный участник входит в глагольную группу с первым глаголом (как на Рис. 5). Таким образом, возможны обе конструкции, схемы которых изображены на Рис. 4 и Рис. 5.

Тест на сочинение применялся и к социативным клаузам с множественным прямым объектом:

- (20) *дугар помидоор үгэрсэ-тэй ба*
 Дугар помидор.ACC огурец-СОМ и
яблока груша-тай эди-лс-ээ
 яблоко.ACC груша-СОМ есть-SOC-PRT1
 ‘Дугар съел помидор с огурцами и яблоко с грушей’.
- (21) *дугар хонгино помидоор-той хэршэ-лс-ээ*
 Дугар лук.ACC помидор-СОМ резать-SOC-PRT1
ба морхооб-той шара-аа
 и морковь-СОМ жарить-SOC
 1. ‘Дугар порезал лук с помидорами и пожарил его (лук) с морковью’.
 2. ‘Дугар порезал лук с помидорами и пожарил это все с морковью’.

Допустимость сочинения именных групп, состоящих из аккузативного и комитативного участников (20), и сочинения глагольных групп, включающих в себя комитативные именные группы (22.1), говорит в пользу того, что возможны обе синтаксические структуры.

Выделение фокусными элементами

Семантическая сфера действия частиц в качестве критерия составляющей упоминается в [Тестелец 2001: 133]. В качестве фокусных элементов в бурятском используются:

- *ганса* ‘только’;
- частица *-л* ‘же, именно’.

Ганса ‘только’

Ганса ‘только’ может включать в свою сферу действия только составляющую, слева от которой она находится. Проверим, берет ли в свою сферу действия *ганса* ‘только’ а) глагол с комитативным участником; б) номинативного участника с комитативным. Если грамматичен только пример типа (а), то это будет свидетельствовать в пользу анализа, предполагающего вхождение комитативного участника в состав глагольной группы, если только пример типа (б) — то в пользу анализа, в соответствии с которым комитативный участник входит в состав именной группы.

- (22) *бадма ганса дарима-тай хара-лс-аа*
 Бадма только Дарима-СОМ видеть-СОС-РТ1
 1. ‘Бадма виделся только [с Даримой]_F’.
 2. ‘Бадма только [виделся с Даримой]_F (, а не пошел с Саяной в кино)’.
- (23) *бадма ганса дугар-тай ном унша-лс-аа*
 Бадма только Дугар-СОМ книга.АСС читать-СОС-РТ1
 1. ‘Бадма только [с Дугаром]_F читал книгу’.
 2. ‘Бадма только [читал с Дугаром книгу]_F (и больше ничего ни с кем не делал)’.
- (24) *ганса бадма дугар-тай хара-лс-аа*
 только Бадма Дугар-СОМ видеть-СОС-РТ1
 1. ‘Только [Бадма]_F увиделся с Дугаром (и больше никто)’.
 2. ‘Только [Бадма с Дугаром]_F увиделись (, а Оюна с Саяной — нет)’.

- (25) *ганса бадма дугар-тай ном*
 только Бадма Дугар-СОМ книга.АСС
униша-лс-аа
 читать-SOC-PRT1
 1. ‘Только [Бадма]_Ф помог Дугару прочесть книгу (, и больше никто не помогал)’.
 2. ‘Только [Бадма с Дугаром]_Ф читали книгу (, а Саяна с Оюной — нет)’.

Как видно по приведенным примерам, *ганса* может включать в свою сферу действия и глагол с комитативным участником (22.2), (23.2), и номинативного участника с комитативным (24.2), (25.2).

То же справедливо и для социатива с множественным объектом:

- (26) *дугар ганса помидоор угэрсэ-тэй*
 Дугар только помидор.АСС огурец-СОМ
аба-лс-аа
 брать-SOC-PRT1
 1. ‘Дугар купил только [помидоры с огурцами]_Ф (и больше ничего не покупал)’.
 2. ‘Дугар только и сделал, что [купил помидоры с огурцами]_Ф (, а больше ничего не делал)’.
- (27) *дугар хонгино ганса помидоор-той*
 Дугар лук.АСС только помидор-СОМ
хэршэ-лс-ээ
 резать-SOC-PRT1
 1. ‘Дугар порезал лук только [с помидором]_Ф (и больше ни с чем)’.
 2. ‘Дугар лук только [порезал с помидором]_Ф (, а не пожарил с морковью)’.

Как видно из примеров, возможна и конструкция с комитативным участником внутри именной группы (26.1), и конструкция с комитативным участником внутри глагольной группы (27.2). У этих предложений имеются и другие интерпретации: *ганса* также может включать в свою сферу действия всю глагольную группу в (26.2) и исключительно комитативного участника в (27.1).

Частица -л 'же, именно'

Фокусная частица -л¹² также может присоединяться к любой составляющей (на ее правой периферии). Посмотрим, что она может включать в свою сферу действия в рассматриваемых конструкциях.

- (28) *бадма саяна-тай хара-лс-аа-л*
 Бадма Саяна-COM видеть-SOC-PRT1-FOC
 1. 'Бадма же [виделся]_F с Саяной (, а не говорил с ней по телефону)'.
 2. 'Бадма же [виделся с Саяной]_F (, а не ходил с Дугаром в кино)',¹³.
- (29) – *бадма дугар хоёр-то кино*
 Бадма Дугар два-DAT кино.ACC
хайшаа-гд-аа гү?
 одобрять-PASS-PRT1 Q
 'Бадме и Дугару понравился фильм?'
 – *бадма кино-до дугар-тай ош-оо-гүй,*
 Бадма кино-DAT Дугар-COM идти-PRT1-NEG
харин саяна-тай хара-лс-аа-л
 а Саяна-COM видеть-SOC-PRT1-FOC
 'Бадма же [виделся с Саяной]_F, а не ходил с Дугаром в кино'.
- (30) *бадма саяна-тай ном*
 Бадма Саяна-COM книга.ACC
униша-лс-аа-л
 читать-SOC-PRT1-FOC
 1. 'Бадма же [читал]_F с Саяной книгу (, а не писал)'.
 2. 'Бадма же [читал с Саяной книгу]_F (, а не смотрел с Дугаром телевизор)'.

¹² Эта частица многозначна: «⟨...⟩ может выражать усиление, продолжительность, сравнение или подтверждение. ⟨...⟩ называется усиленной частицей» ([Санжеев (отв. ред.) 1962: 318–319]), но для данного исследования важна лишь ее функция контрастивного фокуса (вторые интерпретации предложений (28), (30)–(34)).

¹³ Интонационные различия, возможно, сопровождающие разные интерпретации, в рамках данного исследования отдельно не изучались.

- (31) *бадма саяна-тай-л хара-лс-аа*
 Бадма Саяна-COM-FOC видеть-SOC-PRT1
 1. ‘Бадма именно [с Саяной]_F виделся (, а не с Даримой)’.
 2. ‘Именно [Бадма с Саяной]_F виделись (, а не Дугар с Даримой)’.

- (32) *бадма саяна-тай-л ном*
 Бадма Саяна-COM-FOC книга.ACC
униша-лс-аа
 читать-SOC-PRT1
 1. ‘Бадма именно [с Саяной]_F читал книгу (, а не с Даримой)’.
 2. ‘Именно [Бадма с Саяной]_F читали книгу (, а не Дугар с Даримой)’.

Очевидно, фокусная частица *-л* может включать в свою сферу действия и глагол с комитативным участником (28.2), (29), (30.2), и номинативного участника с комитативным (31.2), (32.2). Этот тест также свидетельствует в пользу возможности обеих интерпретаций.

То же верно и для социативных конструкций с множественным объектом: комитативный участник может входить и в именную группу с аккумулятивным участником (33.2), и в глагольную группу (34.2).

- (33) *дугар помидоор үгэрсэ-тэй-л*
 Дугар помидор.ACC огурец-COM-FOC
аба-лс-аа
 брать-SOC-PRT1
 1. ‘Дугар помидор именно [с огурцами]_F взял (, а не с чем-то другим)’.
 2. ‘Дугар взял именно [помидор с огурцами]_F (, а не яблоки с грушами)’.

- (34) *дугар һонгино помидоор-той хэршэ-лс-ээ-л*
 Дугар лук.ACC помидор-COM резать-SOC-PRT1-FOC
 1. ‘Дугар же лук с помидором уже [порезал]_F (, а не просто купил)’.
 2. ‘Дугар же лук именно [порезал с помидором]_F (, а не пожарил с морковью)’.

Автономность (fragment answers)

Составляющие могут быть автономны в ответах на частные вопросы [Тестелец 2001: 135; Митренина и др. 2012: 32; Carnie 2013: 98]. Воспользуемся этим для определения синтаксической позиции комитативного участника в реципрокальных и социативных конструкциях.

- (35) – *дугар юу х-ээ-б? – дарима-тай*
 Дугар вещь.АСС делать-РRT1-Q Дарима-СОМ
хара-лс-аа
 видеть-СОС-РRT1
 ‘– Что сделал Дугар? – Встретился с Даримой’.
- (36) – *дугар юу х-ээ-б? – дарима-тай*
 Дугар вещь.АСС делать-РRT1-Q Дарима-СОМ
ном унша-лс-аа
 книга.АСС читать-СОС-РRT1
 ‘– Что делал Дугар? – С Даримой читал книгу’.
- (37) – *хэн хара-лс-аа-б? – дугар дарима-тай*
 кто видеть-СОС-РRT1-Q Дугар Дарима-СОМ
 ‘– Кто встретился? – Дугар с Даримой’.
- (38) – *хэн ном унша-лс-аа-б? – дугар*
 кто книга.АСС читать-СОС-РRT1-Q Дугар
дарима-тай
 Дарима-СОМ
 ‘– Кто читал книгу (вместе)? – Дугар с Даримой’.

Этот тест опять же говорит в пользу возможности обеих синтаксических структур.

Для социатива с множественным объектом также возможны два варианта: ответом на частный вопрос может служить и именная группа, состоящая из аккумулятивного и комитативного участников (39), и глагольная группа, включающая в себя комитативную ИГ (40):

- (39) – *дугар юу хэршэ-лс-ээ-б? – помидоор үгэрсэ-тэй*
 Дугар что резать-СОС-РRT1-Q помидор.АСС огурец-СОМ
 ‘– Что Дугар порезал? – Помидор с огурцом’.

- (40) – *дугар помидоор-той юу х-ээ-б?*
 Дугар помидор-СОМ что делать-РRT1-Q
 – *морхооб-той шара-лс-аа*
 морковь-СОМ жарить-SOC-РRT1
 ‘– Что Дугар сделал с помидором? – Пожарил с морковью’.

Способность быть антецедентом для связывания

Рефлексивное местоимение *өөрынгөө*¹⁴ ‘свой’ субъектно ориентировано¹⁵. С его помощью можно выяснить, что является субъектом клаузы с дериватом на *-лса* — номинативный участник или именная группа, состоящая из номинативного и комитативного участников.

Сходный тест применяется к русскому языку в [Vassilieva, Larson 2005: 108].

- (41) *дугар дарима-тай өөр-ын-гөө гэр-тэ*
 Дугар Дарима-СОМ сам-GEN-REFL дом-DAT
хара-лс-аа
 видеть-SOC-РRT1
 1. ‘Дугар с Даримой увиделись в своем доме (доме Дугара и Даримы)’.
 2. ‘Дугар увиделся с Даримой в своем доме (доме Дугара)’.
- (42) *дугар дарима-тай өөр-ын-гөө гэр-тэ*
 Дугар Дарима-СОМ сам-GEN-REFL дом-DAT
ном унша-лс-аа
 книга.ACC читать-SOC-РRT1
 1. ‘Дугар с Даримой читали книгу в своем доме (доме Дугара и Даримы)’.
 2. ‘Дугар с Даримой читал книгу в своем доме (доме Дугара)’.

Как видно, *өөрынгөө* может реферировать и к номинативному участнику (вторые интерпретации), и к номинативному участнику с комитативным (первые интерпретации) в реципрокальных (41) и социативных (42) клаузах.

¹⁴ Местоимение образовано от основы ‘сам’ добавлением показателей генитива и рефлексива.

¹⁵ Лицо субъекта при этом может быть любым.

Разрыв составляющей

Если между двумя словами, образующими одну составляющую, можно вставить третье слово, то оно тоже должно входить в эту составляющую. Соответственно, поскольку составляющие нельзя «разрывать», то, если расположить дистантно два слова (вставив между ними слово, заведомо не образующее ни с одним из них синтаксическую группу), можно доказать, что они не образуют вместе одну составляющую.

Схожий тест описывается в [Osborne 2018].

(43) *дугар үсэгэлдэр дарима-тай хара-лс-аа*
 Дугар вчера Дарима-COM видеть-SOC-PRT1
 ‘Дугар вчера встретился с Даримой’.

(44) *дугар үсэгэлдэр дарима-тай оёор*
 Дугар вчера Дарима-COM пол.ACC
угаа-лс-аа
 мыть-SOC-PRT1
 ‘Дугар вчера помог Дариме помыть пол’.

(45) *би үсэгэлдэр дарима-тай оёор*
 я вчера Дарима-COM пол.ACC
угаа-лс-аа-б
 мыть-SOC-PRT1-1SG
 ‘Я вчера с Даримой мыл пол’.

В реципрокальных клаузах (43) и в социативных клаузах с множественным субъектом (44)–(45) комитативного участника можно «оторвать» от номинативного с помощью обстоятельства *үсэгэлдэр* ‘вчера’, которое модифицирует предикат (а не субъект). Значит, комитативный участник может входить в глагольную группу (этот тест работает только в одну сторону).

Это же касается социативных клауз с множественным объектом:

(46) *номол ямаа үсэгэлдэр хонин-той*
 Номол коза.ACC вчера овца-COM
мана-лс-аа
 пасти-SOC-PRT1
 ‘Вчера Номол пас коз с овцами’.

Пример (46) показывает, что между аккумулятивным и комитативным участниками в социативной клаузе с множественным объектом допустима вставка адьюнкта предиката, не ведущая к утрате предложением грамматичности.

4. Выводы

Как показывают синтаксические тесты, при множественном субъекте с дериватами на *-лса* возможны обе синтаксические структуры: комитативный участник может входить и в глагольную группу с дериватом, и в именную группу с номинативным участником. То же верно для социативных клауз с множественным прямым объектом, которые подвергались тем же синтаксическим тестам (комитативный участник может входить и в одну именную группу с аккумулятивным участником, и в одну глагольную группу с дериватом на *-лса*). Из этого следует, что для *-лса* важно само наличие множественности и неважно, где она выражается (в именной группе или в глагольной).

Список условных сокращений

1 — 1 лицо; 3 — посессив 3 лица; ACC — аккумулятив; COM — комитатив; CONV1 — конверб (деепричастие); DAT — датив; FOC — фокусная частица; GEN — генитив; NEG — отрицание; PASS — пассив; PL — множественное число; POT — будущее время; PRON — местоимение; PRS — настоящее время; PRT1 — прошедшее время; Q — вопросительная частица; REFL — рефлексивный показатель; SOC — социатив; SG — единственное число.

Литература

- Архипов 2005 — А. В. Архипов. К типологии комитативных конструкций: Ч. 1: Определение и формальная типология // Вопросы языкознания. 2005. № 4. С. 76–100.
- Митренина и др. 2012 — О. В. Митренина, Е. Е. Романова, Н. А. Слюсарь. Введение в генеративную грамматику. М.: URSS, 2012.
- Поппе 1938 — Н. Н. Поппе. Грамматика бурят-монгольского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938.
- Санжеев 1941 — Г. Д. Санжеев. Грамматика бурят-монгольского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

- Санжеев (отв. ред.) 1962 — Г. Д. Санжеев (отв. ред.). Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. М.: Изд-во восточной литературы, 1962.
- Татевосов и др. (ред.), в печати — С. Г. Татевосов, А. В. Подобрывев, Т. И. Бондаренко и др. (ред.). Элементы бурятского языка в типологическом освещении. Баргузинский диалект. В печати.
- Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.
- Carnie 2013 — A. Carnie. *Syntax: A Generative Introduction*. 3rd ed. Chichester: John Wiley & Sons, 2013.
- Nedjalkov et al. 2007 — V. P. Nedjalkov, E. K. Skribnik, E. A. Kuzmenkov, N. S. Yakhontova. Chapter 29: Reciprocal, sociative, comitative, and assistive constructions in Buryat and Khalkha-Mongol // V. P. Nedjalkov (ed.). *Reciprocal Constructions*. In 5 vols. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2007. Vol. 3. P. 1281–1350.
- Osborne 2018 — T. J. Osborne. Tests for constituents: What they really reveal about the nature of syntactic structure // *Language under Discussion*. 2018. Vol. 5. № 1. P. 1–41.
- Poppe 1960 — N. N. Poppe. *Buriat Grammar*. (Indiana University Publications, Uralic and Altaic Series 2). Bloomington, IN: Mouton & Co., 1960.
- Vassilieva, Larson 2005 — M. Vassilieva, R. K. Larson. The semantics of the plural pronoun construction // *Natural Language Semantics*. 2005. Vol. 13. № 2. P. 101–124.
- Wilder 1994 — C. Wilder. Coordination, ATB, and ellipsis // *GAGL: Groninger Arbeiten zur germanistischen Linguistik*. 1994. № 37. P. 291–329.

References

- Arkipov 2005 — A. V. Arkipov. K tipologii komitativnykh konstruksiy: Chast 1: Opredeleniye i formalnaya tipologiya [On typology of comitative constructions. Part 1: Definition and formal typology]. *Voprosy yazykoznaviya*. 2005. No. 4. P. 76–100.
- Carnie 2013 — A. Carnie. *Syntax: A Generative Introduction*. 3rd ed. Chichester: John Wiley & Sons, 2013.
- Mitrenina et al. 2012 — O. V. Mitrenina, E. E. Romanova, N. A. Slyusar. *Vvedeniye v generativnyuyu grammatiku* [Introduction into Generative Grammar]. Moscow: URSS, 2012.
- Nedjalkov et al. 2007 — V. P. Nedjalkov, E. K. Skribnik, E. A. Kuzmenkov, N. S. Yakhontova. Chapter 29: Reciprocal, sociative, comitative, and assistive constructions in Buryat and Khalkha-Mongol. V. P. Nedjalkov

- (ed.). *Reciprocal Constructions*. In 5 vols. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2007. Vol. 3. P. 1281–1350.
- Osborne 2018 — T. J. Osborne. Tests for constituents: What they really reveal about the nature of syntactic structure. *Language under Discussion*. 2018. Vol. 5. No. 1. P. 1–41.
- Poppe 1938 — N. N. Poppe. *Grammatika buryat-mongolskogo yazyka* [Grammar of the Buryat-Mongol Language]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Press, 1938.
- Poppe 1960 — N. N. Poppe. *Buriat Grammar*. (Indiana University Publications, Uralic and Altaic Series 2). Bloomington, IN: Mouton & Co., 1960.
- Sanzheyev 1941 — G. D. Sanzheyev. *Grammatika buryat-mongolskogo yazyka* [Grammar of the Buryat-Mongol Language]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Press, 1941.
- Sanzheyev (ed.) 1962 — G. D. Sanzheyev (ed.). *Grammatika buryatskogo yazyka: Fonetika i morfologiya* [Grammar of the Buryat Language: Phonetics and Morphology]. Moscow: Izdatelstvo vostochnoy literatury, 1962.
- Tatevosov et al., in print — S. G. Tatevosov, A. V. Podobryayev, T. I. Bondarenko et al. (eds.). *Elementy buryatskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii. Barguzinskiy dialekt* [Elements of the Buryat Language in Typological Perspective. Barguzin Dialect]. In print.
- Testelets 2001 — Ya. G. Testelets. *Vvedeniye v obshchiy sintaksis* [Introduction into General Syntax]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2001.
- Vassilieva, Larson 2005 — M. Vassilieva, R. K. Larson. The semantics of the plural pronoun construction. *Natural Language Semantics*. 2005. Vol. 13. No. 2. P. 101–124.
- Wilder 1994 — C. Wilder. Coordination, ATB, and ellipsis. *GAGL: Groninger Arbeiten zur germanistischen Linguistik*. 1994. No. 37. P. 291–329.

ЭЛАТИВНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ *ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ* В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Т. И. Давидюк

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва
rachekit@yandex.ru

К. А. Студеникина

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва
xeanst@gmail.com

Аннотация. Горномарийский элативный послелог *gäs* может маркировать ТОЧКУ ПРИЛОЖЕНИЯ при глаголах физического контакта (при таких глаголах как ‘бить’ (например, по спине), ‘гладить’ (по ноге), ‘держат’ (за руку)). В послеложных конструкциях с таким значением наблюдается подъем посессора. В настоящей работе выдвигается гипотеза о том, что элативный показатель развивает значение ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ из значения ЭЛЕКТИВА, предполагающего, что часть, с которой осуществляется контакт, выбирается из целого множества, находящегося в позиции прямого дополнения. Данная гипотеза подтверждается набором посесивных отношений, для которых возможен подъем посессора.

Ключевые слова: горномарийский язык, элатив, точка приложения, подъем посессора.

Elative marker in construction with physical contact verbs in Hill Mari

T. I. Davidyuk

Lomonosov Moscow State University, Moscow
rachekit@yandex.ru

K. A. Studenikina

Lomonosov Moscow State University, Moscow
xeanst@gmail.com

Abstract. The three spatial cases traditionally identified in Hill Mari (< Mari < Finno-Ugric < Uralic) are the inessive, the illative, and

the lative. Elative meaning is expressed by the postposition *gäc* with broad and often non-trivial polysemy: it can, surprisingly, express both Source point and (its opposite) Contact point meaning. The latter is only found in constructions with physical contact verbs, for example, ‘hit [in the back]’, ‘pat [on the knee]’, ‘hold [the hand]’. Postpositional phrases in such constructions are subject to possessor raising.

This paper looks into the polysemy of the elative postposition *gäc* in general, and into its (non-trivial for elative markers) Contact point meaning in particular. The second focus of this article is on constructions with physical contact verbs and on a range of possessive relations which enable possessor raising. Semantic and syntactic restrictions on such constructions are identified, and tentative explanations for the postposition’s polysemy are proposed. The hypothesis is that the Contact point meaning has developed from the Selection from a set meaning, whereby the contacted point of the direct object is selected as a part of the whole. This hypothesis is corroborated by a range of possessive relation types that can be expressed by *gäc*-constructions and involve prototypical whole — part relations (‘Possessor — Body part’, ‘Whole — Part’, ‘Possessor — Possessed’), though in physical contact situations only, excluding those emerging in family or social relations.

The material for this paper was collected during field trips to the village of Kuznetsovo and nearby villages in Mari El Republic, Russia in 2016–2017. The main method used for data collection was elicitation. We also used corpus data which includes texts recorded during field trips (ca. 30,000 tokens).

Keywords: Hill Mari, elative, Contact point, possessor raising.

1. Введение

В горномарийском языке традиционно выделяют три локативных падежа: инессив (местный), иллатив (направительный) и латив (обстоятельствоственный); элативное значение выражается послелогом *gäc* (см. подробнее в грамматиках [Саваткова 2002] и [Alhoniemi 1993]). Этот послелог развивает обширную и не всегда тривиальную полисемию — так, выражая значение исходной точки, он передает и отчасти противоположное элативному значению ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ при глаголах физического контакта

(‘бить’ (по голове), ‘гладить’ (по руке) и др.). В последнем случае в именных группах, выражающих посессивное отношение (*рука Пети*) и являющихся зависимыми таких глаголов, происходит подъем посессора. Цель настоящей статьи состоит, во-первых, в рассмотрении полисемии *gäc* с особым вниманием к указанному нетривиальному семантическому развитию, и, во-вторых, в анализе посессивных отношений, при которых оказывается допустим подъем посессора при глаголах, присоединяющих маркированное данным послелогом зависимое. Мы сформулируем синтаксические и семантические ограничения на использование такой конструкции и предложим гипотезу, объясняющую механизм ее развития.

Данные для настоящей работы были собраны нами в ходе экспедиций ОТиПЛ МГУ в 2016–2017 гг. в Горномарийский р-н Республики Марий Эл (с. Кузнецово, д. Тюманово, Апшак-Пеляк, Никишкино, Паулкино, Кукшилиды и Кожланангер)¹. При сборе материала мы в основном применяли метод элицитации. Кроме того, в данном исследовании был задействован корпус записанных в экспедиции горномарийских текстов, содержащий на данный момент более 30 тыс. словоформ.

Статья имеет следующую структуру. В разделе 2 с привлечением типологического фона описана полисемия послелога *gäc*. В разделе 3 анализируются свойства конструкции с *gäc*, выражающей значение ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ. На основе этого анализа высказываются предположения о путях развития данной конструкции. Раздел 4 представляет основные итоги исследования.

2. Послелог *gäc* в горномарийском языке

2.1. Полисемия *gäc*

Основное значение послелога *gäc* — исходная точка (1), однако при этом он характеризуется достаточно широкой сетью полисемии в непространственных значениях (см. примеры (2)–(8)).

---

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-012-00627. Более подробно о лингвистической экспедиции в Горномарийский р-н см. на сайте <http://hillmari-exp.tilda.ws>.

- (1) ИСХОДНАЯ ТОЧКА
tädä šärgä gäc tol-än
 он лес EL идти-PRET
 ‘Он пришел из леса’.
- (2) ТОЧКА ОТСЧЕТА²
män'-än toma-em gäc tän'-än toma-et
 я-GEN дом-POSS.1SG EL ты-GEN дом-POSS.2SG
jakte ik kilometär
 до один километр
 ‘От моего дома до твоего дома один километр’.
- (3) НАЧАЛО ВРЕМЕННОГО ОТРЕЗКА
ät'ä tän'-äm ändekš cäs gäc vâc-a
 отец ты-ACC девять час EL ждать-NPST.3SG
 ‘Отец ждет тебя с девяти часов’.
- (4) ПАССИВНЫЙ ИСТОЧНИК
män' podark-äm äzä-m gäc
 я подарок-ACC старший.брат-POSS.1SG EL
näl-än-äm
 брать-PRET-1SG
 ‘Я получил от брата подарок’.
- (5) ЭТАЛОН СРАВНЕНИЯ
ti kornâ tã kornâ gäc vâc
 этот дорога тот дорога EL пять
uštâš-eš kužâ-rak
 километр-LAT длинный-CMPR
 ‘Эта дорога длиннее той дороги на пять километров’.
- (6) МАТЕРИАЛ ИЗГОТОВЛЕНИЯ
paškudâ toma-m kârpäc gäc stroj-en
 сосед дом-ACC кирпич EL строить-PRET
 ‘Сосед построил дом из кирпича’.
- (7) ЭЛЕКТИВ
vâc tärelkü gäc ik-tä-žä
 пять тарелка EL одна-FULL-POSS.3SG

² Названия семантических ролей взяты нами из работы [Ганенков 2002a].

pə̀d̪ə̀rg-en

биться-PRET

‘Из пяти тарелок одна разбилась’.

Наиболее интересным представляется значение ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ (8), т. к. в работах, посвященных полисемии пространственных показателей (см., например, [Ганенков 2002a; Creissels 2006; 2008]), подобное значение у элатива не фиксируется, тогда как другие значения, характерные для горномарийского послелого и перечисленные нами выше, довольно частотны в языках мира. В работе [Levin 2012] о глаголах удара в различных языках также не говорится о возможности маркирования ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ элативным показателем.

(8) ТОЧКА ПРИЛОЖЕНИЯ

mən'   *pet'a-m*   *kid-šə*   *gəc*

я   Петя-ACC   рука-POSS.3SG EL

sev-äl'-ə

бить-ATT-AOR.3SG

‘Я ударил Петю по руке’.

2.2. Пролативная гипотеза

Согласно [Ганенков 2002b], часто в языках значение ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ может выражаться пролативным показателем. Объясняется это тем, что «воздействие на определенную часть Пациенса зрительно представляется в виде линии или ограниченного участка поверхности» ([Там же: 47]). В горномарийском языке пролативный послелог *măčkă* (9) действительно может маркировать ТОЧКУ ПРИЛОЖЕНИЯ (10). При этом послелог *gəc*, как показано в (9), не используется в пролативной функции.

(9) *pet'a*   *kornə*   *măčkă*   /[#] *gəc*   *tol-eš*
 Петя   дорога по   EL   идти-NPST.3SG
 ‘Петя идет по дороге’.

(10) *mən'*   *pet'a-m*   *kid-šə*   *măčkă*
 я   Петя-ACC   рука-POSS.3SG по
sev-äl'-ə
 бить-ATT-AOR.3SG
 ‘Я ударил Петю по руке’.

Более пристальный взгляд на дистрибуцию пролативного послелого в значении ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ показывает, что контексты употребления *gäc* и *mäčkê* хоть и пересекаются, но не совпадают полностью. Для послелого *mäčkê* важна идея продолжительного контакта, что вытекает из его исходного пролативного значения. В [Ганенков 2002b: 47–48] эта особенность употребления пролативных маркеров в значении ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ охарактеризована как степень «затронутости объекта». Она проявляется в том, что для определенных глаголов при маркировании точки приложения, помимо пролатива, допустим и какой-либо другой падеж, а выбор конкретного падежа зависит от того, какой компонент значения оказывается важнее. Так, например, для объекта при глаголе *держать* в эвенском языке выбирается датив в том случае, если обозначается сам факт взаимодействия с объектом; однако если подчеркивается, что воздействие оказывается на весь объект, выбирается пролатив [Новикова 1960: 201, 214].

Важность семантического компонента длительности контакта с объектом в горномарийском языке проявляется в следующем. Во-первых, объект, к которому прикладывается сила, должен быть достаточно большим, чтобы было возможно не только точечное, но и более протяженное по площади приложения воздействие. Так, при описании ситуации удара с помощью послелого *mäčkê* невозможно ввести такой объект, как глаз, поскольку воздействие на него может быть только точечным. Однако удар по части тела большего размера, на которую возможно более протяженное по площади приложения воздействие (живот, рука, нога), можно описать с помощью послелого *mäčkê* (11). У послелого *gäc* таких ограничений нет (12).

- (11) *män'*   *pet'a-m*   *mäškâr-žâ*
я   Петя-ACC   живот-POSS.3SG
/*kid-šä*   /*jal-žâ*   /**änzä-žâ*
рука-POSS.3SG   нога-POSS.3SG   глаз-POSS.3SG
mäčkê   *sev-äl'-ä*
по   бить-ATT-AOR.3SG
‘Я ударил Петю по животу / руке / ноге / *глазу’.

- (12) *mән'*   *pet'a-m*   *măškâr-žă*
 я   Петя-ACC   живот-POSS.3SG
 / *kid-šă*   / *jal-žă*   / *sănză-žă*
 рука-POSS.3SG   нога-POSS.3SG   глаз-POSS.3SG
găc   *sev-ăl'-ă*
 EL   бить-ATT-AOR.3SG
 'Я ударил Петю по животу / руке / ноге / глазу'.

Если же протяженная площадь контакта с объектом невозможна в силу того, что сам глагол обозначает точечное действие, ситуация, вводимая послелогом *măčkă*, должна быть повторяющейся (и тем самым «растянутой» во времени), что выражается в возникновении аспектуальных ограничений на глагол, управляющий послелогом. Из-за того, что точечный контакт с объектом повторяется несколько раз, подверженными воздействию оказываются многие части объекта. Так, ситуации, описываемые глаголами *pâralaš* 'кусать', *šăraš* 'колоть', *šăpšalaš* 'целовать', *šăpšedăš* 'дергать', предполагают точечный контакт, и их употребление с послелогом *măčkă* невозможно при наличии модификатора *ik gănă* 'один раз' (13). Однако при оформлении глагола суффиксом глагольной множественности, вводящим повторяющуюся ситуацию, или при использовании глагола в составе сложного глагольного комплекса с грамматикализованным предикатом *šăndăš*, указывающим на высокую степень полноты охвата объекта, маркирование объекта послелогом *măčkă* оказывается возможно (14): точечный контакт повторяется, воздействие производится на множественные части объекта, подчеркивается семантический компонент «затронутости», необходимый для употребления пролативного маркера в значении ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ. Для употребления послелога *găc*, как видно из (15), перечисленные ограничения нерелевантны.

- (13) *pi*   *vas'a-m*   *kid-šă*   *găc*   / **măčkă*
 собака   Вася-ACC   рука-POSS.3SG   EL   по
pâr-ăn   *ik*   *gănă*
 кусать-PRET   один   раз
 'Собака укусила Васю за руку один раз'.

- (14) *pi*   *vas'a-m*   *jal-žâ*   *mâčkâ* *pâr-ân*
 собака Вася-ACC нога-POSS.3SG по кусать-CVB
šând-en   / *pâr-edâl-ân*   / *pâr-ân
 сажать-RET кусать-ITER1-RET кусать-RET
 ‘Собака много раз кусала Васю за ногу / *потрогала Васе ногу’.
- (15) *pi*   *vas'a-m*   *jal-žâ*   *gäc* *pâr-ân*
 Петя Вася-ACC нога-POSS.3SG EL кусать-CVB
šând-en   / *pâr-edâl-ân*   / *pâr-ân*
 сажать-RET кусать-ITER1-RET кусать-RET
 ‘Собака много раз кусала Васю за ногу / потрогала Васе ногу’.

На синхронном уровне, как видно из изложенного выше, послелог *gäc* не связан с пролативной зоной. Однако в языках мира, согласно результатам подробного исследования [Noonan, Mihás 2007], распространен случай выражения одним показателем аблативного и пролативного значений, при этом исходным для такого показателя может быть как первое, так и второе значение [Ганенков 2002b: 42–43]. Для того чтобы выяснить, действительно ли *gäc* не имеет связи с пролативом, мы обратились к диахронии и данным языков, родственных горномарийскому. Так, в [Alhoniemi 1975] и [Зорина 2002: 38] отмечается древнее аблативное происхождение послелога *gäc*. Галкин [Галкин 1964: 24] причисляет к когнатам данного послелога показатели финского аблатива и элатива (*-sta* / *-stä* и *-lta* / *-ltä*), мордовского аблатива (*-cmV*) и удмуртского элатива (*-(ы)сь*). Проанализировав грамматику перечисленных языков (для финского были использованы грамматики [Hakulinen 1961; Karlsson 1999], для мордовских языков — [Колядёнков, Заводова (ред.) 1962], для удмуртского языка — [Алатырев 1983; Winkler 2001]), мы не обнаружили случаев употребления данных показателей в пролативном значении. Следовательно, гипотеза о том, что значение ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ развилось у послелога *gäc* из-за его возможного пролативного происхождения, не имеет каких-либо надежных подтверждений.

2.3. Данные типологии

Тем не менее возможность маркирования точки приложения показателями, которые в пространственной сфере имеют исходное значение, наблюдается и в других уральских языках:

ФИНСКИЕ ГОВОРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИНГЕРМАНЛАНДИИ

[Федотов 2012: 421]

- (16) *koira purrò / pūr minnù kiäè-st*
 собака кусать.3SG кусать.PST.3SG я.PART рука-EL
/ jala-st
 нога-EL
 ‘Собака кусает / укусила меня за руку / за ногу’.

ЭРЗЯНСКИЙ [Цыганкин (ред.) 1980: 165]

- (17) *вить кед-не-де саем-ак*
 правый рука-POSS.1PL-ABL брать-IMP.2SG.S:1SG.O
сур пиря-до кундам-ак
 палец кончик-ABL поймать-IMP.2SG.S:1SG.O
 ‘За правую ручку возьми-ка меня, за кончики пальцев
 схвати-ка меня’.

МОКШАНСКИЙ [Там же]

- (18) *сембо-нь мархта кядь-та кунда-зь*
 все-GEN с рука-ABL ловить-CONV
шумбракине-сь
 здороваться-PST.3SG
 ‘Со всеми здоровался за руку (букв.: беря за руку)’.

ЭНЕЦКИЙ [Сорокина 2010: 91]

- (19) *уза-ха-да моза-ць кадаза-ць*
 рука-ABL-POSS.3SG взять-PST увести-PST
 ‘За руку его взяла и увела’.

ЛЕСНОЙ НЕНЕЦКИЙ [Кошкарёва (общ. ред.) 2010: 248]

- (20) *тикавахад нуда-н-да тарка-д*
 тогда рука-GEN-POSS.3SG палец-ABL
нямада солам-ба ханада
 взять прицепить-DUR повести
 ‘Тогда она взяла его за руку (букв.: за палец руки) и повела’.

Также данные о маркировании аблативом ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ приведены в работе [Холодилова 2009], которая будет обсуждаться нами далее в связи с похожими свойствами калмыцкого аблатива и горномарийского элатива:

КАЛМЫЦКИЙ [Холодилова 2009: 80]

- (21) *mini ür-igə noxa köl-äsə-n' zuu-və*
 я.GEN друг-ACC собака нога-ABL-P.3 кусать-PST
 ‘Собака укусила моего друга за ногу’.

2.4. Возможное объяснение

Наша гипотеза состоит в том, что значение ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ у элативного показателя могло развиваться из значения ЭЛЕКТИВА (7). В некоторых языках, отмеченных в предыдущем разделе, также наблюдается совмещение в одном показателе значений ЭЛЕКТИВА и ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ.

ФИНСКИЕ ГОВОРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИНГЕРМАНЛАНДИИ [Федотов 2012: 402]

- (22) *hiä ol' rikka-i-st ihmis-ì-st*
 он(а) быть.PST.3SG богатый-PL-EL человек-PL-EL
 ‘Он был из богатых людей’.

ЭНЕЦКИЙ [Сорокина 2010: 90]

- (23) *чукчи кари-хуз модь бэйси комита-з*
 весь рыба-ABL.PL я щука.ACC любить-1SG.S
 ‘Из всех рыб я люблю больше всего щуку’.

ЛЕСНОЙ НЕНЕЦКИЙ [Кошкарёва (общ. ред.) 2010: 179]

- (24) *мань куптанайи мя-та-м*
 я раньше невестка-DEST-ACC
мы-ңа-т тэма-хат
 взять-AOR-1SG богатый-ABL
 ‘Раньше я невестку брал из богатых’.

КАЛМЫЦКИЙ [Холодилова, л. с.]

- (25) *sül gör-äsə-m ter gi-käd*
 последний чайние-ABL-P.1SG тот говорить-CV.ANT
bulкə-n düü-vän sur-ad
 Булгун-EXT младший.брат-P.REFL просить-CV.ANT

küük-än   *ög-äd*   *täv-və*
 девочка-P.REFL   дать-CV.ANT   класть-PST
 ‘«Это последняя из моих надежд», — сказала Булгун
 и, попросив брата, оставила ему свою дочь’.

Подробно рассмотрев синтаксические свойства конструкции с послелогом *gäs* и ограничения на состав ее участников в горномарийском языке, мы предложим аргументацию данной гипотезы.

3. Подъем посессора в конструкциях с послелогом *gäs*

3.1. Выражение посессора при послелогах со значением ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ

Послелог *gäs* допускает конструкции как с внутренним посессором в качестве зависимого, так и с подъемом посессора из послеложной группы. В первом случае внутренний посессор стоит в генитиве и входит в одну именную группу с вершиной-обладаемым, при этом *gäs* выступает в своем базовом значении ИСХОДНОЙ ТОЧКИ (1) или в других типологически ожидаемых значениях, о которых говорилось подробнее в разделе 2.1.

(26) *ädär*   [*män'-än*   *toma-em*]
 девушка я-GEN   дом-POSS.1SG
 / [*pət'a-n*   *toma(-žä)*]   *gäs läkt-än*
 Петя-GEN   дом(-POSS.3SG) EL   выходить-PRET
 ‘Девушка вышла из моего дома / Петиного дома’.

Однако при употреблении послелога *gäs* в исследуемом нами значении ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ при глаголах контакта и физического воздействия конструкции с внутренним посессором в генитиве признаются носителями неграмматичными (27а). При глаголах контакта, в соответствии с [Кибрик 2003: 275], происходит «подъем посессора в исходную позицию, занимаемую генитивной группой, сопровождаемый экстрапозицией обладаемого (вершины генитивной именной группы) в “новую” аргументную приглагольную позицию», см. иллюстрации описанной трансформации в примерах (27б–в). Прямое дополнение в таких конструкциях может быть факультативно, если посессор выражен

местоимением, однако наличие посессивного маркера на обла-
даемом остается обязательным (27г).

(27а) **vas'a pet'a-n kid-šš gǎc sev-äl'-ä*
Вася Петя-GEN рука-POSS.3SG EL бить-АТТ-АОР.3SG
Ожид.: 'Вася ударил Петю по руке'.

(27б) *vas'a pet'a-n kid-šš-m sev-äl'-ä*
Вася Петя-GEN рука-POSS.3SG-ACC бить-АТТ-АОР.3SG
'Вася ударил Петю по руке'.

(27в) *vas'a pet'a-m kid-šš gǎc sev-äl'-ä*
Вася Петя-ACC рука-POSS.3SG EL бить-АТТ-АОР.3SG
'Вася ударил Петю по руке'.

(27г) *vas'a (män'-äm) kid-em gǎc sev-äl'-ä*
Вася я-ACC рука-POSS.1SG EL бить-АТТ-АОР.3SG
'Вася ударил меня по руке'.

В то же время пролативный послелог *măčkă*, который также может маркировать точку контакта (подробнее см. раздел 2), допускает как подъем посессора из послеложной группы в позицию прямого дополнения (28а), так и конструкции с генитивным внутренним посессором в составе послеложной группы (28б).

(28а) *vas'a pet'a-m kid-šš măčkă sev-äl'-ä*
Вася Петя-ACC рука-POSS.3SG по бить-АТТ-АОР.3SG
'Вася ударил Петю по руке'.

(28б) *vas'a pet'a-n kid-šš măčkă sev-äl'-ä*
Вася Петя-GEN рука-POSS.3SG по бить-АТТ-АОР.3SG
'Вася ударил Петю по руке'.

3.2. Глаголы в конструкции с подъемом посессора

Подъем посессора в конструкции с *gǎc* возможен далеко не со всеми глаголами. На глагольные лексемы накладываются два ограничения: семантическое и грамматическое. В первую очередь, подъем посессора при *gǎc* возможен только с переходными глаголами. Помимо того, это должны быть глаголы, обозначающие контакт или физическое воздействие, т. к. только в этом случае возникает необходимость маркировать точку приложения. О необходимости для подъема посессора наличия у предиката

семантического компонента физического воздействия и физического затрагивания посессора говорилось также в работах [Shibatani 1994; Payne, Barshi 1999; Deal 2017]. Обоим требованиям удовлетворяют, например, такие глаголы, как *seväläš* ‘бить’ (например, по голове), *niältäš* ‘гладить’ (по руке), *pâralaš* ‘кусать’ (за руку), *šâpšalaš* ‘целовать’ (в щеку), *šâpšaš* ‘тянуть’ (за хвост).

Аналогичные конструкции с маркерами исходной точки описаны для финских диалектов Ингерманландии [Федотов 2012] и разновидности калмыцкого языка, распространенного в Кетченеровском районе Республики Калмыкия [Холодилова 2009]. Для последнего также отмечается возможность подъема посессора. В Таблице 1 приведены списки глаголов, возможных в исследуемых конструкциях этих двух языков и горномарийского³. Можно заметить, что в целом набор глаголов очень схож, однако по некоторым параметрам эти списки отличаются.

Во-первых, непереходные глаголы, способные присоединять зависимое, маркированное показателем исходной точки, в горномарийском языке проявляют чувствительность к одушевленности объекта: в паре предложений *Мальчик схватился за перила* и *Мальчик схватился за маму* во втором случае, в отличие от первого, носители горномарийского языка предпочитают употреблять конструкцию с аккузативом, а не с послелогом *gäs*. Во-вторых, наблюдаются и лексические различия: в калмыцком языке, в отличие от горномарийского, подъем посессора невозможен при глаголах со значениями ‘гладить’, ‘бить’, ‘лягать’, ‘порезать’. Для калмыцкого несочетаемость некоторых глаголов контакта с именной группой, маркированной показателем исходной точки (аблативом), объясняется тем, что в конструкции с внешним посессором возможен и другой падеж, инструменталис. В работе [Холодилова 2009] обсуждаются семантические характеристики, которыми обусловлен выбор падежа (аблатива или инструменталиса) в конструкции с внешним посессором. Действиям, для описания которых «выбирается» маркирование именной группы показателем исходной точки, присущи такие

---

³ Для других языков, упомянутых в разделе 2.3, в нашем распоряжении нет подробных списков возможных в аналогичной конструкции глагольных лексем.

признаки, как «немгновенное и плотное взаимодействие с поверхностью», «движение “на себя”, в сторону Агенса» и др. Что касается межъязыкового сравнения, на наш взгляд, на основе лексического распределения по трем языкам трудно сделать какие-либо выводы, однако данные большей выборки могут выявить интересные семантические закономерности.

Таблица 1. Сравнение маркирования точки ПРИЛОЖЕНИЯ в конструкциях с глаголами физического контакта в диалектах финского языка, калмыцком и горномарийском языках⁴

Table 1. Contact point marking in construction with physical contact verbs in Ingrian Finnish, Kalmyk and Hill Mari

Перевод глагола	Данные ингерманландского диалекта финского языка [Федотов 2012]	Возможность конструкции с маркером исходной точки	Данные калмыцкого языка [Холодилова 2009]	Возможность конструкции с маркером исходной точки	Данные горномарийского языка	Возможность конструкции с маркером исходной точки
хватать (за хвост)	<i>kuapata, ottà kī</i>	+			<i>xvatajaš</i>	+
держать	<i>pittä</i>	+	<i>bär-</i>	+	<i>kâčaš</i>	+
кусать (за ногу)	<i>purra</i>	+	<i>xaz-, zuu-</i>	+	<i>pâraš</i>	+
привязывать	<i>sittò</i>	+			<i>jalštaš</i>	+

⁴ Плюс (+) указывает на возможность конструкции с маркером исходной точки при данном глаголе, звездочка (*) — на ее отсутствие. Знак вопроса (?) означает, что при данном глаголе предпочтительна конструкция с другим маркированием, однако маркирование при помощи показателя исходной точки допускается. Пустые ячейки появляются в Таблице 1 в случае отсутствия соответствующих данных. Серым выделены ячейки с глаголами горномарийского языка, которые в рассматриваемых языках отличаются в отношении маркирования участника со значением ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ от их эквивалентов в других сравниваемых языках.

(за рога)						
ловить	<i>suahha kī,</i> <i>tavata</i>	+			<i>kāčšaš</i>	+
тащить, тянуть	<i>tassi, tukistä,</i> <i>vettä</i>	+	<i>čir-</i> , <i>tat-</i>	+	<i>šāpšaš</i>	+
дернуть	<i>temmata</i>	+			<i>šāpšedäš</i>	+
щипать			<i>čimkə-</i>	+	<i>cāveštāš</i>	+
чесать (Васе руку)			<i>maaž-</i>	+	<i>ādāraš</i>	+
обнимать (за талию)			<i>tevər-</i>	+	<i>eltäläš</i>	+
брать (за руку)			<i>av-</i>	+	<i>näläš</i>	+
колоть (в плечо)			<i>šaa-</i>	+	<i>šāraš</i>	+
целовать			<i>ümsə-</i>	+	<i>šāpšalaš</i>	+
тыкать			<i>xatzə-</i>	+	<i>šāralaš</i>	+
гладить (по животу)			<i>il-</i>	?	<i>niältäš</i>	+
лягать			<i>iškäl-</i> , <i>xäär-</i>	?	<i>čāmalaš</i>	+
бить			<i>cokə-</i>	*	<i>seväläš</i>	+
бросать (в голову)			<i>šiv-</i>	*	<i>šuaš</i>	*
порезать (Васе палец)			<i>täär-</i>	*	<i>päčkäš</i>	+
попадать (в голову)			<i>tisə-</i>	*	<i>täknäš</i>	*
стрелять			<i>xa-</i>	*	<i>lüäš</i>	*
держаться (за рукав) (неперех.)	<i>pittä kī</i>	+			<i>kāčaltaš</i>	+/*
цепляться (неперех.)	<i>tarttū</i>	+			<i>čiktältäš</i>	+/*

Данное сравнение лексем может также помочь в установлении того, от какого значения происходит исследуемое значение ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ. Для финского языка в [Федотов 2012] были описаны глаголы наподобие ‘тянуть’, ‘тащить’, ‘хватать’ и схожие (см. Таблицу 1), предполагающие некоторый немгновенный и плотный контакт с поверхностью предмета и казуируют его движение «на себя», т. е. на Агенса. В траектории этого движения выделяется исходная точка, из которой потом перемещается предмет, из-за чего в описываемой работе для значения ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ у элатива используется соответствующее название — каптатив (от лат. *captare* ‘ловить, хватать’). Данные

финского языка поддерживают гипотезу о том, что значение ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ возникает из базового значения ИСХОДНОЙ ТОЧКИ. Тем не менее, как можно увидеть в той же Таблице 1, список горномарийских глаголов, которые могут использоваться в конструкции с подъемом посессора и маркером исходной точки, в отличие от финских, не ограничивается лексемами, описывающими каузацию движения на себя из исходной точки. Ситуации, описываемые глаголами ‘бить’, ‘целовать’, ‘обнимать’ и др., совсем иные, и непонятно, как можно было бы объяснить возможность их употребления в рассматриваемой нами конструкции с помощью сценария, предполагающего семантическое развитие ИСХОДНАЯ ТОЧКА > ТОЧКА ПРИЛОЖЕНИЯ.

3.3. Типы посессивных отношений в конструкциях с подъемом посессора

Подъем посессора при глаголах контакта возможен не для всех типов посессивных отношений. В Таблице 2 в первом столбце приведен инвентарь посессивных отношений по [Кибрик 2003], во втором обозначена возможность или невозможность подъема посессора при описании этих отношений в горномарийском языке, в третьем указан номер примера, иллюстрирующего конструкцию с указанным видом посессивных отношений. Отдельно отметим, что отношение ‘обладатель — обладаемое’ в конструкции с внешним посессором возможно только для надетой на Пациенса одежды или других аксессуаров, с которыми у Пациенса есть физический контакт (рюкзак, кольцо, очки и т. д.). Так, пример (29) грамматичен только в том случае, если точкой приложения является надетое, а не висящее в шкафу пальто. Подобное отношение специально выделяется, например, в [Haspelmath 1999].

Таблица 2. Подъем посессора при различных типах посессивных отношений в конструкциях с глаголами физического контакта в горномарийском языке

Table 2. Possessor raising and types of possessive relations in constructions with physical contact verbs in Hill Mari

Тип посессивного отношения	Возможность подъема посессора при глаголах контакта	Номер примера
Обладатель — Обладемое	+	(29)
Обладатель — Часть тела	+	(30)

Целое — Часть	+	(31)
Родство	–	(32)
Социальное отношение	–	
Членство	–	(33)

- (29) *pet'a maša-m pal'to gäc täk-äl-än*
 Петя Маша-ACC пальто EL тыкать-ATT-PRET
 [Маша надела пальто] 'Петя потрогал Машино пальто'.
 *[Машино пальто висит в шкафу] 'Петя потрогал Машино пальто'.
- (30) *pet'a maša-m šärgä-žä gäc šäpšal-än*
 Петя Маша-ACC щека-POSS.3SG EL целовать-PRET
 'Петя поцеловал Машу в щеку'.
- (31) *pet'a tavar-äm kâčem gäc*
 Петя топор-ACC рукоять EL
kâč-a
 держать-NPST.3SG
 'Петя держит топор за рукоятку'.
- (32) **pet'a maša-m äžä / täng gäc*
 Петя Маша-ACC старший.брат друг EL
sev-äl-än
 бить-ATT-PRET
 Ожид.: 'Петя ударил Машиного брата / друга'.
- (33) **pet'a kolhoz-äm člen gäc sev-äl-än*
 Петя колхоз-ACC член EL бить-ATT-PRET
 Ожид.: 'Петя ударил члена колхоза'.

Заметим, что перечисленные классы употреблений и запреты находятся в полном соответствии с типологическими данными о конструкциях с внешним посессором (см. [König 2001]) и вписываются в семантическую иерархию отчуждаемости. Согласно данной иерархии, подъем посессора скорее ожидаем в левой части шкалы, чем в правой: наиболее часто он возникает при обозначении части тела, далее на шкале расположена одежда, другие контекстуально связанные вещи реже появляются в конструкции с подъемом посессора.

The Inalienability Hierarchy

*(EP constructions are favored if the possessum is a)
body part > garment > other contextually unique item*
[Haspelmath 1999: 112]

Как видно из примеров с подъемом посессора при глаголах контакта, послеложной группой с *gäc* маркируется какая-либо часть Пациенса. Данный факт может служить подтверждением гипотезы о том, что значение ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ у элативного маркера связано со значением ЭЛЕКТИВА. Важно, что между элементами множества должен быть физический контакт. При таком подходе целым множеством является Пациенс, он маркируется аккузативом и выдвигается в позицию прямого дополнения. Из него выбирается некоторая часть: глагол вводит ситуацию, когда она является точкой приложения силы Агенса, с ней осуществляется контакт и она является зависимым послелогом *gäc*. Возможность конструкции «Пациенс-АСС Часть *gäc*» характеризуется наличием таких посессивных отношений, как ‘Обладатель — Часть тела’, ‘Целое — Часть’ и частично (только в случае надетой одежды и других вещей, с которым у Пациенса имеется тесный физический контакт) ‘Обладатель — Обладемое’ (см. Таблицу 2). О том, что в конструкциях с внешним посессором часть и целое должны быть обязательно соединены, писалось также в [Baker 1999; Fried 1999; O’Connor 2007].

Заметим, что эти отношения можно обобщить до прототипического посессивного отношения ‘целое — часть’. Таким образом, именно в этих типах отношений посессор может рассматриваться как целое множество, из которого выбирается некоторая часть для осуществления контакта. Выражение же личностных (социальных или семейных) отношений в конструкции с подъемом посессора недопустимо. Этот запрет доказывает, что значение ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ происходит из значения ЭЛЕКТИВА и между элементами этого множества подразумевается наличие посессивных отношений типа ‘целое — часть’.

Кроме того, посессивные отношения, по-видимому, должны не только противопоставлять прямое дополнение как целое множество и послеложное зависимое как часть. При наличии только этого условия предложение (33) было бы грамматичным. Его неграмматичность говорит о следующем: необходимые отно-

шения ‘целое — часть’ требуют также физического контакта между целым множеством и его частью (см. (не)возможность разных интерпретаций примера (29)) и допускают только буквальное отношение включения. Именно поэтому более абстрактное отношение ‘Членство’ невозможно выразить в конструкции с подъемом посессора. Несмотря на то, что член колхоза в примере (33) является некоторой выбранной из множества (колхоза) частью, физический контакт между частью и целым при данном семантическом отношении невозможен, а отношения ‘целое — часть’ здесь не буквальные, поскольку целое здесь не является физически целым объектом.

3.4. Информационная структура и подъем посессора

В работе [Холодилова 2009: 85] обсуждается фактор информационной структуры, от которого может зависеть наличие / отсутствие подъема посессора при глаголах контакта в калмыцком языке. Возможность подъема посессора определяется степенью вовлеченности посессора в ситуацию. Конструкция с внешним посессором грамматична только в том случае, когда посессор является частью топика и основной темой предложения (34а). Если же топиком является нечто иное (например, собеседник), то подъем посессора невозможен (34б).

(34а) *bičä noxa-gə / ^{OK}noxa-n*
 NEG.IMP собака-ACC собака-GEN
süül-äsə-h' tatə-Ø!
 хвост-ABL-P.3 тянуть-IMP
 ‘Не хватай собаку за хвост!’ {Ей же больно!} [Холодилова 2009: 85]

(34б) *bičä noxa-n / *noxa-gə kirtä*
 NEG.IMP собака-GEN собака-ACC грязный
süül-äsə-h' bärə-Ø!
 хвост-ABL-P.3 дергать-IMP
 ‘Не хватай собаку за (ее) грязный хвост’ (букв.: ‘Не хватай за грязный хвост собаки’.) {Ты испачкаешь руки}. [Там же]

Для горномарийского, однако, коммуникативный фактор не работает — носители языка предпочитают конструкцию с внеш-

ним посессором вне зависимости от того, входит ли в топик Обладанное (35а) или Обладатель (35б).

(35а) <i>pi-n</i>	<i>pač-ăžă</i>	<i>lävărăn,</i>	
собака-GEN	хвост-POSS.3SG	грязный	
<i>pi-m</i>	/ ^{??} <i>pi-n</i>	<i>pač(-šă)</i>	<i>găc</i>
собака-ACC	собака-GEN	хвост(-POSS.3SG)	EL
<i>ik</i>	<i>tăkäl</i>		
PRON.2SG	трогать		
‘Хвост собаки очень грязный, не трогай хвост собаки!’			

(35б) <i>pi-n</i>	<i>karšt-a,</i>	<i>ik</i>
собака-GEN	болеть-NPST.3SG	PRON.2SG
<i>tăkäl</i>	<i>pi-m</i>	/ ^{??} <i>pi-n</i>
трогать	собака-ACC	собака-GEN
<i>pač(-šă)</i>	<i>găc</i>	
хвост(-POSS.3SG)	EL	
‘Собаке больно, не трогай хвост собаки!’		

4. Итоги

Таким образом, мы обнаружили, что в горномарийском языке элативный показатель *găc* имеет развитую сеть непространственных значений. Некоторые из них типологически предсказуемы: такие как ТОЧКА ОТСЧЕТА, НАЧАЛО ВРЕМЕННОГО ОТРЕЗКА, ПАССИВНЫЙ ИСТОЧНИК, ЭТАЛОН СРАВНЕНИЯ, МАТЕРИАЛ ИЗГОТОВЛЕНИЯ, ЭЛЕКТИВ и др. Элативный послелог *găc* также может маркировать ТОЧКУ ПРИЛОЖЕНИЯ при некоторых глаголах контакта, что является отчасти противоположным значением по отношению к базовому элативному. Подобное явление наблюдается в нескольких языках (как генетически родственных, так и не родственных горномарийскому), однако в типологических работах по полисемии пространственных показателей данный факт не отражен.

В конструкциях с рассмотренными глаголами в горномарийском происходит подъем посессора, он возможен только с переходными глаголами контакта и физического воздействия. В других языках, по которым у нас имеются подробные данные, конструкция с элативом (и подъемом посессора) появляется при сходных по значению глаголах, но с отдельными глаголами на-

блюдается варьирование. Широкое типологическое исследование глаголов, для которых возможен подъем посессора в конструкциях с элативным показателем, может выявить интересные семантические закономерности распределения этих глаголов.

Мы предположили, что элативный маркер развивает значение ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ из значения ЭЛЕКТИВА, где часть, с которой осуществляется контакт, выбирается из целого множества, занимающего позицию прямого дополнения. Наша гипотеза подтверждается набором посессивных отношений, для которых возможен подъем посессора: это частные случаи отношения 'часть — целое' ('Обладатель — Часть тела', 'Целое — Часть' и частично 'Обладатель — Обладемое'), но не личностные семейные или социальные отношения.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABL — аблатив; ACC — аккузатив; ANT — предшествование; AOR — аорист (1-е прошедшее время); ATT — аттенуатив; CMPR — компаратив; CONV / CVB — конверб; DEST — дестинатив; DUR — дуратив; EL — элатив; FULL — полная форма; GEN — генитив; IMP — императив; ITER1 — итератив; LAT — латив; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; O — объект; PART — партитив; PL — множественное число; POSS / P — посессивность; PRET — претерит (2-е прошедшее время); PRON — прохибитив; PST — прошедшее время; REFL — рефлексив; S — субъект; SG — единственное число.

Литература

- Алатырев 1983 — В. И. Алатырев. Краткий грамматический очерк удмуртского языка // В. М. Вахрушев (ред.). Удмуртско-русский словарь. М.: Русский язык, 1983. С. 563–591.
- Галкин 1964 — И. С. Галкин. Историческая грамматика марийского языка. Ч. 1: Морфология. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1964.
- Ганенков 2002а — Д. С. Ганенков. Модели полисемии пространственных показателей. Дипломная работа. МГУ, М., 2002.
- Ганенков 2002б — Д. С. Ганенков. Типология падежных значений: семантическая зона пролатива // Плунгян В. А. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация простран-

- ственных значений в языках мира. М.: Русские словари, 2002. С. 35–56.
- Зорина 2002 — О. В. Зорина. История и современное состояние падежной системы горномарийского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. СПбГУ, СПб., 2002.
- Кибрик 2003 — А. Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб.: Алетей, 2003.
- Колядёнков, Заводова (ред.) 1962 — М. Н. Колядёнков, Р. А. Заводова (ред.). Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Ч. 1: Фонетика и морфология. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1962.
- Кошкарёва (общ. ред.) 2010 — Н. Б. Кошкарёва (общ. ред.). Диалектологический словарь ненецкого языка. Екатеринбург: Баско, 2010.
- Новикова 1960 — К. А. Новикова. Очерки диалектов эвенского языка: ольский говор. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка. (Bibliotheca Ceremissica 5). Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002.
- Сорокина 2010 — И. П. Сорокина. Энецкий язык. СПб.: Наука, 2010.
- Федотов 2012 — М. Л. Федотов. Полисемия показателей аблатива и элатива в финских говорах Центральной Ингерманландии // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2012. Т. VIII. Ч. 1. С. 371–445.
- Холодилова 2009 — М. А. Холодилова. Конструкция с периферийным обладаемым в калмыцком языке // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2009. Т. V. Ч. 2. С. 76–93.
- Цыганкин (ред.) 1980 — Д. В. Цыганкин (ред.). Грамматика мордовских языков. Саранск: Изд-во Мордовского гос. ун-та, 1980.
- Alhoniemi 1975 — A. Alhoniemi. Zum Gebrauch der Woher-Kasus in der marischen Komparation // V. Hallap (ed.). *Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum Tallinnae habitus 17–23.VIII.1970: Acta Linguistica. Pars I*. Tallinn: Valgus, 1975. P. 463–469.
- Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. *Grammatik des Tscheremissischen (Mari): mit Texten und Glossar* (aus dem Finn. übers. von Hans-Hermann Bartens). Hamburg: Buske, 1993.
- Baker 1999 — M. Baker. External possession in Mohawk: Body parts, incorporation and argument structure // D. L. Payne, I. Barshi (eds.). *External Possession*. (Typological Studies in Language 39). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999. P. 293–323.
- Creissels 2006 — D. Creissels. Encoding the distinction between localization, the source of motion, and the direction of motion: A typological

- study // M. Hickmann, S. Robert (eds.). *Space in Languages*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2006. P. 19–28.
- Creissels 2008 — D. Creissels. *Spatial cases* // A. Malchukov, E. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 609–625.
- Deal 2017 — A. R. Deal. *External possession and possessor raising* // M. Everaert, H. C. van Riemsdijk (eds.). *The Companion to Syntax*. 2nd ed. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2017. P. 1509–1540.
- Fried 1999 — M. Fried. *From interest to ownership: A constructional view of external possessors* // D. L. Payne, I. Barshi (eds.). *External Possession*. (Typological Studies in Language 39). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999. P. 473–504.
- Hakulinen 1961 — L. Hakulinen. *The Structure and Development of the Finnish Language* (transl. by J. Atkinson). Bloomington, IN; The Hague: Indiana University; Mouton & Co., 1961.
- Haspelmath 1999 — M. Haspelmath. *External possession in a European areal perspective* // D. L. Payne, I. Barshi (eds.). *External Possession*. (Typological Studies in Language 39). Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1999. P. 109–135.
- Karlsson 1999 — F. Karlsson. *Finnish: An Essential Grammar* (transl. by A. Chesterman). London; New York: Routledge, 1999.
- König 2001 — E. König. *Internal and external possessors* // M. Haspelmath, E. König, W. Östereicher, W. Reible (eds.). *Language Typology and Language Universals. An International Handbook*. In 2 vols. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 20). Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2001. Vol. 2. P. 970–978.
- Levin 2012 — B. Levin. *Slap, give a slap, slap a slap: Crosslinguistic diversity in hitting events description*. Paper presented at Tenth Biennial Conference of the High Desert Linguistics Society. University of New Mexico, Albuquerque, NM, November 1–3, 2012.
- Noonan, Mihas 2007 — M. Noonan, E. Mihas. *Areal dimensions in case syncretism: Ablatives and genitives*. Paper presented at Association for Linguistic Typology Biannual Meeting. Paris, France, September 2007.
- O'Connor 2007 — M. C. O'Connor. *External possession and utterance interpretation: A crosslinguistic exploration* // *Linguistics*. 2007. Vol. 45. P. 3. P. 577–613.
- Payne & Barshi 1999 — D. L. Payne, I. Barshi. *External possession: What, where, how, and why* // D. L. Payne, I. Barshi (eds.). *External Possession*. (Typological Studies in Language 39). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999. P. 3–31.
- Shibatani 1994 — M. Shibatani. *An integrational approach to possessor raising, ethical datives, and adversative passives* // *Proceedings of the*

Twentieth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society, February 18–21, 1994: General Session Dedicated to the Contribution of Charles J. Fillmore. Berkeley, CA: Berkeley Linguistic Society, 1994. P. 461–486.

Winkler 2001 — E. Winkler. Udmurt. (Languages of the World: Materials 212). München: Lincom Europa, 2001.

References

- Alatyrev 1983 — V. I. Alatyrev. Kratkiy grammaticheskiy ocherk udmurtskogo yazyka [A sketch of Udmurt grammar]. V. M. Vakhrushev (ed.). *Udmurtsko-russkiy slovar* [Udmurt-Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk, 1983. P. 563–591.
- Alhoniemi 1975 — A. Alhoniemi. Zum Gebrauch der Woher-Kasus in der marischen Komparation. V. Hallap (ed.). *Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum Tallinnae habitus 17–23.VIII.1970: Acta Linguistica*. Pars I. Tallinn: Valgus, 1975. P. 463–469.
- Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. Grammatik des Tscheremissischen (Mari): mit Texten und Glossar (aus dem Finn. übers. von Hans-Hermann Bartens). Hamburg: Buske, 1993.
- Baker 1999 — M. Baker. External possession in Mohawk: Body parts, incorporation and argument structure. D. L. Payne, I. Barshi (eds.). *External Possession*. (Typological Studies in Language 39). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999. P. 293–323.
- Creissels 2006 — D. Creissels. Encoding the distinction between localization, the source of motion, and the direction of motion: A typological study. M. Hickmann, S. Robert (eds.). *Space in Languages*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2006. P. 19–28.
- Creissels 2008 — D. Creissels. Spatial cases. A. Malchukov, E. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 609–625.
- Deal 2017 — A. R. Deal. External possession and possessor raising. M. Everaert, H. C. van Riemsdijk (eds.). *The Companion to Syntax*. 2nd ed. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2017. P. 1509–1540.
- Fedotov 2012 — M. L. Fedotov. Polisemiya pokazateley ablativa i elativa v finskikh govorkh Tsentralnoy Ingermanlandii [Polysemy of ablative and elative markers in the Finnish varieties of Central Ingria]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. 2012. Vol. VIII. Pt. 1. P. 371–445.
- Fried 1999 — M. Fried. From interest to ownership: A constructional view of external possessors. D. L. Payne, I. Barshi (eds.). *External Possession*.

- (Typological Studies in Language 39). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999. P. 473–504.
- Galkin 1964 — I. S. Galkin. Istoricheskaya grammatika mariyskogo yazyka [Historical Grammar of Mari]. Pt. 1: Morfologiya [Morphology]. Yoshkar-Ola: Mariyskoye knizhnoye izdatelstvo, 1964.
- Ganenkov 2002a — D. S. Ganenkov. Modeli polisemii prostranstvennykh pokazateley [Polysemy patterns of spatial markers]. MA Thesis. Moscow State University, Moscow, 2002.
- Ganenkov 2002b — D. S. Ganenkov. Tipologiya padezhnykh znacheniy: semanticheskaya zona prolative [Typology of case meanings: Prolative semantic zone]. V. A. Plungian (ed.). *Issledovaniya po teorii grammatiki* [Studies in Theory of Grammar]. Pt. 2: *Grammatikalizatsiya prostranstvennykh znacheniy v yazykakh mira* [Grammaticalization of Spatial Meanings in Languages of the World]. Moscow: Russkiye slovari, 2002. P. 35–56.
- Hakulinen 1961 — L. Hakulinen. The Structure and Development of the Finnish Language (transl. by J. Atkinson). Bloomington, IN; The Hague: Indiana University; Mouton & Co., 1961.
- Haspelmath 1999 — M. Haspelmath. External possession in a European areal perspective. D. L. Payne, I. Barshi (eds.). *External Possession*. (Typological Studies in Language 39). Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1999. P. 109–135.
- Karlsson 1999 — F. Karlsson. Finnish: An Essential Grammar (transl. by A. Chesterman). London; New York: Routledge, 1999.
- Kibrik 2003 — A. E. Kibrik. Konstanty i peremennyye yazyka [Constants and Variables of Language]. St. Petersburg: Aleteya, 2003.
- Kolyadenkov, Zavodova (eds.) 1962 — M. N. Kolyadenkov, R. A. Zavodova (eds.). Grammatika mordovskikh (mokshanskogo i erzyanskogo) yazykov [Mordvin (Moksha and Erzya)] Grammar. Pt. 1: Fonetika i morfologiya [Phonetics and Morphology]. Saransk: Mordovskoye knizhnoye izdatelstvo, 1962.
- Koshkareva (ed.) 2010 — N. B. Koshkareva (ed.). Dialektologicheskii slovar nenetskogo yazyka [Dialectological Dictionary of Nenets]. Yekaterinburg: Basko, 2010.
- Kholodilova 2009 — M. A. Kholodilova. Konstruktsiya s periferiynym obladayemym v kalmytskom yazyke [The peripheral possessum construction in Kalmyk]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. 2009. Vol. V. Pt. 2. P. 76–93.
- König 2001 — E. König. Internal and external possessors. M. Haspelmath, E. König, W. Österreicher, W. Reible (eds.). *Language Typology and Language Universals. An International Handbook*. In 2 vols. (Hand-

- bücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 20). Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2001. Vol. 2. P. 970–978.
- Levin 2012 — B. Levin. Slap, give a slap, slap a slap: Crosslinguistic diversity in hitting events description. Paper presented at Tenth Biennial Conference of the High Desert Linguistics Society. University of New Mexico, Albuquerque, NM, November 1–3, 2012.
- Noonan, Mihas 2007 — M. Noonan, E. Mihas. Areal dimensions in case syncretism: Ablatives and genitives. Paper presented at Association for Linguistic Typology Biannual Meeting. Paris, France, September 2007.
- Novikova 1960 — K. A. Novikova. Ocherki dialektov evenskogo yazyka: ol'skiy govor [Sketches of Even dialects: Ol Subdialect]. Pt. 1. Moscow; St. Petersburg: USSR Academy of Sciences Press, 1960.
- O'Connor 2007 — M. C. O'Connor. External possession and utterance interpretation: A crosslinguistic exploration. *Linguistics*. 2007. Vol. 45. No. 3. P. 577–613.
- Payne & Barshi 1999 — D. L. Payne, I. Barshi. External possession: What, where, how, and why. D. L. Payne, I. Barshi (eds.). *External Possession*. (Typological Studies in Language 39). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999. P. 3–31.
- Savatkova 2002 — A. A. Savatkova. Gornoye narechiye mariyskogo yazyka [Hill Mari Language]. (Bibliotheca Ceremissica 5). Savariae: Berzsényi Dániel Főiskola, 2002.
- Shibatani 1994 — M. Shibatani. An integrational approach to possessor raising, ethical datives, and adversative passives. *Proceedings of the Twentieth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society, February 18–21, 1994: General Session Dedicated to the Contribution of Charles J. Fillmore*. Berkeley, CA: Berkeley Linguistic Society, 1994. P. 461–486.
- Sorokina 2010 — I. P. Sorokina. Enetskiy yazyk [The Enets Language]. St. Petersburg: Nauka, 2010.
- Tsygankin (ed.) 1980 — D. V. Tsygankin (ed.). Grammatika mordovskikh yazykov [Mordvin Languages Grammar]. Saransk: Mordvin State University Press, 1980.
- Winkler 2001 — E. Winkler. Udmurt. (Languages of the World: Materials 212). München: Lincom Europa, 2001.
- Zorina 2002 — O. V. Zorina. Istoriya i sovremennoye sostoyaniye padezhnoy sistemy gornomariyskogo yazyka [History and modern state of Hill Mari case system]. PhD Thesis. St. Petersburg State University, St. Petersburg, 2002.

**НЕПОСЕССИВНЫЕ ФУНКЦИИ ПОКАЗАТЕЛЯ
ПОСЕССИВНОСТИ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА
В МАЛОКАРАЧКИНСКОМ ГОВОРЕ
ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА**

Н. Н. Логвинова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург,
natalielo009@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье на материале полевых данных предпринимается попытка описания непосессивных функций (субстантивации, маркирования референциального статуса) посессивного показателя 3-го лица в малокарачкинском говоре чувашского языка. Здесь этот аффикс представлен двумя алломорфами — *-i* и *-ə / -ĕ* (распределение вариантов последнего показателя определяется сингармонизмом по ряду). Несмотря на то, что существуют морфонологические критерии распределения обсуждаемых показателей, в некоторых контекстах алломорфы демонстрируют различную семантику и свойства. Кроме того, в ряде словоформ допустимым оказывается двойное употребление рассматриваемых показателей в разной функции.

Ключевые слова: чувашский язык, посессивность, определенность, артиклевые функции посессивных показателей, субстантивация.

**Non-possessive functions of the third person possessive
in Maloe Karachkino dialect of Chuvash**

N. N. Logvinova

National Research University Higher school of Economics —
St. Petersburg,
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Science,
St. Petersburg
natalielo009@gmail.com

Abstract. This article aims to describe the non-possessive functions of the third person possessive affix in the Maloe Karachkino

dialect of Chuvash. It is known from the literature on standard Chuvash that in addition to indicating possessive relation to the third person, possessive marker allomorphs *-i* and *-ë* are used to mark noun phrases with the null head or head ellipsis (thus serving as a *substantivizer* in traditional terms) and demonstrate a range of functions typical of the definite article (so called *kategoriya vydeleniya* — category of emphasis). The disputable trait of this marker consists in fact that according to the existing descriptions its allomorph *-i* has a wider distribution and is semantically specialized to serve as a marker of category of emphasis, which has made several authors to suggest it to be a separate morpheme. In the present article an attempt is made to investigate this assumption on the elicitation data collected during the field trips to Maloe Karachkino in 2017–2019. Section 2 of the article is dedicated to the description of morphological conditions on the distribution of *-i* and *-ə / -ë* variants (unlike in standard Chuvash, in Maloe Karachkino dialect the *-ë* allomorph has different realizations, *-ə* and *-ë*, depending on the backness of the stem vowels). According to the general rule, *-i* is expected after the stems ending in a vowel, while the *-ə / -ë* attaches to the consonant-final. The following section presents a probable model of the wordform containing several third person possessive morphemes with different functions. Section 4 investigates article-like usages of the *-i* and *-ə / -ë* morphemes. As data shows, distribution of these markers in this domain fully falls under the morphological rule. Chuvash third person possessive marker is claimed to appear in the following contexts typical of markers of definiteness: marking of the anaphorical NPs and NPs referring to a member chosen from the specific group, as well as of the NPs connected to the previous discourse through bridging. In all of these contexts the usage of definiteness marker is optional. Section 5 provides an overview of the cases where *-i* and *-ə / -ë* affixes serve as substantivizers. It is shown that the presence of the affix under discussion is not obligatory in some cases and that when substantivizing adjectives *-i* can be seen instead of *-ə / -ë*. In the final section the cases of multiple assignment of the third person possessive affix are discussed.

Keywords: Chuvash, possession, non-possessive functions, definiteness, substantivization.

1. Введение

В настоящей статье рассматриваются непосессивные функции алломорфов *-i* и *-ə / -ĕ*¹ притяжательного аффикса 3-го лица в малокарачкинском говоре чувашского языка². Употребление аффикса посессивности 3-го лица в чувашском языке не ограничивается притяжательными контекстами. Со времен грамматики Н. И. Ашмарина [Ашмарин 1898: 132–141, 169, 172] в литературе в разных терминах описываются по крайней мере еще две функциональные зоны, охватываемые этим показателем: выражение определенности (ср. «категория выделения» [Павлов 1985]) и маркирование именных групп с нулевой вершиной (т. н. субстантивация [Павлов (отв. ред.) 1957]).

Формы с посессивным маркером 3-го лица в малокарачкинском чувашском служат для выражения базовых отношений принадлежности [Aikhenvald, Dixon 2013: 3]: обладания, отношений ‘часть — целое’, родственных отношений, а также для обозначения авторства и некоторых других, см. [Ремизова 2018]. В посессивной конструкции возможны две модели маркирования — вершинная и вершинно-зависимостная (в терминах [Nichols 1986]):

---

¹ Кроме указанных показателей, в качестве маркеров принадлежности третьему лицу в малокарачкинском говоре выступают также аффиксы *-sĕ* и *-zĕ*, которые употребляются только с некоторыми терминами родства, а также в составе собирательных числительных. Распределение алломорфов *-ə* и *-ĕ* обусловлено сингармонизмом по ряду в чувашском языке. Проблемам распределения алломорфов *-i* и *-ə / -ĕ* посвящен раздел 2.

² Представляемые в статье материалы были собраны в ходе трех экспедиций НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург) в с. Малое Карачкино Ядринского р-на Чувашской Республики в 2017–2019 гг. Я благодарю А. В. Савельева за ценные комментарии, высказанные по поводу предыдущей версии данной статьи и учтенные мной при редактировании, анонимного рецензента, указавшего на объективно слабые стороны и тем способствовавшего пересмотру некоторых ключевых моментов, и М. А. Холодилову за помощь и многочисленные консультации в полевой работе и при подготовке статьи. Я также благодарна всем переводчикам и особенно Р. Н. Максимовой за ее готовность помогать. Я полностью принимаю на себя ответственность за все недочеты, допущенные в финальной версии работы.

показатель посессива 3-го лица маркирует обладаемое, являющееся вершиной именной группы, а обладатель выражается приемным зависимым в генитиве или немаркированной форме, как в примере (1)³.

- (1) *poskil(-ën)*   *xër-ë*   / *xër *viş*
 сосед-GEN   дочь-P_3   дочь три
stakan *čaj*   *eç-r-ë*
 стакан чай   пить-PST-3SG
 ‘Дочь соседа выпила три стакана чая’.

Кроме употребления в посессивных конструкциях, обсуждаемый показатель также используется для маркирования синтаксического статуса таких именных групп, в которых позицию вершины занимает не существительное, а словоформа другого класса, или существительное в падежной форме, не соответствующей требованиям настоящего синтаксического контекста (см. раздел 5). Эта функция в настоящей статье называется функцией **маркирования нулевой именной вершины**. Под этим определением понимаются одновременно случаи собственно субстантивации, т. е. такого преобразования, в результате которого некоторая несубстантивная словоформа получает возможность принимать граммы существительного и занимать свойственные существительному синтаксические позиции (ср. рус. *умный в гору не пойдём*; см. *substantivization* ‘субстантивирование’ в [Giannakodou, Stavrou 1999] и *empty noun* ‘пустое существительное’ в [Saab 2018]), а также случаи именного эллипсиса (ср. рус. *ты ему слово — он тебе десять*). Возможные формальные различия субстантивации и эллипсиса описаны в [Hankamer, Sag 1976; Saab 2018: 530–531].

Формы, способные занимать позицию вершины именной группы в отсутствие в ней лексического существительного, различаются по тому, возможно ли и обязательно ли для них присоединение посессивного показателя в роли субстантиватора. Прилагательные и причастные формы настоящего времени на *-agan* / *-egen* и отрицательные на *-man* / *-men*, как показывают

³ При выборе обозначений для глосс я пользуюсь конвенциями, принятыми в экспедиционном проекте по исследованию чувашского языка НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург).

примеры (2)–(3), не нуждаются в дополнительном маркировании и могут выполнять роль вершины ИГ в отсутствие формального показателя субстантивации, а могут присоединять показатель принадлежности 3-го лица без, казалось бы, существенного изменения семантики⁴. Так, пример (2а) показывает, что при наличии управляющего существительного *olma* ‘яблоко’ зависимое прилагательное не может принимать аффиксы *-i* или *-ë / -ə*. В случае, если вершина эллидирована (2б) или вообще не подразумевается (2в), присоединение показателя посессивности к прилагательному возможно, но не является необходимым.

(2а) *simës* / *simës-i / *simëz-ë *olma*
 зеленый зеленый-Р_3 / зеленый-Р_3 яблоко
 ‘зеленое яблоко’

(2б) *xërlë* *olma tutlə,* *simës*
 красный яблоко вкусный зеленый
 / *simës-i* / *simëz-ë* — *tutlə* *mar*
 зеленый-Р_3 зеленый-Р_3 вкусный NEG_ASCR
 ‘Красное яблоко вкусное, зеленое — невкусное’⁵.

⁴ Предполагаемые различия между формами с разными вариантами аффикса обсуждаются в разделе 6 настоящей статьи.

⁵ Анонимный рецензент отмечает, что в примерах типа (2б) показатель посессивности может маркировать не нулевую вершину, а образование элективной конструкции с эллидированной ИГ множества выбора (*зеленое из яблок*). Именно такой анализ предлагается для аналогичных (2б) тубаларских примеров в [Гращенко 2009]. В тубаларском элективные и посессивные ИГ имеют идентичную структуру: ИГ посессора и ИГ множества выбора получают генитивное маркирование, в то время как ИГ посессума и ИГ выбираемого множества маркируются аффиксом посессивности 3-го лица. Это делает возможным унифицированный анализ для структур типа (i), присутствие посессивного показателя 3-го лица, в которых объясняется наличием в структуре нулевой генитивной ИГ, соответствующей «большому» множеству.

(i) [DP[ø]] *eki-nči-zi* *padmaskovje* *ürön-en*
 (из детей) два-ORD-3 Подмосковье учиться-PFCT
 ‘Второй (из детей) учится в Подмосковье’. [Гращенко 2009: 160]

По-видимому, аналогичный анализ для обсуждаемых в настоящей статье чувашских конструкций невозможен. Во-первых, в чуваш-

- (2в) *san-a*   *simës*   / *simëz-ë*   / *simës-i*
 ты-OBJ   зеленый   зеленый-Р_3   зеленый-Р_3
itla-rak   *kilëz-et*
 лишний-CMPR   нравится-NPST[3SG]
 ‘Зеленое тебе идет больше’.

Пример (3) демонстрирует аналогичное поведение причастной формы настоящего времени на *-agan* / *-egen*:

- (3) *per-e*   *xirëc*   *kil-egen*   / *kil-egen-ë* —
 мы-OBJ   напротив   идти-PC_PRS   идти-PC_PRS-Р_3
man   *pitei*
 я.GEN   брат
 ‘Идущий нам на встречу — мой брат’.

То же правило соблюдается и при несубъектной позиции безвершинной ИГ: падежные показатели в случае субстантивации могут присоединяться напрямую к основе прилагательного или к аффиксу посессивности, который, таким образом, не является обязательным:

ском невозможно генитивное кодирование ИГ (во мн. ч.), обозначающей множество выбора, вместо этого используется кодирование аблативным падежом, который, как отмечается в уже упомянутой статье [Гращенков 2009], в тюркских языках не имплицитно притяжательных показателей на вершине.

- (ii) *këbe-zen   / *këbe-zen-zen*   *simës*
 платье-PL[GEN]   платье-PL-ABL   зеленый
 / *simës-i*   / *simëz-ë*   *san-a*   *itla-rak*
 зеленый-Р_3   зеленый-Р_3   ты-OBJ   лишний-CMPR
kilëz-et
 нравится-NPST[3SG]
 ‘Из платьев тебе больше всего идет зеленое’.

Следовательно, чувашские ИГ с эллипсисом в примерах типа (2б) структурно устроены иначе, чем посессивные ИГ этого языка.

Вторым значимым аргументом против такого анализа, на наш взгляд, является наличие грамматичных примеров типа (2в), в которых никакое конкретное множество выбора (любая одежда / ткани и др.) вообще не подразумевается и, следовательно, не может быть восстановлено.

- (4) *şorə san-a simës-ren / simëz-ën-dæn*
 белый ты-OBJ зеленый-ABL зеленый-P_3-ABL
itla-rak kilëş-et
 лишний-СМРР нравиться-NPST[3SG]
 ‘Белое тебе идет больше, чем зеленое’.

В то же время другие словоформы, способные выступать в качестве зависимых в именной группе (причастия прошедшего времени на *-në / -nə* и долженствования на *-mali / -meli*, зависимые существительные в косвенных падежах (типа *poskil-ën* ‘соседей’ или *vərman-da* ‘в лесу / лесной’), послелогои, формы сравнительной степени прилагательных, количественные и порядковые числительные, а также копулы *şok* ‘нет’ и *por* ‘есть’, всегда получают маркер принадлежности 3-го лица, если выступают в роли именной вершины. Так, в примере (5) причастие прошедшего времени *kil-në* ‘пришедший’ не может употребляться в позиции вершины именной группы без показателя принадлежности третьего лица, в отличие от формы причастия настоящего времени, приводимой в примере (3):

- (5) *kil-n-i / *kil-në nomaj eñnë*
 идти-PC_PST-P_3 идти-PC_PST много новый
pel-ze jol-at
 знать-CV_SIM оставаться-NPST[3SG]
 ‘Тот, кто пришел (пришедший), узнал много нового’.

В примере (6) синтаксической субстантивации подвергается группа с неименной вершиной, выраженной отрицательным экзистенциальным показателем *şok*, а в примере (7) — послеложная группа с послелогом *xieñdza* ‘сзади’. Как и в примере (5) выше, опущение показателя субстантивации в обоих случаях неграмматично:

- (6) [*kil-de adza şok-i-zem / *şok-sem*]
 дом-LOC ребенок NEG_EX-P_3-PL NEG_EX-PL
podarək il-m-etë
 подарок брать-NEG-NPST.3PL
 ‘Те, у кого дома нет детей, не покупают подарки’.

- (7) [pørt *xie-ən-d̥-i-zem* / **xie-ən-d̥a-zam*] *man-a*
 дом зад-Р_3-LOC-Р_3-PL зад-Р_3-LOC-PL я-OBJ
käd-eteë
 ждать-NPST.3PL
 {Кто там за домом?} — ‘Те, кто за домом, ждут меня’.

Наконец, в [Ашмарин 1898: 172; Федотов 1970; Павлов 1985 и др.] приводятся многочисленные примеры, где аффиксы *-i* (преимущественно) и *-ë / -ə* (маргинально) выступают в значении, сходном со значением артикля в некоторых европейских языках, т. е. выполняют функцию маркирования референциального статуса участника, которую мы далее будем называть функцией маркирования **определенности**. Пример (8), привлекаемый из записей нарратива по фильму “The Pear Film” [Chafe 1980], иллюстрирует именно такой случай употребления обсуждаемого аффикса в малокарачкинском говоре — здесь показатель посессива выполняет анафорическую функцию, маркируя участника ситуации, ранее введенного в дискурс:

- (8) *on-d-ak aržin ateä vëlasipet-pa*
 он-LOC-EMPH мужчина ребенок велосипед-INS
gaj-at. aržin ate-i on
 идти-NPST[3SG] мужчина ребенок-Р_3 он
bat-ni-a gil-et
 близость-Р_3-OBJ идти-NPST[3SG]
 ‘Там едет мальчик на велосипеде. Этот мальчик подъезжает к нему {человеку, который собирает груши}’.

Как будет показано в разделе 4, подобные употребления показателя посессивности 3-го лица в изучаемом говоре встречаются довольно широко. Вместе с тем использование обсуждаемого аффикса невозможно в контекстах с нереферентным участником и спорно, хотя и не исключено, в контекстах с неопределенным участником, как в примерах (9) и (10) соответственно.

- (9) *ein / *ein-ë / *ein-i vilëm-lë*
 человек человек-Р_3 человек-Р_3 смерть-PROP
 ‘Человек смертен’.
- (10) *tëmle ein / ?¹OK ein-ë / ?¹OK ein-i on-a*
 какой-то человек человек-Р_3 человек-Р_3 он-OBJ

uže tu-za
уже делать-CV_SIM
‘Какой-то человек уже сделал это’.

В примере (11) ниже аффикс посессива 3-го лица маркирует существительное с местоименным модификаторами *man* ‘мой’, что свидетельствует, с одной стороны, о невозможности интерпретировать аффикс посессивности в этих примерах как показатель отношения принадлежности 3-му лицу, а с другой — о несохранении различия в лице посессора в референциальных употреблениях посессива, что, в свою очередь, можно рассматривать в качестве косвенного свидетельства начала грамматикализации этого показателя в обсуждаемой функции:

- (11) *kriłtsa ein-dže san tada man kožak-sam*
крыльцо верх-P_3-LOC ты.GEN и я.GEN кошка-PL
lar-za, man kožak /^{OK}kožag-ə man
сидеть-CV_SIM я.GEN кошка кошка-P_3 я.GEN
bat-nⁱ-a teop-sa pir-te-ə
у-P_3-OBJ бежать-CV_SIM идти-PST-3SG
‘На крыльце сидели твоя и моя кошка. Моя кошка подбежала ко мне’.

Этот класс употреблений принято, вслед за [Павлов 1985], относить к т. н. особой «категории выделения», а аффикс *-i* (и преимущественно именно *-i*, хотя примеры с алломорфом *-ə*⁶ также встречаются у разных авторов), начиная с [Павлов (отв. ред.) 1957: 63–64, 81–82], в литературе характеризуется как «выделительный аффикс». При этом описание этого показателя проводится отдельно от показателей посессивности [Павлов 1985], а в статье И. А. Андреева «О категории дефинитивности в чувашском языке» [Андреев 1965: 81–82] «выделительный аффикс» *-i* даже характеризуется как омонимичный посессивному показателю 3-го лица, при этом оснований для разграничения двух морфем не приводится. Этим подход грамматики [Павлов (отв. ред.) 1957] и последующих работ отличается от описания

⁶ В литературном чувашском алломорф посессивного показателя 3-го лица *-ə* не подчиняется сингармонизму по ряду, в отличие от соответствующего показателя в малокарачкнском говоре.

Н. И. Ашмарина, который полагал, что маркирование дискурсивного статуса входит в сферу функционала собственно посессивного показателя 3-го лица [Ашмарин 1898: 173–174].

В работе [Luutonen 2011: 55–56], по всей видимости, впервые подчеркивается, что в большинстве существующих работ по чувашской грамматике между перечисленными контекстами употребления аффиксов *-i* и *-ë* (выражение принадлежности, маркирование групп с нулевой именной вершиной и выражение определенности) не проводится четкой границы. Й. Луутонен отмечает, что в литературе, последовавшей за коллективной грамматикой [Павлов (отв. ред.) 1957], многие формы, охарактеризованные в этой грамматике, как формы с посессивным показателем 3-го лица, были реклассифицированы как формы с показателем «категории выделения». При этом к примерам с «выделительным аффиксом» относят не только дискурсивные употребления обсуждаемого показателя, но и такие употребления, которые мы в настоящей статье описываем как субстантивные (см. примеры в [Сергеев 2002: 125]).

Таким образом, по-видимому, по сей день нерешенными остаются два вопроса: 1) являются ли посессивный аффикс 3-го лица с алломорфами *-i* / *-ë* и маркер «категории выделения» *-i* [Павлов 1985] одним показателем с морфонологически распределенными алломорфами или разными показателями (синхронно и диахронически) и 2) каким образом в случае существования отдельных показателей они распределены в перечисленных функциональных зонах посессивности, субстантивации и определенности.

Начать обсуждение этих вопросов стоит с обращения к истории развития обсуждаемых показателей. Й. Луутонен [Luutonen 2011] проводит подробный разбор предполагаемых когнатов чувашского «номинализатора» (*nominalizer*) *-i* в турецком (*-ki*), татарском (*-qi* / *-i*) и некоторых древних тюркских языках и на основании проведенного анализа со ссылкой на [Ramstedt 1952: 234] предлагает считать чувашский показатель *-i* в явно непосессивных контекстах производным общетюркской морфемы *-KI*, которой присущи одновременно и функции субстантиватора, и функции определенного маркера [Luutonen 2011: 21, 52]. При этом наблюдаемая омонимия показателя посессивности и показателя субстантивации рассматривается Й. Луутоненом вслед за

[Benzing 1959] как результат нейтрализации морфемного различия между двумя аффиксами.

Относительно генезиса собственно посессивного показателя с алломорфами *-i*, *-ë* в известных нам трудах по чувашской исторической морфологии удовлетворительных сведений не представлено. А. И. Иванов [Иванов 1970: 67–70] отмечает относительно недавнее происхождение этих показателей по сравнению с показателями посессивности 1-го и 2-го лица, которые аналогичны соответствующим суффиксам в других тюркских и, по всей видимости, происходят от личных местоимений. Распределение чувашского посессивного показателя *-i* отличается от дистрибуции посессива 3-го лица *-i* в других тюркских языках тем, что чувашский показатель присоединяется исключительно к основам на гласный, в то время как общетюркский *-i* модифицирует основы только на конечный согласный [Левитская 1976: 14–16; Erdal 2004: 160–162]. В [Федотов 1983: 49], а также в [Дыбо 2006: 238] со ссылкой на [Рамстед 1957] чувашский посессив *-i* возводится к тунгусо-маньчжурскому личному местоимению 3-го лица, однако обоснования такой реконструкции не представлены ни в одной из работ.

Таким образом, в литературе не находится не только однозначного объяснения факту полисемии, демонстрируемой аффиксами *-i* и *-ë*, но и не содержится исчерпывающей и однозначной информации о происхождении и развитии этих показателей, что оставляет возможность предполагать несколько возможных путей, приведших к наблюдаемой синхронно системе.

Значимым аргументом в пользу теории о различном статусе показателей посессива и аффикса «категории выделения» является факт несимметричного распределения алломорфов *-i*, *-ë* в литературном чувашском. Так, согласно существующим описаниям, функцию субстантиватора преимущественно выполняет аффикс *-i*, а *-ë* практически не представлен в этой зоне и употребляется только с очень небольшим кругом прилагательных [Ашмарин 1898: 165; Павлов (отв. ред.) 1957: 103]. Это обстоятельство в некоторой степени свидетельствует в пользу выводов, сделанных Й. Луутоном о том, что контексты субстантивации и определенности в чувашском обслуживаются специальным показателем-когнатом общетюркской морфемы *-KI*.

С другой стороны, набор обозначенных функций не является типологически редким для показателя посессивности. Так, известно, что посессивный показатель 3-го (а иногда и 2-го лица) используется в роли маркера определенности во многих уральских [Faugud 2001; Nikolaeva 2003; Кузнецова 2012] и в некоторых тюркских, а также других алтайских языках [Кузьменко 2014: 88]. В работе [Huehnergard, Pat-El 2012] приводятся свидетельства наличия функций показателя референциального статуса у показателя посессивности 3-го лица в четырех семитских языках. Типологически не уникально также совмещение функций посессивности и субстантивации. Так, в статье [Кузьменко 2014: 90] указывается, что функция субстантивации в целом характерна для развивающихся артиклей и имеется у всех показателей притяжательности в языках, обладающих этой категорией, в качестве иллюстрации при этом приводятся примеры только из чувашского. Однако, например, в [Сердобольская 2017: 95] отмечается использование посессивного показателя 3-го лица в контекстах с нулевой именной вершиной в удмуртском языке. Таким образом, с точки зрения типологии, постулирование в чувашском языке отдельной «категории выделения» выглядит по крайней мере излишним, так как все перечисленные значения отмечаются у притяжательных показателей в целом ряде неродственных языков.

Далее в настоящей статье будет предпринята попытка анализа зоны функционирования алломорфов посессивного показателя 3-го лица в малокарачкинском говоре чувашского языка. В статье мы преследуем следующие цели. Во-первых, описать основные зоны функционирования маркеров определенности и субстантивации в изучаемом идиоме на основе типологических данных о соответствующих категориях. Во-вторых, установить, существуют ли в малокарачкинском говоре различия в дистрибуции алломорфов *-i* и *-ə / -ë*. Эта задача основана на представлении, что если непосессивные употребления в действительности свойственны преимущественно алломорфу *-i*, возводимому к показателям «категории выделения», то дистрибуция аффиксов в части употреблений не должна быть обусловлена только морфонологическими требованиями.

Работа структурирована следующим образом. В разделе 2 мы рассмотрим морфонологию показателей *-i* и *-ə / -ë* в мало-

карачкинском чувашском. В разделе 3 приведена возможная модель словоформы с несколькими показателями посессивности 3-го лица. Раздел 4 посвящен описанию основных контекстов употребления форм, маркированных суффиксами *-i*, *-ə / -ë* в значении показателей определенности. В разделе 5 освещается способность посессивного показателя 3-го лица функционировать в роли субстантиватора. Раздел 6 содержит анализ словоформ, сочетающих в себе несколько показателей посессива в предположительно различных функциях. Раздел 7 завершает работу и кратко суммирует основные выводы, сделанные в статье.

2. Морфонология

Согласно Н. И. Ашмарину [Ашмарин 1898: 375], выбор алломорфа посессивного аффикса 3-го лица в малокарачкинском говоре определяется главным образом свойствами конечного звука производящей основы. В целом можно сказать, что сделанные Н. И. Ашмариным выводы справедливы для синхронно наблюдаемой в малокарачкинском говоре системы. Таблица 1 суммирует существующие на данный момент сведения о морфонологии показателя посессивности 3-го лица в малокарачкинском говоре.

Таблица 1. Морфонологические свойства посессивного показателя 3-го лица в малокарачкинском говоре

Table 1. Morphological properties of the 3rd person possessive suffix in Maloe Karachkino Chuvash

<i>-i(n)</i>	<i>-ə / -ë(n)</i>
$\_V+ \_i = V \rightarrow \emptyset, \_i$, если $V \neq i / u / y$	$\_C+ \_ə / \_ë = \_C(-ə / -ë)$ $\_i / u / y + ə / -ë = \_ (i / u / y)j(ə / ë)$
Если гласный в конечном сочетании VCV — неполного образования, то при добавлении показателя посессивности конечный согласный — глухой, в остальных случаях — звонкий.	Вызывает озвончение предшествующего глухого согласного, если тот не входит в кластер шумных. Согласные <i>t</i> и <i>d</i> в сочетании с аффиксом аффрикатируются: $t / d + \_ə / \_ë = tɕ(ë / ə)$.

Из Таблицы 1 видно, что алломорф посессивного показателя 3-го лица *-i* употребляется со всеми основами, оканчивающимися на гласный, кроме основ на гласные *i / u / y*. При этом конечный

гласный основы удаляется, а предшествующий согласный озвончается. Исключение составляют основы, в которых конечный гласный является редуцированным — в этом случае глухость согласного сохраняется и перед *-i*. Алломорфы *-ə* / *-ë* употребляются во всех оставшихся контекстах и распределены в соответствии с рядом гласных основы. Основы, оканчивающиеся на *i* / *u* / *y*, перед показателем посессивности *-ə* / *-ë* приобретают вставной йот. Распределение показателей иллюстрируется примерами ниже:

(12a) <i>kozak</i>	(12б) <i>on-ən kozag-ə</i>	/* <i>kozak-i</i>
кошка	он-GEN кошка-Р_3	кошка-Р_3
‘кошка’	‘его кошка’	
(13a) <i>pəru</i>	(13б) <i>on-ən pəruj-ə</i>	/* <i>pəru-i</i>
теленок	он-GEN теленок-Р_3	теленок-Р_3
‘теленок’	‘его теленок’	
(14a) <i>laza</i>	(14б) <i>on-ən laz-i</i>	/* <i>lazaj-ə</i>
лошадь	он-GEN лошадь-Р_3	лошадь-Р_3
‘лошадь’	‘его лошадь’	

Склонение форм с маркером посессивности 3-го лица также имеет в малокарачкинском говоре ряд особенностей, отличающих его от литературной системы. Во-первых, перед показателями объектного падежа, локатива и аблатива обязательна вставка *-n-*: *laz-in-e_{OBJ}*⁷ ‘его лошадь(и) / эту(этой) лошадь(и)’. При этом вариант аффикса *-ə* / *-ë* перед показателем объектного падежа (*-a* / *-e*) исчезает, а вставное *-n-* палатализуется и формально служит единственным маркером посессива: *kozak-nⁱ-a_{OBJ}* ‘его кошку(е) / эту (этой) кошку(е)’. Во-вторых, аффиксы локатива (*-ta* / *-te*) и аблатива (*-tan* / *-ten*) после вставного *-n-* принимают вид *-ɕA* и *-ɕAn* соответственно: *laz-in-ɕen_{ABL}* ‘от его лошади / от этой лошади’.

3. Отправные точки. Предполагаемая модель словоформы

Можно полагать, что значимым шагом на пути к выяснению природы показателей *-i*, *-ə* / *-ë* в малокарачкинском чувашском и возможной их дифференциации было бы, с одной сторо-

⁷ В чувашском показатели прямого и косвенного дополнения совпадают.

ны, (1) рассмотрение дистрибуции этих показателей внутри зон субстантивации и определенности, а с другой — (2) тестирование таких контекстов, где ожидалось бы совмещение трех значений (субстантивация, посессивность и определенность), т. к. именно в таких случаях можно ожидать присутствия в одной словоформе нескольких морфем, каждая из которых несет собственное грамматическое значение.

Второе из высказанных предположений требует следующего теоретического замечания. Хорошо известно, что одновременное выражение посессивности и определенности в пределах одной именной группы допустимо не во всех языках. Так, К. Лайонз в [Lyons 1999: 24, 130–134] разделяет все артиклевые языки (к артиклевому К. Лайонз относит и языки с аффиксальными показателями определенности / неопределенности) на два типа: языки с детерминативными генитивами (DG-languages) и адъективными генитивами (AG-languages⁸). Разница между двумя типами заключается в позиции, которую занимает посессивный показатель: в языках с детерминативными генитивами, например в английском, посессор занимает позицию детерминатива, поэтому определенный артикль в составе той же словоформы исключен: *my book* (**the my book*) ‘моя книга’. В языках с адъективными генитивами (например, в итальянском) посессор, по мнению К. Лайонза, занимает позицию адъективного модификатора или иную позицию, поэтому артикль реализуется так же, как и в его отсутствие: *il mio libro* ‘эта моя книга / the my book’ или *un mio libro* ‘одна из моих книг / a my book’. Для языков с генитивами детерминативного типа характерно кумулятивное выражение значений принадлежности и определенности, в то время как в языках с атрибутивными генитивами возможно выражение этих категорий посредством двух разных показателей. Описанная теория позволяет предположить, что если чувашский в действительности относится к языкам с адъективными генитивами, в нем может оказаться возможным некумулятивное выражение категорий определенности и посессивности в одной словоформе, и наоборот, если перед нами язык с детерминативными генитивами, то одновременное маркирование посессивности и определенности различными показателями должно быть невоз-

---

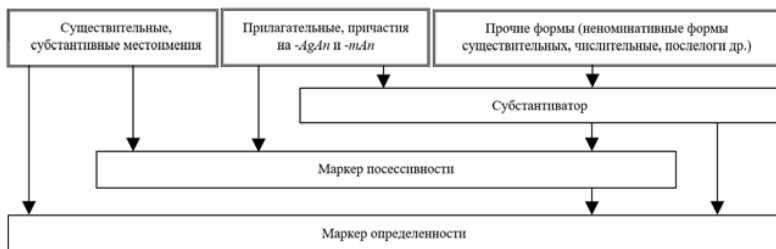
⁸ DG — determiner-genitive, AG — adjectival-genitive [Lyons 1999: 24].

возможным. Далее в настоящей статье будут представлены данные, указывающие на справедливость первого из этих предположений.

Нерешенной к данному моменту остается проблема иерархизации показателей субстантивации, посессивности и определенности в одной словоформе. Избранный в настоящей работе подход опирается на классические представления о порядке следования морфем в словоформе, согласно которым формальная близость морфологических составляющих отражает их концептуальную релевантность: чем больше морфема влияет на семантические и грамматические свойства результирующей словоформы, тем ближе к основе она располагается (см. [Bybee 1985: 33; Wunderlich, Fabri 1994: 247–249]). Исходя из описанного принципа, показатель субстантивации должен располагаться ближе всего к принимающей основе, т. к. процесс субстантивации затрагивает наиболее базовые свойства словоформ, такие как синтаксическая дистрибуция, а также словоизменительный и деривационный потенциал. Напротив, грамматические категории посессивности и определенности, очевидно, оперируют свойствами гораздо менее постоянными и более связанными с дискурсом. В отношении иерархизации граммем посессивности и определенности мы полагаемся на принятое в рамках генеративного подхода расположение функциональной проекции детерминатива над проекцией посессива [Giorgi, Longobardi 1991; Лютикова 2016: 127].

Основываясь на сказанном выше, следует полагать, что словоформа с несколькими показателями посессивности 3-го лица с разным функционалом должна в целом отвечать модели, представленной на Рис. 1.

Рис. 1. Модель словоформы с множественными показателями
 Fig. 1. The model of the wordform with multiple possessive suffixes

Представленная на Рис. 1 модель отражает предполагаемый порядок взаимодействия словоформ, относящихся к различным лексическим классам, с граммемами, отвечающими за субстантивацию, указание на наличие посессивного отношения и определенность. Модель предсказывает, что для существительных и местоимений-существительных (типа *mən=de bolin* ‘что-нибудь’), не нуждающихся в субстантивации, максимально возможное количество показателей 3-го лица в одной словоформе равно двум (при этом каждый из них факультативен). Для словоформ остальных лексикоморфологических классов теоретически возможно присутствие в словоформе до трех аффиксов принадлежности 3-го лица. При этом в случае с третьим классом лексем («Прочие формы» на Рис. 1) способность выражать категории посессивности и определенности является следствием перехода этих лексем в класс субстантивов, поэтому наличие в словоформе показателя, отвечающего за субстантивацию, обязательно, в то время как граммемы посессивности и определенности факультативны.

Забегая вперед, укажем на примеры (15)–(16) ниже, которые иллюстрируют случаи совмещения нескольких показателей посессивности в одной словоформе, наблюдаемые в малокарачкском чувашском и частично подтверждающие теоретические предположения, высказанные выше. Так, пример (15) иллюстрирует словоформу, имеющую, по-видимому, одновременно и показатель субстантивации, и показатель определенности, а пример (16) — словоформу, маркированную показателем посессивности 2-го лица и показателем определенности.

(15) *korda* *ei-n-dæ* *xora-ba* *şorə* *kozak*
 забор верх-Р_3-LOC черный-INS белый кошка
lar-a-təə. ***xor-ij-ə*** *əvən-at*
 сидеть-NPST-3PL черный-Р_3-Р_3 умыться-NPST[3SG]
 ‘На заборе сидят черный и белый кот. Черный умывается’.

(16) *ep* *oram-ba* *san* *jidə* *kor-d-əm.*
 я улица-INS ты.GEN собака видеть-PST-1SG
san ***jit-uj-ə*** *vër-me* *poşla-r-ə*
 ты.GEN собака-Р_2SG-Р_3 лаять-INF начинать-PST-3SG
 ‘Я на улице увидел твою собаку. Твоя собака начала лаять’.

Вместе с тем, вопреки предсказанию схемы на Рис. 1, в исследуемом говоре сочетание трех показателей посессивности 3-го лица в одной словоформе невозможно. Более подробный анализ форм с несколькими аффиксами будет дан в разделе 6 настоящей статьи.

4. Определенность

В первую очередь отметим, что распределение показателей определенности в малокарачкинском чувашском всегда происходит в соответствии с морфонологическими правилами, представленными в Таблице 1 выше. То есть алломорф *-ə / -ë* всегда присоединяется к двум видам основ — на согласный и на *u / y / i* (с изменением основы в *ij / yj / ij*), — а алломорф *-i* присоединяется только к основам на гласный (кроме *u / y / i*) с удалением исходного гласного основы (см. примеры (12)–(14) выше).

Теперь обратимся непосредственно к уточнению дистрибуции посессивного показателя в роли показателя определенности в малокарачкинском говоре. Как будет показано ниже, аффикс принадлежности в функции показателя определенности используется в анализируемом говоре достаточно широко, однако **не является обязательным в большинстве контекстов**. Подобная же картина наблюдается в дистрибуции посессивов как показателей определенности во многих уральских [Simonenko 2014] и по крайней мере некоторых семитских языках [Huehnergard, Pat-El 2012]. Последнее обстоятельство можно было бы рассматривать как свидетельство низкой степени грамматикализации посессивного показателя в функции маркера определенности (о значимости критерия обязательности для процесса грамматикализации см. [Lehman 2002: 112–128]). Однако более верным представляется подход, предлагаемый в [Fraurud 2001]. К. Фрауруд приводит диахронические свидетельства того, что уральские и тюркские (рассматривается только материал турецкого) показатели посессивности в функции маркеров определенности не только не стали использоваться чаще (что ожидалось бы, находишь они на пути грамматикализации), чем в реконструируемом прауральском (с опорой на [Janhunen 1981: 32]) или старотурецком (с опорой на [Ergin 1983: 225]), но даже демонстрируют меньшую степень регулярности употребления в этом контексте на синхронном уров-

не. На основании этого наблюдения К. Фраурд отказывается от гипотезы о том, что обсуждаемые показатели стремятся к тому, чтобы стать частью собственно грамматической системы в функции маркирования определенности, и вместо этого предлагает считать, что уральские и тюркские посессивные показатели на самом деле не являются маркерами определенности в том же смысле, что, например, германские или романские артикли. По ее мнению, ключевой функцией посессивных маркеров является не собственно референция (как в случае с европейскими артиклями), а **ассоциация**. Под ассоциацией понимается такое отношение, при котором элемент дискурса не имеет референциальной связи с конкретным объектом, упомянутым в предтексте (эксплицитно выраженный антецедент может совсем отсутствовать), но может быть соотнесен либо с упоминаемыми выше объектами на основе семантической общности (как при ассоциативной анафоре), либо с контекстной ситуацией как таковой (как при определенном маркировании в контексте локальной уникальности, см. (24)). При таком подходе требование обязательности употребления, предъявляемое к артиклям, снимается. Ниже мы покажем, что подход К. Фраурд может быть применен в том числе к чувашским данным.

Как уже было обозначено во введении, единственным случаем, где использование показателя посессивности в функции маркера определенности категорически запрещается, является контекст с нереферентным участником. Так, в примере (17) маркирование запрещено при нереферентности в ирреалисе (*irrealis non-specific* по [Haspelmath 1997]), накладываемой местоименным комплексом *mënlë=de bolin* ‘какой-нибудь’:

- (17) *mënlë=de*   *bol-in*   *ëmët* /**ëmëte-ë*
 какой=и   быть-CONC   мечта   мечта-P_3
por-ən=da   *por*
 все-GEN=и   EX
 ‘Уж какая-нибудь мечта есть у каждого’.

В неопределенных контекстах картина менее однозначна: сконструированные примеры с показателем посессивности оцениваются носителями как не вполне приемлемые, но не запрещаются категорически, ср. пример (18=10).

- (18) *təmle* *ein* /^{2/OK}*ein-ë* /^{2/OK}*ein-i* *on-a*
 какой-то человек человек-Р_3 человек-Р_3 он-OBJ
uže *tu-za*
 уже делать-CV_SIM
 ‘Какой-то человек уже сделал это’.

Относительная возможность использования показателей *-i* и *-ë* / *-ə* в неопределенных контекстах может рассматриваться как аргумент против традиционного подхода к подобным контекстам как к случаям употребления т. н. «категории выделения», принятого в [Павлов 1985: 13]⁹ и последующих работах.

Необычно, что обсуждаемый показатель принимают в том числе и местоимения с детерминативной семантикой. Так, в примере (19) показатель определенности присоединяется к определенному местоимению *ku* ‘этот’ (однако наличие аффикса не обязательно).

- (19) *ku* *sëtë-ë* *jyë-se* *gaj-za,*
 этот молоко-Р_3 киснуть-CV_SIM идти-CV_SIM
kuj-ə /^{OK}*ku* *teiber-rek*
 этот-Р_3 этот красивый-CMPR
 ‘Это молоко уже испортилось, а это — лучше’.

Кроме того, показатель определенности может маркировать личные имена людей и топонимы:

- (20) *ku* *ivan(-ë)* *nomaj pizmo eir-agan-ë*
 этот Иван-Р_3 много письмописать-PC_PRС-Р_3
lajək *arzin* *atea*
 хороший мужчина ребенок
 ‘Этот Иван, который пишет много писем, — хороший мальчик’.

Дальнейшее описание дистрибуции показателя определенности строится на основе контекстов из [Hawkins 1978 / 2015] и [Simonenko 2014], которые рассматриваются как диагностические

⁹ Под «категорией выделения» И. П. Павловым понимается такая «морфологическая категория, которая способствует той или иной части речи выделять субстанциональный объект, упомянутый ранее в речи или известный по контексту и ситуации, через его признак» [Павлов 1985: 13].

для показателей определенности. Контекст, где использование показателя определенности в малокарачкинском чувашском оказывается наиболее характерным, — **выбор из заданного множества**, как в примере (21):

- (21) *ebë laž-i këdy kor-d-əm.*
 я лошадь-P_3 стадо видеть-PST-1SG
për laž-i /^{OK}laža man
 один лошадь-P_3 лошадь я.GEN
bat-ŋⁱ-a kil-te-ë
 у-P_3-OBJ идти-PST-3SG
 ‘Я увидел табун лошадей. Одна лошадь подошла ко мне’.

В данном типе контекста группа, из которой производится выбор, может быть неоднородна, а выделяемый участник не обязательно должен быть единичным. Так, в примере (22) ИГ *igë kožagə* ‘две кошки’, маркированная показателем принадлежности 3-го лица, напрямую не упоминается в левом контексте и отсылает более чем к одному объекту. Подобные примеры доказывают, что показатель определенности возможен в контекстах выбора из определенной группы даже в отсутствие прямой референциальной отсылки (об анафорических употреблениях аффикса определенности см. ниже):

- (22) *man-ən nomaj tərđan bol-za no*
 я-GEN много животное быть-CV_SIM но
igë kožag-ə /^{OK}kožak man-ran
 два кошка-P_3 кошка я-ABL
tar-za
 убежать-CV_SIM
 ‘У меня было много животных, но две кошки скоро убежали’.

Появление показателя определенности невозможно в контекстах с глобальной и локальной уникальностью, принципиально исключающими возможность выбора из нескольких референтов. **Глобальной уникальностью** (*larger situation uses* в [Hawkins 2015 / 1978: 115]) обладают объекты, являющиеся единственными в своем роде (ср. *xølv* ‘солнце’ в примере (23)). Использование маркера определенности в подобных контекстах в малокарачкинском чувашском запрещено:

- (23) *xøli* / *xøli-ë *an-za*
 солнце солнце-P_3 садиться-CV_SIM
var-za
 зарывать-CV_SIM
 ‘Солнце уже село’.

Локальная уникальность (*immediate situation uses* в [Hawkins 1978 / 2015: 110]), наоборот, свойственна референтам, которые являются единичными в строго специфицированном пространстве, общем для говорящего и слушающего в данный момент времени. Эффект определенности в данных употреблениях возникает из способности участников ситуации однозначно идентифицировать объект, о котором идет речь, в силу его уникальности в данной ситуации. В примере (24) именно к такому референту отсылает ИГ *jalda përden-për lafka* ‘единственный магазин в деревне’, однако использование маркера определенности в данном контексте недопустимо. Употребление показателя определенности возможно только при опущении модификатора *përden-për* ‘единственный’ с изменением интерпретации на ‘этот магазин, один из нескольких, еще закрыт’:

- (24a) *xali* *eiðë* *seget* *andzak jal-da*
 сейчас семь час только деревня-LOC
për-den-për lafka / *lafk-i *ozə* *mar*
 один-ABL-один лавка лавка-P_3 открытый NEG_ASCR
 ‘Сейчас только семь утра, единственный в деревне магазин не открыт’.

- (24б) *xali* *eiðë* *seget* *andzak jal-da*
 сейчас семь час но деревня-LOC
^{OK}*lafk-i* *ozə* *mar*
 лавка-P_3 открытый NEG_ASCR
 ‘Только семь утра, поэтому деревенский магазин (один из нескольких) не открыт’.

Кроме контекстов выбора из заданного множества, посессивный показатель 3-го лица в функции показателя определенности регулярно используется для анафорической отсылки к участникам, введенным в дискурс в предтексте. Так, в предло-

жении (25) показателем определенности маркируется повторное упоминание шубы:

- (25) *kəzal*   *ebë*   *kërëk*   *il-d-ëm*
 этот.год   я   шуба   купить-PST-1SG
kërëg-ë   /^{OK}*kërëk*   *pet*   *ozë-sker*
 шуба-P_3   шуба   очень   теплый-SUBST
 ‘В этом году я купила шубу. Шуба очень теплая’.

Пример (26) иллюстрирует случай употребления показателя определенности для референциальной отсылки в естественном нарративе — рассказе о жизни бабушки:

- (26) *vëzen*   *tadə*   *atea*
 они.GEN четыре   ребенок
əoral-at: *igë*   *xër,*   *igë*   *ul.*
 родиться-NPST[3SG]   два   девушка   два   сын
xal'i   *ate-i-zem*   *kil-ze*
 сейчас   ребенок-P_3-PL   идти-CV_SIM
pët-në   *ëndë*
 кончаться-PC_PST   уже
 ‘У них родилось четверо детей: две дочери и два сына. Сейчас дети умерли уже’.

В отношении обсуждаемого контекста и того, насколько функционал и семантика показателя определенности в малокарачкнском чувашском сравнимы с употреблениями показателей определенности в артиклевых европейских языках, показателен пример (27). Несмотря на отсутствие значения определенности и даже референтности участника в описываемой ситуации, маркер посессива 3-го лица может присоединяться к существительному *jida* ‘собака’ при его повторном употреблении в данном речевом фрагменте. Это, стоит полагать, свидетельствует о том, что ключевой функцией показателя определенности в чувашском является не столько указание на известного и конкретного участника, сколько на участника, упомянутого в предшествующем дискурсе, что соотносится с теорией ассоциативной референции К. Фрауруд, описываемой выше.

- (27) *ep jəd-a il-eṣ-ṣën. ṣtobə ku*
 я собака-OBJ брать-PC_FUT-CSL чтобы этот
j#i-man-a sixla-t
 собака-P_3 я-OBJ охранять-NPST[3SG]
 ‘Я хочу купить собаку, чтобы эта собака меня охраняла’.

Так как из четырех основных семантических зон определительного маркера, выделенных Дж. Хокинзом [Hawkins 1978 / 2015: 106–130], — выбор из определенного множества (1), анафорическая отсылка (2), глобальная уникальность (3) и локальная уникальность (4) — малокарачкинский посессив 3-го лица регулярно используется в первых двух и никогда — в двух последних, можно предположить, какое семантическое основание объединяет две эти зоны. Наиболее вероятным таким основанием является возможность актуализации одного участника из нескольких доступных, которая является общей для контекстов выбора из множества и контекстов с анафорическим антецедентом: в первом случае осуществляется выбор одного объекта из заданной группы, во втором — одного уже упомянутого участника среди новых. В контекстах, предполагающих уникальность референта (как глобальную, так и локальную), компонент существования множества, из которого может быть произведен выбор, исключен.

Отдельным подтипом анафоры является т. н. ассоциативная анафора, или бриджинг (bridging). Согласно [Lyons 1999: 4–5], бриджинг представляет собой такой вид отсылки к предыдущему контексту, при котором референциальная связь между участниками устанавливается не в силу их кореферентности (как, например, в (27)), а в силу знаний говорящих о мире и о том, что называемые сущности связаны взаимными отношениями. Так, в примерах (28)–(29) участники *xër* ‘невеста’ и *εolguε* ‘колодец’ не упомянуты непосредственно в предшествовавшем контексте, однако их появление «предсказано» конситуацией:

- (28) *ep ëner toj-ra bol-d-эм.*
 я вчера свадьба-LOC быть-PST-1SG
xër-ë pet xitre-të
 девушка-P_3 очень красивый-COP_PST
 ‘Я был на свадьбе. Невеста была очень красивой’.

- (29) *ep*   *ʒu*   *pat-nⁱ-a*   *karⁱ-əm*.
 я   вода   у-Р 3-OBJ   уходить.PST-1SG
ʒəlguz-ə   / ^{ok}*ʒəlguc*   *tuli-ex*
 колодец-Р 3   колодец   полный-EMPH
 ‘Я пошел за водой. Колодец полный’.

При рассмотрении примера (28) можно было бы предположить, что на самом деле такого рода употребления могут интерпретироваться как посессивные (‘женихова невеста’, ‘свадьбина невеста’). Однако пример (30) ниже свидетельствует о запрете на экспликацию такого «закодированного» посессора без соответствующего изменения семантики сообщения на ‘его невеста’ ≈ ‘невеста моего друга’:

- (30) *ep*   *ëner*   *tuj-ra*   *pol-d-əm*.
 я   вчера   свадьба-LOC   быть-PST-1SG
on-ən   *xër-ë*   *pit*   *xitre-tëë*
 он-GEN   девушка-Р 3   очень   красивый-COP_PST
 ‘Вчера я был на свадьбе {своего друга}. Его невеста была очень красивая’.
 *‘Вчера я был на свадьбе. Невеста была очень красивая’.

Возможность употребления чувашского посессива 3-го лица в контекстах с ассоциативной анафорой согласуется с обсуждаемой выше гипотезой К. Фрауруд об ассоциативной, а не референциальной определенности, выражаемой притяжательными показателями в уральских и алтайских языках.

В настоящем разделе была очерчена сфера употребления чувашского показателя посессивности 3-го лица в функции маркера референциального статуса с точки зрения типологии референциальных значений притяжательных аффиксов в других языках. На основании представленных данных можно сделать вывод, что употребление чувашского посессива обнаруживает параллели во многих уральских языках [Simonenko 2014], в связи с чем постулирование специальной «категории выделения» кажется как минимум излишним, по крайней мере на синхронном уровне.

5. Маркирование нулевой именной вершины ИГ

Как упоминалось во введении, показатель посессивности 3-го лица в чувашском языке может употребляться в именных группах с отсутствующей именной вершиной, при этом форма, маркированная этим показателем, приобретает характерные свойства существительного: способность изменяться по числу и падежу, а также занимать соответствующую синтаксическую позицию вершины именной группы, т. е. подвергается условной «синтаксической субстантивации». Приобретать субстантивные свойства посредством присоединения посессивного маркера 3-го лица в чувашском языке может довольно широкая группа словоформ: прилагательные, причастия, а также падежные формы существительных (31) и местоимений (32) с атрибутивным и адвербиальным значением, формы сравнительной степени прилагательных (33), числительные (34) и даже копулы *por* ‘есть’ (35) и *çok* ‘нет’ (см. (6)). При этом, как отмечалось во введении, маркирование посессивным показателем причастий настоящего времени и отрицательных причастий опционально, а в случае с остальными формами — обязательно:

- (31) *man=da xër*   *bor*   *poskil-ën=de xër*.
 я.GEN=и девушка   EX   сосед-GEN=и девушка
poskil-ën-i   / *poskil-ën   *pizäk-rak*
 сосед-GEN-P_3   сосед-GEN   большой-CMPR
 ‘У меня и у соседа есть дочери. Соседова старше’.

- (32) *ep*   *xola-r-i-be*   / *xola-ra-ba
 я   город-LOC-P_3-INS   город-LOC-INS
*jal-d-i*¹⁰   *klub-a*   *kil-d-ëm*
 деревня-LOC-P_3   клуб-OBJ   идти-PST-1SG
 ‘Я пришел в сельский клуб с [человеком] из города (с городским)’.

¹⁰ Формы локативного падежа с показателем посессивности 3-го лица *-i* могут, кроме того, выступать в роли атрибутивного зависимого при именной вершине: *jal-d-i çin* ‘человек, который в городе’ ≈ ‘городской человек’, при этом присоединение показателя принадлежности к прилагательным в позиции приименного модификатора невозможно: *çamræk* / *çamræg-ä / *çamræk-i çin ‘молодой человек’.

- (33) *ebe igë laza kor-d-əm. san-ən-ni-e*
 я два лошадь видеть-PST-1SG ты-GEN-P_3-OBJ
 / **san-ən-e tada vaş-ən-ni-a*
 ты-GEN-OBJ и Вася-GEN-P_3-OBJ
 ‘Я видел двух лошадей — твою и Васину’.
- (34) *eylə-reg-ë / *eylə-rek ky këneke*
 высокий-CMPR-P_3 высокий-CMPR ЭТОТ книга
il-il-et
 брать-POT-NPST[3SG]
 ‘Тот, кто высокий, сможет достать эту книгу’.
- (35) *përe-mez-ë / *përe-meş pris il-et*
 один-ORD-P_3 один-ORD приз брать-NPST[3SG]
 ‘Первый получит приз’.
- (36) *kënege vol-agan ein [nomaj okca*
 книга читать-PC_PRS челове много деньги
por-in-tzen / *por-dan] pojan-rak
 EX-P_3-ABL EX-ABL богатый-CMPR
 ‘Человек, который читает книги, богаче того, у кого много денег’.

Представляется, что разница между отрицательными причастиями и причастиями настоящего времени и прилагательными, с одной стороны, и другими типами словоформ — с другой, может быть объяснена близостью первых к классу существительных. Так, прилагательные в чувашском слабо отделимы от существительных, т. е. большинство «прилагательных» таково, что одновременно означает и свойство, и носителя этого свойства (ср. *iltan* ‘золотой / золото’) [Павлов (отв. ред.) 1957: 62–63]. С точки зрения семантики, на статус прилагательных в большей степени претендуют лексемы со значением цвета или размера (ср. *eylə* ‘высокий’, но *eylëş* ‘высота’), поскольку обозначение признака для этих лексем, как ожидается, первостепенно [Там же]. Однако, судя по данным малокарачклинского говора, даже наиболее «прототипические» прилагательные синтаксически могут вести себя таким же образом, как обычные существительные (т. е. способны занимать позиции существительных без дополнительного субстантивного маркирования). Вместе с тем применительно к при-

частиям настоящего времени и отрицательным причастиям (на -mAn / -mEn) подобное основание привести затруднительно.

Важной особенностью, отличающей малокарачклинский говор от литературного языка, является то, что в качестве субстантиватора в данном идиоме широко используется не только аффикс *-i* (см. выше и [Ашмарин 1898: 165; Павлов (отв. ред.) 1957: 103]), но и алломорф посессивного показателя *-ə / -ë*. При этом, в отличие от контекстов, где алломорфы посессивного показателя используются в роли показателей определенности, в случае субстантивации распределение аффиксов только частично зависит от морфонологических свойств основы: с основами на гласный, подобно контекстам определенности, возможен исключительно показатель *-i*, в то время как с основами на согласный одинаково возможны оба аффикса (ср. в функции маркера определенности — только *-ə / -ë*), см. примеры (37)–(38) ниже:

- (37) *mən*   *çin*   *nomaj du-ma*
 большой   человек   много делать-INF
pël-et,   ***pëdëk-i***   / ***pëdëg-ë***
 знать-NPST[3SG]   маленький-P₃   маленький-P₃
vëren-et
 учиться-NPST[3SG]
 ‘Большой человек много умеет, маленький — всему учится’.

- (38) *obitëno vərəm*   *lentə xaklə*
 обычно длинный   лента дорогой
tər-at,   ***mədəg-ə***   / ***mədək-i***
 стоять-NPST[3SG]   короткий-P₃   короткий-P₃
jynë-rek
 дешевый-CMPR
 ‘Обычно длинная лента стоит дорого, а короткая — дешевле’.

Из примеров выше видно, что в малокарачклинском говоре оказываются возможны субстантивные формы и с одним, и с другим алломорфом, на первый взгляд, в одном и том же контексте. При этом важно, что формы на *-i* предпочтительны в контекстах выбора одного референта из множества. Например, высказывание ‘тот, кто пишет письмо, хороший’ может быть переведено двумя разными способами, представленными в примерах (39), однако

вариант (39б) употребляется преимущественно в случае, если речь идет об одном референте из обозначенной группы:

(39а) *pizmo eir-agan-ë lajək*
 письмо писать-PC_PRS-P_3 хороший
 ‘Тот, кто пишет письмо, хороший’. {В комнате много человек или один.}

(39б) *pizmo eir-agan-i lajək*
 письмо писать-PC_PRS-P_3 хороший
 ‘Тот, кто пишет письмо, хороший’. {В комнате много человек.}
 *‘Тот, кто пишет письмо, хороший’. {В комнате один человек.}

Как указывалось выше, именно этот контекст является одним из наиболее типичных для показателя определенности. При этом в контекстах с нереферентным участником употребление алломорфа *-i* с основами на согласный обычно невозможно (ср. запрет на употребление маркера определенности в нереферентном контексте в примере (40)):

(40) *mële=de pol-zan simëz-ë / *simës-i*
 какой=и быть-CV_ANT зеленый-Р_3 зеленый-Р_3
olmuş ei-n-dæ eəg-ən-za
 яблоня верх-Р_3-LOC вешать-REFL-CV_SIM
tər-at navernə
 стоять-NPST[3SG] наверное
 {Все яблоки в саду уже поспели, и их собрали.} ‘Но какое-нибудь зеленое еще висит, наверное’.

(41=17) *mënlë=de bol-in ëmët / *ëmëtc-ë*
 какой=и быть-CONC мечта мечта-Р_3
por-ən=da por
 мечта-Р_3 все-GEN=и EX
 ‘Уж какая-нибудь мечта есть у каждого’.

Наиболее логично рассматривать словоформы типа *pëdëk-i* как формы с двумя отдельными показателями для субстантивации и выделения, один из которых в соответствии с морфонологическими закономерностями распределения аффиксов посессива

3-го лица элидируется при добавлении другого. При таком анализе субстантивированные формы на *-i*, обладающие в отличие от прилагательных на *-ə* семантикой определенности, следует рассматривать как образующиеся в два этапа: *pizak* ‘большой’ + *-ə* → *pizag-ə* ‘тот, кто большой’ + *-i* → *pizak-i* ‘тот, кто большой (среди маленьких) / этот самый большой’. Такой анализ, во-первых, соответствует модели словоформы, представленной на Рис. 1 (раздел 2), а во-вторых, согласуется с морфонологическими особенностями дистрибуции алломорфов посессивного аффикса, обсуждавшимися выше. Отсутствие озвончения (*pizag-ə* → *pizag-Ø* → **pizag-i*) при таком анализе ожидаемо, потому что в слоге типа *_CV#*, где *V* — гласный неполного образования, при добавлении *-i* не происходит озвончения конечного согласного (см. Таблицу 1): *jidə* ‘собака’ — *jit-i* ‘его собака’.

Этот анализ позволяет сделать вывод о том, что в действительности морфонология показателя субстантивации в малокарачкнском говоре не отличается от морфонологии показателя посессивности, а наблюдаемое различие в дистрибуции алломорфов (возможность употребления аффикса *-i* в несвойственном ему, на первый взгляд, морфонологическом контексте) объяснимо присутствием в обсуждаемых словоформах сразу двух показателей посессивности в различной функции.

Отдельно стоит обсудить возможность субстантивации некоторых падежных форм существительного, т. к. в этом случае производная словоформа получает возможность склоняться по падежам повторно, т. е. имеет место т. н. «множественное падежное маркирование» [Blake 2004 / 2001: 103] — явление, когда одна словоформа содержит несколько падежных маркеров. В чувашском формы с множественным падежным маркированием образуются от всех падежей, кроме объектного. Примеры (42)–(45) иллюстрируют множественное падежное маркирование для производных от локатива (42), генитива (43), аффикса директива, обычно присоединяющегося к показателю объектного падежа (44), и аффикса проприетива (45):

- (42) *xola-r-i-n*   *fotografi*
 город-LOC-P_3-GEN   фотография
 ‘фотография, принадлежащая кому-то из города’

- (43) – *kam-ən*   *xër-ë-n*   *çërë*   *por?*
кто-GEN   дочь-P_3-GEN   кольцо   EX
– *poskil-ën-ën-dze*   / *poskil-ën-in-dze*   *çërë*   *por*
сосед-GEN-P_3-LOC   сосед-GEN-P_3-LOC   кольцо EX
‘– У чьей дочери кольцо? – У соседской кольцо’.
- (44) *jal-a*   *kaj-agan*   *avtobus*   *bilets-ë*
деревня-OBJ   идти-PC_PRS   автобус   билет-P_3
xola-ja-l-in-dzen   *jon-rek*
город-OBJ-DIR-P_3-ABL   дешевый-СМРР
‘Билет на автобус, который едет в деревню, дешевле, чем на тот, который — в город’.
- (45) *maşinə-lə*   *çin*   *laza-l-in-dzan*
машина-PROP   человек   лошадь-PROP-P_3-ABL
pojan-rak
богатый-СМРР
‘Человек на машине богаче, чем тот, который на лошади’.

6. Сочетание нескольких показателей посессивности 3-го лица в одной словоформе

Как было упомянуто в разделе 2, в отличие от литературного чувашского, в малокарачкинском говоре регулярно употребляются словоформы, которые, на наш взгляд, содержат в себе более чем один показатель посессивности 3-го лица. В Таблице 2 представлены обнаруженные стратегии сочетания нескольких маркеров посессива 3-го лица в одной словоформе.

Таблица 2. Модель словоформы с несколькими показателями посессивности

Table 2. The model of the wordform with multiple possessive suffixes

1-й показатель	2-й показатель	
	Посессивность	Определенность
Субстантивация	– / +	+
Посессивность		+
Определенность		+

Из Таблицы 2 видно, что в малокарачкинском говоре допустимо сочетание до двух маркеров посессива в одной словоформе

(см. модель словоформы в разделе 3 выше), при этом показатель со значением определенности может присоединяться к субстантивированным формам, формам с показателями посессива 2-го лица¹¹, а также формам, уже маркированным показателем определенности. Возможность присоединения притяжательного показателя к форме с маркером субстантивации является несколько более спорной и обсуждается в разделе 6.2.

6.1. Субстантивация + определенность

Отдельное выражение значений субстантивации и определенности в одной словоформе, как указано в Таблице 2, возможно и довольно продуктивно, насколько можно судить по опыту элицитации. Примеры такого употребления содержатся в (46) и (47).

В (46) первый показатель посессивности в словоформе *xor-ij-ë* отвечает за субстантивацию прилагательного *xora* ‘черный’, в то время как второй (закономерно принимающий форму *-ë* при присоединении к форме на *-i*) выражает определенность участника в контексте выбора из множества (наиболее типичный контекст употребления аффикса посессивности 3-го лица в роли показателя дискурсивного статуса (см. раздел 4)):

- (46) *korda*   *ei-n-dze*   *xora-ba*
 забор   верх-P_3-LOC   черный-INS
şorə   *kozak*   *lar-atə.*
 белый   кошка   сидеть-NPST.3PL
xor-ij-ë   /[?] *xor-i*   *εəvən-at*
 черный-P_3-P_3   черный-P_3   умываться-NPST-3SG
 ‘На заборе сидели черный и белый кот. Черный умывался’.

Поскольку субстантивация прилагательных не является обязательной, несколько более доказательным является пример с субстантивацией падежной формы в (47):

- (47) *εa*   *xola-r-ij-ë-žën*   *ep*
 этот   город-LOC-P_3-P_3-CSL   я

¹¹ Показатель посессивности 1-го лица используется в малокарачинском говоре очень ограниченно — главным образом, для выражения ласкательного значения. Формы, совмещающие в себе показатели посессива 1-го и 3-го лица, в изучаемом говоре не употребляются.

pəzərgan-a-p

беспокоиться-PRS-1SG

‘Я беспокоюсь именно за этого городского {среди всех}’.

В (47) первый аффикс принадлежности в словоформе *xolar-ij-ë-zën* отвечает за субстантивацию адвербиальной формы *xolar-a* ‘в городе’, в результате которой получается прономинальное референциальное выражение *xolar-r-i* ‘тот, кто в городе / городской’, а второй маркирует определенность в контексте выбора из группы. Таким образом, формы с двойным показателем структурно оказываются устроены так же, как формы со слившимися последовательностями аффиксов, разобранные в разделе 5.

6.2. Субстантивация + посессивность

В данном подразделе анализируются формы с двойным показателем принадлежности 3-го лица типа *şor-ij-ë* из примера (48). В примере (48а) в форме *şor-ij-ë* первый показатель посессива логичнее всего трактовать как показатель, отвечающий за субстантивацию прилагательного *şorə* ‘белый’. Следовательно, второй аффикс в этой словоформе маркирует принадлежность 3-му лицу, в сочетании с приименным генитивом *vasi-ən* ‘Васин’ составляя посессивную конструкцию, аналогичную представленной в (48б). То, что в указанном контексте возможна в том числе и форма с одним показателем — *vasi-ən şor-i* ‘Васина белая’, объясняется необязательностью субстантивации прилагательных, обсуждавшейся выше.

(48а) *vasi-ən*   *mënle=de*   *bol-in*
 Вася-GEN   какой=и   быть-CONC
şor-ij-ë   / *şor-i*   *san-a kaj-at*
 белый-Р_3-Р_3   белый-Р_3   ты-OBJ идти-NPST[3SG]
 {Я ишу рубашку.}   ‘Какая-нибудь Васина белая тебе подойдет’.

(48б) *mënle=de*   *bol-in*   *vasi-ən*   *këb-i*
 какой=и   быть-CONC   Вася-GEN   рубашка-Р_3
 / *këbe san-a   *kaj-at*
 рубашка ты-OBJ   идти-NPST[3SG]
 {Я ишу рубашку.}   ‘Какая-нибудь Васина рубашка тебе подойдет’.

Вместе с тем важно, что субстантивированные формы никогда не маркируются, например, аффиксом посессивности 2-го лица:

(49а) *san-ən kēbe* / ^{OK}*kēb-u*
 ты-GEN рубашка рубашка-Р_2SG
man-a kaj-at
 я-OBJ идти-NPST[3SG]
 ‘Твоя рубашка мне пойдет’.

(49б) *san-ən sor-i* / **sor-ij-u*
 ты-GEN белый-Р_3 белый-Р_3-Р_2SG
man-a kaj-at
 я-OBJ идти-NPST[3SG]
 ‘Твоя белая (рубашка) мне пойдет’.

Это обстоятельство, с одной стороны, является аргументом против того, чтобы трактовать примеры, подобные *sor-ij-ĕ* из (48а), как словоформы, совмещающие в себе показатели субстантивации и посессивности. Между тем сочетаемость показателей посессивности разных лиц может быть различна. Такая возможность связана прежде всего с тем, что притяжательные показатели 2-го лица в малокарачкинском чувашском не только не являются обязательными, но вообще употребляются довольно редко (см. [Ремизова 2018]), в то время как показатели 3-го лица на обладаемом в посессивных конструкциях обязательны [Там же]. Таким образом, возможность выражения категорий субстантивации и посессивности в одной словоформе в малокарачкинском говоре не бесспорна, но и не может быть опровергнута на основе имеющихся в настоящий момент данных. Между тем справедливо было бы отметить, что словоформы типа *sor-ij-ĕ* возможно трактовать в том числе и как словоформы с аффиксом принадлежности и дополнительно выраженной определенностью (см. ниже), поскольку, как неоднократно замечалось выше, субстантивация прилагательных не является обязательной.

6.3. Посессивность + определенность

В примерах (50)–(51) представлены случаи употребления показателя определенности вместе с аффиксами принадлежности 2-го (50) и 3-го (51) лица:

- (50) *ep oliteə-ra san jidə*
 я улица-LOC ты.GEN собака
kor-d-əm. san jidə /^{OK}jit-uj-ə
 видеть-PST-1SG ты.GEN собака / собака-P_2SG-P_3
vër-me poşla-r-ë
 лаять-INF начинать-PST-3SG
 ‘Я на улице увидел твою собаку. Твоя собака начала лаять’.
- (51) *ebë igë laza kor-d-əm.*
 я два лошадь видеть-PST-1SG
san-ən-ni-e tada vasi-ən-ni-a.
 ты-GEN-P_3-OBJ и Вася-GEN-P_3-OBJ
vasi-ən laz-ij-ë / laz-i man
 Вася-GEN лошадь-P_3-P_3 лошадь-P_3 я.GEN
bat-ni-a kil-te-ë
 у-P_3-OBJ идти-PST-3SG
 ‘Я видел двух лошадей — твою и Васину. Васина лошадь подошла ко мне’.

Как и во всех случаях употребления показателя определенности в малокарачкинском говоре, маркирование ИГ этим показателем в примерах выше не является обязательным, но сама возможность употребления двух показателей посессивности в одной словоформе показательна в связи с обсуждавшейся в разделе 2 моделью словоформы и вопросом об отнесении малокарачкинского говора (и, шире, чувашского языка вообще) к языкам, обладающим системами с атрибутивными или детерминативными посессивами. Примеры (50)–(51) свидетельствуют о том, что посессивы в малокарачкинском говоре правильнее относить к классу атрибутивных, поскольку отдельное выражение посессивности и определенности в этом изучаемом идиоме возможно.

6.4. Определенность + определенность

Особой чертой малокарачкинского говора (по крайней мере, не отмечающейся для литературного языка в известных нам грамматических описаниях) является возможность двойного маркирования определенности в одной словоформе в контексте эмфатического фокуса:

- (52) *ku laʒ-ij-ĕ / ^{OK}laʒ-i ʂu*
 этот лошадь-Р_3-Р_3 лошадь-Р_3 вода
z-eʂ-ʂĕn
 пить-PC_FUT-CSL
 ‘(Именно) эта лошадь хочет воды’.

Заметим, что в примере выше в качестве второго показателя, служащего для выражения эмфатического указания, выступает алломорф *-ə / -ĕ*, который присоединяется к аффиксу *-i* посредством йотации последнего. Таким образом, появление второго показателя в обсуждаемых формах оказывается сильно обусловлено морфонологическим контекстом. Например, невозможны формы с двойной определенностью от основ на согласный, где в качестве первого аффикса определенности выступает алломорф *-ə / -ĕ*, ср. (53):

- (53) *ku koʒag-ə(*-j-ə) / *koʒak-i*
 этот кошка-Р_3-Р_3 кошка-Р_3
 ‘эта кошка’

Следует отметить, что в примере (53) запрещается и форма *koʒak-i*, которую можно было бы предполагать по аналогии с данными, полученными для субстантивных форм с определенностью от основ прилагательного (ср. *pizak* ‘большой’ — *pizag-ə / pizak-i* ‘тот, кто большой’, где форма *pizak-i* отличается от формы *pizag-ə* тем, что может иметь значение определенности (см. раздел 5).

Алломорф *-i* никогда не используется в качестве второго маркера. В формах, где его появления можно было бы ожидать, для уточнения может быть использована только эмфатическая частица:

- (54) *ku pəru-j-ak / *pəru-j-i ʂu*
 этот теленок-Р_3-EMPH теленок-Р_3-Р_3 вода
z-eʂ-ʂĕn
 пить-PC_FUT-CSL
 ‘Этот теленок хочет воды’.

7. Заключение

В настоящей статье мы рассмотрели особенности функционирования и дистрибуции показателей принадлежности 3-го лица

-i и *-ë / -ə* в непосессивных контекстах в малокарачкинском говоре чувашского языка. На основе представленных данных возможно сделать следующий вывод. Постулирование отдельной «категории выделения» для дискурсивных употреблений посессивного показателя 3-го лица, а также употреблений этого аффикса в функции маркера именных групп с нулевой субстантивной вершиной мы считаем излишним по двум причинам. Во-первых, как было показано в разделе 4, дискурсивные употребления показателя посессивности 3-го лица в чувашском оказываются типологически параллельны наблюдаемым свойствам притяжательных аффиксов в нескольких языковых семьях (по крайней мере, уральской и семитской), а также в редуцированной форме в некоторых других тюркских языках (см. диахронические данные для турецкого в [Fragrud 2001]). Так, чувашский посессив 3-го лица в функции маркера определенности используется в контекстах выбора из заданного множества, при анафорической отсылке к выраженному антецеденту в предтексте, а также при ассоциативной анафоре. Однако во всех этих контекстах этот показатель не является обязательным, что в целом также соотносится с типологически наблюдаемыми свойствами референциальных употреблений посессивов. Во-вторых, распределение показателей *-i* и *-ë / -ə* во всех контекстах объяснимо требованиями морфонологии. Единственный обнаруженный нами случай, где это требование на первый взгляд нарушается, — субстантивация прилагательных, описанная в разделе 5. Однако и при этом не ожидаемое присутствие показателя *-i* в основах на согласный может быть объяснено наличием в таких словоформах сразу двух аффиксов посессивности 3-го лица, один из которых отвечает за субстантивацию, а другой — за выражение дискурсивных значений. Возможность присутствия в малокарачкинских словоформах более чем одного аффикса принадлежности с разными функциями была доказана нами в разделе 6. В этом же разделе были представлены до сегодняшнего дня не описанные факты возможности т. н. двойного маркирования определенности посредством показателя посессивности 3-го лица в чувашском языке.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; 3 — посессивный показатель 3-го лица (тубаларский); AVL — аблатив; CMPR — компаратив; CONC — concessив; COP_PST — копула прошедшего времени; CSL — казуалис; CV_ANT — деепричастие с anteriорным значением; CV_SIM — деепричастие со значением одновременности; EMPH — эмфатическая частица; EX — существование; FUT — будущее время; GEN — генитив; INF — инфинитив; INS — инструменталис; LOC — локатив; NEG — отрицание; NEG_ASCR — аскриптивное отрицание; NEG_EX — экзистенциональное отрицание; NPST — непрошедшее время; OBJ — объектный падеж; ORD — порядковое числительное (тубаларский); P_2SG — посессивность 2-го лица единственного числа; P_3 — посессивность 3-го лица; PC_PRS — причастие настоящего времени; PC_FUT — причастие будущего времени; PC_PST — причастие прошедшего времени; PFCT — перфектив (тубаларский); PL — множественное число; POT — потенциалис; PROP — проприетив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; REFL — рефлексив; SG — единственное число; SUBST — субстантиватор; VBZ — вербализатор.

Литература

- Андреев 1965 — И. А. Андреев. О категории дефинитивности в чувашском языке // Ученые записки. № 28. Чебоксары: Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР, 1965. С. 76–87.
- Ашмарин 1898 — Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка. Казань: Типо-Литография Императорского Университета, 1898.
- Гращенков 2009 — П. В. Гращенков. Синтаксис конструкций с плавающими кванторами в тубаларском // С. Г. Татевосов (ред. и сост.). Тубаларские этюды. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 151–168.
- Дыбо 2006 — А. В. Дыбо. Очерк пратюркского языка-основы. Имя // Э. Р. Тенищев, А. В. Дыбо (отв. ред.). Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М.: Наука, 2006. С. 228–239.
- Иванов 1970 — А. И. Иванов. Об относительной хронологии некоторых аффиксов и грамматических форм чувашского языка // Ученые записки. № 49. Чебоксары: Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР, 1970. С. 61–91.

- Кузнецова 2012 — А. И. Кузнецова. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках // А. И. Кузнецова (отв. ред.). Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. Сб. статей. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 250–252.
- Кузьменко 2014 — Ю. К. Кузьменко. К типологии суффиксации определенных артиклей // Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг, М. Б. Коношенко (ред.). Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2014». Вып. 1. М.: МГУ им. М. А. Шолохова, 2014. С. 84–119.
- Левитская 1976 — Л. С. Левитская. Историческая морфология чувашского языка. М: Наука, 1976.
- Лютикова 2016 — Е. А. Лютикова. Синтаксис именной группы в безартиклевом языке. Дисс. ... докт. филол. наук. Т. 1. МГУ им. М. В. Ломоносова, М., 2016.
- Павлов (отв. ред.) 1957 — И. П. Павлов (отв. ред.). Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1: Морфология. Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1957.
- Павлов 1985 — И. П. Павлов. Категория выделения в современном чувашском языке // И. П. Павлов (отв. ред.). Исследования по фонетике, морфологии и фразеологии современного чувашского языка. Сб. статей. Чебоксары: Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР, 1985. С. 3–15.
- Ремизова 2018 — Т. Е. Ремизова. Посессивные маркеры и посессивные конструкции в малокарачкинском говоре чувашского языка. Отчет о работе в экспедиции НИУ ВШЭ Санкт-Петербург в с. Малое Карачкино Чувашской Республики, 2018.
- Сергеев 2002 — В. И. Сергеев. Морфологические категориальные и некатегориальные формы в современном чувашском языке. Чебоксары: Изд-во Чувашского гос. ун-та, 2002.
- Сердобольская 2017 — Н. В. Сердобольская. Инвариант определенности и дифференцированное маркирование в бесермянском удмуртском // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2017. Т. XIII. Ч. 3. С. 76–122.
- Федотов 1970 — М. Р. Федотов. Формы принадлежности 1-го и 3-го лица единственного числа в тюркских и финно-угорских языках в свете урало-алтайской языковой общности // Ученые записки № 49. Чебоксары: Научно-исследовательский институт языка,

- литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР, 1970. С. 177–183.
- Федотов 1983 — М. Р. Федотов. Чувашский язык в семействе алтайских языков. Чебоксары: Чебоксарское книжное изд-во, 1983.
- Aikhenvald, Dixon 2013 — A. Aikhenvald, R. W. M. Dixon. Possession and Ownership. A Cross-linguistic Typology. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Benzing 1959 — J. Benzing. Das Tschuwaschische. J. Deny, K. Grönbech, H. Scheel, Z. V. Togan (eds.). *Philologiae turcaicae fundamenta*. T. I. Wiesbaden: Steiner, 1959. S. 695–751.
- Blake 2004 — B. Blake. *Case*. 2nd ed. in printed format. Cambridge; New York, NY: Cambridge University Press, 2004. (1st printed ed.: 2001).
- Bybee 1985 — J. L. Bybee. *Morphology: A Study of the Relation between Meaning and Form*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1985.
- Chafe 1980 — W. Chafe (ed.). *The Pear Stories: Cognitive, Cultural, and Linguistic Aspects of Narrative Production*. (Advances in Discourse Processes 3). Norwood, NJ: Ablex, 1980.
- Erdal 2004 — M. Erdal. *A Grammar of Old Turkic*. Leiden; Boston: Brill, 2004.
- Fraurud 2001 — K. Fraurud. Possessives with Extensive Use: A Source of Definite Articles? // I. Baron, M. Herslund, F. Sørensen (eds.). *Dimensions of Possession*. (Typological Studies in Language 47). Amsterdam: John Benjamins, 2001. P. 243–268.
- Giannakidou, Stravou 1999 — A. Giannakidou, M. Stravou. Nominalization and Ellipsis in the Greek DP // *The Linguistic Review*. 1999. № 16. P. 97–132.
- Giorgi, Longobardi 1991 — A. Giorgi, G. Longobardi. *The Syntax of Noun Phrases: Configuration, Parameters and Empty Categories*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- Hankamer, Sag 1976 — J. Hankamer, I. Sag. Deep and Surface Anaphora // *Linguistic Inquiry*. 1976. Vol. 7. № 3. P. 391–428.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. *Indefinite Pronouns*. Oxford: Clarendon Press, 1997.
- Hawkins 2015 — J. Hawkins. *Definiteness and Indefiniteness. A Study in Reference and Grammaticality Prediction*. London: Routledge, 2015. (1st ed.: Altantic Highlands, NJ: Humanities Press, 1978).
- Huehnergard, Pat-El 2012 — J. Huehnergard, N. Pat-El. Third-person Possessive suffixes as definite articles in Semitic // *Journal of Historical Linguistics*. 2012. Vol. 2. № 1. P. 25–51.
- Lehman 2002 — C. Lehman. *Thoughts on Grammaticalization*. 2nd, rev. ed. (Arbeitspapiere des Seminars für Sprachwissenschaft der Universität Erfurt). Erfurt: Universität Erfurt, 2002. (1st ed.: 1982).

- Luutonen 2011 — J. Luutonen. Chuvash Syntactic Nominalizers: On *-ki* and Its Counterparts in Ural-Altai Languages. Wiesbaden: Harrassowitz, 2011.
- Lyons 1999 — C. Lyons. Definiteness. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Nichols 1986 — J. Nichols. Head-marking and Dependent-marking Grammar // *Language*. 1986. Vol. 62. № 1. P. 56–119.
- Ramstedt 1952 — G. Ramstedt. Einführung in die Altaische Sprachwissenschaft. II. Formenlehre. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 104, 2). Helsinki: Finno-Ugrian Society, 1952.
- Saab 2018 — A. Saab. Nominal ellipsis // J. van Craenenbroeck, T. Temmerman (eds.). *The Oxford Handbook of Ellipsis*. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 526–561.
- Simonenko 2014 — A. Simonenko. Microvariation in Finno-Ugric possessive markers // H.-L. Huang, E. Poole, A. Rysling (eds.). *NELS 43: Proceedings of the Forty-Third Annual Meeting of the North East Linguistic Society, The City University of New York*. Amherst, MA: GLSA, 2014. Vol. 2. P. 127–140.
- Wunderlich, Fabri, 1994 — D. Wunderlich, R. Fabri. Minimalist morphology: An approach to inflection // *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. 1994. № 20. P. 236–294.

References

- Aikhenvald, Dixon 2013 — A. Aikhenvald, R. W. M. Dixon. Possession and Ownership. A Cross-linguistic Typology. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Andreyev 1965 — I. A. Andreyev. O kategorii definitivnosti v chuvashskom yazyke [On the category of definitivnost in Chuvash]. *Uchenyye zapiski*. No. 28. Cheboksary: Research Institute for language, literature, history and economics under the Council of Ministers of Chuvash ASSR, 1965. P. 76–87.
- Ashmarin 1898 — N. I. Ashmarin. Materialy dlya issledovaniya chuvashskogo yazyka [Materials for Study of Chuvash]. Kazan: Typolithography of Emperor's University, 1898.
- Benzing 1959 — J. Benzing. Das Tschuwaschische. J. Deny, K. Grönbech, H. Scheel, Z. V. Togan (eds.). *Philologiae turcicae fundamenta*. T. I. Wiesbaden: Steiner, 1959. S. 695-751.
- Blake 2004 — B. Blake. Case. 2nd ed. in printed format. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2004. (1st printed ed.: 2001).
- Bybee 1985 — J. L. Bybee. Morphology: A Study of the Relation between Meaning and Form. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1985.

- Chafe 1980 — W. Chafe. *The Pear Stories: Cognitive, Cultural, and Linguistic Aspects of Narrative Production*. (Advances in Discourse Processes 3). Norwood, NJ: Ablex, 1980.
- Dybo 2006 — A. V. Dybo. *Oчерk pratyurkskogo yazyka-osnovy*. Imya [Description of Proto-Turkic language. Noun]. E. R. Tenishchev, A. V. Dybo (eds.). *Sravnitelno-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratyurkskiy yazyk-osnova. Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka*. [Comparative-Historical Grammar of Turkic Languages. Proto-Turkic Language-Base. The World View of the Turkic Ethnos Based on the Language Data]. Moscow: Nauka, 2006. P. 228–239.
- Erdal 2004 — M. Erdal. *A Grammar of Old Turkic*. Leiden; Boston: Brill, 2004.
- Fedotov 1970 — M. R. Fedotov. *Formy prinadlezhnosti 1-go i 3-go litsa edinstvennogo chisla v tyurkskikh i finno-ugorskikh yazykakh v svete uralo-altayskoy obshchnosti* [1st and 3rd person possessive forms in Turkic and Finno-Ugric languages in the light of Ural-Altai language commonality]. *Uchenyye zapiski*. No. 49. Cheboksary: Research Institute for language, literature, history and economics under the Council of Ministers of Chuvash ASSR, 1970. P. 177–183.
- Fedotov 1983 — M. R. Fedotov. *Chuvashskiy yazyk v semeystve altayskikh yazykov* [Chuvash among Altaic Languages]. Cheboksary: Cheboksarskoye knizhnoye izdatelstvo, 1983.
- Fraurud 2001 — K. Fraurud. *Possessives with Extensive Use: A Source of Definite Articles?* I. Baron, M. Herslund, F. Sørensen (eds.). *Dimensions of Possession*. (Typological Studies in Language 47). Amsterdam: John Benjamins, 2001. P. 243–268.
- Giannakidou, Stravrou 1999 — A. Giannakidou, M. Stravrou. *Nominalization and Ellipsis in the Greek DP*. *The Linguistic Review*. 1999. No. 16. P. 97–132.
- Giorgi, Longobardi 1991 — A. Giorgi, G. Longobardi. *The Syntax of Noun Phrases: Configuration, Parameters and Empty Categories*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- Grashchenkov 2009 — P. V. Grashchenkov. *Sintaksis konstruksiy s plavayushchimi kvantorami v tubalarskom* [Syntax of constructions with floating quantifiers in Tubalar]. S. G. Tatevosov (ed.). *Tubalarskiye etyudy* [Essays on Tubalar]. Moscow: A. M. Gorky Institute of World Literature RAS, 2009. P. 151–168.
- Hankamer, Sag 1976 — J. Hankamer, I. Sag. *Deep and Surface Anaphora*. *Linguistic Inquiry*. 1976. Vol. 7. No. 3. P. 391–428.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. *Indefinite Pronouns*. Oxford: Clarendon Press, 1997.

- Hawkins 2015 — J. Hawkins. Definiteness and Indefiniteness. A Study in Reference and Grammaticality Prediction. London: Routledge, 2015. (1st ed.: Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press, 1978).
- Huehnergard, Pat-El 2012 — J. Huehnergard, N. Pat-El. Third-person possessive suffixes as definite articles in Semitic. *Journal of Historical Linguistics*. 2012. Vol. 2. No. 1. P. 25–51.
- Ivanov 1970 — A. I. Ivanov. Ob otnositelnoy khronologii nekotorykh grammaticheskikh form chuvashskogo yazyka [On the relative chronology of some grammatical forms in Chuvash]. *Uchenyye zapiski*. No. 49. Cheboksary: Research Institute for language, literature, history and economics under the Council of Ministers of Chuvash ASSR, 1970. P. 61–91.
- Kuzmenko 2014 — Yu. K. Kuzmenko. K tipologii suffiksatsii opredelennykh artikley [Towards a typology of definite article suffixation]. E. A. Lyutikova, A. V. Zimmerling, M. B. Konoshenko (eds.). *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii "Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov 2014"* [Typology of Morphosyntactic Parameters. Proceedings of the International Conference "Typology of Morphosyntactic Parameters 2014"]. Moscow: M. A. Sholokhov Moscow State University of Humanities, 2014. P. 84–119.
- Kuznetsova 2012 — A. I. Kuznetsova. Kumulyatsiya grammaticheskikh znacheniy v agglutinativnykh pokazatelyakh: deikticheskiye funktsii possessiva v uralskikh yazykakh [Cumulation of grammatical meanings in agglutinative affixes: Deictic functions of possessive marker in Uralic languages]. A. I. Kuznetsova (ed.). *Finno-ugorskiye yazyki: Fragmenty grammaticheskogo opisaniya* [Finno-Ugric Languages: Fragments of Grammar Description. Formal and Functional Approaches]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2012. P. 250–252.
- Lehman 2002 — C. Lehman. Thoughts on Grammaticalization. 2nd, rev. ed. (Arbeitspapiere des Seminars für Sprachwissenschaft der Universität Erfurt). Erfurt: Universität Erfurt, 2002. (1st ed.: 1982).
- Levitskaya 1976 — L. S. Levitskaya. Istoricheskaya morfologiya chuvashskogo yazyka [Historical Morphology of Chuvash]. Moscow: Nauka, 1976.
- Luutonen 2011 — J. Luutonen. Chuvash Syntactic Nominalizers: On *-ki* and Its Counterparts in Ural-Altai Languages. Wiesbaden: Harrassowitz, 2011.
- Lyons 1999 — C. Lyons. Definiteness. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Lyutikova 2016 — E. A. Lyutikova. Sintatsis imennoy gruppy v bezartiklevom yazyke [Syntax of noun phrase in a language without articles]. Thesis for Doctor in Philology. Vol. 1. M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, 2016.

- Nichols 1986 — J. Nichols. Head-marking and Dependent-marking Grammar. *Language*. 1986. Vol. 62. No. 1. P. 56–119.
- Pavlov (ed.) 1957 — I. P. Pavlov (ed.). Materialy po grammatike sovremennogo chuvashskogo yazyka [Materials on the Grammar of Modern Chuvash]. Pt. 1: Morfologiya [Morphology]. Cheboksary: Chuvashskoye gosudarstvennoye izdatelstvo, 1957.
- Pavlov 1985 — I. P. Pavlov. Kategoriya vydeleniya v sovremennom chuvashskom yazyke [The category of emphasis in modern Chuvash]. I. P. Pavlov (ed.). *Issledovaniya po fonetike, morfologii i frazeologii sovremennogo chuvashskogo yazyka* [Studies on the Phonetics, Morphology and Phraseology of Modern Chuvash]. Collection of articles. Cheboksary: Research Institute for language, literature, history and economics under the Council of Ministers of Chuvash ASSR, 1985. P. 3–15.
- Ramstedt 1952 — G. Ramstedt. Einführung in die Altaische Sprachwissenschaft. II. Formenlehre. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 104, 2). Helsinki: Finno-Ugrian Society, 1952.
- Remizova 2018 — T. E. Remizova. Possessivnyye markery i possessivnyye konstruksii v malokarachkinskom govore chuvashskogo yazyka [Possessive markers and possessive constructions in Maloe Karachkino dialect of Chuvash]. Report on the results of the expedition of NRU HSE St. Petersburg in Maloe Karachkino of Chuvash Republic, 2018.
- Saab 2018 — A. Saab. Nominal ellipsis. J. van Craenenbroeck, T. Temmerman (eds.). *The Oxford Handbook of Ellipsis*. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 526–561.
- Sergeyev 2002 — V. I. Sergeyev. Morfologicheskiye kategorialnyye i nekategorialnyye formy v sovremennom chuvashskom yazyke [Categorical and Non-categorical Morphological Forms in Modern Chuvash]. Cheboksary: Chuvash State University Press, 2002.
- Serdobolskaya 2017 — N. V. Serdobolskaya. Invariant opredelennosti i differentsirovannoye markirovaniye v besermyanskom udmurtskom [Uniqueness and familiarity in Beserman Udmurt direct object marking]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. 2017. Vol. XIII. Pt. 3. P. 76–122.
- Simonenko 2014 — A. Simonenko. Microvariation in Finno-Ugric possessive markers. H.-L. Huang, E. Poole, A. Rysling (eds.). *NELS 43: Proceedings of the Forty-Third Annual Meeting of the North East Linguistic Society, The City University of New York*. Amherst, MA: GLSA, 2014. Vol. 2. P. 127–140.
- Wunderlich, Fabri 1994 — D. Wunderlich, R. Fabri. Minimalist morphology: An approach to inflection. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. 1994. No. 20. P. 236–294.

ГЛАГОЛЬНЫЙ АТТЕНУАТИВ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

И. В. Макаrchук

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва
ilya.makarchuk@gmail.com

Аннотация. В языках мира значения неполноты действия нередко объединяются в значениях одной граммемы и представляют собой одну семантическую зону. Статья посвящена показателю глагольного аттенуатива в горномарийском языке. В работе обсуждаются аспектуальные характеристики дериватов с этим показателем и рассматривается его полисемия. Показатель может обозначать делимитативы, вхождения в короткие состояния, частичные совершения. Эти интерпретации предлагается анализировать как аспектуальный тип с короткой длительностью ситуации, по окончании которой актант не достигает результирующего состояния.

Ключевые слова: аттенуатив, диминутив, делимитатив, лимитатив, семельфактив, моментатив, неполнота действия, грамматическая семантика, глагольный вид, аспект, полисемия, марийские языки, финно-угорские языки

Verbal attenuative in Hill Mari

I. V. Makarchuk

National Research University Higher School of Economics, Moscow
ilya.makarchuk@gmail.com

Abstract. Semelfactive, delimitative, attenuative, and similar meanings are frequently combined in one marker across world languages forming a single semantic area. The article addresses the verbal attenuative in *-al-* / *-alal* / *-δldal* in Hill Mari, looking into its

---

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ 19-012-00627 «Семантика и синтаксис урало-алтайских языков в функционально-типологической и формальной перспективах».

morphological distribution and polysemy. The marker allows for multiple (perfective) interpretations, including: delimitative ('do *P* for a while'); transition to a temporary state ('enter state *S* for a while and return to the initial state'); transition to a weaker state ('enter state *S*, which is expressed weaker than the norm'); partial accomplishment ('accomplish *X* in part only'). Imperfective interpretations, i.e. a weaker state or a weaker atelic process, are not available for the attenuative except for a coercion interpretation emerging with a zero iterative affix ('read a book sporadically' = 'read for a while in a series of separate attempts'). The actual interpretation is shown to depend on the Aktionsart properties of the stem. Interpretations that include a change of state (other than the delimitative) are only possible where the stem verb has a resulting state in its aspectual structure. Overall, attenuatives describe situations which a) have a shorter duration than a standard *S*, and b) do not lead to any resulting state. The latter is true either because there is no result state in the first place or because the result state is either cancelled or only partially reached.

Keywords: attenuative, verbal diminutive, delimitative, semelfactive, momentative, partial accomplishment, aspectual semantics, aspect, polysemy, Mari languages, Finno-Ugric languages.

1. Введение²

В языках мира значения **семельфактива** (1)–(2) (квант мультипликативной ситуации), **делимитатива** («длительная, но ограниченная во времени ситуация» [Плунгян 2011: 397]) (3)–(4), **аттенуатива** (ситуация с пониженной интенсивностью [Там же: 222]) (5)–(6) и смежные им нередко объединяются в значениях одной граммемы и представляют собой одну семантическую зону [Игнатенко 2017; Игнатенко, Волков 2017; Макарчук 2018], как, например, в горномарийском (1), (3), (5) и нанайском языках (2), (4), (6) (по [Оскольская, Стойнова 2012]):

---

² Автор благодарен редакторам и анонимному рецензенту за комментарии и правки, которые улучшили данную статью. Все ошибки, однако, остаются на совести автора.

- ГОРНОМАРИЙСКИЙ
(1) *pə̃r-əldal'-ə*
кусать-АТТ-АОР.3SG
'надкусил, куснул'
- НАНАЙСКИЙ
(2) *ɲoaʃe-pseŋ-ke-ni*
лаять-INCH2-PST-P.3SG
'гавкнул'
- ГОРНОМАРИЙСКИЙ
(3) *ʃül-äläl'-ə*
дышать-АТТ-АОР.3SG
'подышал'
- НАНАЙСКИЙ
(4) *ao-pseŋ-ke-ni*
спать-INCH2-PST-P.3SG
'чуть-чуть поспал'
- ГОРНОМАРИЙСКИЙ
(5) *keles-ül'-ə*
сказать-АТТ-АОР.3SG
'сказанул, подсказал'
- НАНАЙСКИЙ
(6) *ičə-psiq-ki-ni*
видеть-INCH2-PST-P.3SG
'взглянул, подсмотрел'

В первом приближении ядро этой зоны — значение **неполноты действия**: некой краткой, «ущербной» реализации действия, значение пониженной интенсивности. Мы назвали это значение **глагольным аттенуативом**, следуя за определением аттенуатива как «показателя, обозначающего пониженную интенсивность действия» в [Плунгян 2011: 222]. Категории глагольного аттенуатива в горномарийском языке и посвящена настоящая работа. Многие исследователи рассматривали отдельные значения области глагольного аттенуатива: семельфактив [Smith 1997; Храковский 1998; Плунгян 2000; Croft 2012 и др.]; делимитатив [Dickey, Hutcheson 2003; Федотов, Чуйкова 2013; Tatevosov 2015 и др.],

аттенуатив [Шлуинский 2006]. Однако, насколько нам известно, не существует общего обзора всей этой области за исключением, пожалуй, [Игнатенко 2017] и [Макарчук 2018].

Данные, на которые опирается настоящее исследование, были собраны в ходе полевой работы в экспедициях ОТиПЛ МГУ и Школы лингвистики НИУ ВШЭ в 2016–2018 гг. в села Микряково и Сосновку Горномарийского р-на Республики Марий Эл под руководством С. Ю. Толдовой (лето 2016 г., лето 2017 г.) и А. А. Козлова (зима 2017 г., зима 2018 г.). Ввиду специфики изучаемой категории основным методом сбора материала была элицитация. Также мы использовали корпусные данные — внутреннюю коллекцию текстов, записанных в вышеупомянутых экспедициях, объемом около 35 тыс. слов. Приводимые примеры, для которых не указано обратного, получены методом элицитации. Акциональная характеристика глагольных основ приводится по данным глагольной базы, собранной в перечисленных экспедициях. Автор благодарен коллегам, собиравшим ее вместе с ним, в особенности Д. О. Жорник.

Данная работа построена следующим образом. После Введения, в разделе 2 мы опишем модель аспекта³, которую мы использовали в нашем исследовании, и определим некоторые термины. В разделе 3 мы вкратце приведем некоторые данные горномарийского языка, необходимые для понимания последующего изложения, в разделе 4 коснемся морфонологического распределения показателей Аттенуатива⁴. В разделе 5 мы обсудим аспек-

---

³ Мы используем термины *аспект* и *глагольный вид* взаимозаменяемо и понимаем под ними, вслед за [Comrie 1976], информацию о внутренней временной организации некоторой ситуации. В это понятие мы включаем любую информацию о том, как устроена ситуация внутри времени, в течение которого она имеет место: какие состояния возможны в ситуации, как изменяются эти состояния, характер этих изменений, информацию о временной шкале внутри ситуации.

⁴ В своей работе мы будем использовать следующую конвенцию, предложенную Б. Комри [Comrie 1976]: конкретно-языковые категории мы будем писать с прописной буквы, а семантические категории, предположительно общие для всех языков, — со строчной. Таким образом, названия категорий, которые начинаются с заглавной буквы, не более чем мнемонические ярлыки для соответствующих конкретно-языковых

туальные характеристики Аттенуатива, а в разделе 6 подробнее остановимся на его поведении в имперфективных контекстах. Наконец, в разделе 7 мы постараемся представить анализ, который бы мог описать поведение исследуемой категории, и затем в заключении подведем итоги работы.

2. Модель глагольного вида У. Крофта

В своей работе мы использовали геометрическую модель глагольного вида, представленную в [Croft 2012].

Глагольный вид выражается как в грамматике, так и в лексике. С точки зрения грамматики, языки мира располагают различными конструкциями и показателями, изменяющими внутреннюю временную организацию ситуации. Это можно назвать грамматическим аспектом. Нередко интерпретация категорий грамматического аспекта различается в зависимости от предиката, с которым употребляется граммема. Эти различия обычно объясняются разницей в лексическом аспекте, или акциональности: ситуация *быть французом* «сама по себе» состояние, ситуация *разбиться* «сама по себе» точечна и т. п.

В зависимости от того, как представлены в модели грамматический и лексический аспекты, различают одноуровневый и двухуровневый подходы к глагольному виду (см., например, [Croft 2012: 31]). В двухуровневых моделях считается, что лексический и грамматический аспект устроены разным образом, представляют собой разные сущности и работают по разным законам. Лексический аспект в таких подходах, как правило, — некоторый класс, приписываемый глаголу, а грамматический аспект работает на уровне пропозиции и описывает, как говорящий рассматривает ситуацию. В одноуровневых же подходах считается, что грамматический и лексический аспект устроены одинаковым образом и представляют один семантический тип в формальносемантическом смысле, т. е. структурно их семантика устроена одинаково. Грамматический аспект взаимодействует с лексическим, но результаты на входе (т. е. лексический аспект глагола) и на выходе (т. е.

категорий, и их тождественность каким-либо общеязыковым семантическим категориям не подразумевается.

аспектуальная характеристика всей клаузы) семантически устроены по схожим правилам ([Croft 2012: 31]).

Модель У. Крофта представляет собой одноуровневый подход к аспекту. Как замечает автор, глагол всегда оказывается в некоторой видо-временной форме и структуру ситуации приходится выводить из интерпретации глагола и его зависимых в различных видо-временных формах.

Модель У. Крофта построена в рамках фреймовой семантики (см. обзор, например, в [Croft, Cruse 2004: Ch. 4]). В фреймовой семантике значение языковой единицы устроено как фрейм — структура, состоящая из двух частей: профиля и базы. Профиль — это само понятие, которое выражается той или иной языковой единицей, выделенная, или профилированная, часть фрейма. База — это некая семантическая структура, подразумеваемая профилем, то, что нужно знать для понимания выделенного понятия. Например, значение слова *радиус* описывается фреймом РАДИУС. Профиль в этом фрейме — это то, что составляет само понятие — линия между центром окружности и точкой на окружности. База в этом фрейме — это понятия окружности и центра окружности, которые необходимы для понимания того, что такое радиус, и без которых понятие радиуса теряет смысл. Примером из сферы глагольной семантики можно послужить фрейм ВЫКЛЮЧИТЬ. Профиль этого фрейма — это сам переход от включенного состояния к выключенному. База — это информация о том, что нечто имеет два состояния: включения и выключения — и что до этого перехода нечто было во включенном состоянии, а после перехода будет в выключенном состоянии.

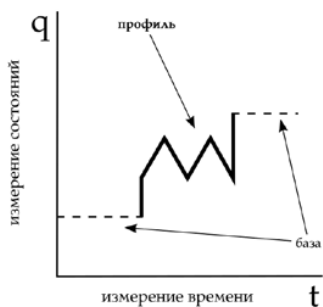
В модели Крофта аспектуальные свойства ситуации представлены как аспектуальный контур — своего рода график на плоскости с двумя измерениями: временным измерением (t) и измерением качественного состояния (q). Различные фазы ситуации изображаются разными линиями. Горизонтальная черта обозначает состояние, вертикальная черта — точечное изменение состояния. Наклонной линией изображается инкрементальное (возрастающее) измерение состояния: происходит одностороннее возрастающее изменение по оси состояния и соответствующее изменение по оси времени. Зигзагом же отмечаются неинкрементальное (невозрастающее) изменение состояния: в отличие от

инкрементального изменения состояния, в этой фазе его изменение происходит разнонаправленно. Профиль обозначается жирной сплошной линией, а база — пунктиром. Состояние, в котором актант находится до ситуации, называется исходным состоянием, или состоянием покоя (rest state), и всегда отмечено на оси состояний.

Рис. 1 представляет собой пример того, как с помощью такой модели анализируется аспектуальный тип предикатов типа ‘починить компьютер’ (неинкрементальное свершение, non-incremental accomplishment). Профиль состоит из начальной фазы выхода из исходного состояния ‘быть нечиненным’, неинкрементального изменения, в ходе которого компьютер ‘чинят’, и последующего вхождения в результирующее состояние ‘быть починенным’. В базу входят исходное состояние и результирующее состояние после него.

Рис. 1. Анализ по [Croft 2012] на примере аспектуальных предикатов типа ‘починить компьютер’

Fig. 1. Analysis according to [Croft 2012]: Example of aspectual predicates of the ‘repair the computer’ type

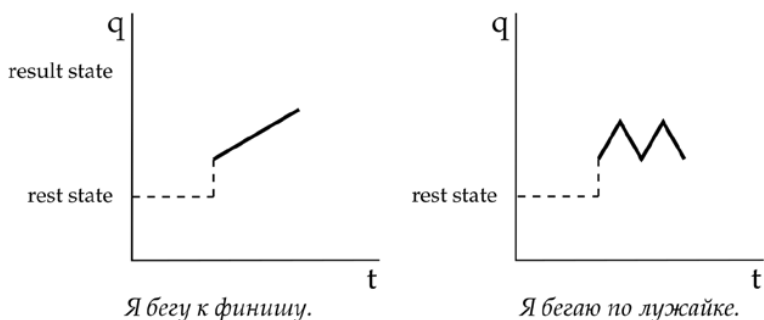
У. Крофт анализирует предельность и перфективность как ограниченность (boundedness) на той или иной оси. Предельность — это ограниченность на оси состояний (q-boundedness), которая состоит в том, что на этой оси обозначено результирующее состояние, некоторый естественный предел, после которого ситуация не может продолжаться. Таким образом, на оси состояний появляется шкала от исходного состояния до результирующего. На Рис. 2 изображен анализ двух предикатов: пре-

дельного ‘бежать к финишу’ и неопредельного ‘бегать по лужайке’. Предельность первого и неопредельность второго отражается в том, что у первого предиката ось состояний ограничена исходным (в данном случае, ‘не быть на финише’) и результирующим состоянием (в данном случае, ‘быть на финише’), тогда как у второго ограничений по оси состояний нет.

Рис. 2. Анализ предельности по [Croft 2012]

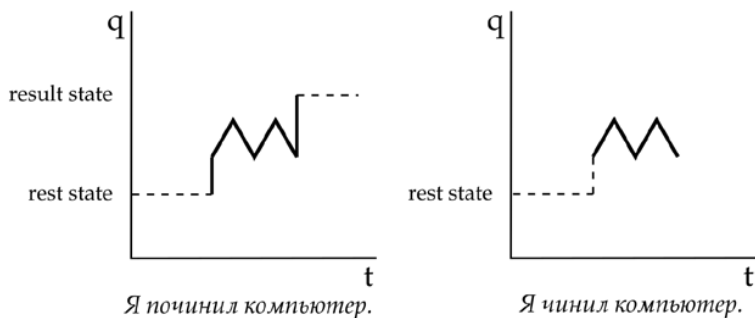
Fig. 2. Analysis of telicity (q-boundedness) according to [Croft 2012]

Перфективность — это ограниченность по временной оси (t-boundedness). Она проявляется в том, что профиль перфективной ситуации начинается и заканчивается переходом в некоторое состояние (и ими ограничен), в отличие от профиля имперфективной ситуации. На Рис. 3 изображен анализ двух предикатов: перфективного ‘починить компьютер’ и имперфективного ‘чинить компьютер’. Перфективность первого и имперфективность второго отражается в том, что ситуация ‘починить компьютер’ ограничена по оси времени точкой перехода из исходного состояния ‘быть нечиненным’ в серединную фазу и точкой перехода в результирующее состояние ‘быть починенным’, а ситуация ‘чинить компьютер’ по временной оси не ограничено.

Рис. 3. Анализ перфективности по [Croft 2012]

Fig. 3. Analysis of perfectivity (t-boundedness) according to [Croft 2012]

Такой анализ несколько отличен от стандартного клейновского анализа перфективности [Klein 1994], согласно которому значение перфектива описывается соотношением двух промежутков времени: времени ситуации и времени ассерции. Время ситуации — промежуток времени, в течение которого происходит описываемая ситуация, а время ассерции — промежуток времени, о котором говорящий что-либо утверждает. Если время ситуации вложено во время ассерции, то ситуация рассматривается в перфективном ракурсе, а если наоборот, то в имперфективном.

Несмотря на различия между этими двумя видами анализа, они не противоречат друг другу: в обоих воплощено интуитивное представление о том, что перфектив описывает ситуацию в ее целостности, полностью. Однако в рамках двухуровневого подхода к аспекту перфективность принято считать характеристикой всего предложения (т. е. грамматического аспекта), но не глагола (т. е. лексического аспекта). Мы же принимаем одноуровневый подход У. Крофта, где грамматический и лексический аспект устроены одинаковым образом и, соответственно, **перфективность есть характеристика ситуации** во всей его целостности, т. е. со всеми подситуациями каждого из актанта (ср. анализ аргументной структуры как каузальной цепочки подситуаций, приписываемых каждому из актанта ситуации, в [Croft 2012]).

3. Краткий экскурс в горномарийскую глагольную систему

В горномарийском языке есть гармония гласных по ряду. Выделяются три группы гласных: задние *a*, *o*, *u* и $\hat{a}^5$, передние $\hat{i}$, $\hat{u}$, $\hat{o}$ и $\hat{e}$ и нейтральные *e* и *i*. Слоги с задними и передними гласными не встречаются в пределах одного слова, если в нем нет слога с нейтральным гласным. Нейтральные гласные могут встречаться после гласных любого типа, но после нейтрального гласного могут следовать только передние и нейтральные [Саваткова 2002: 50–51; Alhoniemi 2010: 21–22]. Не подчиняются правилу сингармонизма корни, недавно заимствованные из русского языка (например, *kabinet* ‘кабинет’, но *kabinet-äštä* ‘кабинет-IN’), а также показатели *-vlä* (например, *pu-vlä* ‘дрова-PL’, *pu-vla) и *-šäšlâk*.

В горномарийском языке есть два морфологических спряжения, имеющих параллельные парадигмы флексий (см., например, [Саваткова 2002: 76]). Ниже (см. Таблицу 1) представлены некоторые видо-временные формы для двух спряжений. Диагностической формой выбрана форма 3-го лица единственного числа не прошедшего времени. Именно в ней далее будут записаны глаголы горномарийского языка.

Таблица 1. Фрагмент глагольной парадигмы для двух спряжений

Table 1. Fragment of the verbal paradigm for two conjugation types

Форма	I спряжение	II спряжение
Непрош. вр., 3 л. ед. ч.	<i>pâr-eš</i> ‘кусает’	<i>pâr-a</i> ‘входит’
Непрош. вр., 1 л. ед. ч.	<i>pâr-am</i> ‘кусаю’	<i>pâr-em</i> ‘вхожу’
Аорист, 1 л. ед. ч.	<i>pâr-ät</i> ‘(я) откусил’	<i>pâr-äštäm</i> ‘(я) вошел’
Аорист, 3 л. ед. ч.	<i>pâr-ä</i> ‘(он) откусил’	<i>pâr-äš</i> ‘(он) вошел’
Перфект, 3 л. ед. ч.	<i>pâr-än</i> ‘(он) откусил’	<i>pâr-en</i> ‘(он) вошел’

⁵ Для записи горномарийского языкового материала мы будем использовать транскрипцию, подобную принятой в финноугроведении (см., например, [Alhoniemi 2010]) и отличающуюся только тем, что для обозначения редуцированных гласных мы используем $\hat{a}$ для гласного заднего (фонологического) ряда и $\hat{e}$ для переднего (фонологического) ряда.

В горномарийском две формы прошедшего времени: Перфект и Аорист. Контексты их употреблений довольно сильно пересекаются, и эти две формы часто взаимозаменяемы. Они не имеют отличий с точки зрения аспектуальных характеристик и эвиденциальности [Голосов, Козлов 2018], что позволяет нам рассматривать примеры, различающиеся только формой прошедшего времени, как идентичные с точки зрения поведения Аттенуатива.

4. Морфонология показателей

Аттенуатив может выражаться пятью разными показателями (представлены сингармоническими парами): *-al-/ -äl-*, *-alal-/ -äläl-*, *-altal-/ -ältäl-*, *-âldal-/ -âldäl-*, *-ândal-/ -ândäl-*. Получающиеся дериваты относятся к I спряжению. Морфонологических ограничений на сочетание основы с показателем Аттенуатива обнаружено не было.

Выбор показателя зависит от количества слогов в глагольной основе и от спряжения основы.

К многосложным основам обоих спряжений присоединяется показатель *-al-*:

(7) *tumaj-a* ‘думает’ > *tumaj-al-eš* ‘подумает’

(8) *pâdârt-a* ‘ломает’ > *pâdârt-al-eš* ‘надломит’

(9) *ašked-eš* ‘шагает’ > *ašked-äl-eš* ‘пошагает (некоторое время)’

(10) *tärvänz-eš* ‘чихает’ > *tärvänz-äl-eš* ‘почихает’

Если основа односложная и относится к I спряжению, то к ней присоединяются показатели *-âldal-* или *-ândal-*, состоящие в отношениях свободного распределения.

(11) *lâd-eš* ‘читает’ > *lâd-âldal-eš* ‘почитает’

(12) *kušk-eš* ‘растет’ > *kušk-âldal-eš* ‘подрастет’

(13) *jü-eš* ‘пьет’ > *jü-ldäl-eš* ‘попьет’

С односложными основами II спряжения употребляются показатели *-alal-* и *-altal-*, которые тоже находятся в свободном распределении:

(14) *šül-ä* ‘дышит’ > *šül-äläl-eš* ‘подышит’

(15) *košk-a* ‘сохнет’ > *košk-alal-eš* ‘подсохнет’

(16) *pu-a* ‘даст’ > *pu-alal-eš* ‘одолжит’

Исключение составляют двусложные основы на *-är/-är*, которые могут вести себя и как односложные, и как двусложные:

(17) *kaxâr-a* ‘кашляет’ > *kaxâr-al-eš*, *kaxâr-alal-eš* ‘покашляет’

(18) *magär-ä* ‘плачет’ > *magär-äl-eš*, *magär-äläl-eš* ‘поплачет’

Обобщая, распределение показателей можно представить следующим образом (Таблица 2):

Таблица 2. Распределение показателей Аттенуатива

Table 2. Distribution of the Attenuative markers

		<i>-al</i>	<i>-alal</i>	<i>-äläl</i>
односложные основы	I спряжение			+
	II спряжение		+	
двусложные основы на <i>-är</i>		+	+	
многосложные основы		+		

5. Полисемия Аттенуатива

Показатель Аттенуатива полисемичен.

Одна из часто воспроизводимых интерпретаций — делимитатив, «длительная, но ограниченная во времени ситуация» [Плунгян 2011: 396], т. е. перфективная ситуация, имеющая некоторую длительность:

(19) *ovošĉ-vlä-m lu minut nārĉ*

овощ-PL-ACC десять минута около

šovt-alal-aš kel-eš

варить-АТТ-INF надо-NPST.3SG

‘Овощи нужно **поварить** минут десять’.

(20) *näl-mä-žĉ šo-n äläñ ik*

взять-NMZ-POSS.3SG хотеть-PRF.3SG RETR2 один

gruša-m a vara tumaj-al-ân
 груша-ACC а потом думать-ATT-PRF.3SG
i näl-ân korzin-xälä

и взять-PRF.3SG корзина-целиком

‘Сначала он хотел взять одну грушу, а потом **подумал** и взял всю корзину’. (Из корпуса текстов)

Аттенуатив в такой интерпретации не сочетается с наречиями, обозначающими точечную длительность, типа ‘сразу’, ‘залпом’, ‘за раз’:

(21) **a pet'a ikänä-štä roman-xälä lâd-âldal-ân*
 а П. один.раз-IN роман-целиком читать-ATT-PRF.3SG
 Ожид.: ‘А Петя залпом **прочел** весь роман’.

(22) **tädä ik kruška sâra-m ikänä-štä*
 тот один кружка пиво-ACC один.раз-IN
jü-ldäl'-ä
 пить-ATT-AOR.3SG
 Ожид.: ‘Он **выпил** залпом кружку пива’.

Однако значение горномарийского показателя не в полной мере соответствует описанию семантики делимитатива в смысле, сформулированном Плунгяном. Делимитативный Аттенуатив не может обозначить ситуацию, в которой достигается некоторое результирующее состояние, и поэтому он не сочетается с адвербиалами типа ‘за пять минут’:

(23) **tädä väs minut-âštâ svezä vozdux dono*
 тот пять минут-IN свежий воздух с
šül-äläl'-ä
 дышать-ATT-AOR.3SG

Ожид.: ‘Он подышал немного свежим воздухом и закончил за пять минут’.

(24) **pet'a väs minut-âštâ lâd-ândal'-â*
 П. пять минут-IN читать-ATT-AOR.3SG

Ожид.: ‘Петя почитал немного и закончил за пять минут’.

К тому же если в предложении прямо указана длительность, равная некоторому стандарту длительности для данной

ситуации или превышающая его, то предложение оказывается лишенным смысла. Это происходит, по всей видимости, потому, что Аттенуатив указывает на краткость ситуации, а обстоятельство времени, напротив, на ее длительность, и возникает противоречие. Поэтому, на наш взгляд, точнее будет назвать эту интерпретацию «**уменьшенным**» **делIMITАТИВОМ**.

(25) {Ситуация: нужно проработать шесть часов.}

a. *vas'a kok cäs vele rovojaj-al-ân*

В. два час лишь работать-АТТ-ПРФ.3SG
'Вася **поработал** всего лишь два часа'.

b. **a pet'a kändäkš cäš väk rovojaj-al-ân*

а П. восемь час даже работать-АТТ-ПРФ.3SG
Ожид.: 'А вот Петя **проработал** целых восемь часов!'

Другая регулярная интерпретация — **вхождение в краткое состояние**: участник достигает некоего состояния, но длится оно недолго, после чего он возвращается в исходное состояние:

(26) *ätä-m keččäväl pašte tokâ-na*

отец-ПОСС.1SG полдень после домой-ПОСС.1PL

pâr-alal'-â

прийти-АТТ-АОР.3SG

'Отец пополудни **заскочил** (= **зашел ненадолго**) домой'.

(27) *i vara ma-m molebenâj dom-âm*

и потом что-АСС молебенный дом-АСС

âšt-äläl-ân-ât âl'â ma-štâ

делать-АТТ-ПРФ-3PL RETR1 что-IN

— *separatârnâj punktâ-štâ*

сепараторный пункт-IN

{Церковь сгорела.} 'И потом, как его там, молебенный дом **устроили на время** (пока не построят новую церковь) в этом, как его ... — На сепараторном пункте'. (Из корпуса текстов)

Как и в случае с делимитативом, длительность состояния, в которое входит участник, должна быть короткой. Поэтому показатель Аттенуатива невозможно употребить, если состояние необратимо (28) или длится дольше стандарта (29):

- (28) *män' täng-em-län ručk-əm / *podark-əm*
 я друг-POSS.1SG-DAT ручка-ACC подарок-ACC
pu-alal'-əm
 дать-ATT-AOR.1SG
 'Я **одолил** (= дал **ненадолго**) другу ручку / *подарок'.
- (29) *män' vəc minut-eš / *vəc ärnä-eš*
 я пять минута-LAT пять неделя-LAT
pär-alal'-əm
 прийти-ATT-AOR.1SG
 'Я **заскочил** на пять минут / *пять недель'.

Значение Атенуатива может проявляться в обозначении не только краткой длительности, но и малой степени выраженности результирующего состояния. Мы будем называть это **вхождением в «ослабленное» состояние**.

- (30) *tälät šokšə? — agəl män' uže*
 ты.DAT.POSS.2SG тепло NEG.3SG я уже
kəlm-äläl'-əm
 замерзнуть-ATT-AOR.1SG
 'Тебе тепло? — Нет. Я уже **подмерз немного**'.
- (31) *kängəžəm män' oknä-vlä-m pač-əldal-ən*
 летом я окно-PL-ACC открыть-ATT-CVB
kod-em
 оставить-NPST.1SG
 'Летом я оставляю окна **приоткрытыми**'.

Атенуатив может обозначать, что в ситуации задействована только часть актанта, то, что его мало. Такую интерпретацию мы будем называть «**частичным**» **совершением** (совершение — accomplishment по [Vendler 1957]).

- (32) *stöl vəl-nə kol sänz-ä*
 стол на-IN рыба сидеть-NPST.3SG
 'На столе лежит рыба'.
- a. *kačk-əldal'-əm dä jäl-län kod-əšəm*
 есть-ATT-AOR.1SG и люди-DAT оставить-AOR.1SG
 'Я [рыбу] поела (чуть-чуть) и другим оставила'.

- б. **kačk-əldal'-əm* *dä šə-m* *kodə*
 есть-АТТ-АОР.1SG и NEG.АОР-1SG оставить.СН

Ожид.: 'Я [рыбу] поела (чуть-чуть) и ничего не оставила'.

В некоторых языках показатели аттенуатива при глаголе предположительно могут модифицировать субъект. Таков, например, показатель диминутива *-sh-* в северо-восточном кри [Cunningham 2008]:

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КРИ [Cunningham 2008]

- (33) *wâpihtishiu*

wâpiht-i-shi-u

видеть-TS-DIM-NONSAP.SG

'**Маленький человек** видит это'. / 'Он(а) видит **нечто маленькое**'.

В горномарийском такое невозможно.

- (34) *t'et'a* *ašked-ül'-ə*

ребенок ходить-АТТ-АОР.3SG

'Ребенок **пошагал** / [#]**Маленький** ребенок **ходил**'.

6. Аттенуатив в имперфективных контекстах

Все Аттенуативы в примерах выше являются **перфективами**. Аттенуатив не употребим в прототипических имперфективных контекстах для выражения актуально-длительной ситуации и не может обозначать низкую степень реализации состояния (35)–(36) или низкую интенсивность процесса (37):

- (35) **mən'* *šəžgā-n* *vele* *äšändär-ül-äm*

я тусклый-ADV только помнить-АТТ-NPST.1SG

Ожид.: {— Вы помните, что там было написано?} '— Я только смутно **помню**, {точно не скажу}'.

- (36) *nimat *agəl* *mən'* *ojxâr-al-am*

ничего NEG.3SG я грустить-АТТ-NPST.1SG

Ожид.: {— Что с тобой, ты как-то грустишь?} '— Да ничего, я **немножечко грущу**'.

- (37) *#izinolen kamaka-štâ pu-vlä jâl-alal-ât*
 потихоньку печь-IN дрова-PL гореть-АТТ-NPST.3PL
 Ожид.: ‘Медленно и тихонько дрова **горят** в печке’.

Однако Аттенуатив может употребляться в имперфективных контекстах с итеративной (в широком смысле) интерпретацией. В примере (37') глагол с показателем Аттенуатива имеет интерпретацию итератива — ‘то P, то не P’:

- (37') *izinolen kamaka-štâ pu-vlä jâl-alal-ât*
 потихоньку печь-IN дрова-PL гореть-АТТ-NPST.3PL
 ‘Медленно и тихонько дрова в печке **погорят-перестанут**’.

Чтобы прояснить механизмы, определяющие ограничения на употребление показателя Аттенуатива, обратимся к примерам ниже:

- (38) *direktor kabinet-äštâ-žž šänz-ä*
 директор кабинет-IN-POSS.3SG сидеть-NPST.3SG
putövka-vlä-m pu-a
 путевка-PL-ACC дать-NPST.3SG
 ‘Директор сидит в кабинете и раздает путевки’.

- (39) *maša stöl jär kašt-eš dä*
 М. стол вокруг ходить-NPST.3SG и
savala-vlä-m vilka-vlä-m pišt-ä
 ложка-PL-ACC вилка-PL-ACC класть-NPST.3SG
 ‘Маша ходит вдоль стола и раскладывает ложки и вилки’.

Глаголы *pu-a* ‘дать’ и *pištä* ‘класть’, согласно данным глагольной базы горномарийской экспедиции, обозначают мгновенные предельные ситуации: в перфективных контекстах они обозначают вхождение в состояние, а в имперфективных контекстах не имеют интерпретации (о подобной процедуре вычисления акциональной характеристики (т. е. лексического аспекта) глагольной основы см. подробнее [Татевосов 2010]). Однако в итеративных контекстах с такими глаголами происходит своего рода коэрсия, или семантический сдвиг: сильный имперфективный контекст, каким является контекст итератива (в примерах (38)–(39) это дистрибутивная интерпретация), вынуждает пунктивы

принять на себя итеративное значение, что позволяет им употребляться в имперфективе.

То же самое происходит с Аттенуативами в имперфективных контекстах. Перфективный сам по себе Аттенуатив оказывается в таком окружении, которое вынуждает его принять на себя значение итератива и «подстроиться» под семантическую структуру высказывания. Так, в примере (37') выше таким имперфективным контекстом является итератив (в узком смысле). Такой же эффект наблюдается в хабитуальных контекстах, где Аттенуатив приобретает значение раритива ('делать Р иногда, время от времени' [Плунгян 2011: 222]):

- (40) *tädä kânam-tänäm lâdâš-âm sir-äläl-eš*
 тот когда-тогда стихи-ACC писать-АТТ-NPST.3SG
 'Он иногда **пописывает** стихи'.
- (41) *kânam kanikul âl-ân vas'a knigä-m*
 когда каникулы быть-PRF.3SG В. книга-ACC
lâd-ândal-ân
 читать-АТТ-PRF.3SG
 'Когда были каникулы, Вася **почитывал** книги'.

Обратимся, однако, к примерам ниже:

- (42) *an'e so eše karšt-alal-eš*
 да всегда еще болеть-АТТ-NPST.3SG
 {(У врача:) — У вас болит еще горло?} '— Да, все еще **побаливает**'.
- (43) *kaj-eš što tädä lüid-äldül-eš dä*
 видеть-NPST.3SG что тот бояться-АТТ-NPST.3SG и
šäklün-äl-eš
 стесняться-АТТ-NPST.3SG
 {Мальчик увидел взрослого крупного мужчину с бородой.}
 'Видно, что он его **немного побаивается и стесняется**'.

На первый взгляд кажется, что эти дериваты имеют интерпретацию «ослабленного» состояния, которая, как мы утверждали выше, является недоступной для Аттенуатива. Но это не совсем так. Как нам видится, здесь работает тот же механизм, что и у русских дериватов на *по-* ... *-ива-*. Русские дериваты на *по-* ...

-ива- представляют собой вторичные имперфективы на -ива-, образованные от делимитативов на по-. Этот случай параллелен описанному выше случаю горномарийского Аттенуатива, когда от него образуется имперфективный предикат с помощью коэрсии (или нулевого оператора итератива). Русская деривация на по- ... -ива- не употребляется в тех же имперфективных контекстах, где не может употребляться и горномарийский Аттенуатив с нулевым итеративом, ср.: *попомниваю, ??погруживаю, ??погаривает vs. ^{OK}почитывает, ^{OK}побаливает, ^{OK}побаивается. Поэтому мы склонны считать, что сам Аттенуативный дериват значит вхождение в «ослабленное» состояние, а интерпретация, похожая на «ослабленное» состояние, привносится имперфективным контекстом. Вопрос о том, чем различаются классы глаголов, которые позволяют такую итеративность и которые с ней не сочетаются, требует дальнейшего исследования.

Итак, горномарийскому Аттенуативу доступны следующие интерпретации:

1. «уменьшенный» делимитатив — ситуация, длительность которой меньше некоторого стандарта, например, *lâd-âldal-eš* ‘почитать’;
2. вхождение в короткое состояние — переход в состояние, длительность которого меньше некоторого стандарта: *pišt-âlâl-eš* ‘положить ненадолго’;
3. вхождение в «ослабленное» состояние — ситуация, степень реализации результирующего состояния которой ниже некоторого стандарта: *pâdârt-al-eš* ‘надломить’;
4. «частичное» совершение — ситуация, в которой актант задействован частично: *reš-âlâl-eš* ‘решить часть, недорешить’.

А следующие интерпретации для горномарийского Аттенуатива невозможны:

1. предельные ситуации — ситуации, заканчивающиеся вхождением в результирующее состояние: **vâc minut-âštâ lâd-ândal'-â* ‘почитал чуть-чуть и закончил за пять минут’, но ^{OK}*lâd-ândal'-â* ‘почитал чуть-чуть, но не закончил’.
2. точечные ситуации — ситуации, не имеющие длительности: **ikänä-štä jü-ldäl'-ä* ‘в миг попил’, но ^{OK}*jü-ldäl'-ä* ‘попил немного’;

3. **ситуация с «маленьким» актантом** — ситуация с актантом, который в какой-то мере меньше нормального: *ašked-äl-eš* не может обозначать *‘шагать (о маленьком человеке)’, только ^{OK}‘пошагать немного’;
4. **«ослабленное» состояние** — состояние, степень реализации которого ниже некоторого стандарта: *ojxâr-al-eš* *‘грустить слегка’, но ^{OK}‘погрустить некоторое время’;
5. **процесс с малой интенсивностью**: *jâl-alal-eš* *‘гореть потихоньку’, но ^{OK}‘гореть с перерывами’.

7. Анализ глагольного Аттенуатива

На первый взгляд, наблюдаемые выше интерпретации являются манифестациями одного и того же значения аттенуатива: на шкале некоторого свойства в структуре ситуации степень реализации этого свойства ниже стандарта. Действительно, у «уменьшенного» делимитатива меньше стандарта длительность ситуации, у вхождения в короткое состояние — длительность результирующего состояния, у вхождения в «ослабленное» состояние — степень реализации результирующего состояния, а в «частичных» совершениях задействованная часть актанта меньше нормального количества. Но почему схожие интерпретации с «маленьким» актантом и «уменьшенной» интенсивностью состояния или процесса оказываются недопустимыми?

Рассмотрим аспектуальные характеристики возможных интерпретаций Аттенуатива.

На самом деле, интерпретации вхождения в «ослабленное» состояние и «частичного» совершения выводимы из делимитативной. Они доступны только для глаголов с инкрементальной темой, в структуре ситуации которых между длительностью ситуации и точкой на шкале состояний существует взаимно-однозначное соответствие: если делал немного, то сделал мало, не полностью, и наоборот. Обратимся к примерам (30) и (32a), повторенным ниже. Действительно, в общем случае чем дольше кто-то мерзнет на холоде, тем холоднее ему становится, а если кто-то подмерз лишь немного, то значит, и провел времени на холоде он немного; чем дольше кто-то что-то ест, тем больше он съедает, а если кто-то поел чего-то немного, то значит, ел он недолго.

(44=30) *tälät* *šokšə?* — *agəl mən' uže*
 ты.DAT.POSS.2SG тепло NEG.3SG я уже
kəlm-äläl'-əm
 замерзнуть-ATT-AOR.1SG
 'Тебе тепло? — Нет. Я уже **подмерз** немного'.

(45=32a) *kačk-əldal'-əm* *dä jəl-län kod-əšəm*
 есть-ATT-AOR.1SG и люди-DAT оставить-AOR.1SG
 'Я [рыбу] поела (чуть-чуть) и другим оставила'.

Таким образом, на данном этапе анализа мы имеем дело уже только с двумя подзначениями у Аттенуатива: делимитативным и вхождением в короткое состояние.

Есть основания полагать, что интерпретация Аттенуатива зависит от акциональной характеристики основы (напоминаем, что мы пользуемся данными об акциональной характеристике, содержащимися в глагольной базе горномарийской экспедиции).

Аттенуативные дериваты глаголов, которым доступна только неопредельная (по [Татевосов 2010]), длительная интерпретация, могут иметь только делимитативную интерпретацию:

(46) *mən' šiž-əm* *iziš krovat-əštə*
 я просыпаться-AOR.1SG немного кровать-IN
ki-äläl'-əm *dä kən'əl'-əm*
 лежать-ATT-AOR.1SG и встать-AOR.1SG
 'Я проснулся, **полежал** в кровати чуть-чуть, а потом встал'.

(47) **mən' iziš-eš vele ki-äläl'-əm*
 я немного-LAT только лежать-ATT-AOR.1SG
 Ожид.: {— Ты чего разлегся?} '— Я **ненадолго прилег**'.

Дериваты от глаголов, которым доступна только предельная (по [Татевосов 2010]), точечная интерпретация, могут иметь только интерпретацию вхождения в (короткое) состояние:

(48) **pet'a ik minut keles-äl'-ə*
 П. один минута сказать-ATT-AOR.3SG
a vara tumaj-əš
 а потом думать-AOR.3SG
 Ожид.: 'Петя **поговорил** минуту, а потом задумался'.

- (49) *pet'a kok šamakâ-m vele keles-ül'-ä*
 П. два слова-ACC только сказать-ATT-AOR.3SG
a šamak-šâ tolk-eš tol-ân
 а слово-POSS.3SG толк-LAT прийти-PRF.3SG
 'Петя **бросил** пару слов, но они были очень кстати'.

Если же глаголу доступны обе интерпретации, то образованный от него дериват может обозначать как «уменьшенный» делимитатив, так и вхождение в короткое состояние:

- (50) *tädä tokâ-žâ ke-ndül'-ä no*
 этот домой-POSS.3SG идти-ATT-AOR.3SG но
äš šo
 NEG.AOR.3 дойти.SG
 'Он **пошел недолго** домой (т. е. **подвигался к дому**), но не дошел'.

- (51) *ätä-m obed veremä-m tokâ-na*
 отец-POSS.1SG обед время-ACC домой-POSS.1PL
ke-ndül'-ä
 идти-ATT-AOR.3SG
 'Отец **ушел ненадолго** домой во время обеда'.

Таким образом, интерпретация «уменьшенного» делимитатива возможна, только если производящему глаголу доступна неопределенная (по [Татевосов 2010]) интерпретация. Именно в таком случае в структуре ситуации будет некая длительная фаза, которая после модификации Аттенуативом будет иметь соответствующее значение. Аналогично для интерпретации вхождения в короткое состояние: она возможна, только если производящему глаголу доступна предельная (по [Там же]) интерпретация. Лишь тогда в структуре ситуации будет переход в некое состояние, которое при модификации Аттенуативом даст соответствующее значение.

Что же объединяет оставшиеся два подзначения Аттенуатива? У «уменьшенного» делимитатива **короткая** длительность всей ситуации, а у вхождения в короткое состояние **короткая** же длительность состояния. Именно эта краткость и объединяет эти два аспектуальных типа. Таким образом, Аттенуатив есть не что иное, как **краткий перфектив**.

Такое описание сходно с анализом русского семельфактива на *-ну-* в [Плунгян 2000] как грамматикализованного ‘быстро’. В этой работе В. А. Плунгян обсуждает смысл ‘быстро’ и то, как он грамматикализуется, в первую очередь, в русском языке. Автор рассматривает три значения ‘быстро’:

1. ‘<Процесс P> протекает с большой скоростью’, т. е. ‘более интенсивно (в единицу времени происходит большее количество P) по сравнению с нормой’
2. ‘<Естественное завершение процесса P> наступило за более короткий (по сравнению с ожидаемым или нормальным) промежуток времени’
3. ‘Через очень короткий промежуток времени после некоторой другой ситуации; сразу после’

Второе значение ‘быстро’ исследователь называет ключевым при описании русского семельфактива на *-ну-*, в сущности утверждая, что значение суффикса *-ну-* равно этому значению.

Однако, как показывают примеры (21)–(22), повторенные ниже, толкование ‘<естественное завершение процесса P> наступило за более короткий промежуток времени’ не может адекватно описать значение горномарийского Аттенуатива:

(52=21) *a pet'a ikänä-štä roman-xälä
 а П. один.раз-IN роман-целиком

läd-äldal-än

читать-АТТ-PRF.3SG

Ожид.: ‘А Петя залпом **прочел** весь роман’.

(53=22) *tädä ik kruška sâra-m ikänä-štä
 тот один кружка пиво-ACC один.раз-IN

jü-läl'-ä

пить-АТТ-AOR.3SG

Ожид.: ‘Он **выпил** залпом кружку пива’.

В случае Аттенуатива завершение ситуации наступает как бы «на полпути» до его естественного предела, не «доходя» до него. И действительно, значения уменьшенного делимитатива и вхождения в короткое состояние объединяет не только краткость, но и то, что **по окончании ситуации актант не переходит в новое результирующее состояние**. У дериватов от состояний и неопределенных процессов такого результирующего состояния

изначально нет, поэтому выраженные ими Аттенуативные ситуации оканчиваются возвращением актанта в исходное состояние. При наличии предела у исходного предиката Аттенуативный предикат имеет значение антирезультатива [Плунгян 2001] — недостигнутого или отмененного результата.

Как тогда объяснить, что Аттенуатив перфективен? Дело в том, что значение перфективности выводимо из значения краткости. Длительность ситуации — это разность между ее концом и ее началом. Если говорящий утверждает, что длительность ситуации меньше некоторого стандарта, если в ассерции находится некий факт, указывающий на длительность ситуации, — то, очевидно, в ассерции есть информация о начале и конце ситуации, т. е. начало и конец ситуации профилированы и ситуация перфективна по определению У. Крофта (см. раздел 2). Если начало и конец ситуации расположены внутри времени ассерции, то и вся ситуация вложена внутрь времени ассерции, т. е. все вместе является перфективом по определению В. Клейна (см. там же).

Таким образом, мы принимаем следующий анализ горномарийского Аттенуатива:

Значение Аттенуатива состоит из двух утверждений:

1. *длительность ситуации E меньше некоторого стандарта S;*
2. *по окончании ситуации E актант не переходит в результирующее состояние.*

Другими словами, горномарийский Аттенуатив обозначает любую краткую перфективную ситуацию, конечная фаза которой есть вхождение в некое нерезультирующее состояние. Середина же фаза ее может быть любой: состоянием, неинкрементальным процессом, инкрементальным процессом и точкой. Ниже (Рис. 4–6) каждый из возможных аспектуальных типов горномарийского Аттенуатива представлен в терминах модели У. Крофта и проиллюстрирован языковым примером (54)–(57).

Рис. 4. Делимитатив состояния

Fig. 4. Delimitative of state

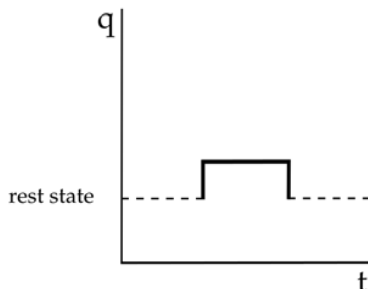

Рис. 5. Делимитатив процесса

Fig. 5. Delimitative of process

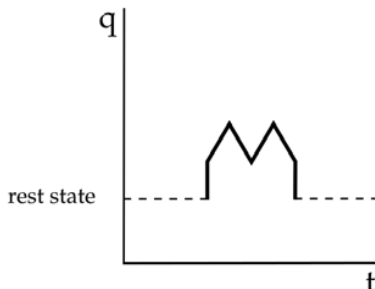

Рис. 6. «Частичное» совершение

Fig. 6. Partial accomplishment

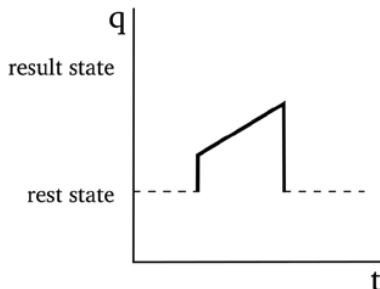
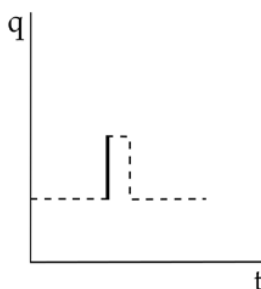

Рис. 7. Циклическое достижение

Fig. 7. Cyclic achievement

(54) *saša maša-m vďč-alal'-ď* *dä*

С. М.-ACC ждать-АТТ-АОР.3SG и

koktâ-n ke-vă

два-ADV идти-АОР.3SG

‘Саша **подождал** Машу и они пошли вместе’. (Рис. 4)

(55=19) *ovošĉ-vlä-m lu minut nără*

овощ-PL-ACC десять минута около

šolt-alal-aš kel-eš

варить-АТТ-INF надо-NPST.3SG

‘Овощи нужно **поварить** минут десять’. (Рис. 5)

(56=31) *kängăžžm măn' oknä-vlä-m pač-ăldal-ân*

летом я окно-PL-ACC открыть-АТТ-CVB

kod-em

оставить-NPST.1SG

‘Летом я оставляю окна **приоткрытыми**’. (Рис. 6)

(57=26) *ätä-m kečäväl pašteḱ tokâ-na*

отец-POSS.1SG полдень после домой-POSS.1PL

pâr-alal'-â

прийти-ATT-AOR.3SG

‘Отец пополудни **заскочил** домой’. (Рис. 7)

На Рис. 4 и 5 представлен обычный делимитатив — его неопредельный перфективный аспектуальный тип. Ему соответствует выделенная выше интерпретация горномарийского Аттенуатива «**уменьшенного**» **делимитатива**. Анализ, подобный представленному, мы находим у У. Крофта [Croft 2012: 80]. По окончании ситуации актанта возвращается в исходное состояние, поскольку у производящего предиката изначально нет какого-либо результирующего состояния.

Аспектуальный тип, представленный на Рис. 6, можно обозначить как «ослабленное» направленное совершение: он состоит из начальной фазы, последующего инкрементального изменения состояния, которое заканчивается вхождением в некоторое нерезультирующее состояние. Этому типу соответствуют две интерпретации: **вхождение в «ослабленное» состояние** и «**частичное**» **совершение**. Как наглядно видно на Рис. 6, этот аспектуальный тип сходен с делимитативом процесса и отличается от него только тем, что он пределен (по [Croft 2012]) в отличие от делимитатива процесса.

На Рис. 7 изображено вхождение в короткое состояние. Такой аспектуальный тип мы находим в классификации аспектуальных типов У. Крофта. В [Croft 2012] автор расширяет классификацию предикатов З. Вендлера [Vendler 1957]. З. Вендлер среди прочих типов выделяет тип достижения (achievement), точечного предельного динамического предиката, который представляет собой вхождение в некое состояние. У. Крофт выделяет три подтипа достижения в зависимости от типа состояния, вхождение в которое имеет место (подробнее см. [Croft 2012: 57–66]). Один из них — это **циклическое достижение** (cyclic achievement). Этот аспектуальный тип представляет собой вхождение

в точечное состояние (point state), т. е. такое, которое в скором времени прекращается. Заметим, что этот тип достижения не-пределен и точечное состояние не является результирующим. С помощью типа циклического достижения Крофт анализирует семейфактив в широком смысле, как неопределенную точечную ситуацию. Некоторые исследователи также предлагали добавить тип семейфактива в классификацию Вендлера (см., например, [Smith 1997], ср. также тип происшествий в [Булыгина 1982]).

Сравним аспектуальный тип циклического достижения с делимитативом состояния. Можно заметить, что на самом деле первое есть не что иное, как начальная фаза второго. Такой метонимический переход от срединной фазы ситуации к вхождению в ситуацию часто встречается в языках мира. Рассмотрим английские примеры (58) и (59) (адаптированный пример из [Croft 2012: 54]). В первом примере глагол *see* обозначает состояние, тогда как во втором этот же глагол интерпретируется уже как вхождение в состояние.

(58) *I saw Mount Tamalpais.*

‘Я видел гору Тамалпаис’.

(59) *I reached the crest of the hill and saw Mount Tamalpais.*

‘Я взобрался на холм и увидел гору Тамалпаис’.

8. Заключение

Итак, мы рассмотрели показатель глагольного аттенуатива в горномарийском языке. Мы изучили морфонологическое распределение показателей Аттенуатива, после чего перешли к рассмотрению его аспектуальных свойств.

Было обнаружено, что дериваты с показателем Аттенуатива перфективны и имеют интерпретации делимитатива с короткой длительностью, вхождения в короткое состояние, вхождения в ослабленное состояние и частичного совершения. При этом Аттенуатив употребим в имперфективных контекстах, если это контексты глагольной множественности: тогда над Аттенуативом надстраивается значение итератива, часто с раритивной интерпретацией.

В ходе анализа мы выяснили, что значения вхождения в ослабленное состояние и частичного совершения выводимы из

интерпретации уменьшенного делимитатива, а выбор интерпретации из двух оставшихся вариантов зависит от акциональной характеристики глагольной основы. Мы пришли к выводу, что значение горномарийского Аттенуатива сводится к одному — ситуация, длительность которой ниже определенной нормы и по окончании которой актант не переходит в какое-либо результирующее состояние.

Наконец, мы рассмотрели все логически возможные типы данного значения в рамках геометрической модели глагольного вида У. Крофта [Croft 2012] и сопоставили их с теми интерпретациями, которые мы ранее выделили эмпирически, а также обнаружили механизмы полисемии в значении горномарийского Аттенуатива.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — винительный падеж; ADV — наречие; AOR — Аорист; ATT — Аттенуатив; CN — отрицательная форма; CVB — деепричастие; DAT — дательный падеж; IN — инессив; INCH2 — инхоатив; INF — инфинитив; LAT — латив; NEG — отрицание; NMZ — номинализация; NPST — непрошедшее время; P — причастие; PL — множественное число; POSS — принадлежность; PRF — Перфект; PST — прошедшее время; RETR1, RETR2 — ретроспективный сдвиг; SG — единственное число.

Литература

- Булыгина 1982 — Т. В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // О. Н. Селиверстова (отв. ред.). Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 7–84.
- Голосов, Козлов 2018 — Ф. В. Голосов, А. А. Козлов. Наблюдатель в системе прошедших времен горномарийского языка // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. 2018. Т. XIV. Ч. 2. С. 154–194.
- Игнатенко 2017 — Д. И. Игнатенко. Модели полисемии показателей семьelfактива и лимитатива в языках мира. Курсовая работа бакалавра. НИУ ВШЭ, М., 2017.
- Игнатенко, Волков 2017 — Д. И. Игнатенко, О. С. Волков. Показатели неполноты ситуации, или Лимитативно-семьelfактивная деривация в языках мира. Доклад на Четырнадцатой Конференции по

- типологии и грамматике для молодых исследователей. Санкт-Петербург, 23–25 ноября 2017 г.
- Макаρχук 2018 — И. В. Макаρχук. Глагольный аттенуатив в горнома-рийском языке. Выпускная квалификационная работа бакалавра. МГУ, М., 2018.
- Оскольская, Стойнова 2012 — С. А. Оскольская, Н. М. Стойнова. Способы выражения начальной фазы действия в нанайском языке // Е. М. Девяткина (отв. ред.). Проблемы языка: Сб. научных статей по материалам Первой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М.: ИЯз РАН, 2012. Т. 1. С. 213–231.
- Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. ‘Быстро’ в грамматике русского и других языков // Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин (отв. ред.). Слово в тексте и словаре: Сб. статей к семидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна. (Studia Philologica). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 212–223.
- Плунгян 2001 — В. А. Плунгян. Антирезультатив: до и после результата // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. М.: Русские словари, 2001. С. 50–88.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка. (Bibliotheca Ceremissica 5). Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002.
- Татевосов 2010 — С. Г. Татевосов. Акциональность в лексике и грамматике. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2010.
- Федотов, Чуйкова 2013 — М. Л. Федотов, О. Ю. Чуйкова. К определению аспектуального значения лимитатива и к вопросу об особенностях «делимитативной» деривации русского глагола // Е. И. Грехова (ред.). Из прошлого в будущее. Сб. статей и воспоминаний к 100-летию профессора Ю. С. Маслова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2013. С. 153–203.
- Храковский 1998 — В. С. Храковский. Типология семельфактива // М. Ю. Чертков (ред.). Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 485–490.
- Шлуинский 2006 — А. Б. Шлуинский. Акциональность и аспектуальный показатель: конструкция с вспомогательным глаголом *il-* в чувашском языке // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2006. № 1. С. 32–47.

- Alhoniemi 2010 — A. Alhoniemi. *Marin kielioppi. (Apuneuvoja suomalais-ugrilaisten kielten opintoja varten 10). 2. painos.* Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2010.
- Comrie 1976 — B. Comrie. *Aspect.* Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- Croft 2012 — W. Croft. *Verbs: Aspect and Causal Structure.* Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Croft, Cruse 2004 — W. Croft, D. A. Cruse. *Cognitive Linguistics.* Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Cunningham 2008 — A. Cunningham. “Small” talk: The form and function of the diminutive suffix in Northern East Cree. Master’s Thesis. Memorial University of Newfoundland, St. John’s, Newfoundland and Labrador, 2008.
- Dickey, Hutcheson 2003 — S. M. Dickey, J. Hutcheson. Delimitative verbs in Russian, Czech and Slavic // R. A. Maguire, A. Timberlake (eds.). *American Contributions to the 13th International Congress of Slavists, Ljubljana, August 2003.* Bloomington, IN: Slavica, 2003. Vol. 1: *Linguistics.* P. 23–36.
- Klein 1994 — W. Klein. *Time in Language.* London: Routledge, 1994.
- Smith 1997 — S. C. Smith. *The Parameter of Aspect.* 2nd ed. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers, 1997.
- Tatevosov 2015 — S. Tatevosov. Constraining the distribution of the delimitative. Paper presented at the 24th Meeting of Formal Approaches to Slavic Linguistics. New York University, USA, May 7–10, 2015.
- Vendler 1957 — Z. Vendler. *Verbs and times // The Philosophical Review.* 1957. Vol. 66. № 2. P. 143–160.

References

- Alhoniemi 2010 — A. Alhoniemi. *Marin kielioppi. (Apuneuvoja suomalais-ugrilaisten kielten opintoja varten 10). 2. painos.* Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2010.
- Bulygina 1982 — T. V. Bulygina. K postroyeniyu tipologii predikatov v russkom yazyke [Towards a typology of predicates in Russian]. O. N. Seliverstova (ed.). *Semanticheskiye tipy predikatov [Semantic Types of Predicates].* Moscow: Nauka, 1982. P. 7–84.
- Comrie 1976 — B. Comrie. *Aspect.* Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

- Croft 2012 — W. Croft. *Verbs: Aspect and Causal Structure*. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Croft, Cruse 2004 — W. Croft, D. A. Cruse. *Cognitive Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Cunningham 2008 — A. Cunningham. “Small” talk: The form and function of the diminutive suffix in Northern East Cree. Master’s Thesis. Memorial University of Newfoundland, St. John’s, Newfoundland and Labrador, 2008.
- Dickey, Hutcheson 2003 — S. M. Dickey, J. Hutcheson. Delimitative verbs in Russian, Czech and Slavic. R. A. Maguire, A. Timberlake (eds.). *American Contributions to the 13th International Congress of Slavists, Ljubljana, August 2003*. Bloomington, IN: Slavica, 2003. Vol. 1: *Linguistics*. P. 23–36.
- Fedotov, Chuykova 2013 — M. L. Fedotov, O. Yu. Chuykova. K opredeleniyu aspektualnogo znacheniya limitativa i k voprosu ob osobennostyakh “delimitativnoy” derivatsii russkogo glagola [Toward a definition of aspectual meaning of delimitative and on peculiarities of delimitative derivation of the Russian verb]. E. I. Grekhova (ed.). *Iz proshlogo v budushcheye. Sb. statey i vospominaniy k 100-letiyu professora Yu. S. Maslova* [From the Past to the Future. Gedenkschrift in Commemoration of the 100th Anniversary of prof. Yu. S. Maslov]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2013. P. 153–203.
- GolosoV, Kozlov 2018 — F. V. GolosoV, A. A. Kozlov. Nablyudatel v sisteme proshedshikh vremen gornomariyskogo yazyka [Perspective point in past tenses’ system in Hill Mari]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. 2018. Vol. XIV. Pt. 2. P. 154–194.
- Ignatenko 2017 — D. I. Ignatenko. Modeli polisemii pokazateley semelfaktiva i limitativa v yazykakh mira [Models of polysemy for semelfactive and delimitative markers throughout languages of the world]. Term Paper. National Research University Higher School of Economics, Moscow, 2017.
- Ignatenko, Volkov 2017 — D. I. Ignatenko, O. S. Volkov. Pokazateli nepolnoty situatsii, ili Limitativno-semelfaktivnaya derivatsiya v yazykakh mira [Markers of incomplete situation, or Delimitative-semelfactive derivation throughout languages of the world]. Paper presented at the 14th Conference on typology and grammar for young scholars. St. Petersburg, November 23–25, 2017.

- Klein 1994 — W. Klein. *Time in Language*. London: Routledge, 1994.
- Makarchuk 2018 — I. V. Makarchuk. *Glagnolnyy attenuativ v gornomariyskom yazyke* [Verbal attenuative in Hill Mari]. Bachelor's Thesis. Moscow State University, Moscow, 2018.
- Oskolskaya, Stoyanova 2012 — S. A. Oskolskaya, N. M. Stoyanova. *Sposoby vyrazheniya nachalnoy fazy deystviya v nanayskom yazyke* [Strategies of expressing initial phase of an action in Nanai]. E. M. Devyatkina (ed.). *Problemy yazyka: Sb. nauchnykh statey po materialam Pervoy konferentsii-shkoly "Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh"* [Language Issues: Collection of articles based on the Conference "Language Issues: A Young Scholars' View"]. Moscow: Institute of Linguistics RAS, 2012. Vol. 1. P. 213–231.
- Plungian 2000 — V. A. Plungian. 'Bystro' v grammatike russkogo i drugih yazykov [Meaning of 'quickly' in the grammar of Russian and other languages]. L. L. Iomdin, L. P. Krysin (eds.). *Slovo v tekste i slovare: Sb. statey k semidesyatiletiiyu akad. Yu. D. Apresyana* [A Word in Text and in Lexicon: Festschrift for the 70th Anniversary of Prof. Yu. Apresyan]. (Studia Philologica). Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000. P. 212–223.
- Plungian 2001 — V. A. Plungian. Antirezultativ: do i posle rezultata [Antireresultative: Before and after the result]. V. A. Plungian (ed.). *Issledovaniya po teorii grammatiki* [Research in Grammar Theory]. Iss. 1: Glagnolnyye kategorii [Verbal Categories]. Moscow: Russkiye slovari, 2001. P. 50–88.
- Plungian 2011 — V. A. Plungian. *Vvedeniye v grammaticheskuyu semantiku: Grammaticheskiye znacheniya i grammaticheskiye sistemy yazykov mira* [Introducing Grammatical Semantics: Grammatical Meanings and Grammatical Systems in the World's Languages]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2011.
- Savatkova 2002 — A. A. Savatkova. *Gornoye narechiye mariyskogo yazyka* [Hill Mari Language]. (Bibliotheca Ceremissica 5). Savariae: Berzsényi Dániel Főiskola, 2002.
- Shluinskiy 2006 — A. B. Shluinskiy. Aktsionalnost i aspektualnyy pokazatel: konstruktsiya s vspomogatelnym glagolom *il-* v chuvashskom yazyke [Aktionsart and aspectual derivation: A construction with an auxiliary verb *il-* in Chuvash]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 9. Filologiya*. 2006. No. 1. P. 32–47.

- Smith 1997 — C. S. Smith. *The Parameter of Aspect*. 2nd ed. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers, 1997.
- Tatevosov 2010 — S. G. Tatevosov. *Aktsionalnost v leksike i grammatike* [Aktionsart in lexicon and grammar]. Thesis for Doctor in Philology. Moscow, 2010.
- Tatevosov 2015 — S. Tatevosov. Constraining the distribution of the delimitative. Paper presented at the 24th Meeting of Formal Approaches to Slavic Linguistics. New York University, USA, May 7–10, 2015.
- Vendler 1957 — Z. Vendler. Verbs and times. *The Philosophical Review*. 1957. Vol. 66. No. 2. P. 143–160.
- Xrakovskiy 1998 — V. S. Xrakovskiy. Tipologiya semelfaktiva [Typology of semelfactive]. M. Yu. Chertkov (ed.). *Tipologiya vida: problemy, poiski, resheniya* [Typology of Aspect: Problems, Research and Solutions]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1998. P. 485–490.

СЛУСИНГОВЫЕ КОНСТРУКЦИИ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Е. В. Моргунова

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва
morgunova.kate@gmail.com

Аннотация. В статье описываются слусинговые конструкции в бурятском языке. Было рассмотрено два подхода к анализу слусинговых конструкций в языках wh-in-situ: клефтовый и фокусный. В работе приводятся аргументы в пользу того, что вышеупомянутые подходы неприменимы к материалу бурятского языка. В силу этого выдвигается альтернативная гипотеза, согласно которой вопросительные слова в бурятских слусинговых конструкциях перемещаются на левую периферию клаузы с помощью скрэмблинга — передвижения, которое типично для бурятских вопросительных слов.

Ключевые слова: эллипсис, слусинг, скрэмблинг, бурятский язык.

Sluicing constructions in Buryat

E. V. Morgunova

Lomonosov Moscow State University, Moscow
morgunova.kate@gmail.com

Abstract. This article deals with sluicing constructions in Buryat. It presents some basic data on this phenomenon to conclude

---

¹ Материалы были получены в ходе полевой работы летом 2017 г. в с. Барагхан Баргузинского р-на Республики Бурятия. Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 19-012-00627а «Семантика и синтаксис урало-алтайских языков в функционально-типологической и формальной перспективах». Автор выражает благодарность Е. А. Лютиковой за ценные замечания к первоначальному варианту статьи. Редакторы сборника и автор статьи также хотели бы выразить признательность М. Ю. Князеву и внешнему рецензенту за комментарии и дополнения к предложенному анализу.

that sluicing in Buryat is in many aspects similar to that in English: it exhibits connectivity effects and is insensitive to island effects. On the other hand, Buryat sluicing does not obey the COMP-generalization, which distinguishes it from sluicing constructions in other languages. The paper considers two approaches to analyzing sluicing-like constructions, suggested earlier for *wh-in-situ* languages: cleft analysis and focus analysis. Arguments are provided for non-applicability of these approaches to Buryat material. Cleft analysis is rejected, because neither cleft, nor pseudo-cleft constructions in Buryat can host some foci elements (multiple remnants and adverb remnants) available in sluicing. Focus analysis is rejected on the grounds that it seems to be incompatible with Buryat syntax in general, because in this language foci generally cannot move to the left periphery and occupy position before the verb. An alternative hypothesis is put forward instead. It is proposed that *wh*-words in Buryat sluicing constructions move to the left periphery of the clause via scrambling. One argument is that Buryat also has sluicing constructions with non-interrogative words (the so-called ‘stripping in embedded clauses’). To account for the optional appearance of the complementizer *gəʒə* alongside with the remnant, we say that a *wh*-word can move to the specifier of the complementizer projection or to the specifier of a higher CP, with *gəʒə* deleted in the latter case. The paper introduces new typologically relevant data on sluicing in *wh-in-situ* languages.

Keywords: ellipsis, sluicing, scrambling, Buryat language.

1. Введение

Эта статья посвящена описанию и анализу одного из видов эллипсиса клаузы в баргузинском диалекте бурятского языка — слусингу.

Слусинг — это эллипсис (удаление на фонологическом уровне) всего косвенного вопроса, за исключением вопросительного слова (которое также называется слусом) [Merchant 2001]:

(1) *Кто-то уже написал статью, но я точно не знаю, кто.*

Слусинг является одним из распространенных видов эллипсиса и встречается во многих языках мира. Однако в современных исследованиях предполагается, что в разных языках за

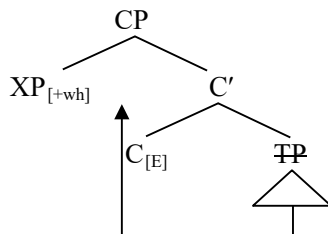
схожей внешней формой слусинга могут скрываться структуры разного типа (см., например, [Merchant, Simpson (eds.) 2012]). Типологическое изучение данного вопроса позволяет нам выявить общие черты слусинга и эллипсиса в целом.

Наиболее признанным анализом слусинга является анализ, представленный в [Merchant 2001] и основанный на данных языков с передвижением вопросительного слова (*wh*-movement). Согласно Джейсону Мерчанту, вопросительное слово претерпевает передвижение в *Spec,CP* с помощью *wh*-передвижения, в то время как оставшаяся часть клаузы эллидируется. Удаление, в свою очередь, лицензируется признаком [E], располагающимся на вершине *C*.

Рис. 1. Деривация слусинговых конструкций согласно [Merchant 2001]

Fig. 1. Sluicing derivation according to [Merchant 2001]

(2)

Если мы считаем, что вопросительное слово в подобных конструкциях способно передвигаться только с помощью *wh*-передвижения, то следовало бы ожидать, что в языках *wh*-in-situ — языках, где вопросительное слово звучит в той позиции, в которой оно порождается в структуре, — такой вид эллипсиса не встречался бы. Однако это не так: слусинг засвидетельствован в японском, китайском, турецком, хинди, фарси и других языках *wh*-in-situ (см. краткий обзор литературы о слусинге в языках *wh*-in-situ в [Gribanova, Manetta 2016]).

Во многих работах утверждается, что в языках *wh*-in-situ слусинговые конструкции, несмотря на внешнее сходство со слусингом в других языках, на самом деле образуются с помощью альтернативных способов.

Одной из наиболее распространенных гипотез является «клефтовый» анализ, предлагаемый, в частности, для китайского и японского [Merchant 1998; Adams 2004]. Суть этого анализа

заключается в том, что слусинговые конструкции признаются усеченной клефтовой конструкцией.

Другие авторы предполагают, что вопросительное слово в языках *wh-in-situ* все же перемещается на левую периферию клаузы, но с помощью иного типа передвижения — фокусного (см. подобный анализ персидского в [Тоосарвандани 2008] и турецкого в [Ince 2009; 2012]).

В то же время ряд исследователей допускают, что слусинговые конструкции в некоторых языках *wh-in-situ* представляют собой случаи «подлинного слусинга» (*genuine sluicing*), т. е. образуются с помощью того же механизма, что и слусинг в языках с обязательным передвижением вопросительного слова [Takahashi 1994; Gribanova, Manneta 2016].

В этой статье мы рассмотрим слусинговые конструкции в бурятском языке, который считается языком *wh-in-situ* [Татевосов и др. (ред.), в печати], и предложим анализ, совместимый с бурятскими данными.

Изложение построено следующим образом. В разделе 2 приводятся необходимые сведения о вопросительных предложениях в бурятском. В разделе 3 обсуждаются свойства слусинговых конструкций в бурятском языке. В разделе 4 приводятся аргументы против клефтового и фокусного анализов применительно к данным бурятского языка. Раздел 5 посвящен альтернативной гипотезе об образовании слусинговых конструкций в бурятском. Наконец, в разделе 6 подводятся итоги обсуждения и ставятся вопросы для дальнейшего исследования.

2. Вопросительные предложения в бурятском языке²

В этом разделе мы представим базовые сведения о предложениях-вопросах в бурятском языке, необходимые для дальнейшего описания слусинговых конструкций. Вначале мы обратимся к структуре общего и косвенного общего вопросов. Затем мы перейдем к частным вопросам и опишем возможные передвижения

---

² В этом разделе используются данные, собранные А. П. Евстигнеевой в ходе полевой работы в с. Барагхан Баргузинского р-на Республики Бурятия и представленные в [Татевосов и др. (ред.), в печати]. Все ошибки и неточности остаются на совести автора данной статьи.

вопросительных слов, эффекты превосходства, а также структуру косвенных частных вопросов.

Общие вопросы образуются с помощью частицы $g(\#)$ ³:

- (3) *fʲi*   *samolʲɛt*   *xara-na=gu-fʲ?*
ты   самолет   видеть-PRS=Q2-2SG
‘Ты видишь самолет?’

При этом в предложениях с глагольным предикатом частица присоединяется только к глаголу вне зависимости от того, с какими составляющими ассоциируется фокус вопроса, и не может оформлять одновременно глагол и другую составляющую.

- (4a) *dugar*   *ɯstʲɛr=(*gu)*   *ɛnɛ*   *nom*   *unf-a:?*
Дугар   вчера=Q2   этот   книга   читать-PST1
‘Дугар вчера ли читал эту книгу?’

- (4б) *dugar=(*gu)*   *ɯstʲɛr*   *ɛnɛ*   *nom*   *unf-a:?*
Дугар=Q2   вчера   этот   книга   читать-PST1
‘Дугар ли вчера читал эту книгу?’

- (4в) *dugar=(*gu)*   *ɯstʲɛr=(*gu)*   *ɛnɛ*   *nom*
Дугар=Q2   вчера=Q2   этот   книга
unf-a:=gu?
читать-PST1=Q2
1. ‘Дугар вчера ли читал эту книгу?’
2. ‘Дугар ли вчера читал эту книгу?’

Частица $g(\#)$ также может присоединяться к неглагольному предикату:

- (5) *nʲutag*   *so:*   *bolʲnʲitsa*   *bʲi:*   *gu?*
село   в   больница   есть   Q2
‘В селе есть больница?’

Косвенные общие вопросы также образуются с помощью частицы gu . При этом эта частица, как и в случае простых общих вопросов, может присоединяться только к предикату:

³ Варианты g и gu распределены следующим образом: если частица присоединяется к глагольной форме, заканчивающейся на гласный, то употребляется вариант g ; если же она присоединяется к словоформе на согласный, употребляется вариант gu .

- (6а) *dugar=**gH**   *энэ*   *zurag*   *zura:*
 Дугар=Q2   этот   картина   рисовать
gэze   *badma xura-ba*
 COMP   Бадма спрашивать-PST2
 Ожид.: ‘Бадма спросил, Дугар ли нарисовал эту картину’.
- (6б) *dugar*   *энэ*   *zurag*   *zura:=g*
 Дугар   этот   картина   рисовать=Q2
gэзэ   *badma xura-ba*
 COMP   Бадма спрашивать-PST2
 ‘Бадма спросил, Дугар ли нарисовал эту картину’.
- (7а) *dugar   *mөнө:dэр*=**gH**   *эрх-и:*   *gэзэ*
 Дугар   сегодня=Q2   приезжать   COMP
badma hura-ba
 Бадма спрашивать-PST2
 Ожид.: ‘Бадма спросил, сегодня ли Дугар приезжает’.
- (7б) *dugar*   *mөнө:dэр*   *эрх-и:=g*   *gэзэ*
 Дугар   сегодня   приезжать=Q2   COMP
badma hura-ba
 Бадма спрашивать-PST2
 ‘Бадма спросил, сегодня ли Дугар приезжает’.

Перейдем к структуре частных вопросов в бурятском языке.
 Частный вопрос образуется с помощью частицы *b(э)*^{4,5}:

- (8) *хэн*   *fulsg*   *bэjэ-n-bэ*
 кто   стихотворение   сочинять-PRS-Q1
 ‘Кто сочиняет стихи?’

⁴ Существует три алломорфа частицы частного вопроса: *b*, *ob* и *bэ*. Первый используется, если частица присоединяется к глагольной форме, заканчивающейся на гласную. Второй вариант употребляется при присоединении к глагольной форме на согласную. Последний вариант чаще всего используется при именных предикатах.

⁵ В сочетании с различными частицами вопросительная частица *b(э)* используется для образования неопределенных местоимений: *ju-b-da*: ‘что-то’, *ju-fjэ-b* ‘что-то’.

Как и частица общего вопроса, в предложениях с глагольным предикатом частица *b(ə)* может присоединяться только к глаголу:

(9а) *jamar-ab   *maʃina*   *bair*   *ab-a:?*
 какой-Q1   машина   Баир   покупать-PST1
 Ожид.: ‘Какую машину Баир купил?’

(9б) *jamar   *maʃina-b*   *bair*   *ab-a:?*
 какой   машина-Q1   Баир   покупать-PST1
 Ожид.: ‘Какую машину Баир купил?’

Также эта частица может образовывать вопросы при неглагольной предикации:

(10а) *ajaga*   *xa:na*   *bə?*
 чашка   где   Q1
 ‘Где чашка?’

(10б) *badma-da*   *ju:n*   *bi:-b?*
 Бадма-DAT   что   есть-Q1
 ‘Что есть у Бадмы?’

Как мы уже отметили выше, бурятский является языком *wh-in-situ*, т. е. по крайней мере на поверхностном уровне репрезентации вопросительное слово не претерпевает передвижения на левую периферию клаузы. Однако вопросительные слова могут также свободно передвигаться в любые другие позиции в клаузе, кроме постглагольной (11), т. е. бурятский язык можно считать языком со скрэмблингом вопросительных слов. Подобное явление засвидетельствовано и в других языках *wh-in-situ*, например, в хинди [Kidwai 2000] и в японском [Takahashi 1993].

(11) (*xəŋ*)   *uʃtəɾ*   *dal*   *də:rə*   (*xəŋ*)   *urainai*
 кто   вчера   чердак   на   кто   старый
nom   (*xəŋ*)   *ol-o:-b*   (**xəŋ*)?
 книга.ACC   кто   находить-PST1-Q1   кто
 ‘Кто вчера нашел на чердаке старую книгу?’

На левую периферию также возможно (но не обязательно) передвижение нескольких вопросительных слов:

- (12) *xəŋ* (*ju:*) *sajana-da* *tʉrə-hən*
кто что Саяна-DAT родиться-PFCT
ɯdʉr-tə-nʲ (*ju:*) *bəʎlɔgl-ə:-b*
день-DAT-POSS что подарить-PST1-Q1
‘Кто что подарил Саяне на день рождения?’

Вопросительные слова также могут сочиняться союзом *ba* ‘и’.

- (13) *sajana-da* *tʉrə-hən* *ɯdʉr-tə-nʲ*
Саяна-DAT родиться-PFCT день-DAT-POSS
xəŋ *ba* *ju:* *bəʎlɔgl-ə:-b*
кто и что дарить-PST1-Q1
‘Кто и что подарил Саяне на день рождения?’

Вопросительное слово может выдвигаться и за пределы синтаксических актантов (14) и некоторых типов синтаксических адъюнктов (15)⁶, которые, согласно [Ross 1967], традиционно считаются сильными островными конструкциями, т. е. такими структурами, из которых запрещен вынос каких-либо составляющих.

- (14) *xəŋ* *ɯstʉr* *sajana* *xarju:* *olo-bo*
кто вчера Саяна ответ.ACC находить-PST2
gəʒə *xəʎə-bə-b?*
COMP говорить-PST2-Q1
‘Вчера Саяна сказала, что кто нашел ответ?’

- (15) *ju:* *ojuna* *ɯsəgəldʉr* *bair-ai*
что Оюна вчера Баир-ACC
bəʎlɔgl-ə:-gɯi=xada *url-a:-b?*
дарить-PST1-NEG=COND злиться-PST1-Q1
‘Оюна разлилась, потому что Баир ей что вчера не подарил?’

Отметим, что ограничения на выдвижение вопросительных слов из синтаксических актантов и адъюнктов, а также из сочиненных конструкций и относительных клауз практически совпадают с ограничениями на передвижения обычных именных групп из этих конструкций.

⁶ Более подробное описание ограничений на вынос вопросительных слов и простых именных групп из зависимых клауз и других конструкций в бурятском языке приводится в [Татевосов и др. (ред.), в печати].

В бурятском языке действуют эффекты превосходства, которые касаются лишь слов *xən* и *ju:* в номинативе и аккумулятиве соответственно.

- (16) *sajana-da turə-hən udər-tə-nʲ*
 Саяна-DAT рождаться-PFCT день-DAT-POSS
xən ju: / *ju: xən bəlgəl-ə:-b?
 кто что что кто дарить-PST1=Q1
 ‘Кто что подарил Саяне на день рождения?’

Если эти вопросительные слова стоят в других падежах, эффекты превосходства не наблюдаются.

- (17) *ju:n xən-əiə gomodxo:-go:-b?*
 что.NOM кто-ACC расстраивать-PST1-Q1
 ‘Что кого расстроило?’

Косвенные частные вопросы обычно образуются с помощью частицы *b(ə)*, которая опционально присоединяется к предикату зависимой клаузы с комплементаризером *gəzə*.

- (18) *xən ər-ə:(-b) gəzə bi mədənə-guj-b*
 кто приезжать-PST1-Q1 COMP я знать-NEG-1
 ‘Я не знаю, кто приехал’.

3. Слусинговые конструкции в бурятском

В бурятском языке существуют конструкции, которые по своим свойствам во многом похожи на типичный слусинг.

- (19) *dugar xən-də-b=da: bəfəg əl'gə:-gə:*
 Дугар кто-DAT=Q1=PTCL письмо.ACC слать-PST1
xarʲin xən-də mədə-nə-gni-b
 но кто-DAT знать-PRS-NEG-1
 ‘Дугар послал кому-то письмо, но я не знаю кому’.

Чаще всего подобные конструкции используются в косвенных вопросах, однако они также могут употребляться и в главной клаузе:

- (20) А: *masa ju:-b=da: du:l-a:*
 Маша что-Q1=PTCL петь-PST1

В: **ju:**?
что

‘А: Маша что-то пела. В: Что (она пела)?’

Вопросительное слово в слусинговых конструкциях может быть любым членом предложения:

- Подлежащее

(21) *xən-da: bɯxi: konfeta ɛd-ɟɟ*
кто-PTCL весь конфета.ACC есть-PTI
bʲi xɯn mɛdɟ-nɟ-gɯi-b
я кто.NOM знать-PRS-NEG-I
‘Кто-то съел все конфеты, но я не знаю кто’.

- Прямое дополнение

(22) *ɛʒi: ju=ʃɟɟ-b ab-a:*
мама что=FC-Q1 покупать-PTI
xarʲin ju mɛdɟ-nɟ-gɯi-b
но что знать-PRS-NEG-I
‘Мама что-то купила, но я не знаю что’.

- Непрямое дополнение

(23) *dugar xən-dɟ-b=da: bɛʃɟg ɟljɟɟ:-gɟ:*
Дугар кто-DAT-Q1=PTCL письмо.ACC слать-PTI
xarʲin xɯn-dɟ mɛdɟ-nɟ-gɯi-b
но кто-DAT знать-PRS-NEG-I
‘Дугар послал кому-то письмо, но я не знаю кому’.

- обстоятельство

(24) *dugar xɟzɟ:-b=da: pariʒ so:*
Дугар когда=Q1=PTCL Париж в
bai-ga:-n ba xɟzɟ hana-na-gɯi-b
быть-PTI-3SG и когда помнить-PRS-NEG-I
‘Дугар когда-то был в Париже, но я не помню когда’.

Вопросительное слово должно иметь тот же падеж, что и соотносящееся с ним неопределенное местоимение, которое выступает его антецедентом:

(25) *badma xən-dɟ=ʃɟɟ-b bɛʃɟg*
Бадма кто-DAT=FC-Q1 подарок.ACC

uḡ-ø: *təjəḍ*   *bi*   *məḍə-nə-ḡui-b*
 давать-PST1   но   я   знать-PRS-NEG-1
xəḡ-də   / ****xəḡ***   / ****xəḡ-ə:r***
 кто-DAT   кто.NOM   кто-INSTR
 ‘Бадма подарил подарок, но я не знаю кому’.

В случае, если антецедентом слуса является послеложная группа, то послелог должен сохраняться при вопросительном слове в слусинговой конструкции:

(26) *uḡtər*   *dugar*   *nam-da*   ***nəḡə***   ***xuḡ***
 вчера   Дугар   я-DAT   какой-то   человек
tuxai   *honi:n-əi*   *xø:r-ø:*   *xar'in*
 о   новость-ACC   рассказывать-PST1   но
xəḡ   ****(tuxai)***   *mart-a:-d*   *bai-na-m*
 кто   о   забывать-PST1-CONV   быть-PRS-1
 ‘Вчера мне Дугар рассказал новость про какого-то человека, но я уже забыл про кого’.

Из этого требования также вытекает тот факт, что клауза-антецедент и зависимая клауза не могут различаться между собой по залогу:

(27a) *velos'ipəḍ*   *xulu:-gda-han*   *bai-ga:*
 велосипед   воровать-PASS-PFCT   быть-PST1
xar'in   *bi'idə*   *məḍə-nə-ḡui-b-d'i*
 но   мы   знать-PRS-NEG-1-PL
xəḡ-ə:r   / ****xəḡ***
 кто-INSTR   кто
 ‘Велосипед был украден, но мы не знаем кем’.

(27б) *xəḡ=b=da:*   *velos'ipəḍ*
 кто=Q=PTCL   велосипед.ACC
xula:-ga: *xar'in*   *bi'idə*
 воровать-PST1   но   мы
məḍə-nə-ḡui-b-d'i   ***xəḡ***   / ****xəḡ-ə:r***
 знать-PRS-NEG-1-PL   кто   кто-INSTR
 ‘Кто-то украл велосипед, но мы не знаем кто’.

В бурятском языке допустимо использование подвида слусинга — спраутинг. При спраутинге в клаузе-антецеденте нет

выраженного коррелята вопросительного слова из косвенного вопроса:

- (28) *эзи:*   *unf-a:*   *хар'ин би*
 мама   читать-PST1   но   я
ju: *mэдэ-нэ-гүи-б*
 что   знать-PRS-NEG-1
 ‘Мама читала, но я не знаю что’.

В слусинговых конструкциях возможно употребление нескольких вопросительных слов одновременно. При этом в подобных конструкциях баргузинского диалекта бурятского наблюдаются те же эффекты превосходства, что и в вопросительных предложениях. Как и в вопросах, эти эффекты касаются лишь местоимений *хэн* ‘кто’ и *ju:* ‘что’ (29). В других случаях большинство носителей допускает вариативность порядка следования местоимений (30)–(32).

- (29) *хэн=да:*   *ju:-b=да:*   *ду:л-а:*
 кто=PTCL   что-Q1=PTCL   петь-PST1
хар'ин би хэн ju: / *ju: хэн
 но   я   кто   что   что   кто
oilg-o:-гүи-б
 разбирать-PST1-NEG-1
 ‘Кто-то что-то пел, но я не понял, кто и что’.

- (30) *sajana хэн-дэ-б=да:*   *ju:-b=да:*
 Саяна   кто-DAT-Q1=PTCL   что-Q1=PTCL
бэлэгл-э: *хар'ин би хана-на-гүи-б*
 дарить-PST1   но   я   знать-PRS-NEG-1
хэн-дэ ju: / ju: хэн-дэ
 кто-DAT   что   что   кто-DAT
 ‘Саяна кому-то что-то подарила, но я не знаю, кому что’.

- (31) *sajana ju:-b=да:*   *unf-a:*
 Саяна   что-Q1=PTCL   читать-PST1
хар'ин би хана-на-гүи-б
 но   я   помнить-PST-NEG-1
ju: хэзэ: / хэзэ: ju:
 что   когда   когда   что
 ‘Саяна читала что-то, но я не помню, что и когда’.

- (32) *sajana xʒzʒ:-b=da: xa:na=fjʒ ba:bgai*
 Саяна когда-Q1=PTCL где=FC медведь.ACC
xar-a: tʃjʒd hana-na-gui-b
 видеть-PST1 но помнить-PRS-NEG-1
xʒzʒ: xa:na / xa:na xʒzʒ:
 когда где где когда
 ‘Саяна когда-то где-то видела медведя, но уже не помнит, где и когда’.

Зависимая эллидируемая клауза может линейно находиться перед главной клаузой, хотя подобные предложения носители редко порождают самостоятельно.

- (33a) *sajana ju:-b=da: du:l-a:*
 Саяна что-Q1=PTCL петь-PST1
xarʃin bi ju: mʒdʒ-nʒ-gui-b
 но я что знать-PRS-NEG-1
 ‘Саяна что-то пела, но я не знаю что’.

- (33б) *bi mʒdʒ-nʒ-gui-b ju:*
 я знать-PRS-NEG-1 что
xarʃin sajana ju:-b=da: du:l-a:
 но Саяна что-Q1=PTCL петь-PST1
 ‘Саяна что-то пела, но я не знаю что’.

В [Merchant 2001] отмечается, что слусинг способен нарушать островные ограничения. Другими словами, вопросительное слово, которое изначально находилось внутри какой-либо островной конструкции, способно выдвигаться за ее пределы при слусинге:

- (34) *They want to hire someone who speaks a Balkan language, but I don't remember which.*

В разделе 2 было показано, что вопросительные слова могут выдвигаться из некоторых типов сентенциальных актантов и адьюнктов. Однако вынос вопросительных местоимений и простых именных групп строго запрещен из одного вида сентенциальных адьюнктов — относительных придаточных предложений (35). Это позволяет называть относительные придаточные в бурятском языке сильными островами.

- (35) **ju:*   *b'i*   *zoixo-dog*   *хибу:-тэi*
 что   я   сочинять-НАВ   мальчик-COM
нихэсэ-дэг-эби-б?
 дружить-НАВ-Q-1
 Ожид.: 'Я дружу с мальчиком, который что сочиняет?'

В то же время примеры (36)–(37) показывают, что слусинг в бурятском может нарушать это островное ограничение. Другими словами, бурятские слусинговые конструкции демонстрируют «эффекты починки островов» (island-repair effects), характерные для подлинного слусинга.

- (36) *b'i*   [*ju-b=da:*   *zoixo-dog*   *хибу:.*]
 я   что-Q1=PTCL   сочинять-НАВ   мальчик.ACC
xara-na-b   *xar'in*   *b'i*   *тэдэ-нэ-гни-б*   *ju:*
 видеть-PRS-1   но   я   знать-PRS-NEG-1   что
 'Я вижу мальчика, который что-то сочиняет, но я не знаю что (он сочиняет).'

- (37) *b'i* [*xa:gu:r=fta:*   *udər*   *быr'i*   *zai-dag*
 я   куда=PTCL   день   каждый   бродить-НАВ
хибу:.]   *тэдэ-хэ-б*
 мальчик.ACC   знать-POT-1
xar'in   *xa:gu:r*   *тэдэ-нэ-гни-б*
 но   куда   знать-PSR-NEG-1
 'Я знаю мальчика, который где-то гуляет каждый день, но только не знаю где (он гуляет).'

В то же время свойства бурятских слусинговых конструкций не полностью соответствуют типологическим обобщениям, приведенным в [Merchant 2001]. Первая особенность бурятского слусинга касается COMP-обобщения, звучащего следующим образом:

- (38) COMP-обобщение [Merchant 2001]

В слусинговых конструкциях в той части структуры, которая управляется вершиной CP, но не входит в TP, не может присутствовать никакой материал, кроме непосредственно вопросительного слова.

Это ограничение на первый взгляд кажется неожиданным, если мы предполагаем, что эллипсис удаляет максимальные

проекции (поскольку признак [E], отвечающий за эллипсис, может находиться только на вершинах).

Джейсон Мерчант предполагает, что это обобщение связано не со структурой слусинга, но с его просодией, и предлагает два возможных объяснения. Первое из них аналогично фильтру на множественно заполненный COMP (Multiply-filled-Comp-filter), согласно которому любая составляющая CP, содержащая фонологический выраженный C и фонологический выраженный спецификатор одновременно, становится неграмматичной в силу принципа экономичности. Другая гипотеза заключается в том, что комплементаризатор при слусинге клитизируется к составляющей TP и вместе с ней подвергается удалению.

В бурятском языке подобное обобщение не соблюдается. Пример (39) показывает, что комплементаризатор *gʷʒʷ* может сохраняться при вопросительном слове⁷.

- (39) *badma dugar tuxaʷ ju:-b=da: du:l-a:*
 Бадма Дугар про что=Q=PTCL слышать-PST1
xarʷin ju: (gʷʒʷ) bi mʷdʷ-nʷ-gni-b
 но что COMP я знать-PRS-NEG-1
 ‘Бадма что-то слышал про Дугара, но я не знаю что’.

⁷ Один из редакторов статьи отмечает, что опциональное присутствие комплементаризатора может вытекать из не связанных с эллипсисом фактов бурятского языка. В частности, редактор указывает, что во многих монгольских языках комплементаризатор может присутствовать и в других вопросах, например, в вопросах к сентенциальному актанту матричного глагола. Это верно и для бурятского языка, что показывает (i). Однако, как и в слусинговых конструкциях, наличие комплементаризатора при вопросительном слове необязательно.

- (i) *tʷrʷ ju: (gʷʒʷ) xʷl-ʷ:-b?*
 тот что COMP говорить-PST1-Q1
 ‘Что он сказал?’

К сожалению, на данный момент мы не можем сказать с уверенностью, связаны ли эти явления между собой. Мы также не знаем, связано ли опциональное появление комплементаризатора при вопросительных словах с тем, что он этимологически был образован от глагола ‘говорить’. Насколько нам известно, эти вопросы, связанные с COMP-ограничением, также не поднимались в литературе, касающейся слусинга. Мы оставляем их открытыми.

Джейсон Мерчант предполагает, что комплементаризатор при вопросительном местоимении может появляться в тех языках, где вопросительное слово не перемещается в *Spec,CP*. В таком случае оба просодических объяснения СОМР-обобщения действительно предсказывают подобные случаи. Однако гипотезы Дж. Мерчанта не могут объяснить **опционального** присутствия комплементаризатора по следующим причинам.

Предположим, что верно предположение о действующем фильтре на множественно заполненный СОМР. Так как в бурятском языке вопросительное местоимение не перемещается в *Spec,CP*, то комплементаризатор *gʒʒ* должен быть озвучен всегда, что не согласуется с нашими данными. Можно в таком случае считать, что комплементаризатор имеет две формы — форму *gʒʒ* и нулевой вариант, которые находятся в отношениях свободного варьирования. Против подобной гипотезы говорит то, что большинство носителей считают употребление *gʒʒ* при косвенных вопросах обязательным, т. е. не допускают невыраженного комплементаризатора.

Гипотеза о клитизации комплементаризатора к *TP* также сталкивается с некоторыми трудностями. Во-первых, на данный момент неизвестно, может ли *gʒʒ* в бурятском становиться клитикой. Во-вторых, чтобы объяснить опциональное появление комплементаризатора, нужно предположить, что существует две позиции, куда может переместиться вопросительное слово, — *Spec,CP* и *Spec,YP*, где *YP* — некая проекция, располагающаяся ниже проекции *CP*. Комплементаризатор *gʒʒ* озвучивается, когда вопросительное слово перемещается в *Spec,YP*, препятствуя клитизации, и не озвучивается, если вопросительное слово перемещается в *Spec,CP*, т. к. в таком случае *gʒʒ* становится клитикой по отношению к эллидируемой *TP*. Однако из такого предположения следует, что сразу две вершины — *C* и *Y* — могут лицензировать признак *[E]* при слусинге в бурятском. Это противоречит идее Джейсона Мерчанта о том, что только определенные вершины могут лицензировать признак *[E]*, ответственный за какой-либо тип эллипсиса. Другими словами, этот признак не может свободно присоединяться к любым вершинам — в противном случае в языках мира разрешалось бы удаление структур любых размеров, что противоречит эмпирическим данным.

Итак, тот факт, что в бурятском языке нарушается СОМР-ограничение, не может получить обоснования в рамках теории Джейсона Мерчанта. Мы вернемся к этому факту в разделе 5, посвященном альтернативному анализу слусинговых конструкций в бурятском языке.

Другим отличительным свойством слусинга в бурятском является тот факт, что вопросительное слово может занимать разные позиции в клаузе:

(40а) *dugar* *xən-də-b=da:* *bʊʃəg*
 Дугар кто-DAT-Q1=PTCL письмо.ACC
əʃgə:g-ə: *xarʲin xən-də bi mədə-nə-gni-b*
 слать-PST1 но кто-DAT я знать-PRS-NEG-1
 ‘Дугар кому-то послал письмо, но я не знаю кому’.

(40б) $\langle \dots \rangle$ *xarʲin bi xən-də mədə-nə-gni-b*
 но я кто-DAT знать-PRS-NEG-1
 {Дугар кому-то послал письмо}, ‘но я не знаю кому’.

(40в) $\langle \dots \rangle$ *xarʲin bi mədə-nə-gni-b xən-də*
 но я знать-PRS-NEG-1 кто-DAT
 {Дугар кому-то послал письмо}, ‘но я не знаю кому’.

Это свойство бурятского слусинга может быть обусловлено тем, что зависимая клауза с комплементаризатором *gəʒə*, которая является изначальным местом порождения вопросительного слова слусинговой конструкции, может занимать различные позиции в матричной клаузе: она может находиться в непосредственном начале матричной клаузы (41а), после субъекта в предглагольной позиции (41б) или же в постглагольной позиции (41в)⁸.

(41а) [*badma* *əɾ-ə:* **gəʒə**] *sajana mədə-nə*
 Бадма приходит-PST1 COMP Саяна знать-PRS
 ‘Саяна знает, что Бадма пришел’.

(41б) *sajana* [*badma* *əɾ-ə:* **gəʒə**] *mədə-nə*
 Саяна Бадма приходит-PST1 COMP знать-PRS
 ‘Саяна знает, что Бадма пришел’.

⁸ Примеры Е. В. Деликановой.

- (41в) *sajana mэдэ-нэ* [*badma эр-э:* **gəʒə**]
 Саяна знать-PRS Бадма приходить-PST1 COMP
 ‘Саяна знает, что Бадма пришел’.

4. Возможные анализы

4.1. Клефтовый анализ

Как мы уже упоминали выше, при клефтовом анализе, предлагаемом для японского и мандаринского китайского, предполагается, что конструкции, подобные слусингу, в этих языках деривируются удалением части клефтовой конструкции. Достоинством данного анализа является то, что при нем вопросительное слово не претерпевает передвижения, нетипичного для языка *wh-in-situ*.

Хотя клефтовый анализ применим к данным одних языков *wh-in-situ*, существуют другие подобные языки, для которых этот анализ не подходит (см., среди прочих, [Тоосарвандани 2008] (фарси), [Şener 2013] (турецкий), [Sakamoto 2012] (монгольский)). В этом разделе мы продемонстрируем, что бурятский также относится к числу языков, к которым этот анализ неприменим.

Мы рассмотрим две конструкции, существующие в бурятском языке, — клефт и псевдоклефт.

Клефт — это специфическая разновидность полипредикативных конструкций, в которых главная часть целиком относится к реме, а зависимая клауза — к теме [Гестелец 2001].

Клефтовая конструкция бурятского языка представлена в (42):

- (42) *энэ badma fид-ө: сэбэрил-э-нэ-и-нэ бай-на*
 это Бадма зуб-REFL чистить-PFCT-3 быть-PRS
 ‘Это был Бадма, который почистил зубы’.

- (43) *badma fид-ө: сэбэрил-э:*
 Бадма зубы чистить-PST1
 ‘Бадма почистил зубы’.

Сравним клефтовую конструкцию с простым предложением, приведенным в примере (43). Как можно видеть, в клефтовой конструкции при подлежащем появляется местоименный эксплитив *энэ* ‘это’ и глагол *байха* ‘быть’, выступающий в качестве идентифицирующей связки. Исходный лексический глагол

вместе с внутренними аргументами преобразуется в причастную зависимую клаузу, которая определяет субъект предложения идентификации. Полученную структуру можно считать предложением идентификации: оно выражает тождество двух именных групп, одна из которых в данном случае является подлежащим, а другая выражена причастным оборотом.

В клефтовой конструкции можно употреблять вопросительные слова; это демонстрирует пример (44).

- (44) *энэ хэн фид-ө: сэбэрилс-хэн-и:н¹ бай-на?*
 это кто зуб-REFL чистить-PFCT-3 быть-PRS
 ‘Это кто чистит зубы?’

Однако существует несколько причин, дающих нам основания утверждать, что в бурятском языке слусинговая конструкция не может быть образована из клефта. Во-первых, в то время как при слусинговых конструкциях возможно сохранение более чем одного слова из эллидируемой структуры (см. примеры (29)–(32)), в клефтовых конструкциях бурятского языка невозможно фокусирование более чем одной составляющей (45).

- (45) **энэ оюна-да ном-у:д тфингис угэ-хэн-и:н¹*
 это Оюна-DAT книга-PL Чингис давать-PFCT-3
 Ожид.: ‘Чингис дал книги Оюне’.

Во-вторых, в клефтовых конструкциях невозможно фокусирование наречия. (Подобное ограничение ожидаемо, если учитывать тот факт, что клефт является предложением идентификации.) Это доказывает, что конструкции типа (24), в которых от эллидированной клаузы остается лишь вопросительное слово, являющееся обстоятельством, не могут быть получены путем удаления части клефта.

- (46) ??*энэ устэр саяна зурэг*
 это вчера Саяна картина.ACC
зур-хан-и:н¹ бай-на
 рисовать-PFCT-3 быть-PRS
 Ожид.: ‘Саяна нарисовала картину вчера’.

Как мы уже упоминали выше, в бурятском существует еще один подвид конструкции с глаголом-связкой — псевдоклефт.

Псевдоклефт является частным случаем клефтовой конструкции, при котором зависимая клауза располагается в начале предложения.

- (47) *sajana-da ugə-hən-i:n¹ jabloka bai-ba*
 Саяна-DAT давать-PFCT-3 яблоко.ACC быть-PST2
 ‘То, что дали Саяне, было яблоком’.

Эта конструкция также не может быть исходной структурой, из которой образуется слусинг: при псевдоклефте также невозможно фокусировать более одной составляющей одновременно (48) или наречие (49).

- (48) **tʃingis-si ugə-hən-i:n¹ ojuna-da nom-u:d*
 Чингис-ACC давать-PFCT-3 Оюна-DAT книга-PL
 Ожид.: ‘То, что Чингис дал, было Оюне книги’.

- (49) **sajan-i:n zurag zura-han-i:n¹*
 Саяна-GEN картина.ACC рисовать-PFCT-3
uštər bai-ga:
 вчера быть-PST1
 Ожид.: ‘Саяна нарисовала картину вчера’.

Более того, вопросительное слово чаще всего не допускается носителями в подобной конструкции, что подкрепляет несостоятельность данной гипотезы:

- (50) *ʔsajana-da ugə-hən-in¹ ju: bai-ba?*
 Саяна-DAT давать-PFCT-3 что быть-PST2
 ‘Что было дано Саяне?’

Все вышеприведенные аргументы указывают на то, что клефтовый анализ не подходит для данных бурятского языка.

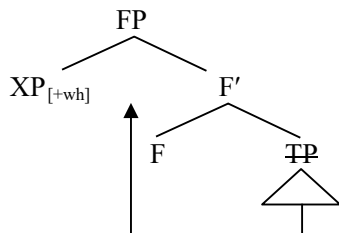
4.2. Фокусный анализ

В работе [Toosarvandani 2008] для фарси предлагается альтернативный анализ, согласно которому вопросительное слово при слусинге передвигается на левую периферию клаузы не с помощью *wh*-передвижения, но при помощи фокусного передвижения. Вопросительное слово, таким образом, перемещается в спецификатор вершины F, находящейся выше TP. Деривация слусинговых конструкций в итоге выглядит следующим образом:

Рис. 2. Деривация слусинговых конструкций согласно [Тоосарвандани 2008]

Fig. 2. Sluicing derivation according to [Тоосарвандани 2008]

(51)

Как можно заметить, этот анализ Мазиара Тусарвандани схож с анализом Джейсона Мерчанта, который был представлен выше в (2).

Однако в бурятском языке фокусной позицией считается непосредственно предглагольная [Татевосов и др. (ред.), в печати]:

(52) *mašina*   *ABA-MNI*   *zaha-na*
 машина.АСС   отец-1   чинить-PRS
 {ЛК: — Кто чинит машину?} ‘— Машину чинит МОЙ ОТЕЦ’.

Поскольку фокусная составляющая не передвигается на левую периферию клаузы, мы не можем считать, что фокусное передвижение принимает участие в образовании слусинговых конструкций.

5. Альтернативная гипотеза

Учитывая неприменимость обсуждавшихся выше анализов образования слусинговых конструкций к бурятскому материалу, мы выдвигаем альтернативную гипотезу.

В разделе 2 мы показали, что вопросительные слова могут опционально передвигаться в позиции в клаузе, отличные от позиции *wh-in-situ*. Мы склонны предполагать, что перемещения вопросительных слов в вопросах являются случаем скрэмлинга, поскольку они не являются обязательными и идентичны скрэмлинговым передвижениям обычных именных групп, согласно [Татевосов и др. (ред.), в печати].

Наша гипотеза заключается в том, что подобное передвижение принимает участие не только в образовании вопросов, но и в образовании слусинговых конструкций. Это предположение может вызвать некоторые вопросы. Во-первых, почему при образовании слусинговых конструкций используются скрэмблинговые передвижения, которые являются опциональными? Во-вторых, куда в таком случае перемещается вопросительное слово? В Spec,CP, как при слусинге, или же в спецификатор какой-нибудь другой вершины? Ответим на эти вопросы последовательно.

Чтобы объяснить то, что в слусинговых конструкциях скрэмблинг становится обязательным, необходимо принять несколько допущений. Во-первых, предположим, что вопросительное слово при скрэмблинге перемещается в спецификатор некой вершины X, которая обладает признаком [E], отвечающим за эллипсис. Во-вторых, мы полагаем, что вершина X, подобно фокусным вершинам, присутствует в структуре только тогда, когда ее комплементарзер заполнен какой-либо составляющей (см. [Rizzi 1997; Toosarvandani 2008]). Остается открытым вопрос о том, что вынуждает вопросительное слово передвигаться. Мы можем принять предположение Мазиара Тусарвандани [Toosarvandani 2008] о том, что признак [E] сам по себе может быть связан с неинтерпретируемым признаком [*uwh*, EPP]. Учитывая это, можно предположить, что деривация слусинговых конструкций в бурятском языке выглядит следующим образом. В структуре зависимой клаузы присутствует вершина X, которая обладает признаком [E]. Признак [E] выступает в качестве зонда, т. к. обладает неинтерпретируемым признаком [*uwh*], и осуществляет поиск цели с таким признаком в области структурного приоритета вершины X, к которой он принадлежит. В случае, если такая составляющая обнаруживается, признак [*uwh*] получает значение и становится неактивным, а признак [EPP] обеспечивает перемещение найденной цели в Spec, XP. Так как спецификатор вершины X оказывается заполненным, XP сохраняется в структуре предложения. После этого признак [E] эллидирует всю структуру, находящуюся ниже вершины X. В случае, если вопросительного слова нет в структуре, признак [*uwh*] не получает значения и деривация не происходит.

В то же время в бурятском языке возможен эллипсис зависимой клаузы, при котором сохраняется не-вопросительное слово. Такие конструкции в литературе также называются стриппингом в зависимой клаузе.

- (53) *badma dugar-i:j9 sajana-da dura-tai*
 Бадма Дугар-ACC Саяна-DAT любовь-COM
g939 x9l-9: xar'in bi
 COMP говорить-PST1 но я
ɯnɣxə:rə: m9d9-x9 bai-ga:-b
 в.действительности знать-POT быть-PST1-1
darima-da (g939)
 Дарима-DAT COMP
 ‘Бадма сказал, что Дугар любит Саяну, но я знал, что Дугар на самом деле любит Дариму.’

Из этого может следовать, что передвижение мотивировано не свойством [uwh]. Скорее, оно происходит по тем же причинам, что и все другие скрэмблинговые передвижения. В литературе существует два подхода к тому, что мотивирует скрэмблинговое передвижение. Некоторые исследователи предполагают, что оно также происходит благодаря особому признаку [Σ] [Grewendorf, Sabel 1999; Kawamura 2004]. Другие предполагают, что скрэмблинг происходит в силу других причин — необходимости удовлетворения принципа расширенной проекции (EPP) и принципов дискурса [Miyagawa 1997; 2001; Saito 2003; Bailyn 2003; 2007]. Мы склоняемся в пользу последнего подхода (хотя на данный момент мы, к сожалению, не обладаем достаточными сведениями о характеристиках скрэмблинга в бурятском языке), поскольку скрэмблинговое перемещение, которое само по себе является опциональным в языке, при слусинге (т. е. при наличии признака [E] в структуре предложения) становится обязательным. В таком случае мы можем предполагать, что эллипсис также выступает в качестве дискурсивного ограничения на передвижение составляющих.

Учитывая то, что при вопросительном местоимении в слусинговых конструкциях опционально появляется комплементаризер *g939*, мы также предполагаем, что существует две возможные позиции для проекции XP при слусинге: выше проекции CP или

ниже ее. В случае, если XP находится выше CP, комплементаризер gəʒə попадает под эллипсис и не произносится (54). В другом случае gəʒə находится выше места эллидирования и остается фонологически выраженным (55).

Рис. 3. Деривация слусинговых конструкций без выраженного комплементаризера, версия 1

Fig. 3. Sluicing derivation without an overt complementizer present, ver. 1

(54)

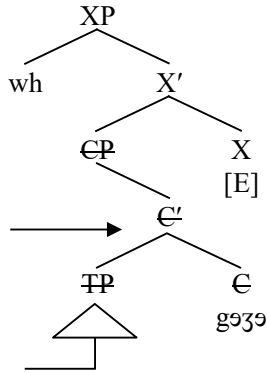
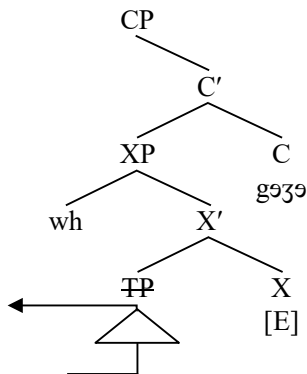

Рис. 4. Деривация слусинговых конструкций с выраженным комплементаризером

Fig. 4. Sluicing derivation with an overt complementizer present

(55)

С точки зрения синтаксиса, однако, представляется странным, что вершина X может находиться выше узла CP⁹. Можно, однако, предположить, что вершина X является еще одной вершиной C. В таком случае деривация слусинговых конструкций с опущенным комплементаризером будет выглядеть как (56), а деривация слусинга с сохраняемым комплементаризером — как в (57).

Рис. 5. Деривация слусинговых конструкций без выраженного комплементаризера, финальная версия

Fig. 5. Sluicing derivation without an overt complementizer present, final version (56)

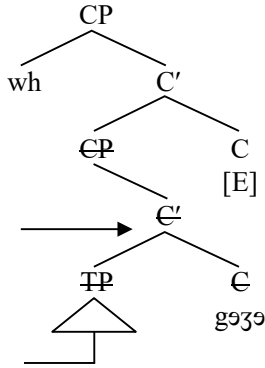
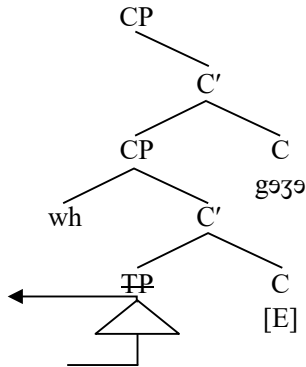

Рис. 6. Деривация слусинговых конструкций с выраженным комплементаризером, финальная версия

Fig. 6. Sluicing derivation with an overt complementizer present, final version (57)

⁹ Мы благодарим редакторов статьи за это замечание.

О том, что в бурятском языке существует несколько вершин S сразу, мы можем говорить на основании анализа аккумулятивных подлежащих финитных зависимых клауз, предложенного в [Bondarenko 2017]. Согласно выдвигаемой там гипотезе, аккумулятивные подлежащие передвигаются в спецификатор нижней проекции CP (см. аргументы в пользу этого в указанной выше работе).

Этот анализ, схожий со стандартным анализом Джейсона Мерчанта допущением о порождении вопросительного слова внутри полноценной зависимой клаузы, подтверждает наше предположение о том, почему S может занимать разные позиции в клаузе. Так как мы предполагаем, что вопросительное слово изначально порождается в зависимой клаузе с $g\text{эзэ}$, пример (41) действительно объясняет предложения (40).

Наш анализ схож с фокусным анализом слусинговых конструкций, о котором мы вели речь в разделе 4.2, и в целом с анализом Джейсона Мерчанта. Он отличается лишь видом передвижения, а также вершиной, лицензирующей признак $[E]$: в [Merchant 2001] предполагается, что этой вершиной является S , в [Toosarvandani 2008] утверждается, что это вершина F . В бурятском языке признак $[E]$ лицензируется на гипотетической вершине $X(C)$.

В заключение этого раздела отметим, какие вопросы в нашем исследовании остаются открытыми. Главный вопрос к нашему анализу, пожалуй, заключается в следующем. Если вершина X действительно является еще одной вершиной S , то непонятно, является ли лицензором эллипсиса одна и та же вершина S , или же обе вершины S могут обладать признаком $[E]$. Первый вариант предполагает, что одновременно несколько вершин могут выступать лицензором одного и того же вида эллипсиса. Ранее в работе [van Craenenbroeck 2012] высказывалось предположение, что в разных языках слусинг может лицензировать как высокий, так и низкий комплементаризер. Однако на данный момент мы не знаем, можно ли утверждать, что оба комплементаризера способны выступать в качестве лицензора TP -эллипсиса, и существуют ли дополнительные эмпирические доказательства этого. В случае, если верна вторая гипотеза, мы вынуждены постулировать, что существует некая проекция S^*P , которая является единственным доступным лицензором TP -эллипсиса и способна занимать раз-

личные позиции в иерархии функциональных вершин. Такое предположение явно противоречит идее о строгом порядке функциональных вершин [Rizzi 1997; Cinque 1999]. Хотя мы склоняемся в пользу первого предположения, необходимо дальнейшее исследование данного вопроса.

Кроме этого, остается неизвестным, образуются ли в бурятском языке с помощью скрэмблинга и другие виды клаузного эллипсиса, такие как стриппинг и фрагментные ответы.

6. Заключение

Кратко подведем итоги. Мы установили, что в бурятском языке существуют слусинговые конструкции, которые во многом похожи на слусинг в английском, несмотря на то, что бурятский является языком *wh-in-situ*. В то же время слусинг в бурятском имеет несколько отличительных черт, обусловленных структурой языка.

Далее мы рассмотрели несколько представленных в литературе вариантов анализа слусинга для языков *wh-in-situ* и привели аргументы, доказывающие их неприменимость к данным бурятского языка. В частности, мы показали, что в основе слусинга в бурятском не могут лежать клефтовые конструкции, а также что вопросительное слово в слусинговых конструкциях не может перемещаться на левую периферию клаузы с помощью фокусного передвижения. Далее мы выдвинули гипотезу, заключающуюся в том, что исследуемый вид эллипсиса образуется с помощью скрэмблинга вопросительного слова на левую периферию зависимой клаузы и эллидирования остальной ее части.

Данные бурятского языка укрепляют нас в предположении, что природа слусинга неоднозначна: различные языки используют различные стратегии образования подобных конструкций. В то же время наша гипотеза схожа с анализом, представленным в [Тоосарвандани 2008], поскольку мы, и Мазитар Тусарвандани предполагаем, что эллипсис делает факультативное передвижение обязательным. Подобные идеи были представлены и при анализе другого вида клаузного эллипсиса — фрагментных ответов — в работе [Weir 2014]. Это предположение, на наш взгляд, является довольно интересным для теории эллипсиса в целом и,

несомненно, нуждается в дальнейшем теоретическом обосновании и типологическом подтверждении.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; COM — комитатив; COMP — комплементаризер; COND — условное деепричастие; CONV — конверб; CP — проекция комплементаризера; DAT — датив; E — эллипсис; EPP — принцип расширенной проекции; FC — фокусная частица; GEN — генитив; HAB — хабитуальное причастие; INSTR — инструменталис; NEG — отрицание; NOM — номинатив; PASS — пассив; PFCT — перфективное причастие; PL — множественное число; POSS — поссессив; POT — потенциалис; PRS — настоящее время; PST1 — 1-е прошедшее время; PST2 — 2-е прошедшее время; PTCL — частица; Q1 — вопросительная частица в частном вопросе; Q2 — вопросительная частица в общем вопросе; REFL — рефлексив; SG — единственное число; Spec — спецификатор; TP — предикативная проекция.

Литература

- Татевосов и др. (ред.), в печати — С. Г. Татевосов, А. В. Подобрывев, Т. И. Бондаренко и др. (ред.). Элементы бурятского языка в типологическом освещении. Баргузинский диалект. В печати.
- Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.
- Adams 2004 — P. W. Adams. The structure of sluicing in Mandarin Chinese // S. Arunachalam et al. (eds.). Proceedings of the 27th Annual Pennsylvania Linguistics Colloquium. (University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics 10, 1). Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 2004: P. 1–16.
- Bailyn 2003 — J. F. Bailyn. A (purely) derivational approach to Russian scrambling // W. Browne, J.-Y. Kim, B. Partee, R. Rothstein (eds.). Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics 11: The Amherst Meeting, 2002. (Michigan Slavic Materials 48). Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2003. P. 41–62.
- Bailyn 2007 — J. F. Bailyn. A derivational approach to microvariation in Slavic binding // R. Compton, M. Golezdzinowska, U. Savchenko (eds.). Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics 14: The Toronto Meeting, 2006. (Michigan Slavic Materials 52). Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2007. P. 25–41.

- Bondarenko 2017 — Т. Bondarenko. ECM in Buryat and the optionality of movement // E. Koulidobrova, M. Ciscel, L. Zidani-Eroğlu (eds.). Proceedings of the 12th Workshop on Altaic Formal Linguistics (WAFL12), 2016. (MIT Working Papers in Linguistics 83). Cambridge: MIT Press, 2017. P. 31–42.
- Cinque 1999 — G. Cinque. Adverbs and Functional Heads: A Cross-Linguistic Perspective. S. l.: Oxford University Press on Demand, 1999.
- Grewendorf, Sabel 1999 — G. Grewendorf, J. Sabel. Scrambling in German and Japanese: Adjunction versus multiple specifiers // *Natural Language and Linguistic Theory*. 1999. № 17. P. 1–65.
- Gribanova, Manneta 2016 — V. Gribanova, E. Manetta. Ellipsis in wh-in-situ languages: Deriving apparent sluicing in Hindi-Urdu and Uzbek // *Linguistic Inquiry*. 2016. Vol. 47. № 4. P. 631–668.
- Ince 2009 — A. Ince. Dimensions of ellipsis: Investigations in Turkish. Doctoral Thesis. University of Maryland, College Park, MD, 2009.
- Ince 2012 — A. Ince. Sluicing in Turkish // J. Merchant, A. Simpson (eds.). *Sluicing: Cross-Linguistic Perspectives*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 248–269.
- Kawamura 2004 — T. Kawamura. A feature-checking analysis of Japanese scrambling // *Journal of Linguistics*. 2004. Vol. 40. № 1. P. 45–68.
- Kidwai 2000 — A. Kidwai. XP-adjunction in Universal Grammar: Scrambling and Binding in Hindi-Urdu. (Oxford Studies in Comparative Syntax). Oxford; New York: Oxford University Press, 2000.
- Merchant 1998 — J. Merchant. “Pseudosluicing”: Elliptical clefts in Japanese and English // A. Alexiadou, N. Fuhrhop, P. Law, U. Kleinhenz (eds.). *ZAS Papers in Linguistics*. 1998. № 10. P. 88–112.
- Merchant 2001 — J. Merchant. *The Syntax of Silence: Sluicing, Islands, and the Theory of Ellipsis*. (Oxford Studies in Theoretical Linguistics 1). Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Merchant, Simpson (eds.) 2012 — J. Merchant, A. Simpson (eds.). *Sluicing: Cross-Linguistic Perspectives*. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Miyagawa 1997 — S. Miyagawa. Against optional scrambling // *Linguistic Inquiry*. 1997. Vol. 28. № 1. P. 1–25.
- Miyagawa 2001 — S. Miyagawa. EPP, scrambling, and wh-in-situ // M. Kenstowicz (ed.). *Ken Hale: A Life in Language*. (Current Studies in Linguistics 36). Cambridge, MA; London: MIT Press, 2001. P. 293–338.
- Rizzi 1997 — L. Rizzi. The fine structure of the left periphery // L. Haegeman (ed.). *Elements of Grammar: Handbook of Generative Syntax*. (Kluwer

- International Handbooks of Linguistics 1). Amsterdam: Kluwer, 1997. P. 281–337.
- Ross 1967 — J. R. Ross. Constraints on variables in syntax. Doctoral Thesis. Massachusetts Institute of Technology, Bloomington, IN, 1967.
- Saito 2003 — M. Saito. A derivational approach to the interpretation of scrambling chains // *Lingua*. 2003. Vol. 113. P. 481–518.
- Sakamoto 2012 — Y. Sakamoto. A study of sluicing and cleft in Mongolian: A comparison with Japanese. MA Thesis. Tohoku University, Sendai, 2012.
- Şener 2013 — S. Şener. “Sluicing” without movement // U. Ozge (ed.). Proceedings of the 8th Workshop on Altaic Formal Linguistics (WAFL8). (MIT Working Papers in Linguistics 67). Cambridge, MA: MIT Press, 2013. P. 311–324.
- Takahashi 1993 — D. Takahashi. Movement of wh-phrases in Japanese // *Natural Language & Linguistic Theory*. 1993. Vol. 11. № 4. P. 655–678.
- Takahashi 1994 — D. Takahashi. Sluicing in Japanese // *Journal of East Asian Linguistics*. 1994. Vol. 3. № 3. P. 265–300.
- Toosarvandani 2008 — M. Toosarvandani. Wh-movement and the syntax of sluicing // *Journal of Linguistics*. 2008. Vol. 44. № 3. P. 677–722.
- van Craenenbroeck 2012 — J. van Craenenbroeck. How do you sluice when there is more than one CP? // J. Merchant, A. Simpson (eds.). *Sluicing: Cross-Linguistic Perspectives*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 40–67.
- Weir 2014 — A. Weir. Fragments and clausal ellipsis. Doctoral Thesis. University of Massachusetts, Amherst, MA, 2014.

References

- Adams 2004 — P. W. Adams. The structure of sluicing in Mandarin Chinese. S. Arunachalam et al. (eds.). *Proceedings of the 27th Annual Pennsylvania Linguistics Colloquium*. (University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics 10, 1). Philadelphia, PA: University of Pennsylvania, 2004. P. 1–16.
- Bailyn 2003 — J. F. Bailyn. A (purely) derivational approach to Russian scrambling. W. Browne, J.-Y. Kim, B. Partee, R. Rothstein (eds.). *Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics 11: The Amherst Meeting, 2002*. (Michigan Slavic Materials 48). Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2003. P. 41–62.

- Bailyn 2007 — J. F. Bailyn. A derivational approach to microvariation in Slavic binding. R. Compton, M. Goledzinowska, U. Savchenko (eds.). *Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics 14: The Toronto Meeting, 2006*. (Michigan Slavic Materials 52). Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2007. P. 25–41.
- Bondarenko 2017 — T. Bondarenko. ECM in Buryat and the optionality of movement. E. Koulidobrova, M. Ciscel, L. Zidani-Eroğlu (eds.). *Proceedings of the 12th Workshop on Altaic Formal Linguistics (WAFL12), 2016*. (MIT Working Papers in Linguistics 83). Cambridge: MIT Press, 2017. P. 31–42.
- Cinque 1999 — G. Cinque. *Adverbs and Functional Heads: A Cross-Linguistic Perspective*. S. l.: Oxford University Press on Demand, 1999.
- Grewendorf, Sabel 1999 — G. Grewendorf, J. Sabel. Scrambling in German and Japanese: Adjunction versus multiple specifiers. *Natural Language and Linguistic Theory*. 1999. No. 17. P. 1–65.
- Gribanova, Manneta 2016 — V. Gribanova, E. Manetta. Ellipsis in wh-in-situ languages: Deriving apparent sluicing in Hindi-Urdu and Uzbek. *Linguistic Inquiry*. 2016. Vol. 47. No. 4. P. 631–668.
- Ince 2009 — A. Ince. *Dimensions of ellipsis: Investigations in Turkish*. Doctoral Thesis. University of Maryland, College Park, MD, 2009.
- Ince 2012 — A. Ince. Sluicing in Turkish. J. Merchant, A. Simpson (eds.). *Sluicing: Cross-Linguistic Perspectives*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 248–269.
- Kawamura 2004 — T. Kawamura. A feature-checking analysis of Japanese scrambling. *Journal of Linguistics*. 2004. Vol. 40. No. 1. P. 45–68.
- Kidwai 2000 — A. Kidwai. *XP-adjunction in Universal Grammar: Scrambling and Binding in Hindi-Urdu*. (Oxford Studies in Comparative Syntax). Oxford; New York: Oxford University Press, 2000.
- Merchant 1998 — J. Merchant. “Pseudosluicing”: Elliptical clefts in Japanese and English. A. Alexiadou, N. Fuhrhop, P. Law, U. Kleinhenz (eds.). *ZAS Papers in Linguistics*. 1998. No. 10. P. 88–112.
- Merchant 2001 — J. Merchant. *The Syntax of Silence: Sluicing, Islands, and the Theory of Ellipsis*. (Oxford Studies in Theoretical Linguistics 1). Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Merchant, Simpson (eds.) 2012 — J. Merchant, A. Simpson (eds.). *Sluicing: Cross-Linguistic Perspectives*. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Miyagawa 1997 — S. Miyagawa. Against optional scrambling. *Linguistic Inquiry*. 1997. Vol. 28. No. 1. P. 1–25.

- Miyagawa 2001 — S. Miyagawa. EPP, scrambling, and wh-in-situ. M. Kenstowicz (ed.). *Ken Hale: A Life in Language*. (Current Studies in Linguistics 36). Cambridge, MA; London: MIT Press, 2001. P. 293–338.
- Rizzi 1997 — L. Rizzi. The fine structure of the left periphery. L. Haegeman (ed.). *Elements of Grammar: Handbook of Generative Syntax*. (Kluwer International Handbooks of Linguistics 1). Amsterdam: Kluwer, 1997. P. 281–337.
- Ross 1967 — J. R. Ross. Constraints on variables in syntax. Doctoral Thesis. Massachusetts Institute of Technology, Bloomington, IN, 1967.
- Saito 2003 — M. Saito. A derivational approach to the interpretation of scrambling chains. *Lingua*. 2003. No. 113. P. 481–518.
- Sakamoto 2012 — Y. Sakamoto. A study of sluicing and cleft in Mongolian: A comparison with Japanese. MA Thesis. Tohoku University, Sendai, 2012.
- Şener 2013 — S. Şener. “Sluicing” without movement. U. Ozge (ed.). *Proceedings of the 8th Workshop on Altaic Formal Linguistics (WAFSL)*. (MIT Working Papers in Linguistics 67). Cambridge, MA: MIT Press, 2013. P. 311–324.
- Takahashi 1993 — D. Takahashi. Movement of wh-phrases in Japanese. *Natural Language & Linguistic Theory*. 1993. Vol. 11. No. 4. P. 655–678.
- Takahashi 1994 — D. Takahashi. Sluicing in Japanese. *Journal of East Asian Linguistics*. 1994. Vol. 3. No. 3. P. 265–300.
- Tatevosov et. al., in print — S. G. Tatevosov, A. V. Podobryayev, T. I. Bondarenko et al. (eds.). *Elementy buryatskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii. Barguzinskiy dialekt* [Elements of the Buryat Language in Typological Perspective. Barguzin Dialect]. In print.
- Testeleets 2001 — Ya. G. Testeleets. *Vvedeniye v obshchiy sintaksis* [Introduction to General Syntax]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2001.
- Toosarvandani 2008 — M. Toosarvandani. Wh-movement and the syntax of sluicing. *Journal of Linguistics*. 2008. Vol. 44. No. 3. P. 677–722.
- van Craenenbroeck 2012 — J. van Craenenbroeck. How do you sluice when there is more than one CP? J. Merchant, A. Simpson (eds.). *Sluicing: Cross-Linguistic Perspectives*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 40–67.
- Weir 2014 — A. Weir. Fragments and clausal ellipsis. Doctoral Thesis. University of Massachusetts, Amherst, MA, 2014.

РЕФАКТИВЫ В АБАЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

А. Б. Панова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва
anastasia.b.panova@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются два показателя рефактива в абазинском языке, одном из полисинтетических языков абхазо-адыгской языковой семьи. Первый рефактив (суффикс *-χ*) в зависимости от глагола, к которому он присоединяется, приобретает разные значения, например, реститутивное или комплетивное, в то время как значение второго рефактива (комбинации суффикса *-χ* с префиксом *ata-*) всегда репетитивное. Разница между поведением рефактивов объясняется разной сферой действия аффиксов.

Ключевые слова: рефактив, сфера действия, абазинский, абхазо-адыгские языки

‘Again’-markers (refactives) in Abaza

A. B. Panova

National Research University Higher School of Economics, Moscow
anastasia.b.panova@gmail.com

Abstract. The paper discusses two ‘again’-markers (refactives) of Abaza, a polysynthetic North-West Caucasian language. The main property of the first ‘again’-marker (suffix *-χ*) is that it acquires various meanings depending on semantics of the verb it combines with. Specifically, the most frequent meanings of suffix *-χ* are reditive (‘return to the starting point’), completive (‘finish’), responsive (‘response

---

¹ Статья подготовлена по итогам проведения исследования (проект № 18-05-0014) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2019 г. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100». Автор выражает признательность П. М. Аркадьеву, Ю. А. Ландеру и Н. М. Стойновой за помощь в процессе подготовки статьи.

to a similar action’), and restitutive (repetition of an earlier state). The most widespread subtype of the ‘again’-meaning — the repetitive one (‘do one more time’) — can apply to almost all verbs regardless of their semantics. In addition, there are some frequent patterns of the use of the suffix $-\chi$ in combination with other elements whose semantic links to the reflexive proper are not immediately clear. The only meaning of the second ‘again’-marker (combination *ata-+ χ*) is repetitive but at the same time it can also preserve one of the subtypes of the ‘again’-marker $-\chi$ within the scope of the repetitive meaning. In this paper it is argued that the difference in behavior of ‘again’-markers in Abaza can be explained by the different semantic scope of the affixes. While the marker $-\chi$ “sees” the internal structure of an event and can have scope over any part of it, the marker *ata-+ χ* is “blind” to the internal structure of the situation and can only “copy” the whole event with its arguments. Typologically, suffixes $-\chi$ and *ata-+ χ* in Abaza appear to represent examples of “heavy” again-markers and “light” again-markers respectively: light again-markers frequently occur in texts and form specific lexical collocations with certain verbs, while the meaning of heavy again-markers usually does not depend on particular verbs.

Keywords: ‘again’-markers (reflexives), semantic scope, Abaza, North-West Caucasian languages.

1. Введение

Рефлексивным принято называть значение, состоящее в однократном повторении некоторой ситуации (‘опять’, ‘еще раз’) [Стойнова 2013: 1]. Другими словами, к ассерции, в которой находится обозначаемая основой глагола ситуация, показатель рефлексива добавляет следующую пресуппозицию: рассматриваемой ситуации предшествовала аналогичная ситуация. Далее в тексте термин «рефлексив» используется и шире — как общее обозначение для целого кластера близких значений.

В настоящей статье речь пойдет о двух показателях рефлексива в абазинском языке. Я покажу, в чем заключается разница между ними, и затем — как эту разницу можно объяснить. Материал тапантского диалекта абазинского языка был собран в 2017–2018 гг. в ходе экспедиций НИУ ВШЭ и РГГУ в аул Инжич-Чукун Абазинского р-на Карачаево-Черкесской Республики.

В литературе, посвященной абазинскому языку, упоминаются два глагольных аффикса, выражающих рефактивное значение: префикс *ata-* и суффикс *-χ* [Чкадуа 1970: 276; Табулова 1976: 205; Ломтатидзе 2006: 152]. При этом известно, что суффикс *-χ* может употребляться самостоятельно (1б)², а префикс *ata-* появляется только в сочетании с *-χ* (1в), поэтому пример (1г) неграмматичен.

- (1а) *a-š*   *j-p-čə-t*
 DEF-дверь   3SG.N.ABS-LOC-ломаться-DCL
 ‘Дверь сломалась’.
- (1б) *a-š*   *j-p-čə-χ-t*
 DEF-дверь   3SG.N.ABS-LOC-ломаться-RE-DCL
 ‘Дверь опять сломалась’.
- (1в) *a-š*   *j-ata-p-č-χ-t*
 DEF-дверь   3SG.N.ABS-RE.EMP-LOC-ломаться-RE-DCL
 ‘Дверь опять сломалась’.
- (1г) **a-š*   *j-ata-p-č-t*
 DEF-дверь   3SG.N.ABS-RE.EMP-LOC-ломаться-DCL

Из-за этого ограничения речь будет идти не о префиксе *ata-*, а целиком о комбинации префикса *ata-* с суффиксом *-χ* (далее *ata-χ*) в противопоставление самостоятельному суффиксу *-χ*.

Из примеров (1б–1в) семантическая разница между *-χ* и *ata-χ* не видна. Тем не менее в других контекстах замена *-χ* на *ata-χ* или наоборот меняет смысл предложения. Например, и в (2б), и в (2в) возможны несколько переводов на русский язык, но для каждого предложения набор интерпретаций будет своим.

- (2а) *a-čəjs*   *a-šwara*   *j-ša-pssša-t*
 DEF-птица   DEF-гнездо   3SG.N.ABS-DIR-лететь-DCL
 ‘Птица прилетела в гнездо’.
- (2б) *a-čəjs*   *a-šwara*   *j-ša-pssša-χ-t*
 DEF-птица   DEF-гнездо   3SG.N.ABS-DIR-лететь-RE-DCL
 ‘Птица вернулась в гнездо’. / ‘Птица долетела до гнезда’.

² Все примеры в настоящей статье, источник которых не указан, получены автором в ходе полевой работы методом элицитации.

- (2в) *a-çəjs*   *a-ŋ^wara*
 DEF-птица   DEF-гнездо
j-ata-ŋa-pssŋa-χ-t
 3SG.N.ABS-RE.EMP-DIR-лететь-RE-DCL
 ‘Птица еще раз прилетела в гнездо’. /
 ‘Птица еще раз вернулась в гнездо’.

Таким образом, *-χ* и *ata-+χ* в одних случаях синонимичны, а в других могут по-разному модифицировать обозначаемую основой глагола ситуацию. Задача этой работы — описать, в чем заключается разница между ними, и предположить, чем эта разница обусловлена. Раздел 2 посвящен семантике суффикса *-χ*, раздел 3 — семантике комбинации *ata-+χ*. В разделе 4 проводится сравнение показателей, последний раздел представляет собой заключение.

2. Рефактив *-χ*

Суффикс *-χ* обладает богатой полисемией, см. описание в статье [Авидзба 1968]. Кроме собственно однократного повторения, для тапантского диалекта абазинского языка З. Х. Авидзба выделяет у *-χ* следующие значения: возвратность («обратно»), завершенность, значение усилительных частиц «же» и «уж», «еще», «в то же время», «последовательность действия», «уже», «больше» (при отрицании), «оттенки недовольства, пренебрежения, иронии», «увещевательно-ласкательный оттенок» [Там же: 141–157].

Способность суффикса выражать большинство из этих значений подтверждается полевыми данными, однако отнести конкретный пример лишь к какому-то одному значению часто не представляется возможным. В изоляции многие глагольные формы с *-χ* могут быть переведены на русский различным образом, так что выбор конкретного значения, видимо, обусловлен контекстом.

На основе классификации рефактивных значений, приведенной в монографии [Стойнова 2013], каждый из примеров (3)–(7) обозначен при помощи одного или нескольких подвидов рефактива, а иногда также некоторых значений из смежных с рефактивом семантических зон.

Редитив («вернуться в исходную точку»), комплетив («до-
делать»):

- (3а) *a-š'tanĉ daĉa ġwara j-ta-l-t*
 DEF-змея другой нора 3SG.N.ABS-LOC-лезть-DCL
 ‘Змея приползла в другую нору’.
- (3б) *a-š'tanĉ a-ġwara j-ta-l-χ-t*
 DEF-змея 3SG.N.IO-нора 3SG.N.ABS-LOC-лезть-RE-DCL
 ‘Змея вернулась в свою нору’. /
 ‘Змея доползла до своей норы’.

Если редитив входит в зону рефактива, то появление у того же показателя значения комплетива требует некоторого комментария. В примере (3б) в случае комплетивного понимания действие интерпретируется как прерывавшееся и глагол обозначает его «вторую половину»: возвращение к прерванному действию и его завершение. В ассерции находится смысл ‘змея приползла в нору’, а в пресуппозиции — ‘змея находилась в процессе «приползания» в нору до этого’, в результате рассматриваемая ситуация интерпретируется как ‘доползла’.

Реститутив («вернуться в исходное состояние»):

- (4а) *mwəhamad a-velosiped jə-χwġa-t*
 Мухамед DEF-велосипед 3SG.M.ERG-покупать-DCL
 ‘Мухамед купил велосипед’.
- (4б) *mwəhamad a-velosiped jə-χwġa-χ-t*
 Мухамед DEF-велосипед 3SG.M.ERG-покупать-RE-DCL
 ‘Мухамед выкупил велосипед’.

Респонсив («сделать в ответ на аналогичное действие»):

- (5а) *andwə zarema saġamšʔa*
 бабушка Зарема сообщение
l-zə-lə-ġw-t
 3SG.F.IO-BEN-3SG.F.ERG-писать-DCL
 ‘Бабушка написала Зареме письмо’.
- (5б) *andwə zarema saġamšʔa*
 бабушка Зарема сообщение

l-zə-lə-ŋ^w-χ-t

3SG.F.IO-BEN-3SG.F.ERG-писать-RE-DCL

‘Бабушка ответила Зареме на письмо’.

Репетитив («сделать еще раз»):

(6а) *fatima*

Фатима

j-ŋa-h-a-l-h^wa-d³

3SG.N.ABS-DIR-1PL.IO-DAT-3SG.F.ERG-говорить-DCL

hara j-h-č'p-wə-š

мы REL.ABS-1PL.ERG-делать-IPF-FUT

‘Фатима нам сказала, что нам делать’.

(6б) *fatima*

Фатима

j-ŋa-h-a-l-h^wa-χ-d

3SG.N.ABS-DIR-1PL.IO-DAT-3SG.F.ERG-говорить-RE-DCL

hara j-h-č'p-wə-š

мы REL.ABS-1PL.ERG-делать-IPF-FUT

‘Фатима нам напомнила, что нам делать’.

Рефактивный показатель в сочетании с отрицанием дает значение не отрицательного рефактива (‘НЕВЕРНО, ЧТО (еще раз P)’), а отрицательного континуатива (‘НЕВЕРНО, ЧТО (все еще P)’). В примере (7а) показано, как выглядит отрицательная форма глагола, а в примере (7б) к ней присоединяется показатель рефактива.

Континуатив при отрицании («больше не»):

(7а) *sara apχ'arta*

я DEF+школа

s-g'-a-pχ'-wə-m

1SG.ABS-NEG.EMP-3SG.N.IO-учиться-IPF-NEG

‘Я не учусь в школе’.

³ У показателя декларатива *-t* в тапантском диалекте абазинского языка существует также вариант *-d*, скорее характерный для разговорной речи.

- (7б) *sara*   *apχ'arta*
 я   DEF+школа
s-g'-a-pχ'a-χ-wa-m
 1SG.ABS-NEG.EMP-3SG.N.IO-учиться-RE-IPF-NEG
 'Я уже не учусь в школе'.
 # 'Я снова не учусь в школе'.

Рефактив *-χ* также регулярно появляется в формах рефлексива и реципрока.

При рефлексиве:

- (8) *s-qa*   *s-aba-k-χ-əj-t⁴*
 1SG.IO-голова 1SG.ABS-SOC-бороться-RE-PRS-DCL
 'Я борюсь с собой'. [Дурнева 2017: 7]

При реципроке:

- (9) *awat*   *j-aba-qa-štəl-χ-t*
 DEM.PL   3PL.ABS-REC.IO-LOC-забывать-RE-DCL
 'Они друг друга забыли'.

Рефлексив может быть связан с рефактивной зоной через значения редитива (действие направлено обратно, т. е. к самому себе) или репетитива (повторяется тот же участник ситуации) [Стойнова 2013: 149–151]. Наиболее схожим с реципроком значением из рефактивной зоны является респонсив: это значение предполагает, что ситуация повторяется второй раз, но в противоположном направлении [Там же: 153].

Таким образом, среди значений рефактива *-χ* есть те, которые обычно входят в семантическую зону рефактива, и те, которые свидетельствуют о постепенном размывании семантики показателя *-χ*. К последним относятся, например, его значения, возникающие при употреблении с рефлексивом и реципроком. Видимо, об этом также свидетельствует его эволюция в сторону выражения эмоциональных значений недовольства, пренебрежения и т. д., отмеченных в [Авидзба 1968] и [Табулова 1976: 205–206], ср. (10).

⁴ Использование слова *qa* 'голова' — один из способов выразить рефлексив в абазинском языке [Табулова 1976: 188; Дурнева 2017].

- (10) *hara awəj d-hə-rčq^a-χ-əj-†*
 мы DEM 3SG.N.ABS-1PL.ERG-хвалить-**RE**-PRS-DCL
 ‘А мы его еще и хвалим’. [Табулова 1976: 206]

3. Рефактив *ata-+-χ*

В отличие от суффикса *-χ* самого по себе, комбинация *ata-+-χ* имеет всего одно значение — репетитивное («сделать еще раз»).

- (11a) *ałbert a-tawp*
 Альберт DEF-мяч
j-a-wə-j-š^t-†
 3SG.N.ABS-3SG.N.IO-LOC-3SG.M.ERG-бросать-DCL
 ‘Альберт бросил мяч’.
- (11б) *ałbert a-tawp*
 Альберт DEF-мяч
j-at-a-wə-j-š^t-χ-†
 3SG.N.ABS-**RE.EMP**-3SG.N.IO-LOC-3SG.M.ERG-бросать-**RE**-DCL
 ‘Альберт еще раз бросил мяч’.
- (12) *č-an-hə-r-pχa amš^taχ*
 RFL.ABS-REL.TMP-1PL.ERG-CAUS-теплый после
a-зə č-ata-ta-h-psa-χə-n
 DEF-вода RFL.ABS-**RE.EMP**-LOC-1PL.ERG-мочить-**RE**-PST
 ‘После того, как согрелись, мы опять пошли в воду’.
 (Пример из текста)

При замене показателя *-χ* на составной показатель *ata-+-χ* в примерах (3)–(6) или в аналогичных им предложение нередко получает две интерпретации:

- 1) либо чистый репетитив,
- 2) либо репетитив, наложенный на одно из значений рефактива *-χ*.

Так, в примерах (13в) и (14в) в одной из интерпретаций рефактив *-χ* оказывается внутри сферы действия рефактива *ata-+-χ*. В (13в) «еще раз вернула» — это респонсив в сфере действия репетитива, а в (14в) «снова вернулся» — редитив в сфере действия репетитива.

- (13а) *awəj a-h^wrapšza ʕa-sə-j-t-t*
 DEM DEF-цветок DIR-1SG.IO-3SG.M.ERG-давать-DCL
 ‘Он дал мне цветок’.
- (13б) *awəj a-h^wrapšza jə-s-t-χ-t*
 DEM DEF-цветок 3SG.M.IO-1SG.ERG-давать-RE-DCL
 ‘Я вернула ему цветок’.
- (13в) *awəj a-h^wrapšza*
 DEM DEF-цветок
j-ata-jə-s-t-χ-t⁵
 3SG.N.ABS-RE.EMP-3SG.M.IO-1SG.ERG-давать-RE-DCL
 ‘Я еще раз дала ему цветок’./
 ‘Я еще раз вернула ему цветок’.
- (14а) *mwəhamad jə-g^wla-ĉa*
 Мухамед 3SG.M.IO-сосед-PL.H
r-pnə d-ʕa-j-t
 3PL.IO-к 3SG.H.ABS-DIR-идти-DCL
 ‘Мухамед пришел к соседям’.
- (14б) *mwəhamad jə-g^wla-ĉa*
 Мухамед 3SG.M.IO-сосед-PL.H
r-pnə d-ʕa-j-χ-t
 3PL.IO-к 3SG.H.ABS-DIR-идти-RE-DCL
 ‘Мухамед вернулся к соседям’.
- (14в) *mwəhamad jə-g^wla-ĉa*
 Мухамед 3SG.M.IO-сосед-PL.H
r-pnə d-ata-ʕa-j-χ-t
 3PL.IO-к 3SG.H.ABS-RE.EMP-DIR-идти-RE-DCL
 ‘Мухамед снова пришел к соседям’./
 ‘Мухамед снова вернулся к соседям’.

Хотя семантически при одной из интерпретаций в примерах (13в) и (14в) рефактивное значение присутствует дважды, аффикс -χ не дублируется. Теоретически в (15в) можно было бы

⁵ Префикс 3SG.N.ABS *j(ə)*- факультативен, если соответствующая именная группа непосредственно предшествует глаголу (ср. (13а-б) и (13в)).

также ожидать значение «еще раз дочитал(а)», однако для его появления, видимо, требуется специальный контекст.

(15а) *sara a-kniga s-a-px'a-t*
 я DEF-книга 1SG.ABS-3SG.N.IO-читать-DCL
 'Я прочитал(а) книгу'.

(15б) *sara a-kniga s-a-px'a-x-t*
 я DEF-книга 1SG.ABS-3SG.N.IO-читать-RE-DCL
 'Я прочитал(а) книгу еще раз'. / 'Я дочитал(а) книгу'.

(15в) *sara a-kniga s-at-a-px'a-x-t*
 я DEF-книга 1SG.ABS-RE.EMP-3SG.N.IO-читать-RE-DCL
 'Я прочитал(а) книгу еще раз'.

В большинстве из представленных выше примеров набор значений сложного показателя рефактива *ata-+x* отличался от набора значений «простого» рефактива *-x*. Однако, как было показано в примере (1), разница между двумя рефактивами может нейтрализоваться. Это происходит в том случае, когда семантика глагола не допускает таких значений, как релитив, респонсив или комплетив, и единственным возможным значением рефактива *-x* оказывается репетитив («сделать еще раз»), применимый, как кажется, практически к любому глаголу. Таким образом рефактивы *-x* и *ata-+x* становятся синонимичными.

4. Сфера действия рефактивов

Репетитив выделяется на фоне остальных подзначений рефактива не только тем, что почти не имеет логических ограничений на сочетаемость. Кажется, что разница между репетитивом и остальными типами рефактива лежит глубже и связана с его взаимодействием с внутренней структурой ситуации. Весь дальнейший анализ в этом разделе имеет очень предварительный характер, однако, как кажется, хорошо объясняет суть различий между рефактивами *-x* и *ata-+x*.

Рефактив *-x* «видит», как устроена ситуация, и поэтому может модифицировать как ситуацию целиком, так и ее отдельные фрагменты. Модификация заключается в добавлении пресуппозиции: либо ситуация, либо ее фрагмент уже имел(а) место до точки отсчета.

В примере (16) показатель рефактива *-χ* присоединяется к основе глагола ‘находить’, которая без данного показателя обозначает ‘находить что-то в первый раз’, а с ним — ‘находить что-то потерянное’.

- (16) *sara jacə sə-z-la-ŋ^w-wa-z*
 я вчера 1SG.ABS-REL.IO-INS-писать-IPF-PST.NFIN
a-qaʒam g'-s-aw-χ-wa-m
 DEF-карандаш NEG.EMP-1SG.ERG-находить-RE-IPF-NEG
 ‘Не могу найти (букв. не нахожу) карандаш, которым вчера писал’. [Сорокина 2017: 7]

Здесь в сфере действия рефактива оказывается лишь финальный фрагмент ситуации — обладание карандашом. В терминах пресуппозиции и ассерции структура ситуации (16) выглядит так:

Ассерция: я не могу найти карандаш.

Пресуппозиция: этот карандаш раньше был у меня.

Сходным образом можно объяснить и редитивные употребления рефактива *-χ*. В примере (17) в сферу действия рефактива попадает местонахождение в той точке, где кончается движение (тоже только фрагмент ситуации).

- (17) *a-q^wart ʔa-ca-laʔ-g'-əj*
 DEF-наседка REL.LOC-идти-CONC-ADD
a-k^wtaʔ'-k^wa j-rə-z-ŋa-j-χ-əj-t
 DEF-яйцо-PL 3SG.N.ABS-3PL.IO-BEN-DIR-идти-RE-PRS-DCL
 ‘Куда бы наседка ни ходила, она возвращается к яйцам’.
 [Страна Абаза: 143]

Ассерция: наседка приходит к яйцам.

Пресуппозиция: наседка находилась у яиц раньше.

В примере (18) в сфере действия рефактива находится вся ситуация целиком.

- (18) *hara bzəj-ta jə-ŋ-dər-χ-əj-t*
 мы хороший-ADV 3SG.N.ABS-1PL.ERG-знать-RE-PRS-DCL
rossija a-bzazaŋ^w-ča
 Россия 3SG.N.IO-житель-PL.N
rə-qaz-la j-90-χa-wa a-sk^wš-k^wa
 3PL.IO-для-INS REL.ABS-90-INC-IPF DEF-год-PL

šabəž j-š-barg^{wə}-z

очень 3PL.ABS-REL.MNR-трудный-PST.NFIN

‘Мы помним, какими трудными для жителей России были 90-е годы’. [Страна Абаза: 144]

Ассерция: мы знаем.

Пресуппозиция: мы знали раньше.

Многие глаголы, содержащие показатель рефактива, в том числе приведенные в этом разделе, кажутся лексикализованными. Однако заметим, что даже когда в результате присоединения рефактивного показателя образуются такие частотные и семантически простые глаголы, как ‘находить’ (16), ‘возвращаться’ (17) или ‘помнить’ (18), значение рефактива *-χ* и значение глагольной основы объединяются композиционально.

В отличие от рефактива *-χ*, в сфере действия которого может оказаться как фрагмент ситуации (примеры (16) и (17)), так и вся ситуация (18), рефактив *ata-+χ* не может модифицировать фрагменты ситуации. Его функция сводится к передаче значения повторения ситуации целиком — видимо, потому, что информация о внутренней структуре ситуации для рефактива *ata-+χ* недоступна. Ср. ‘опять собирали’ в (19).

(19) *wəχən-la*

ночь-INS

h-an-a-ŋa-j-χ-rə-z

1PL.ABS-REL.TMP-3SG.N.IO-DIR-идти-RE-FUT.NFIN-PST.NFIN

awa-ʔa

DEM-REL.LOC

h-ata-də-r-ca-χ-wa-n

1PL.ABS-RE.EMP-3PL.ERG-CAUS-идти-RE-IPF-PST

‘По вечерам, когда мы возвращались с работы, опять нас собирали.’ [Пример из текста]

Ассерция: нас собирали.

Пресуппозиция: нас собирали до этого.

Так как в сфере действия рефактива *ata-+χ* попадает вся ситуация, она целиком «копируется» в пресуппозицию.

Специально заданные контексты позволяют увидеть, как показатели рефактива модифицируют значение глаголов, менее

склонных к лексикализации, чем, например, глаголы ‘идти’ (> ‘возвращаться’) и ‘знать’ (> ‘помнить’) (17)–(18). Пример (20) показывает, что оба рефактива модифицируют значение глагольной основы в соответствии с вышеизложенным механизмом в случае глагола *ʒaʦra* ‘открывать’.

(20a) *mwəhamad a-š ʒa-j-tə-t*
 Мухамед DEF-дверь DIR-3SG.M.ERG-открывать-DCL
 ‘Мухамед открыл дверь’.

(20б) *a-š p-čə-n. mwəhamad*
 DEF-дверь LOC-ломаться-PST.DCL Мухамед
d-ʒa-čə-h-tə-n,
 3SG.N.ABS-DIR-LOC-1PL.ERG-звать-PST.DCL
a-š ʒa-j-tə-χ-t
 DEF-дверь DIR-3SG.M.ERG-открывать-RE-DCL
 ‘Дверь заклинило. Мы позвали Мухамеда, и он открыл дверь’.

Ассерция: Мухамед открыл дверь.

Пресуппозиция: Дверь открывалась до этого.

(20в) *a-š mwəhamad j-tə-n,*
 DEF-дверь Мухамед 3SG.M.ERG-открывать-PST.DCL
awasa sara j-a-sə-rkə-χ-t.
 но я 3SG.N.ABS-LOC-1SG.ERG-закрывать-RE-DCL
wəʒə-g’əj a-š mwəhamad
 сейчас-ADD DEF-дверь Мухамед
j-ata-j-t-χ-t
 3SG.N.ABS-RE.EMP-3SG.M.ERG-открывать-RE-DCL
 ‘Мухамед открыл дверь, но я ее закрыла. Сейчас Мухамед снова открыл дверь’.

Ассерция: Мухамед открыл дверь.

Пресуппозиция: Мухамед открывал дверь до этого.

В примере (20б) простой рефактив *-χ* «копирует» в пресуппозицию лишь финальный фрагмент ситуации («дверь открывалась»), а кто открывал дверь или она открывалась сама, неизвестно. В (20в) сложный рефактив *ata-+χ* модифицирует всю

ситуацию целиком («Мухамед открывал дверь»), таким образом известно, что в предыдущий раз дверь открыл также Мухамед.

5. Заключение

Итак, разницу между абазинскими рефактивами $-χ$ и $ata-+χ$ можно описать как разницу в сфере действия. Показатель рефактива $χ$ обладает множеством значений, потому что может включать в свою сферу действия как всю ситуацию целиком, так и ее фрагмент, и в последнем случае значение результирующей формы сильно зависит от семантики глагола. Составной же показатель рефактива $ata-+χ$ имеет всего одно репетитивное значение, так как в его сфере действия может находиться только ситуация в целом. Более того, как было показано в примерах (13в), (14в), (15в), в сферу действия рефактива $ata-+χ$ может попадать ситуация, уже модифицированная рефактивом $-χ$.

Бывает ли такое в других языках?

Немало сходств с абазинским рефактивом $-χ$ обнаруживает показатель рефактива $-ž'ə$ в адыгейском языке. В работе [Аркадьев, Короткова 2005] для него выделяют «зону реверсива» с центральным значением «движение в исходную точку» и «зону рефактива» с центральным значением «повторное осуществление ситуации». Соответственно, значения из «зоны реверсива» затрагивают внутреннюю структуру ситуации, значения из «зоны рефактива» — нет.

В типологической статье [Wälchli 2006] предлагается деление рефактивных показателей на «легкие» и «тяжелые». Легкие рефактивы тяготеют к неэмфатическим контекстам и склонны к лексикализации (напр., англ. *re-*), а тяжелые рефактивы употребляются для того, чтобы особо выделить ситуацию повторения, и их значение меньше зависит от семантики глагола (напр., англ. *again*). Адыгейский рефактив $-ž'ə$ Б. Вельхли относит к легким рефактивам, и по всем критериям кажется, что абазинский суффикс $-χ$ также легкий рефактив, в то время как сложный рефактив $ata-+χ$ — тяжелый. Это заключение подтверждает тот факт, что среди глаголов, часто содержащих легкий рефактив, Вельхли называет 'возвращаться', 'отвечать', 'помнить', 'находить' [Wälchli 2006: 98] — примеры с этими глаголами в абазинском были рассмотрены выше, и все они содержат рефактив $-χ$.

Таким образом, с точки зрения семантики, то, что одни рефактивные показатели склонны к модификации фрагментов структуры ситуации и дальнейшей лексикализации, а другие имеют тенденцию включать в свою сферу действия ситуацию целиком и к лексикализации не склонны, видимо, типологически универсально.

Однако с точки зрения формального выражения, во-первых, необычно, что оба абазинских рефактива — морфологические показатели (аффиксы). Как пишет Б. Вельхли, большинство легких рефактивов действительно выражаются морфологически, а вот большинство тяжелых рефактивов — самостоятельные лексические единицы. Морфологическое выражение обоих рефактивов в нашем случае может объясняться тем, что абазинский язык — полисинтетический, а полисинтетические языки в целом имеют тенденцию выражать морфологически ту информацию, которая в других языках выражается лексически. Кроме того, хотя оба показателя морфологические, тяжелый рефактив *ata-+χ* морфологически сложнее легкого рефактива *-χ*, что соответствует нашим ожиданиям.

Во-вторых, чрезвычайно редким является такое соотношение рефактивных показателей, при котором один показатель (*-χ*) входит в состав другого (*ata-+χ*). В типологическом обзоре двойных показателей рефактива [Стойнова 2016] приводится один такой случай из салишского языка спокан, и замечательным образом он устроен ровно так же, как абазинские рефактивы.

СПОКАН

- (21) *ʔel-xwúy* ‘Он ушел обратно’ — *ʔelul-əʔilən* ‘Он опять поел’.
[Carlson 1972] (цит. по [Стойнова 2016: 41])

В этом языке один рефактив выражается префиксом *ʔel-*, другой — составным префиксом *ʔelul-*. В примере (21) добавление префикса *ul-* превращает редитив («обратно») в репетитив («опять»), т. е. *ul-* выполняет ту же функцию, что абазинский префикс *ata-*, и к тому же, как пишет Н. М. Стойнова, видимо, самостоятельно не употребляется.

Понять, случайное ли это совпадение или формальное выражение показателей рефактива здесь действительно связано с их

семантикой, возможно, поможет сравнительный анализ исторического развития соответствующих аффиксов.

Список условных сокращений

ABS — абсолютив; ADV — адвербиалис; BEN — бенефактив; CAUS — каузатив; CONC — уступительность; DAT — дативный преверб; DEF — определенность; DEM — указательное местоимение; DIR — директивный преверб; DCL — декларатив; EMP — эмфаза; ERG — эргатив; F — женский род; FUT — будущее время; H — личный род; INC — инцептив; INS — инструменталис; IO — не прямой объект; IPF — имперфектив; LOC — локативный преверб; M — мужской род; MNR — способ; N — неличный род; NEG — отрицание; NFIN — нефинитность; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; RE — рефактив; REC — реципрок; REL — релятивизация; RFL — рефлексив; SG — единственное число; TMP — темпоральная релятивизация.

Литература

- Авидзба 1968 — З. Х. Авидзба. Функция суффикса -χ- в глаголах абхазского и абазинского языков // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института экономики, истории, языка и литературы. Серия филологическая. Вып. 5. Черкесск: Черкесское книжное изд-во, 1968. С. 141–157.
- Аркадьев, Короткова 2005 — П. М. Аркадьев, Н. А. Короткова. О показателе -з'а- в адыгейском языке // А. П. Выдрин, Д. В. Герасимов, С. Ю. Дмитренко, С. С. Сай (ред.). Вторая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы. Санкт-Петербург, 3–5 ноября 2005 г. СПб.: Наука, 2005. С. 19–22.
- Дурнева 2017 — С. П. Дурнева. Рефлексив и реципрок в абазинском языке. Экспедиционный отчет. М., 2017.
- Ломтатидзе 2006 — К. В. Ломтатидзе. Абазинский язык (краткое обозрение). Тбилиси: Универсал, 2006.
- Сорокина 2017 — А. Д. Сорокина. Относительные конструкции в абазинском языке. Экспедиционный отчет. М., 2017.
- Стойнова 2013 — Н. М. Стойнова. Показатели рефактива. М.: АСТ-Пресс, 2013.
- Стойнова 2016 — Н. М. Стойнова. «Перепишите заново»: к типологии двойных деривационных показателей // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 37–63.

- Табулова 1976 — Н. Т. Табулова. Грамматика абазинского языка. Фонетика и морфология. Черкесск: Ставропольское книжное изд-во, Карачаево-Черкесское отделение, 1976.
- Чкадуа 1970 — Л. П. Чкадуа. Система времен и основных модальных образований в абхазо-абазинских диалектах. Тбилиси: Мецниереба, 1970.
- Carlson 1972 — B. F. Carlson. A grammar of Spokan: A Salish language of Eastern Washington. PhD Thesis. Ann Arbor: University of Michigan, 1972.
- Wälchli 2006 — B. Wälchli. Typology of light and heavy ‘again’, or The eternal return of the same // *Studies in Language*. 2006. Vol. 30. № 1. P. 69–113.

Источники

- Страна Абаза — И. М. Квициния (отв. ред.). Дайджест культурной жизни 2015 (4). Страна Абаза. Материалы сайта «Страна Абаза». СПб.: Питер, 2017.

References

- Arkadyev, Korotkova 2005 — P. M. Arkadyev, N. A. Korotkova. O pokazatele -ž’ə- v adygeyskom yazyke [The refractive marker -ž’ə- in West Circassian]. A. P. Vydrin, D. V. Gerasimov, S. Yu. Dmitrenko, S. S. Say (eds.). *Vtoraya konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovateley. Materialy. Sankt-Peterburg, 3–5 noyabrya 2005 g.* [II Conference on Typology and Grammar for Young Scholars. Materials. St. Petersburg, November 4–5, 2005]. St. Petersburg: Nauka, 2005. P. 19–22.
- Avidzba 1968 — Z. Kh. Avidzba. Funktsiya suffiksa -χ- v glagolakh abkhazskogo i abazinskogo yazykov [A function of the suffix -χ in Abkhaz and Abaza verbs]. *Trudy Karachayevo-Cherkesskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta ekonomiki, istorii, yazyka i literatury. Seriya filologicheskaya*. Iss. 5. Cherkessk: Cherkesskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1968. P. 141–157.
- Carlson 1972 — B. F. Carlson. A grammar of Spokan: A Salish language of Eastern Washington. PhD Thesis. Ann Arbor: University of Michigan, 1972.
- Chkadua 1970 — L. P. Chkadua. Sistema vremeni i osnovnykh modalnykh obrazovaniy v abkhazo-abazinskikh dialektakh [System of Tenses and Modal Formations in Abkhaz-Abaza Dialects]. Tbilisi: Metsniyereba, 1970.

- Durneva 2017 — S. P. Durneva. Refleksiv i retsiprok v abazinskom yazyke [Reflexive and reciprocal in Abaza]. Fieldwork report. Moscow, 2017.
- Lomtatidze 2006 — K. V. Lomtatidze. Abazinskiy yazyk (kratkoye obozreniye) [The Abaza Language: A Short Overview]. Tbilisi: Universal, 2006.
- Sorokina 2017 — A. D. Sorokina. Otnositelnyye konstruksii v abazinskom yazyke [Relative constructions in Abaza]. Fieldwork report. Moscow, 2017.
- Stoynova 2013 — N. M. Stoynova. Pokazateli refaktiva [‘Again’-markers]. Moscow: AST-Press, 2013.
- Stoynova 2016 — N. M. Stoynova. “Perepishite zanovo”: k tipologii dvoynykh derivatsionnykh pokazateley [“Rewrite it again”: Towards the typology of double derivational markers]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2016. No. 3. P. 37–63.
- Tabulova 1976 — N. T. Tabulova. Grammatika abazinskogo yazyka. Fonetika i morfologiya [A Grammar of Abaza: Phonetics and Morphology]. Cherkessk: Stavropolskoye knizhnoye izdatelstvo, Karachayevo-Cherkesskoye otdeleniye, 1976.
- Wälchli 2006 — B. Wälchli. Typology of light and heavy ‘again’, or The eternal return of the same. *Studies in Language*. 2006. Vol. 30. No. 1. P. 69–113.

Sources

- Strana Abaza — Daydzhest kulturnoy zhizni 2015 (4). Strana Abaza. Materialy sayta “Strana Abaza” [Cultural Life Digest 2015 (4). Abaza Country. Materials of the “Abaza Country” Site]. St. Petersburg: Piter, 2017.

НУЛЕВОЙ СУБЪЕКТ ЦЕЛЕВЫХ КЛАУЗ И ЭЛЛИПСИС АРГУМЕНТА В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Д. М. Рахман

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва
drahman2@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию целевых клауз в горномарийском языке. В работе описывается влияние неаккузативности целевой клаузы на возможность опущения ее субъекта. Поскольку в типологической литературе отсутствует описание подобных явлений, возникает вопрос о природе такого опущения, а также о его связи с другими феноменами, наблюдаемыми в горномарийском языке. В работе приведен анализ, базирующийся на данных эллипсиса внутреннего аргумента при сочинении; согласно этому анализу, упомянутое выше опущение субъекта целевой клаузы также является эллипсисом, а не стандартной для подобных контекстов заменой на нулевое местоимение PRO.

Ключевые слова: горномарийский язык, целевые клаузы, инфинитив, контроль PRO, неаккузативность, эллипсис, аргументный эллипсис.

Null subject of purpose clauses and argument ellipsis in Hill Mari

D. M. Rakhman

National Research University Higher School of Economics, Moscow
drahman2@mail.ru

Abstract. This paper addresses the system of purpose clauses in Hill Mari. It focuses on the conditions licensing omission of infinitival

---

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Формальные подходы к информационной структуре: синтаксис, семантика, дискурс», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 году. Я также глубоко благодарен С. Ю. Толдовой, А. А. Козлову, А. А. Волковой, П. С. Плешак и многим другим за ценные советы и продуктивную дискуссию.

purpose clause subjects. Basically, these emerge where such subjects corefer to the matrix subject or indirect object.

In cases of embedded predicate's unaccusativity and direct object coreference, however, the subordinate subject can be omitted. Since this interdependence between unaccusativity of purpose clauses and options for their subjects omission have escaped the attention of previous typological studies, a question arises about the nature of this interdependence and its relation to other phenomena observed in Hill Mari.

A similar pattern is observed in cases of argument omission in coordinate clauses where the first conjunct's subject coreferent to the second conjunct's object can only be omitted if the first clause's verb is unaccusative. Given that the null pronominal (*pro*) analysis, usually implied in similar cases, proves to be empirically inadequate here, I propose to view this phenomenon as a case of argument ellipsis.

This approach, derived from the so-called phase theory and developed on the basis of Japanese and Mandarin Chinese data, helps explain the mechanism of unaccusativity feeding subject omission. The crucial claims of this approach are that, firstly, only a complement of a phase can be elided and, secondly, that VP can be a phase in languages like Hill Mari, which turns the subjects of unaccusatives, base-generated in VP complement positions, into appropriate targets for ellipsis.

Finally, I argue that this analysis is also applicable to purpose clauses mentioned above. Thus subject omission represents an instantiation of argument ellipsis rather than that of a control phenomenon which would be expected in similar cases and which indeed takes place where subjects corefer to matrix subjects or indirect objects, with unaccusativity playing no role at all.

Keywords: Hill Mari, purpose clauses, infinitive, PRO control, unaccusativity, ellipsis, argument ellipsis.

1. Введение

Данная работа посвящена описанию некоторых типологически неожиданных свойств инфинитивных целевых клауз (далее ИЦК) в горномарийском языке² и их теоретическому объяснению.

---

² Горномарийский язык относится к финно-угорской ветви уральской языковой семьи, iso-код — *mgj*.

Согласно типологическим наблюдениям, среди всех типов обстоятельственных подчиненных клауз различение категорий времени, аспекта и модальности наименее характерно для целевых клауз (см. [Cristofaro 2003]). Иначе говоря, именно целевые придаточные демонстрируют наименьшую степень финитности по сравнению с другими обстоятельственными клаузами. Такие нефинитные целевые клаузы зачастую не имеют поверхностно выраженного субъекта. Возможность и обязательность поверхностного выражения субъекта в подобных случаях зависит от следующих факторов ([Ibid.; Schmidtke-Bode 2009]):

(i) Наличие в главной клаузе (далее ГК) участника, кореферентного субъекту придаточной (далее ПК), и семантическая роль или синтаксический статус этого участника;

(ii) возможность восстановить субъект из дискурса или незначительность этого субъекта для семантики ситуации;

(iii) возможность подъема субъекта ПК в матричную клаузу.

Горномарийский язык обладает системой целевых клауз, с трудом поддающихся описанию в терминах вышперечисленных факторов. Проблема заключается в том, что в горномарийском языке на возможность опущения субъекта целевой конструкции некоторым образом влияет неаккузативность предиката придаточной клаузы. Этот факт не может быть объяснен факторами, перечисленными выше. Таким образом, влияние неаккузативности предиката целевой конструкции на возможность опущения субъекта противоречит, на первый взгляд, выявленным ранее типологическим закономерностям. В данной статье я рассмотрю механизм этого явления и его возможные теоретические объяснения.

Структура настоящей статьи такова. В разделе 2 эмпирически описываются правила опущения субъекта инфинитивных целевых клауз в горномарийском языке. Раздел 3 посвящен эллипсису аргумента в горномарийском. В разделе 4 производится теоретический анализ этого явления; в разделе 5 предложенный анализ распространяется на систему целевых клауз. Раздел 6 подводит итоги статьи.

2. Данные горномарийского языка

Горномарийский — язык номинативно-аккузативного строя с субъектным глагольным согласованием. В горномарийском

языке наблюдается широкое разнообразие нефинитных форм глагола. Одна из них — форма, образуемая с помощью суффикса *-aš* и традиционно описываемая как инфинитив, — обладает возможностью выступать в качестве предиката целевой придаточной клаузы, присоединяемой с помощью союза *manân*³:

- (1) [*petä-lan mägär-äš manân*] *män' tädä-m*
 [II.-DAT плакать-INF PURP] я тот-ACC
šel-än-äm
 ударить-PRF-1SG
 'Я ударил Петю, чтобы он заплакал'⁴.

В примере (1) в придаточной клаузе имеется выраженный на поверхности субъект *petä-lan* 'Петя-DAT', маркированный дательным падежом и обладающий той же семантикой, что и соответствующий ему номинативный субъект в независимых клаузах. О субъектном статусе этого аргумента свидетельствует, например, его способность контролировать нулевое подлежащее PRO в нефинитной конструкции, присоединяемой модальным глаголом (2):

- (2) [*ätä-t-län_i [PRO_i amal-al] kerd-äš*
 [отец-POSS.2SG-DAT [PRO спать-ATT] мочь-INF
manân] *i-t saslâ*
 PURP] PRON-2SG кричать
 'Не кричи, чтобы твой отец мог поспать'.

В некоторых случаях, однако, субъект такой целевой клаузы может быть поверхностно не выражен⁵:

³ В некоторых случаях возможно также присоединение без союза. В рамках данной статьи такие случаи рассматриваться не будут.

⁴ Все языковые примеры, приведенные в статье, были получены от носителей языка, проживающих в с. Микряково Горномарийского р-на Республики Марий Эл, методом элицитации в ходе экспедиций 2016–2018 гг.

⁵ Нулевой субъект нефинитной клаузы, обозначенный здесь как PRO, демонстрирует некоторые подлежащие свойства. Для некоторых носителей также возможна замена выраженного субъекта ПК нулевым прономиналом *pro* при наличии антецедента в дискурсе или в случае восстановимости его на основании прагматики высказывания. Такой вариант инфинитивных целевых конструкций, однако, маргинален и не будет рассмотрен в рамках данной статьи.

- (3) [PRO_i ěr-äš manân] tädâ_i plaš-äm
 [PRO_i согреться-INF PURP] тот_i плащ-ACC
 ěi-š
 надеть-AOR[3SG]
 ‘Он надел плащ, чтобы согреться’.

Возможность такого опущения в общем случае зависит от критерия (i), сформулированного во введении, а именно от синтаксического статуса кореферентного субъекту ПК участника матричной предикации. Субъект ПК всегда может быть опущен, если выполняется одно из двух условий:

- Субъект ПК кореферентен субъекту ГК

- (4) [PRO_i tã-škã ěl-äš manân] mән'ᵢ pört-äm
 [PRO_i тот-ILL жить-INF PURP] я_i дом-ACC
 stroj-en-äm
 строить-PRF-1SG
 ‘Я построил дом, чтобы в нем жить’.

- Субъект ПК кореферентен дативному реципиенту ГК

- (5) [PRO_i muzâkâ dono zanimaj-alt-aš manân]
 [PRO_i музыка с заниматься-DETR-INF PURP]
 vasä erge-žã-län_i gitara-m podar-en
 В. сын-POSS.3SG-DAT_i гитара-ACC дарить-PRF[3SG]
 ‘Вася подарил сыну гитару, чтобы он учился играть’.

Существует, однако, еще один фактор, делающий возможным опущение субъекта ПК, но не являющийся частным случаем принципов (i)–(iii) и не выводимый из них. При кореферентности прямому объекту ГК субъект ПК может быть опущен, если зависимый предикат относится к закрытому классу, преимущественно состоящему из непереходных глаголов произвольного изменения состояния субъекта (‘остынуть’, ‘нагреться’, ‘закипеть’, ‘скинуть’ и т. п.). Мы предполагаем, что такие глаголы являются неаккузативными в горномарийском языке, поскольку они обладают характерной семантикой и специфическими для них синтаксическими свойствами, такими как возможность элидирования субъекта при сочинении (подробнее см. раздел 4) и сочетаемость с легким глаголом *keäš* (см. [Голосов, настоящий сборник]). Дополнительный фактор, влияющий на возможность опущения

субъекта целевой клаузы, может быть, соответственно, сформулирован следующим образом:

(iv) Если субъект ПК кореферентен прямому объекту ГК и при этом предикат ПК является неаккузативным, то субъект ПК может быть опущен.

В примере (6) предикат целевой клаузы *ükš-äš* ‘остыть’ является неаккузативным. В соответствии с правилом (iv), такой глагол допускает опущение подлежащего ПК при его кореферентности объекту ГК. В примере же (7) глагол ПК не является неаккузативным, и, соответственно, субъект ПК не может быть опущен при кореферентности объекту ГК.

(6) [Ø_i   *ükš-äš*   *manân*]⁶   *män'*   *lem-äm_i*
 [Ø_i   остыть-INF   PURP]   я   суп-ACC_i
xolodil'nik-äš   *šänd-en-äm*
 холодильник-ILL   ставить-PRF-1SG
 ‘Чтобы суп остыл, я убрал его в холодильник’.

(7) *[Ø_i   *pop-aš*   *cärn-äš*   *manân*]
 [Ø_i   говорить-INF   перестать-INF   PURP]
vasä   *petä-m_i*   *šel-än*
 В.   П.-ACC_i   ударить-PRF[3SG]
 Ожид.: ‘Вася ударил Петю, чтобы тот перестал говорить’⁷.

Эта типологически неожиданная зависимость может быть объяснена двумя способами. Первый способ — считать, что она является независимым явлением, а не частным случаем или следствием какого-либо другого синтаксического процесса. В таком случае правило (iv) противоречит типологическим закономерностям, т. к., насколько мы можем судить, аналогичное правило

⁶ Символом Ø здесь и далее обозначается некоторый нулевой элемент без уточнения его синтаксического характера (нулевое местоимение того или иного вида, элидированный аргумент и т. п.).

⁷ Некоторые носители считают этот пример грамматичным при условии наличия участника, соответствующего субъекту ПК в дискурсе. Это связано с тем, что для таких носителей допустимо при определенных условиях использовать в качестве субъекта целевой ПК нулевой прономинал *pro*. Такой вариант горномарийского языка, тем не менее, достаточно маргинален и не будет подробно рассмотрен в рамках данной статьи.

не наблюдается в других языках. Второй способ — считать, что опущение подлежащего в (6) является следствием какого-то другого явления, имеет характер, отличный от характера прототипических случаев контроля PRO в (4) и (5) и, соответственно, типологическим наблюдениям не противоречит.

Предположение о «независимости» явления (iv) неизбежно привело бы нас к постулированию некоего семантического механизма, регулирующего возможность опущения субъекта ЦК. В таком случае перед нами встала бы нетривиальная задача поиска ответа на следующие вопросы: почему этот семантический механизм так редок в языках мира, что до сих пор не был описан ни для одного из них? И почему в таком случае именно в горномарийском языке он все-таки проявил себя?

Нам, однако, удалось разработать во всех отношениях более экономный «зависимый» анализ наблюдаемого феномена, опирающийся на явление эллипсиса аргумента.

3. Эллипсис аргумента в горномарийском языке

В горномарийском языке неаккузативность глагола схожим с описываемым правилом (iv) образом влияет на возможность опущения подлежащего при сочинении независимых клауз:

(v) При сочинении двух клауз субъект первой клаузы, кореферентный объекту второй, может быть опущен тогда и только тогда, когда глагол первой клаузы — неаккузативный.

Предложения (8а) и (9а) состоят из двух сочиненных с помощью аддитивной частицы *at* клауз⁸. В каждой из них подлежа-

---

⁸ Аддитивная частица *at*, будучи клитикой, присоединяемой к первому конъюнкту, может показаться конвербным показателем, например, образующим деепричастие с семантикой предшествования. Однако из примеров (i)–(ii) следует, что это не так, т. к. эти предложения демонстрируют сочинительные свойства:

(i) [lem   ükšen-üt]   vasä   tädä-m   kačk-än
[суп   остыть-PRF[3SG]=ADD]   В.   тот-ACC   съесть-PRF[3SG]
‘Суп остыл, и Вася его съел’.

(ii) *vasä [lem   ükšen=üt]   tädä-m   kačk-än
В.   [суп   остыть-PRF[3SG]=ADD]   тот-ACC   съесть-PRF[3SG]
Ожид.: ‘Суп остыл, и Вася его съел’.

щее первой клаузы кореферентно прямому объекту второй. В (8а) глагол первой клаузы является неаккузативным, и ее субъект, в соответствии с правилом (v), может быть опущен (см. (8б)). В (9а) же в качестве предиката первой клаузы выступает неэргативный глагол⁹, и, соответственно, опущение субъекта невозможно (см. (9б)).

(8а) [*lem_i ükš-en=ät*] [*vasä tädä-m_i*
[суп_i остыть-PRF[3SG]=ADD] [B. тот-ACC;
kačk-ân]
съесть-PRF[3SG]]
‘Суп остыл, и Вася его съел’.

(8б) [$\emptyset$ _i *ükš-en=ät*] [*vasä lem-äm_i*
[$\emptyset$ _i остыть-PRF[3SG]=ADD] [B. суп-ACC;
kačk-ân]
съесть-PRF[3SG]]
‘Суп остыл, и Вася его съел’.

(9а) [*koti_i vasä dokâ tol-ân=at*]
[кот_i B. к прийти-PRF[3SG]=ADD]
[*vasä tädä-m_i poktâl kolt-en*]
[B. тот-ACC;_i прогнать послать-PRF[3SG]]
‘Кот пришел к Васе, а Вася его прогнал’.

(iii) *vasä [lem ükšä-mäkä] tädä-m kačk-ân*
B. [суп остыть-CVB.ANTE] тот-ACC съесть-PRF[3SG]
‘После того, как суп остыл, Вася его съел’.

Примеры (i) и (ii) показывают неграмматичность разрыва предполагаемой главной клаузы предполагаемой зависимой, что является одним из признаков сочинения (см., например, [Тестелец 2001]). Для подтверждения релевантности этого теста для горномарийского языка также приведен пример (iii), демонстрирующий грамматичность гнездования в случае подчиненной конвербной клаузы.

⁹ Хотя в некоторых языках (например, в английском) глагол со значением ‘прийти’ относится к неаккузативным, в горномарийском он демонстрирует свойства, характерные для неэргативных глаголов: попадает под действие правила (iv), правила (v), а также сочетается с легким глаголом *koltaš*.

- (9б) * $[\emptyset_i$ *vasä*   *dokâ*   *tol-ân=at*]
 $[\emptyset_i$ В.   к   прийти-PRF[3SG]=ADD]
 $[vasä$ *koti-m_i*   *poktâl*   *kolt-en*]
 [В.   кот-ACC_i   прогнать   послать-PRF[3SG]]
 Ожид.: ‘Кот пришел к Васе, а Вася его прогнал’.

Мне представляются возможными два варианта анализа явления (v):

- Опущенный субъект в (8б) заменен нулевым прономиналом *pro*.

- Опущенный субъект в (8б) является результатом элидирования аргумента¹⁰.

Предположим, нулевой субъект в (8б) — *pro*. Прониминал, которым в таком случае является подлежащее, может получать свое значение либо с помощью кореференции, либо с помощью А-связывания (см., например, [Heim, Kratzer 1998]). Кореференция в (8б) исключается, т. к. опущенному субъекту в дискурсе не предшествует никаких участников, которые могли бы определить его значение. Связывание, однако, также исключено, т. к. никакой другой аргумент какого-либо из конъюнктов не си-командует прономиналом.

Более того, некоторые носители горномарийского языка считают предложение (9б) грамматичным, но обладающим абсолютно другим, нежели (8б), значением:

- (10) % $[pro_{j/*i}$ *vasä*   *dokâ*   *tolân-at*]¹¹
 $[pro_{j/*i}$ В.   к   прийти-PRF[3SG]=ADD]
vasä   *koti-m_i*   *poktâl*   *kolt-en*
 В.   кот-ACC_i   прогнать   послать-PRF[3SG]
 ‘Он (некто) пришел к Васе, и Вася выгнал кота’.

¹⁰ В рамках данной статьи я предлагаю описывать этот тип эллипсиса как опущение аргумента глагола (PF-deletion / LF-copying) целиком при сохранении всей остальной клаузы в противопоставление его замене на нулевое местоимение. Подробнее об этом типе эллипсиса см., например, [Cheng 2014; Sakamoto 2016] для японского и китайского языков соответственно.

¹¹ Символом ‘%’ здесь и далее отмечены примеры, приемлемые лишь для части носителей горномарийского языка.

Допустимая интерпретация предложения (10) как раз и является интерпретацией, соответствующей анализу с помощью *pro*, антецедент которого может восстанавливаться из дискурса или прагматики с точки зрения некоторых носителей. Интерпретация же (8б) при аналогичной синтаксической структуре была бы следующей:

- (11) [*pro*_{j/i} *ükš-en-ät*] *vasä lem-äm_i*
 [*pro*_{j/i} остьть-PRF[3SG]=ADD] В. суп-ACC
kačk-âñ
 съеть-PRF[3SG]
 Ожид.: ‘Оно (нечто) остыло, и Вася съел суп’.

Такая интерпретация значительно отличается от наблюдаемой в (8б). Следовательно, анализ нулевого подлежащего в (8б) как *pro* несостоятелен и, соответственно, это нулевое подлежащее является следствием элидирования аргумента.

Ниже я попытаюсь дать более подробное описание механизма такого эллипсиса, а также привести его теоретическое обоснование.

4. Анализ эллипсиса аргумента

Рассмотрим структуру предложений (8а) и (9а):

Рис. 1. Структура двух клауз предложения (8а)
 Fig. 1. Structure of two clauses of the sentence (8а)

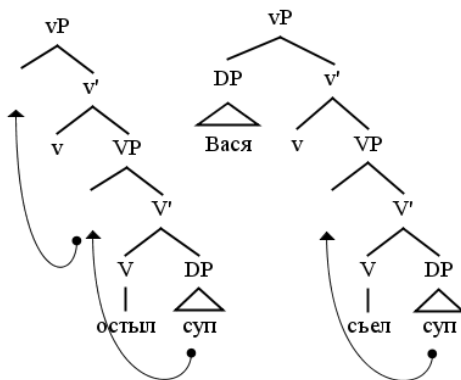
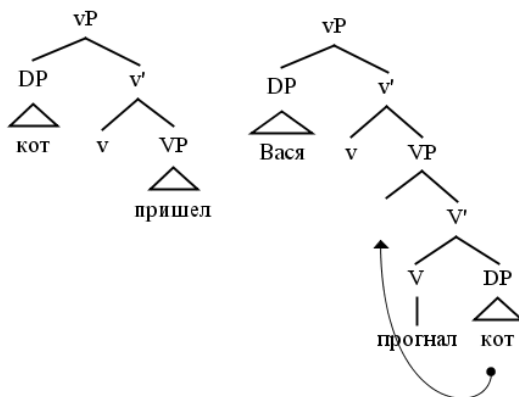

Рис. 2. Структура двух клауз предложения (9а)
 Fig. 2. Structure of two clauses of the sentence (9a)

Во многих работах, в том числе в [Cheng 2013], утверждается, что эллипсису (в частности, эллипсису глагольной группы и слусингу) может подвергаться только комплемент вершины фазы¹². Эллипсис аргумента наподобие наблюдаемого нами в горномарийском, на первый взгляд, нарушает это правило, т. к. элидируемый аргумент является комплементом VP, а не vP или CP, традиционно считающихся фазами. В той же работе, однако, предполагается, что для некоторых языков без DP (согласно критериям, приведенным в работе [Bošković 2008]), VP также является фазой, что и позволяет прямому объекту, т. е. комплементу V, быть элидированным.

Согласно [Плешак 2017], в рамках упомянутого выше подхода горномарийский также является языком без DP. Таким образом, VP в этом языке тоже может являться фазой. Из этого предположения мы и будем исходить при дальнейшем анализе.

¹² Синтаксическая фаза — этап деривации, некоторая вершина, при достижении которой ее комплемент отправляется на т. н. интерфейс и становится недоступен для большинства внешних операций (например, для передвижения). Традиционно фазами считаются группы vP и CP, однако существуют и другие теории. Подробнее о фазах см., например, [Chomsky 1999].

Итак, субъект неаккузативного глагола в (8б), изначально присоединяемый в позиции комплемента вершины фазы V, может быть элидирован. Субъект же неэргативного глагола в (9б), не являющийся комплементом не только фазы, но и вообще какой-либо группы, соответственно не может быть элидирован. Это и объясняет грамматичность (8б) и неграмматичность (9б).

Возможно, анализ, приведенный в данном разделе, справедлив не только для горномарийского языка, и явления наподобие (v) наблюдаются и в других языках, в которых VP является фазой. Ответ на этот вопрос, однако, выходит за рамки данной статьи и требует отдельного исследования.

5. Эллипсис в инфинитивной целевой клаузе

Теперь вернемся к задаче объяснения эмпирического факта (iv), поставленной нами в разделе 2, т. е. к объяснению возможности опущения субъекта ПК в (6) при невозможности в (7) (оба примера приведены здесь заново как (12) и (13) соответственно):

(12=6) [Ø_i   *iikš-äš*   *manân*] *män'*   *lem-äm_i*
           [Ø_i   остыть-INF   PURP] я   суп-ACC_i
           xolodil'nik-äš   *šänd-en-äm*
           холодильник-ILL   ставить-PRF-1SG
           ‘Чтобы суп остыл, я убрал его в холодильник’.

(13=7) *[Ø_i   *pop-aš*   *cärn-äš*   *manân*] *vasä*
           Ø_i   говорить-INF   перестать-INF   PURP   В.
           petä-m_i   *šel-än*
           П.-ACC_i   ударить-PRF[3SG]
           Ожид.: ‘Вася ударил Петю, чтобы он перестал говорить’.

Наша гипотеза заключается в следующем:

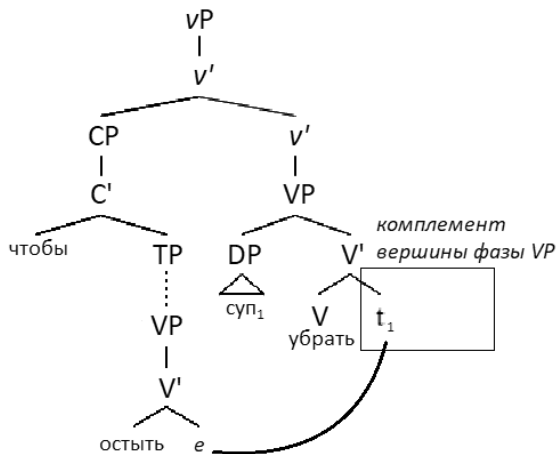
(vi) Внутренний аргумент целевой инфинитивной клаузы может быть элидирован при кореферентности прямому объекту матричной клаузы.

Применительно к предложению (12) это значит, что опущенный субъект в ПК является не нулевым местоимением PRO или *pro*, а элидированным внутренним аргументом неаккузативного глагола (см. Рис. 3):

Рис. 3. Эллипсис внутреннего аргумента целевой клаузы

Fig. 3. Ellipse of the internal argument of purpose clause

Аналогично примерам (86) и (96), субъект ПК с неаккузативным глаголом в примере (12) может быть удален, т. к. является комплементом вершины фазы VP. В прочих случаях (13) субъект, соответственно, не может быть элидирован, т. к. не является комплементом вершины фазы.

Учитывая все вышесказанное, я считаю, что нулевой субъект в (12) является не нулевым местоимением PRO, а элидированным внутренним аргументом неаккузативного глагола. Таким образом, принцип (iv) не противоречит типологическим наблюдениям, приведенным во введении, поскольку не описывает систему собственно контроля PRO целевой инфинитивной клаузы.

6. Заключение

В данной статье была рассмотрена система инфинитивных целевых клауз горномарийского языка с точки зрения возможности опущения их субъекта. В разделе 2 было показано, что на такую возможность влияет неаккузативность предиката целевой клаузы. Было высказано предположение о «зависимом» характере этого явления, т. е. о том, что опущение в соответствующих случаях отличается по своей синтаксической структуре от прототи-

пической замены на PRO. В разделах 3 и 4 было рассмотрено явление эллипсиса аргумента в горномарийском языке и его зависимость от неаккузативности предиката. В разделе 5 приведен анализ целевых конструкций с неаккузативным глаголом, трактующий их нулевой субъект как элидированный аргумент, чьим антецедентом является объект главной клаузы. Именно этот анализ я считаю предпочтительным для объяснения феномена (iv).

Перспективным для дальнейшей работы представляется вопрос об универсальности полученных данных. Встречаются ли явления, подобные описанным в статье, в других языках без DP? И если нет, то почему? Этот и многие другие вопросы могут сформировать задачи будущих исследований.

Список условных сокращений:

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ГК — главная клауза; ПК — придаточная клауза; ACC — винительный падеж, аккузатив; ADD — аддитивная частица; AOR — аорист; ATT — аттенуатив; CVB.ANTE — конверб предшествования; DAT — дательный падеж, датив; DETR — детранзитив; ILL — иллатив; INF — инфинитив; POSS — посессивный показатель; PRF — перфект; *pro* — нулевой прономинал; PRO — нулевое анафорическое местоимение в роли подлежащего инфинитивного оборота; PRON — прохитив; PURP — целевой союз; SG — единственное число; Ø — опущенный материал без уточнения характера опущения.

Литература

- Голосов, настоящий сборник — Ф. В. Голосов. Легкие глаголы-телизаторы горномарийского языка: грамматическая семантика и дистрибуция // Настоящий сборник.
- Плешак 2017 — П. С. Плешак. Морфосинтаксис именной группы в мокшанском и горномарийском языках. Дипломная работа. МГУ, М., 2017.
- Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.
- Boškovič 2008 — Ž. Boškovič. What will you have, DP or NP? // E. Elfner, M. Walkow (eds.). NELS 37: Proceedings of the Thirty-Seventh Annual Meeting of the North East Linguistic Society. Amherst, MA: GLSA, University of Massachusetts, 2008. Vol. 1. P. 101–114.
- Cheng 2013 — H.-T. Cheng. Argument ellipsis, classifier phrases, and the DP parameter. PhD Thesis. University of Connecticut, Storrs, 2013.

- Cheng 2014 — H.-T. J. Cheng. Genuine argument ellipsis: Fact or fiction? // D. Edmiston, E. Potsdam (eds.). *Proceedings of the Florida Linguistics Yearly Meeting (FLYM) 1*. (Florida Linguistics Papers 1). S. l.: University of Florida, 2014. P. 13–24.
- Chomsky 1999 — N. Chomsky. *Derivation by Phase*. (MITOPL 18). Cambridge, MA: MIT Press, 1999. [Reprinted in: M. Kenstowicz (ed.). *Ken Hale: A Life in Language*. (Current Studies in Linguistics 36). Cambridge, MA; London: MIT Press, 2001. P. 1–52.]
- Cristofaro 2003 — S. Cristofaro. *Subordination*. (Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory). Oxford: Oxford University Press, 2003.
- Heim, Kratzer 1998 — I. Heim, A. Kratzer. *Semantics in Generative Grammar*. Oxford: Blackwell, 1998.
- Sakamoto 2016 — Y. Sakamoto. Phases and argument ellipsis in Japanese // *Journal of East Asian Linguistics*. 2016. Vol. 25. № 3. P. 243–274.
- Schmidtke-Bode 2009 — K. Schmidtke-Bode. *A Typology of Purpose Clauses*. (Typological Studies in Language 88). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2009.

References

- Bošković 2008 — Ž. Bošković. What will you have, DP or NP? E. Elfner, M. Walkow (eds.). *NELS 37: Proceedings of the Thirty-Seventh Annual Meeting of the North East Linguistic Society*. Amherst, MA: GLSA, University of Massachusetts, 2008. Vol. 1. P. 101–114.
- Cheng 2013 — H.-T. Cheng. *Argument ellipsis, classifier phrases, and the DP parameter*. PhD Thesis. University of Connecticut, Storrs, 2013.
- Cheng 2014 — H.-T. J. Cheng. Genuine argument ellipsis: Fact or fiction? D. Edmiston, E. Potsdam (eds.). *Proceedings of the Florida Linguistics Yearly Meeting (FLYM) 1*. (Florida Linguistics Papers 1). S. l.: University of Florida, 2014. P. 13–24.
- Chomsky 1999 — N. Chomsky. *Derivation by Phase*. (MITOPL 18). Cambridge, MA: MIT Press, 1999. [Reprinted in: M. Kenstowicz (ed.). *Ken Hale: A Life in Language*. (Current Studies in Linguistics 36). Cambridge, MA; London: MIT Press, 2001. P. 1–52.]
- Cristofaro 2003 — S. Cristofaro. *Subordination*. (Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory). Oxford: Oxford University Press, 2003.
- GolosoV, present volume — F. V. GolosoV. Legkiye glagoly-teliszatory gor-nomariyskogo yazyka: grammaticheskaya semantika i distributsiya [Telicizing light verbs in Hill Mari: Semantics and distribution]. Present volume.
- Heim, Kratzer 1998 — I. Heim, A. Kratzer. *Semantics in Generative Grammar*. Oxford: Blackwell, 1998.

- Pleshak 2017 — P. S. Pleshak. Morfosintaksis imennoy gruppy v mokshanskom i gornomariyskom yazykakh [Morphosyntax of noun phrase in Moksha and Hill Mari languages]. Graduate Thesis. Moscow State University, Moscow, 2017.
- Sakamoto 2016 — Y. Sakamoto. Phases and argument ellipsis in Japanese. *Journal of East Asian Linguistics*. 2016. Vol. 25. No. 3. P. 243–274.
- Schmidtke-Bode 2009 — K. Schmidtke-Bode. A Typology of Purpose Clauses. (Typological Studies in Language 88). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2009.
- Testelelets 2001 — Ya. G. Testelelets. Vvedeniye v obshchiy sintaksis [Introduction to General Syntax]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2001.

LABILITY IN ANDI

N. Rochant

Université Sorbonne Nouvelle (Paris),
CNRS, LaCiTO — LLACAN, Paris, France
neige.rochant@icloud.com

Abstract. This paper deals with the identification of labile verbs in Andi (Nakh-Daghestanian, Russia), and more specifically its methods, results and conclusions for the definition of transitivity in Andi. Lability is traditionally defined as an unmarked valency-changing phenomenon characterizing verbs that can be used both transitively and intransitively without any formal change. Andi happens to feature a combination of three typological characteristics that challenges not only the identification of its labile verbs, but also the application of traditional definitions of lability and transitivity to its context. These characteristics are a radical P-alignment, the absence of any agent demoting or removing morphology, and the possibility for interpreting any unexpressed agent as arbitrary. They are crucial for the analysis of labile phenomena in Andi, because they were shown by D. Creissels to be responsible for a formal ambiguity between ‘less labile’ passive lability (when a labile verb used intransitively has a passive meaning) and ‘more labile’ anticausative lability (when a labile verb used intransitively has an anticausative meaning). Several syntactic tests were designed by different authors to distinguish cases of anticausative lability from those of passive lability. These tests involve the semantic interpretation of a reflexive-emphatic pronoun, compatibility with the intransitive imperative in combination with an imperative addressee referring to the nominative argument, and the possibility of the verb being used in an involuntary agent construction. Applied to Andi, these tests show that both anticausative and passive lability concern all transitive verbs, which suggests that they do not differ with respect to their syntactic status and that both involve a change in syntactic transitivity. This conclusion supports D. Creissels’s suggestion that in languages sharing with Andi the relevant typo-

logical features, transitivity applies not to the predicative constructions themselves, but to their realizations.

Keywords: lability, transitivity, valency changing derivations, alignment, ergativity, unmarked passive.

Лабильность в андийском языке

Н. Рошан

Университет Новая Сорбонна (Париж),
Национальный центр научных исследований: Лаборатория
языков и культур устной традиции / Лаборатория языков и
культур Африки, Париж, Франция
neige.rochant@icloud.com

Аннотация. В андийском языке выделяются три ключевых для изучения лабильности типологических характеристики: радикальный эргативный строй, отсутствие понижающих дериваций и возможность интерпретировать любой невыраженный агент как неопределенный. Как показано Д. Кресселем, сочетание этих свойств создает омонимию между двумя семантическими типами лабильности — пассивной и антикаузативной. Различными авторами были предложены тесты, которые позволяют выявить случаи антикаузативной лабильности. По результатам этих тестов все переходные глаголы оказываются доступны и для пассивной, и для антикаузативной лабильности; как следствие, оба типа лабильности предполагают мену переходности. Это подтверждает теорию Д. Кресселя о том, что в языках, подобных андийскому, переходность применяется не к самим предикативным конструкциям, а к их реализациям.

Ключевые слова: лабильность, переходность, актантные деривации, эргативный строй, немаркированный пассивный залог.

1. Introduction

Andi is an unwritten and scarcely documented¹ language belonging to the Andic branch of the Nakh-Daghestanian family. According to the 2002 Russian Federal census [Rasprostranennost vladeniya yazykami po subektam Rossiyskoy Federatsii 2002], it is now probably spoken by approximately 20,000 people, living in or resettled from nine villages of the Botlikh district of the Republic of Daghestan, Russia [Aglarov 2002: 3]. This study was conducted upon first-hand elicited data from the village of Zilo, whose dialect has been under investigation since 2016. Consequently, all examples in Andi are taken from the author's field notes².

The current paper concerns itself with lability in the Zilo dialect of Andi, with a focus on the tests employed to detect labile verbs and how their results affect the conception of transitivity in Andi.

While section 2 lays the preliminary groundwork for the detection of labile verbs, section 3 analyses the issues that should be addressed during this process — specifically, the problematic combination of three typological features in Andi. In this respect, the analysis of Akhvakh and related languages conducted by Creissels [2014] is applied to Andi. Section 4 reviews the syntactic tests applied to Andi verbs in response to these issues. Section 5 draws conclusions on Andi transitivity from the results of the tests, which corroborate Creissels' hypothesis [Ibid.].

Lability is traditionally defined as an unmarked valency-changing phenomenon characterizing verbs that can be used both transitively and intransitively without any formal change. Andi has P-align-

---

¹ Four grammar sketches of Andi are available [Dirr 1906; Suleymanov 1957; Tsertsvadze 1965; Salimov 1968], but none of them tackles issues relevant to syntax. No Andi dictionary has ever been published so far.

² I would like to thank all my Zilo consultants (especially Aligaji G. Magomedov's family), without whom this paper could not have been written, as well as Agnes Korn for her very precious discussion and corrections. I am also very grateful to Timur Maisak for guidance in fieldwork and Andi linguistics, to H el ene G erardin for advice on Caucasian linguistics and typology of transitivity, and to all the reviewers for helping improving this paper by their careful reading and constructive remarks. Editors of the volume and the author would like to particularly thank Sergey Say for reading and editing the first version of the paper.

ment³. NPs representing the S term of intransitive constructions and the P term of transitive constructions are in the zero-marked nominative case, whereas the A term of transitive constructions is marked by the ergative case. Besides, a substantial number of verbs contain a prefixal slot for gender-number marking, whose agreement is controlled by the nominative NP representing S or P⁴. No verb shows agreement with any other argument or in any other feature, including person. Accordingly, verbs that do not have a slot for gender-number marking do not agree with any argument.

Here are two intransitive predications, respectively with (1) and without (2) agreement in the verb:

- (1) *χadizati* *j-uk:-u*
 Khadizhat[F][NOM] F-fall-PST(AOR)
 ‘Khadizhat fell down’.

- (2) *ihur* *zaryχ-u-j*
 lake[INAN₂][NOM] freeze-PST-PF
 ‘The lake has frozen’.

Here are two transitive predications, respectively with (3) and without (4) agreement in the verb:

- (3) *qχ’urban-di* *χ^wammi* *b-itf:-i-j*
 Qurban-ERG fish[AN][NOM] AN-catch-PST-PF
 ‘Qurban caught a fish’.

- (4) *alihadzi-di* *refa* *qxuqx-an*
 Alihaji-ERG wood[INAN₁][NOM] saw-PST(AOR)
 ‘Alihaji sawed wood’.

---

³ The terms “P-alignment” and “A-alignment” differ from the notions of ergativity and accusativity respectively in that they refer only to “alignment proper” [Creissels 2014: 924–925], i.e. they do not hint at any properties that “many linguists associate with [alignment] like asymmetries in marking or indexation patterns, coincidence between the quotation form of nouns and the form they show in some of their syntactic uses, presence of passive or antipassive, etc.”

⁴ There is no clear correlation between the presence of a slot for gender-number marking and any characteristics of the verb. This feature seems to be purely lexical.

Besides transitive and intransitive constructions, Andi features a third main valency frame: the affective construction. It is used by verbs of perception ('see', 'hear', 'find', etc.), emotion ('like', 'be weary of', etc.) and cognition ('know', 'understand', 'forget', etc.). In this construction, the experiencer is marked by the dedicated affective case, while the stimulus is marked in the nominative (5). The affective marker contains a gender marker agreeing with the nominative argument, i.e. the stimulus.

- (5) *di-<j>o*   *jofi*   *ha²-o-r-s:u*
 I.OBL-AFF<F>   girl[F][NOM]   see-PST-PROG-NEG
 'I can't see the girl'.

In Andi, constituent order at clause-level is determined not by syntactic, but only by pragmatic constraints. Regarding valency changes, Andi features a causative strategy, but no valency-decreasing derivations, such as passive, anticausative or antipassive. The information structure of English passive constructions such as 'The mouse was eaten by the cat' would be rendered in Andi by the same constituents as in 'The cat ate the mouse' with special order and intonation.

Dixon [1994] introduced a distinction between agent-preserving and patient-preserving lability. In the latter, also called P-lability, "both uses of a labile verb have a patientive argument", as rephrased by Letuchiy [2009a: 265], whereas in agent-preserving lability (or A-lability), "both uses preserve the agentive argument" [Ibid.]. P-lability is illustrated by (6) and A-lability by (7):

P-lability — English

- (6a) *I broke the car.*
 (6b) *The car broke.*

A-lability — Hinuq, Nakh-Daghestanian [Forker 2013: 492]

- (7a) *haze*   *lera=n*   *uži-y=no*
 these.OBL   five.OBL=and   boy-ERG=and
t'ot'er-ho   *yasin*
 read-PRS   sura[NOM]
 'The five boys read the sura'.
- (7b) *di*   *uži*   *murad*   *t'ot'er-ho*
 I.GEN1   boy[NOM]   Murad[NOM]   learn-PRS

oc'eno   *seda*   *klas-ma*   *hinuq*   *añ-a*
 ten   one.OBL   class-IN   Hinuq   village-IN
 'My son Murad is studying in eleventh grade in the village of
 Hinuq'.

In (7a) from Hinuq (a language belonging to the Tsezic branch of the Nakh-Daghestanian family, which is closely related to the Andic languages), the verb *t'ot'er-* is used transitively in the meaning 'to read', with its agent NP *haze lera=n uži-y=no* in the ergative and its patient *yasin* in the unmarked nominative. In (7b), the same verb is used intransitively with the meaning 'to study', the unique argument NP *di uži Murad* being in the unmarked nominative case.

Andi features at least three A-labile verbs: *baʔi*⁵ 'TR read / INTR study', as in Hinuq, *k'ari* 'vomit' and *urbun* 'TR invent / INTR think' (8).

(8a) *den*   *urb-un*   *masʔalal-ʔo*
 I   think-PST(AOR)   exercise.OBL-SUPER.LAT
 'I thought about the exercise'.

(8b) *den-ni*   *urb-un*   *he-b*   *masʔala*
 I-ERG   think-PST(AOR)   DEM-INAN₁   exercise[INAN₁][NOM]
 'I invented this exercise'.

A-labile verbs are found in very limited number in Andi and thus not addressed in this study.

2. Preliminary groundwork for the research of labile verbs in Andi

Spotting P-labile verbs in Andi requires a first clearing-up phase destined to determine which verbs are suitable candidates for lability, based on whether they can be used both with and without an ergative argument in their underived form. As will be explained in section 3, in such a language as Andi, this is a necessary, though not sufficient criterion to characterize a verb as labile.

The material used for this first stage consists in a database of 321 verbs elicited from Russian to Andi in one basic sample sentence.

---

⁵ The aorist has been chosen as the verb citation form for its minimal morphological markedness combined with maximal morphological informativity.

For example, the Andi equivalent of Russian *zasypat* ‘fall asleep’ was obtained by translating from Russian to Andi the sentence *Xadizhat zasnula* ‘Khadizhat fell asleep’, chosen arbitrarily⁶. Identifying potential candidates for lability throughout this database consists, for each token, in adding an ergative agent to the sample construction if it is intransitive⁷, or removing the ergative agent from the sample construction if it is transitive, and then in checking the result’s grammaticality and meaning with several consultants:

Sample construction $V\{S_{NOM}\} + A_{ERG} =^{OK} \text{ or } *?$

Sample construction $V\{P_{NOM}, A_{ERG}\} - A_{ERG} =^{OK} \text{ or } *?$

Groups of sentences (9) and (10) provide examples of tested verbs:

- (9a) *k’epi*   *r-uk’-u*
 jug[INAN₂][NOM] INAN₂-fall-PST(AOR)
 ‘The jug fell down’.
- (9b) **pat’imati-di*   *k’epi*   *r-uk’-u*
 Patimat.OBL-ERG jug[INAN₂][NOM]   INAN₂-fall-PST(AOR)
 #‘Patimat dropped the jug’.
- (9c) ^{OK}*pat’imati-di*   *k’epi*   *r-uk’-qt-i*
 Patimat.OBL-ERG jug[INAN₂][NOM] INAN₂-fall-CAUS-PST(AOR)
 ‘Patimat dropped the jug’.

⁶ This database was established as a preparatory basis for further studies. The construction in which a verb is stored in the database must not be considered the basic or main construction of this verb, as it is the translation of a sentence chosen arbitrarily, whose construction is dependent on the morphosyntactic profile of the source language and can influence the choice of the construction in the target language. However, the arbitrary character of the constructions stored in this database is not a problem for the use made of them in the present study.

⁷ The opposition between intransitive and transitive is to be understood here within the notion of ‘syntactic transitivity’, as distinguished by Letuchiy [2010: 250] from that of valency. The definition of intransitivity under the paradigm of syntactic transitivity includes “intransitive verbs that are not monovalent, if neither of their arguments is a direct object” [Ibid.].

The verb CL-*uk.u* ‘fall’ is stored in the database in the sample intransitive construction of example (9a). As shown by (9b–c), adding an ergative NP to this construction is licensed only for the causativized verb, and not for the simple verb. The verb CL-*uk.u* is hence excluded from the group of potentially labile verbs. So are all verbs using the affective construction (experiencer verbs), which never include an ergative argument in their underived form.

(10a) *derzik’a*   *b-ez-a*
 pumpkin[INAN₁][NOM]   INAN₁-brown-PST(AOR)
 ‘The pumpkin browned’.

(10b) ^{OK}*den-ni derzik’a*   *b-ez-a*
 I-ERG   pumpkin[INAN₁][NOM]   INAN₁-brown-PST(AOR)
 ‘I cooked (lit.: browned) the pumpkin’.

The verb CL-*eza* ‘brown’ is stored in the database in the sample intransitive construction of example (10a). As shown by (10b), the same verb can combine with an ergative NP without undergoing causativization. The verb CL-*eza* is retained as potentially labile.

(11a) *den-ni*   *ingur*   *arχ-on*
 I-ERG   window[INAN₁][NOM]   open-PST(AOR)
 ‘I opened the window’.

(11b) ^{OK}*ingur*   *arχ-on*
 window[INAN₁][NOM]   open-PST(AOR)
 ‘The window was opened’. / ‘The window opened’.

The verb *arχon* ‘open’ is stored in the database with the sample transitive construction in (11a). Example (11b) shows that its ergative NP can be removed without the sentence becoming ungrammatical. The verb *arχon* is retained as potentially labile.

Two observations can be made from the results: first, there is an imbalance between verbs elicited in an intransitive sample construction and verbs elicited in a transitive sample construction. Among the former group, very few are compatible with an ergative argument in their underived form, whereas all tokens of the latter group prove to be grammatical with their ergative argument removed. Although this imbalance cannot be considered significant at this stage, since the construction in which verbs in the database were elicited is arbitrary

(many of them could as well have been elicited from a sentence with the opposite construction), it is worth mentioning as it correlates with the results of this study (which can probably be explained by the verb semantic features that partly guided the choice of the source constructions for elicitation).

Sample construction $V\{S_{NOM}\} + A_{ERG} = *$ in the vast majority of cases.

Sample construction $V\{P_{NOM}, A_{ERG}\} - A_{ERG} =^{OK}$ in all cases.

Secondly, the meaning of constructions with the ergative argument removed is often ambiguous between a passive and an anticausative reading, as illustrated in (11b).

Section 3 is intended to shed light on these two observations.

3. Detecting labile verbs in Andi: Theoretical and practical issues

The method described in section 2 is not sufficient for identifying labile verbs in Andi. It allows to sift out verbs which are undoubtedly not labile — those that cannot combine with an ergative argument in their underived form. However, verbs that are filtered in during the procedure cannot be diagnosed as labile with an equal reliability.

Indeed, Andi displays typological features that are involved in theoretical discussions about the definition of lability and issues for identifying labile verbs. These points and their relation to the typological characteristics at stake have been raised and analyzed by Creissels [2014] using material from four other Nakh-Daghestanian languages, especially from Akhvakh, a language closely related to Andi, as it belongs to the same Andic group.

The typological features that have to be taken into account when studying lability according to Creissels are radical P-alignment, the absence of agent demoting or removing morphology, and the possibility for the agent of any construction to be left unexpressed with an arbitrary (i.e. unspecified) reading.

3.1. Radical P-alignment

According to the definition given by Creissels [2014: 926], a language is said to have a “radical alignment” if its transitive and intransitive constructions present no other formal distinction than the presence vs. absence of a (specific) second NP, as illustrated by (12)–

(13). In the case of radical A-alignment, this NP is the P term, whereas with radical P-alignment, this NP is the A term.

(12) *hetʼinkʼa*   *r-iz-un*
 corn[INAN₂][NOM]   INAN₂-grow-PST(AOR)
 ‘The corn has grown’.

(13) *qχʼurban-di*   *χur*   *r-etʼ-o*
 Qurban-ERG   field[INAN₂][NOM]   INAN₂-plow-HAB
 ‘Qurban plows the field’.

In (13), the only hint that the construction is transitive is the presence of the ergative NP *Qχʼurbandi*. No other feature distinguishes it from the intransitive construction in (12). Transitivity is encoded neither by any markers, neither in cross-reference, since ergative NPs are never encoded in the verb in Andi. The only argument that might be encoded in the verb is the nominative one (which is always present regardless of the transitivity of the construction).

In languages that do not have radical alignment, intransitive and transitive constructions are straightforwardly distinct, e.g. because both the A and P terms are encoded in the verb thanks to cross-referencing affixes, as in Adyghe (14)–(15), or through the use of special markers, as in Mandinka (16)–(17).

ADYGHE [Arkadev et al. 2009: 61]

(14a) *se s-e-kʷe*
 I   1SG.ABS-DYN-go
 ‘I am walking (lit.: I go)’.

(14b) *p̄s̄aʃe-m se se-j̄ə-λeβʷə-r*
 girl-ERG I   1SG.ABS-3SG.ERG-see-PST
 ‘The girl saw me’.

In Adyghe, which has P-alignment, both A and S/P terms are encoded in the verb by the means of cross-referencing prefixes: in the intransitive construction (14a), the S term is encoded in the verb *kʷe* ‘go’ through the prefix *s-*; while in the transitive construction (14b), the P term *se* ‘I’ is encoded in the verb *λeβʷə* ‘see’ through the prefix *se-* (an allomorph of *s-*), and the A term *p̄s̄aʃem* ‘girl’ through the prefix *je-*. Consequently, (15a) and (15b) differ not only in the absence vs. presence of an ergative NP, but also in the absence vs. presence of

a cross-referencing prefix encoding the ergative argument in the predicate. Since Adyghe has non-radical alignment, P-lability is considered “strong” in the framework of Creissels [2014]. Strong lability, which is a strictly formal feature, is a consequence of non-radical alignment and means that the intransitive and transitive uses of a labile verb are distinguished not only by the mere presence vs. absence of a NP, but also by other means. In Adyghe, the intransitive and transitive uses of a P-labile verb are distinguished not only by the presence vs. absence of an A term, but also by the encoding of the A term in the verb of the transitive construction. For example, the transitive use of the verb *wəʂ^wejə* ‘stain’ in (15b) is distinct from its intransitive use in (15a) thanks to the encoding of the A term through the prefix *sə-*.

ADYGHE [Letuchiy 2009b: 415]

(15a) *ʒane-r wəʂ^wejə-r*
 shirt-ABS stain-PST
 ‘The shirt got stained’.

(15b) *se s-jə-ʒane-r sə-wəʂ^wejə-r*
 I 1SG.PR-POSS-shirt-ABS 1SG.ERG-stain-PST
 ‘I stained my shirt’.

In Mandinka, transitive and intransitive constructions are distinguished by markers encoding both TAM and transitivity. In (16a), the marker *tá* suffixed to the verb *jaa* ‘be / become dry’ indicates that the construction is in the completive positive tense and is intransitive. In (16b), the marker *ye*, placed between the A term *kambaan-óo* ‘boy’ and the P term *sāa* ‘snake’, indicates that the construction is in the completive positive tense and is transitive. Consequently, (16a) and (16b) differ not only in the absence vs. presence of an NP, but also in their TAM-transitivity markers.

MANDINKA [Creissels 2015: 2]

(16a) *dendik-óo jaa-tá*
 shirt-DEF be/become_dry-CMP.POS.INTR
til-óo la
 sun-DEF OBL
 ‘The shirt dried up in the sun’.

(16b) *kambaan-óo ye sāa*
 boy-DEF CMP.POS.TR snake.DEF

búsá fál-óo la
 hit stick-DEF OBL
 ‘The boy hit the snake with a stick’.

Because Mandinka has a non-radical alignment, lability in this language qualifies as strong lability. For example, the intransitive and transitive uses of the labile verb *faa* ‘kill / die’ in (17) are distinguished thanks to the aforementioned markers.

MANDINKA [Creissels 2014: 915]

(17a) *saajíy-o faa-ta*
 sheep-DEF kill/die-PF.POS.INTR
 ‘The sheep died’.

(17b) *kew-ó ye saajíy-o faa*
 man-DEF PF.POS.TR sheep-DEF kill
 ‘The man killed the sheep’.

The examples of Adyghe and Mandinka show how non-radical alignment results in strong lability. Conversely, the consequence of radical P-alignment is that “P-lability can only be of the weak type” [Creissels 2014: 932]⁸. Weak lability is the opposite of strong lability — it means that the two uses of labile verbs are not distinguished other than by the presence vs. absence of a (specific) second noun phrase. As illustrated by example (18), again from Andi, the only difference between the two uses (18a) and (18b) is the presence of the ergative NP *denni* in the first one.

(18a) *den-ni derzik’a b-ez-a*
 I-ERG pumpkin[INAN₁][NOM] INAN₁-brown-PST(AOR)
 ‘I cooked the pumpkin’.

(18b) *derzik’a b-ez-a*
 pumpkin[INAN₁][NOM] INAN₁-brown-PST(AOR)
 ‘The pumpkin has cooked’.

What is of particular importance for this paper is that, as a consequence of radical P-alignment, a transitive construction with an unexpressed A term will be formally indistinct from an intransitive con-

---

⁸ Radical A-alignment affects A-lability in the same way as radical P-alignment affects P-lability.

struction, whereas its argument structure is still {agent, patient}. As put by Creissels [2014: 929], “there is no possibility to distinguish patients encoded as the P term of a transitive construction with a missing agent from patients encoded as the S term of an intransitive construction”.

As shown in (18a)=(19a), the verb *CL-eza* ‘brown’ allows the transitive construction. If one removes the ergative NP from this construction, the resulting predication has two possible readings, (18b)=(19b) and (19c). As transitive and intransitive predications are not distinguishable other than by the presence vs. absence of an A term, (19b) and (19c) may be formally identical, but could differ in syntactic transitivity: (19b) could be intransitive, with its nominative argument *derzik’a* encoded as the S term, and (19c) a transitive predication with a missing agent, with its nominative argument *derzik’a* encoded as the P term. As will be shown in section 3.2, this ambiguity affects all labile verbs.

(19a) *den-ni derzik’a b-ez-a*
 I-ERG pumpkin[INAN₁][NOM] INAN₁-brown-PST(AOR)
 ‘I cooked the pumpkin’.

(19b) *derzik’a b-ez-a*
 pumpkin[INAN₁][NOM] INAN₁-brown-PST(AOR)
 ‘The pumpkin has cooked’.

(19c) $\emptyset$ *derzik’a b-ez-a*
 A $\emptyset$ pumpkin[INAN₁][NOM] INAN₁-brown-PST(AOR)
 ‘The pumpkin was cooked (lit. $\emptyset$ cooked the pumpkin)’.

3.2. Unrestricted use of null A’s for the expression of arbitrary agents

As mentioned in section 1, Andi has no agent demoting or removing morphology, i.e. no passive or anticausative derivation. Arbitrary agents, expressed in English through passive constructions such as ‘The mouse was eaten’, are rendered in Andi by the mere non-realization of the A term (cf. (20)). The agent of any construction can be left unrealized to be read as arbitrary.

(20a) *den-ni jofi qχamm-i*
 I-ERG girl[F][NOM] capture-PST(AOR)
 ‘I captured the girl’.

b-ats'-i-j

INAN₁-stick-PST-PF

'A candy has stuck to Patimat'. {one single autonomous participant}

In the absence of a morphosyntactic distinction between intransitive constructions on the one hand and transitive constructions with an unrealized agent on the other hand, the syntactic status of P-lability, including argument structure preserving P-lability, is unclear. In a predication with an unrealized agent read as arbitrary, there is no possibility to determine if it is intransitive, with a semantic patient encoded as an S term, or transitive, with a semantic patient encoded as a P term⁹.

As noted by Creissels [2014: 923], in order to solve this question, one has to determine at which level syntactic transitivity operates in a given language. Only if transitivity is found to apply not to the predicative constructions themselves, but to their realizations, can the Andi alternations of the type *denni jofi qxammi* 'I captured the girl' / *jofi qxammi* 'The girl was captured' be considered labile, because it would imply defining a syntactically transitive construction as a construction in which both A and P are overtly expressed. This question might be a mere matter of interpretation, but it could also be elucidated through syntactic tests.

Nevertheless, this issue is not exactly at stake here, for argument structure preserving lability is of secondary interest against argument structure modifying lability. Indeed, the former is negative to the second criterion for lability stated by Letuchiy [2009a] — a change of semantic roles. The latter type, though, does involve a change of semantic roles, as it consists in an alternation {agent, patient} / {one autonomous participant} of the causative/inchoative type as defined by Haspelmath [1993a].

In a context where verbs allowing the transitive construction are all subject to lability of the passive type, cases of anticausative lability are always ambiguous with passive lability. However, it does not mean

---

⁹ As suggested by Creissels [2014: 923], this uncertainty mirrors the dubiously A-labile alternations such as 'Mary eats the apple' / 'Mary eats', in languages with radical A-alignment. Indeed, as mentioned in section 3.1, radical A-alignment results in A-lability being weak.

that cases of passive lability are always ambiguous with anticausative lability: one has to consider the theoretical existence of verbs lending themselves only to lability of the passive type. Consequently, our goal is to find verbs allowing for anticausative lability (i.e. alongside passive lability), checking them for an alternation in syntactic transitivity. If the syntactic status of passive lability is unclear, attesting an alternation in syntactic transitivity for cases of anticausative lability requires addressing them systematically by means of specific tests. Such lability tests are designed to find if a verb manifestly allowing for the transitive construction allows for the intransitive construction as well. Applied to null-A constructions, these tests are intended to:

1. Clearly separate cases of anticausative lability from those of passive lability by removing the ambiguity between them, which is necessary to explicitly distinguish verbs allowing for both. However, only finding verbs that allow exclusively passive lability can provide the most convincing evidence of an efficient disambiguation.

2. Find which Andi verbs allowing for the transitive construction also lend themselves to null-A constructions with an anticausative reading — as explicitly distinguished from passive readings.

3. Elucidate if anticausative uses of null-A constructions are syntactically intransitive — implying a correlation between the semantic absence of an agent in the described situation and the syntactic absence of an A-term in the construction.

4. The application of lability tests

Four lability tests have been suggested in the literature. They were designed by authors dealing with Nakh-Daghestanian languages in which the detection of labile verbs is rendered difficult by the possibility to omit any argument retrievable from the context, or by other relevant typological features that they share with Andi.

4.1. The reflexive-emphatic pronoun test

The first test, adapted from [Kibrik 1996: 111], who used it for Godoberi, and from [Lyutikova 2001: 380], who applied it to Bagvalal (both of which belong to the Andic branch of the Nakh-Daghestanian family), consists in analyzing the possible readings of the reflexive-emphatic pronoun. Similarly to those languages, Andi displays a pro-

qχur-u-mado

crumble-PST-PROG

‘It is the cookies that are being crumbled (lit.: The cookies themselves are being crumbled)’.

- (26) Ø *tʃaj*   *ʒi-b=gu*   *tsʹad-i-r*
 A_Ø tea[INAN₁][NOM] RFL-INAN₁=EMPH drink-PST-PROG
 ‘Tea is drunk without anything else in it (lit.: Tea itself is drunk)’.

We expect from a labile verb to allow for both reflexive (as in (22)) and emphatic (as in (24)–(26)) readings of the pronoun. This test is applied to verbs lending themselves to the transitive construction to check which ones allow for the reflexive reading of the pronoun *ʒi-CL=gu* in absence of a realized agent. Consequently, *ʒi-CL=gu* is placed before or after the only overt argument of the tested verb. Here are a few examples of tested verbs:

- (27) *ingur*   *ʒi-b=gu*   *arχ-on*
 window[INAN₁][NOM] RFL-INAN₁=EMPH open-
 PST(AOR)
 ‘The window opened by itself’.
- (28) *ʒi-r=gu*   *hintsʹu*
 RFL-INAN₂=EMPH door[INAN₂][NOM]
r-oqχʹ-on
 INAN₂-close-PST(AOR)
 ‘The door closed by itself’.

As a result, all verbs whose semantics allow for a spontaneous event reading in absence of an expressed agent, such as ‘close’ or ‘open’ (something can close or open by itself without the participation of an agent) can easily combine with the reflexive reading of pronoun *ʒi-CL=gu*, see (27) and (28). This is not the case for verbs whose semantics do not allow for a spontaneous event reading, as illustrated by (29).

- (29) *tʃaj*   *ʒi-b=gu*   *tsʹad-i-r*
 tea[INAN₁][NOM] RFL-INAN₁=EMPH drink-PST-PROG
 ?‘Tea drinks by itself’.
 OK‘It is tea that is drunk’.

- (35) *hints':u*   *r-i/d-o!*
 door[INAN₂][NOM]   INAN₂-lock-IMP(TR)
 'Lock the door!'

Verbs that sanction only the intransitive construction cannot form an imperative of the transitive type. We expect from a labile verb to be able to form both imperatives. Hence, the imperative test consists in checking if a verb lending itself to the transitive construction — and thus compatible with the transitive imperative — can form an intransitive imperative as well. As a result, all the primary verbs submitted to this test are found to be able to form an intransitive imperative.

Example (36) shows that the verb *CL-ak'arun* 'gather', which allows the transitive construction in (36a), is compatible with the intransitive imperative in (36b).

- (36a) *qχ'urban-di*   *w-ak'ar-unn-ij*   *ifi<w>a*
 Qurban-ERG   M-gather-PST-PF   home<M>
homoloϑadul
 friend[M].PL[NOM]
 'Qurban gathered friends at home'.
- (36b) *w-ak'ar-u-m-ul,*   *homoloϑadul!*
 M-gather-PST-IMP(ITR)-PL   friend[M].PL[NOM]
 'Friends, gather yourselves!'

Examples (37) and (38) show that the verbs *arχon* 'open' and *qχ'abfon* 'blink' respectively are compatible with both transitive (a) and intransitive (b) imperative markers. As in most cases, the use of the intransitive imperative requires the setting of a fantastic context (cf. (37b) and (38b)).

- (37a) *arχ-on*   *hints':u!*
 open-IMP(TR)   door[INAN₂][NOM]
 'Open the door!'
- (37b) *hints':u,*
 door[INAN₂][NOM]
 **arχ-o-m!* / ^{OK}*arχ-o-m!* (+ fantastic context)
 open-PST-IMP(ITR)
 'Door, open yourself!'

- (38a) *qχ'abf-on*   *hark'obil!*
 blink-PST-IMP(TR)   eye[INAN₁].PL[NOM]
 'Blink eyes!'
- (38b) *hark'obil,*
 eye[INAN₁].PL[NOM]
 **qχ'abf-u-m-ul!* / ^{OK}*qχ'abf-u-m-ul!* (+ fantastic context)
 blink-PST-IMP(ITR)-PL
 'Eyes, blink!'

Positivity to the imperative test can be considered as evidence for compatibility with the intransitive construction. The following test is used in combination with the imperative test to add to the evidence.

4.3. *The imperative addressee test*

The third test was used in [Forker 2013: 493–494] for Hinuq. Its purpose is to corroborate the results of the imperative test. It lies in the assumption morphological selection of the imperative form should correlate with an overt syntactic feature: selection of the argument in the role of imperative addressee. Intransitive imperative constructions select their unique argument as imperative addressee, whereas transitive imperative constructions only allow for the ergative argument as imperative addressee.

What makes Andi all the more sensitive to this test is that the imperative addressee can be overtly expressed not only outside the imperative clause in function of vocative (which takes the unmarked form, as the nominative case), but also within the clause as subject of the imperative predicate. As for any other subject, the imperative subject is inflected for case, which makes apparent if it is an intransitive or a transitive subject. Example (39) features a transitive construction where the imperative addressee expressed as vocative NP *pat'imat* is also overtly expressed as imperative subject NP in the ergative case *menni*¹¹.

- (39) *pat'imat,*   *men-ni*   *b-ed:-o*
 Pat'imat[F]   thou-ERG   INAN₁-leave-IMP(TR)

¹¹ It is noteworthy that an inflected imperative subject cannot be used as a vocative.

vedra!
 bucket[INAN₁][NOM]
 ‘Patimat, leave the bucket!’

Example (40) features an intransitive construction where the imperative addressee is overtly expressed as vocative NP *wofɔ* and imperative subject NP in the nominative case *men*.

(40) *wofɔ, men sabil-i-b!*
 boy[M] thou[NOM] heal-PST-IMP(ITR)
 ‘Boy, recover!’

If a verb can form an intransitive imperative, it should also be able to select the nominative argument of the construction as imperative addressee, which can be identified by its overt expression in functions of both vocative and imperative subject inflected for case. The test is applied to verbs allowing for the transitive construction in combination with the test of the imperative form. As a result, all submitted primary verbs test positive to lability. For example, under the condition of a fantastic context, the verbs CL-*ifdi* ‘lock’ (41), *ɸ^wanqɣ’un* ‘drown’ (42) and *dʒabi* ‘beat’ (43), which are all compatible with the transitive construction (cf. (41a), (42a) and (43a)), can form an intransitive imperative and select their nominative argument as imperative addressee, here visible in the form *men*.

(41a) *pat'ma, hints':u r-ifd-o!*
 Patma[F] door INAN₂-lock-IMP(TR)
 ‘Patma, lock the door!’

(40b) *hints':u, men*
 door[INAN₂] thou[NOM]
r-ifd-i-b! (+ fantastic context)
 INAN₂-lock-PST-IMP(ITR)
 ‘Door, lock yourself!’

(42a) *hindi-w ɸ^wanqɣ'-on!*
 DEM-M[NOM] drown-IMP(TR)
 ‘Drown him!’

(42b) *gama, men*
 boat[INAN₁] thou[NOM]

β^wanqχ'-u-m! (+ fantastic context)
 drown-PST-IMP(ITR)
 'Boat, drown!'

(43a) *pozarnif-di zarzal dzab-i*
 fireman.OBL-ERG bell[INAN₁][NOM] beat-PST(AOR)
 'The fireman rang the bell'.

(43b) *zarzal, men dzab-i-b* (+ fantastic context)
 bell[INAN₁] thou[NOM] beat-PST-IMP(ITR)
 'Bell, toll!'

The verbs that test positive to both morphological and syntactic imperative tests joined together are *dzabi* 'beat', *qχ'abfun* 'blink', *ruto* 'unfasten', *arχon* 'open', CL-*iχo* 'untether', *qχ'urun* 'crumble', CL-*ifdi* 'lock', CL-*ak'arun* 'gather', *β^wanqχ'un* 'sink', *obi* 'touch', CL-*ats'i* 'stick', and *ts'enni* 'preserve'. The two imperative-related tests combined bring up consistent results in favor of all primary verbs being compatible with the intransitive construction, which is distinguished from the transitive one by the morphology of the imperative mood.

4.4. Test of the involuntary agent construction

The last test was used in [Haspelmath 1993: 291–293] for Lezgi, a Nakh-Daghestanian language remotely related to Andi. Similarly to Lezgi, Andi displays a bivalent construction in which the agent, marked by a spatial case, performs an action by accident, typically because of a wrong movement. When modified by a converb meaning 'unknowingly', the semantics of the construction is extended to involuntary events not involving physical accidents. The involuntary agent is marked by the contelative case¹², dedicated to the expression of a movement from a position of contact. The specificity relevant to the present matter is that this construction is syntactically intransitive. Indeed, it is allowed by all verbs lending themselves exclusively to the intransitive construction, if the latter are semantically compatible with it. However, it is not allowed with verbs that are overtly marked for transitivity, i.e. causativized verbs.

¹² The contelative case is marked by a combination of two suffixes: the contlocative case marker *-tʃu*, and the elative marker *-k:u*.

- (44a) *piqxi* *zarxu-u-j*
 fruit[INAN₁][NOM] freeze-PST-PF
 ‘The fruits have frozen’.
- (44b) *zadaj-di* *piqxi* **zarxu-u-j*
 Zaday-ERG fruits[INAN₁][NOM] freeze-PST-PF
 / ^{OK}*zarxu-ol-i-j*
 freeze-CAUS-PST-PF
 ‘Zaday has frozen the fruits’.
- (44c) *di-tf'u-k:u* *ts'inn-i-tf'igu*
 I.OBL-CONT-EL know-PST-CVB.NEG
piqxi *zarxu-u*
 fruit[INAN₁][NOM] freeze-PST(AOR)
 / **zarxu-ol-i*
 freeze-CAUS-PST(AOR)
 ‘I have involuntarily let the fruits freeze’.
- (44d) ^{OK}*den-ni* *ts'inn-i-tf'igu*
 I-ERG know-PST-CVB.NEG
piqxi *zarxu-ol-i*
 fruit[INAN₁][NOM] freeze-CAUS-PST-PF
 ‘I have involuntarily let the fruits freeze’.

The verb *zarxu* ‘freeze’ uses the intransitive construction (44a) and cannot use the transitive one without undergoing causativization (44b). The involuntary agent construction is possible with the primary form of the verb *zarxu*, but not with its causativized form *zarxu-ol-i* (44c). The latter requires the agent to be marked in the ergative (44d)¹³.

The involuntary agent construction is thus expected to be allowed only by verbs lending themselves to the intransitive construction, which can be used as a lability test if applied to verbs already identified as compatible with the transitive construction. As expected, all tested primary verbs are suitable for the involuntary agent construction if their semantics allows for a spontaneous event

---

¹³ As opposed to the involuntary agent construction, the transitive construction is unmarked for the agent voluntariness, i.e. it does not exclude that the action is performed involuntarily, and can also combine with the converb meaning ‘unknowingly’.

reading, i.e. if it does not require strong agentivity properties from the agent. Examples (45)–(47) are illustrations of verbs that test positive:

- (45) *di-tf'u-k:u*   *ts'inn-i-tf'igu*
 I.OBL-CONT-EL   know-PST-CVB.NEG
rotl'i   *k'amm-i*
 bone[INAN₂][NOM]   eat-PST(AOR)
 'I involuntarily swallowed a bone'.
- (46) *di-tf'u-k:u*   *ts'inn-i-tf'igu*
 I.OBL-CONT-EL   know-PST-CVB.NEG
famm-i   *ʒan*
 throw-PST(AOR)   bread[INAN₁][NOM]
 'I involuntarily threw away the bread'.
- (47) *hedef-tf'u-k:u*   *ts'inn-i-tf'igu*
 DEM.OBL.M-CONT-EL   know-PST-CVB.NEG
dʒab-i   *gedu*
 beat-PST(AOR)   cat[AN][NOM]
 'He involuntarily killed (lit.: beat) a cat'.

The results are summarized in Table 2, which shows that the verbs that test negative are those whose semantics do not meet the aforementioned requirement, in that their agent must be strongly agentive.

Table 2. Results of the involuntary agent construction test

Verbs tested positive		Verbs tested negative
<i>fammi</i> 'throw'	CL- <i>i/di</i> 'lock'	<i>ts'enni</i> 'preserve'
CL- <i>aʒo</i> 'end up'	<i>arʒon</i> 'open'	<i>if:i</i> 'give'
<i>dʒabi</i> 'kill'	<i>fʒnni</i> 'smell'	CL- <i>uʒi</i> 'take off'
<i>k'amm-i</i> 'eat'	CL- <i>uqʒ'i</i> 'cut'	<i>t'anni</i> 'pull'
CL- <i>eʒa</i> 'fry'	CL- <i>oqʒ'on</i> 'close'	CL- <i>ufo</i> 'paint'
<i>qʒurun</i> 'crumble'		CL- <i>ed:o</i> 'leave'

4.5. Results of the lability tests

The four lability tests produce consistent and straightforward results: all primary verbs allowing the transitive construction also lend themselves to the intransitive construction.

The only verbs that test negative to all four tests are derived verbs containing either a causative or a factitive marker. For deriving

verbs from adjectives or adverbs, Andi features two suffixes in equipollent distribution¹⁴: the factitive suffix */-jd/*, which means ‘to render something X’, and the inchoative¹⁵ suffix */-t/*, which means ‘to become X’, in both cases of which X is the property denoted by the stem. Applied to the same verb, these two suffixes describe the same process with the exception that factitive */-jd/* implies the necessary presence of a semantic agent in the argument structure, whereas inchoative */-t/* does not “hint at the causality chain” [Creissels 2014: 935] of the event, expressing spontaneous changes of state. The causative suffix in */-ol/* (realized *[-ot]* before the vowel *i*), which derives verbs from other verbs, encodes the presence of a semantic agent in the same manner as the factitive suffix. Both factitive and causative suffixes have a correlate that does not imply the action of an agent: the form derived through by the inchoative suffix and the primary form of the verb respectively. Therefore, in absence of a semantic agent in the argument structure, it is not surprising that the more neutral form is selected against that which is overtly marked for the presence of an agent.

Examples (48) and (49) illustrate the incompatibility of the intransitive construction with the factitive marker and with the causative marker respectively.

- (48) *motʃi*   *ʒi-w=gu*   **savi-jd-es:a*
 child[M][NOM]   RFL-M=EMPH   healthy-FCT-FUT.NEG
 / ^{OK}*savi-t-es:a*
 healthy-INCH-FUT.NEG
 ‘The child isn’t going to heal by himself’.
- (49) **χadizka-tʃu-k:u*   / ^{OK}*χadizka-di*
 Khadizhka-CONT-EL   Khadizhka-ERG

¹⁴ Haspelmath [1987: 4] called “equipollent” an alternation in which “both alternants are symmetrical, i.e. in most cases both are marked, e.g. by means of root affixes”.

¹⁵ In [Haspelmath 1993b: 90], “an inchoative verb meaning” is opposed to a “causative verb meaning” in that “it excludes a causing agent and presents the situation as occurring spontaneously”. In that sense, the equipollent factitive / inchoative pair of derivational suffixes is an alternation of the causative / inchoative type.

<i>ts'inn-i-t'igu</i>	<i>igrufka</i>
know-PST-CVB.NEG	toy[INAN ₁][NOM]
<i>b-uk:-ot-i</i>	
INAN ₁ -fall-CAUS-PST(AOR)	
‘Khadizhka involuntarily dropped a toy’.	

One can evaluate the lability tests according to the objectives mentioned in section 3.3. The reflexive-emphatic pronoun test helps to semantically disambiguate anticausative and passive uses of null-A constructions, but does not allow to clarify the syntactic status of anticausative lability — i.e. to show that it implies a change in syntactic transitivity. As for the three other tests, they show that anticausative uses of null-A constructions are indeed intransitive, and hence that anticausative lability does imply a change in syntactic transitivity. However, none of these tests evince any syntactic difference between passive and anticausative lability. Indeed, only the existence of verbs that allow exclusively for passive lability would prove that the syntactic status of the latter is different from that of anticausative lability. The tests show that all verbs which use the transitive construction lend themselves to anticausative lability. Semantic incompatibility with lability, i.e. unfitness for a spontaneous event interpretation, proves not to be a constraint on syntactic lability, as it can be overridden during elicitation by setting a particular context, fantastic or other, in the application of the reflexive-emphatic pronoun or the imperative tests. Consequently, the reflexive-emphatic pronoun test enables a semantic disambiguation, but no test allows for a syntactic distinction. Therefore, objective 1 — disambiguation between passive and anticausative uses of null-A constructions — is met only partially. As to objectives 2 and 3 — identifying verbs that allow anticausative lability and checking the latter for a change in syntactic transitivity, — they are fulfilled by the three last tests.

None of the tests used above allow to distinguish a syntactic class of labile verbs. They all seem to be semantic tests rather than syntactic. This is not surprising, given that, according to Letuchiy [2013: 44], hardly any tests ever reveal a syntactic class of labile verbs in typology: lability tests usually distinguish uses of verbs rather than lexemes, which is why lability can be likened to a semantic derivation.

5. Conclusions on transitivity in Andi

Having in mind that all primary verbs using the transitive construction are P-labile provides a better understanding of how Andi primary verbs differ in their transitivity properties. As noted by Creissels [2014: 934] regarding Akhvakh “and other languages that share the relevant typological features”, the traditional contrast “intransitive” vs. “transitive” verbs is substituted in Andi by a distinction between “[verbs] that [can] combine with an ergative NP in their non-derived form, and [verbs] with which the presence of an ergative NP representing an agent must be licensed by causative derivation”. The former group of verbs could be defined as “transitive” only in the sense that strict transitivity does not exist in Andi, whereas the latter group can qualify as “strictly intransitive”.

The four lability tests substantiate the view that anticausative lability is as pervasive as passive lability in Andi, since both types are shown to apply to all members of the same class of verbs. It confirms Creissels’s analysis, according to which whatever results were described in the grammars of Godoberi and Bagvalal, “the tests in question do not really make apparent syntactic distinctions between the transitive verbs that can be used intransitively with an anticausative meaning and the other transitive verbs” [Creissels 2014: 932]. Indeed, according to Lyutikova [2001: 378] and Kibrik [1996: 110], the tests make it possible to delineate a rather restricted class of labile verbs; however, it seems that the verbs that are excluded as non-labile are either causative verbs or primary verbs semantically incompatible with a spontaneous event reading. The systematic application of the same tests to Andi verbs previously identified as using the transitive construction, including those semantically incompatible with lability, makes it possible to draw a different map.

This procedure does not reveal any syntactic difference between argument structure preserving lability and argument structure modifying lability, which supports Creissels’s view that “the distinction between [them] is of rather semantic than syntactic nature, all transitive verbs being syntactically weakly labile” [Creissels 2014: 932].

If, in Andi, anticausative lability is syntactically equivalent to passive lability, the question remains whether this syntactically homogeneous lability does involve an alternation in syntactic transitivity or not. In other terms, is a null-A construction, read as anticausative or

passive depending on the context, syntactically transitive ($V\{(A), P\}$) or intransitive ($V\{S\}$)?

Without explicitly raising the question, Creissels brought it down to that of the operation level of syntactic transitivity, which can be considered to receive an answer in the two following statements combined:

In languages that have radical alignment, the transitive and intransitive predications can be described as instances of a single predicative construction including an obligatory morphosyntactic slot shared by S and one of the core terms of the transitive predication (either A or P), and an optional morphosyntactic slot whose instantiation depends on the transitivity properties of the verb, for the other core term of the transitive predication. [Creissels 2014: 926]

In languages with radical P-alignment, the existence of a distinction between intransitive predications and transitive predications with a null-A is ensured only if there are transitive verbs with which, either an NP in A role is obligatorily present, or the absence of an NP in A role, if not licensed by a detransitivizing derivation, obligatorily triggers an anaphoric reading. [Ibid.: 930]

In languages with radical P-alignment, but a restricted use of null agents, a distinction between transitive and intransitive predications exists, but lies entirely in the transitivity properties of the verb: if the argument structure of the verb implies an agent, the A slot has to be instantiated, whereas if it does not, the A slot remains empty. In languages which combine P-radical alignment with an “unrestricted use of an arbitrary reading of null A’s” [Creissels 2014: 924], though, the A slot is not instantiated every time a verb implies the participation of an agent, since underlyingly present, but pragmatically demoted agents are unrealized.

Considering that unrestricted weak lability blurs any distinction between intransitive and transitive predications, even a formal one (which exists in languages with non-radical alignment), and supported by his analysis of the lability tests applied to Godoberi and Bagvalal, Creissels concluded that the absence of a formal distinction may equal an absence of syntactic distinction. In other words, the only existing distinction between transitive and intransitive predications lies in the realization of the A term: syntactic transitivity operates not on the

predicative constructions, since there is only one construction formally and syntactically, but on their realizations¹⁶. The systematic application of four lability tests to Andi verbs substantiates this assumption.

Further evidence might be provided by an analysis of the syntactic status of passive lability in Andi. If syntactic transitivity does operate at realizations level, argument structure preserving P-lability has to involve a change in syntactic transitivity in the same way as argument structure modifying P-lability does, and one should be able to prove it through lability tests. Nevertheless, this task appears to be more complex than for anticausative lability. The only test I have thought of so far is that of the imperative form. The use of intransitive imperatives in the context of an unspecified agent represented by an empty A slot would corroborate our claim, whereas that of transitive imperatives would rather challenge it.

However, the elicitation of imperatives in that context proved to be difficult for two reasons, and might even be inadequate. On the one hand, the imperative of semantically satisfactory sentences such as ‘My son, be praised’, ‘My daughter, be rewarded’ or ‘My friend, be blessed’ is rendered in Andi by complex sentences using a main intransitive clause and a circumstantial subordinate clause (cf. (50)).

(50) Stimulus: ‘Boy, be praised’

wofɔ, fu-w x^wad-u-m adam-di
 boy[M] good-M behave-PST-IMP(ITR) people-ERG
w-ets:iqχ-ijal-ʔa!

M-praise-PTCP:NPST.OBL-SUPER

‘Boy, behave yourself so as to be praised (lit.: behave yourself well on being praised by people)’.

On the other hand, semantically dubious sentences where the agentivity properties of the imperative subject are not consistent with the use of a passive imperative, such as ‘Door, be closed’, if ever

---

¹⁶ This hypothesis necessitates that cases of unexpressed agents which are retrievable by context (as in Russian *Misha razbil chashku togda zhe, kogda razbil tarelku* ‘Misha broke the cup at the same time as Ø broke the plate’), which are common in Andi, be excluded from cases of ‘unrealized’ agents. This is possible if we consider that, if retrievable by context (and hence not arbitrary), an agent does instantiate the A slot, be it formally absent in the sentence.

allowed by any speakers, should be interpreted by them as instances of anticausative, rather than passive situations ('door, close yourself!'), because a door cannot do anything so as to be closed by someone, which neutralizes the test's applicability. It is therefore necessary to add an NP representing the agent. I tried to elicit such sentences with one consultant. He translated 'Door, be closed by the child!' by a causative (transitive) imperative form in a sentence meaning 'Door, make the child close you' (cf. (51)).

- (51) Stimulus: 'Door, be closed by the child!'
hints 'u,   *motf* 'i:u-<r>o
 door[INAN₂]   child.OBL:M-AFF<INAN₂>
men=gu   *r-ɪd-oll-o!*
 thou[NOM]=EMPH   INAN₂-close-CAUS-IMP(TR)
 'Door, make the child close you!'

The least unsuitable candidates for elicitation would be situations which cannot even be interpreted as anticausative, like 'Floor, be swept!', because the spontaneous event reading is unavailable due to the semantic properties of the verb ([#]'Floor, sweep yourself!'), which require the involvement of an agentive participant. These kinds of sentences might therefore be read as involving an unexpressed agent and translated through an imperative, in the absence of any reliable semantic context. If ever possible, an occurrence of intransitive imperatives with a passive meaning would all the more support the present assumption if elicited in combination with an ergative NP expressing a demoted agent. Indeed, the presence of a demoted ergative agent in combination with an intransitive imperative with a nominative addressee would evince that such a construction has a passive meaning. However, the elicitation of such nonsensical sentences is doubtfully possible with hardly any speaker. So far, my only attempt to elicit such a sentence was unsuccessful. Indeed, the speaker translated 'Saucepan, be washed!' by an intransitive (inchoative) verb in a sentence which was retranslated as 'Saucepan, wash yourself!', i.e. an anticausative event (cf. (52)).

- (52) Stimulus: 'Saucepan, be washed!'
χagi,   *men*=gu
 saucepan[INAN₂] thou[NOM]=EMPH

r-erts':omi-l-i-b!

INAN2-clean-INCH-PST-IMP(ITR)

'Saucepan, wash yourself (lit.: become clean)!

Besides, even if such sentences were translatable through transitive imperatives, this would not be a reliable result because of their absurdity.

Above all, the imperative test could simply be inadequate because of its probable strictly semantic nature. Indeed, if verbs can be incompatible with the intransitive imperative pattern solely because they cannot express a spontaneous event (which is the present claim), it means that this pattern cannot be used but in an anticausative sense. Therefore, the incompatibility of the intransitive imperative pattern with a passive interpretation is not only probable (otherwise we would expect its compatibility with factitive and causative verbs), but could also not be apt to invalidate Creissels's hypothesis.

Testing null-A constructions with a passive interpretation therefore appears to be a difficult, not to say impossible task. However, the difficulty of testing passive-like contexts independently from their anticausative counterparts shows how much they are intertwined in the semantics of null-A constructions when not restricted by morphological features overtly signaling the presence of a semantic agent.

6. Summary

In this analysis of lability in Andi, two issues were discussed: (i) Which are the Andi labile verbs and by which methods were they identified? (ii) What is the specificity of Andi lability and what conclusions can be drawn about transitivity in Andi?

In order to identify and study Andi labile verbs, one has to make a difference between anticausative and passive lability, the former being "more labile" than the latter. It is also necessary to take into account three typological features: radical P-alignment, the absence of agent demoting or removing morphology, and the absence of restrictions on arbitrary readings of null-A constructions. Indeed, in such a context, all transitive verbs are subject to passive lability, and cases of anticausative lability are always ambiguous with passive lability. The tests designed to disambiguate anticausative from passive uses of null-A transitive verbs show that all primary transitive verbs

lend themselves to both passive and anticausative lability. This result allows to conclude that there is probably no syntactic difference between passive and anticausative lability in Andi, both involving a change in syntactic transitivity. This finding corroborates Creissels's theory that in languages sharing with Andi the relevant typological features, transitivity operates not at the level of predicative constructions, but at the level of their realizations. Testing cases of passive lability for intransitivity might help to provide further evidence, but this task is more complex than the testing of anticausative lability.

Abbreviations

ABS — absolutive (Adyghe); AFF — affective case; AN — animate gender; AOR — aorist; CAUS — causative derivation; CL — gender (class) marker; CMP — completive (Mandinka); CONT — contlocative case; CVB — converb; DEF — definite (Mandinka); DEM — demonstrative; DYN — dynamicity (Adyghe); EL — elative; EMPH — emphatic particle; ERG — ergative case; ESS — essive; F — feminine gender; FCT — factitive derivation; FUT — future; GEN — genitive case; GEN1 — genitive case 1 (Hinuq); HAB — habitual; IMP(ITR) — intransitive imperative; IMP(TR) — transitive imperative; IN — illocative case (Hinuq); INAN1 — first inanimate gender; INAN2 — second inanimate gender; INCH — inchoative derivation; INTR — intransitive; LAT — lative; M — masculine gender; NEG — negation; NOM — nominative case; OBL — oblique; PF — perfect; POS — positive (Mandinka); POSS — alienable possession (Adyghe); PR — possessor (Adyghe); PROG — progressive; PRS — present (Hinuq); PST — past stem; PTCP:NPST — non-past participle; RFL — reflexive; SUPER — superessive case; TR — transitive.

References

- Aglarov 2002 — M. A. Aglarov. *Andiytsy: Istoriko-etnograficheskoye issledovaniye* [The Andi People: A Historico-Ethnographic Study]. Makhachkala: Yupiter, 2002.
- Arkadyev et al. 2009 — P. M. Arkadyev, Yu. A. Lander, A. B. Letuchiy, N. R. Sumbatova, Ya. G. Testelets. *Osnovnyye svedeniya ob adygeyskom yazyke* [General information about the Adyghe language]. Ya. G. Testelets (ed.). *Aspekty polisintetizma: ocherki po grammatike adygeyskogo yazyka* [Aspects of Polysynthetism: A Grammar Sketch of the Adyghe Language]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2009. P. 17–120.
- Creissels 2014 — D. Creissels. P-lability and radical P-alignment. *Linguistics*. 2015. Vol. 52. Iss. 4. P. 911–944.

- Creissels 2015 — D. Creissels. Valency properties of Mandinka verbs. A. Malchukov, B. Comrie (eds.). *Valency Classes in the World's Languages*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2015. Vol. 1. P. 221–260.
- Dirr 1906 — A. M. Dirr. Kratkiy grammaticheskiy ocherk andiyskago yazyka [Brief Grammar Sketch of the Andi Language]. (Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza 32). Tiflis: Upravleniye Kavkazskogo uchebnogo okruga, 1906.
- Dixon 1994 — R. M. W. Dixon. *Ergativity*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Forker 2013 — D. Forker. *A Grammar of Hinuq*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2013.
- Haspelmath 1987 — M. Haspelmath. Transitivity Alternations of the Anticausative Type. (Abteilung Allgemeine Sprachwissenschaft: Arbeitspapier 5). Köln: Institut für Linguistik, Universität zu Köln, 1987.
- Haspelmath 1993a — M. Haspelmath. More on the typology of inchoative / causative verb alternations. B. Comrie, M. Polinsky (eds.). *Causatives and Transitivity*. (Studies in Language Companion Series 23). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1993. P. 87–121.
- Haspelmath 1993b — M. Haspelmath. *A Grammar of Lezgian*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 1993.
- Kibrik 1996 — A. A. Kibrik. Transitivity in lexicon and grammar. A. E. Kibrik, S. G. Tatevosov, A. Eulenberg (eds.). *Godoberi*. Munich: Lincom Europa, 1996. Vol. 2. P. 107–142.
- Letuchiy 2009a — A. B. Letuchiy. Towards a typology of labile verbs: Lability vs. derivation. P. Epps, A. Arkhipov (eds.). *New Challenges in Typology: Transcending the Borders and Refining the Distinctions*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2009a. P. 247–268.
- Letuchiy 2009b — A. B. Letuchiy. Kauzativ, dekauzativ i labilnost [Causative, anticausative and lability]. Ya. G. Testelets (ed.). *Aspekty polisintezma: Ocherki po grammatike adygeyskogo jazyka* [Aspects of Polysynthesism: A Grammar Sketch of the Adyghe Language]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2009b. P. 372–428.
- Letuchiy 2010 — A. Letuchiy. Lability and spontaneity. P. Brandt, M. Garcia García (eds.). *Transitivity: Form, Meaning, Acquisition, and Processing*. Amsterdam: John Benjamins, 2010. P. 237–255.
- Letuchiy 2013 — A. B. Letuchiy. Tipologiya labilnykh glagolov [Typology of Labile Verbs]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2013.
- Ljutikova 2001 — E. A. Ljutikova. Labilnyye glagoly [Labile verbs]. A. A. Kibrik, S. G. Tatevosov, E. A. Ljutikova, K. I. Kazenin (eds.). *Bagvalinskiy yazyk: Grammatika. Teksty. Slovari* [The Bagvalal

- Language: Grammar. Texts. Lexicons]. Moscow: A. M. Gorky Institute of World Literature RAS; Naslediye, 2001. P. 377–383.
- Rasprostranennost vladeniya yazykami po subektam Rossiyskoy Federatsii [Rate of spoken languages by constituent entities of the Russian Federation]. Russian Federal State Statistics Service, 2002. Available at: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=78> (accessed on 25.12.2019)
- Salimov 1968 — Kh. S. Salimov. Gagatlinskiy govor andiyskogo yazyka [The Gagatl Dialect of the Andi Language]. PhD Thesis. G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of Dagestan Scientific Centre RAS, Makhachkala, 1968.
- Suleymanov 1957 — Ya. G. Suleymanov. Grammaticheskiy ocherk andiyskogo yazyka (po dannym govora s. Rikvani) [A Grammar Sketch of Andi (Rikwani Dialect)]. Moscow: Institute of Linguistics AS USSR, 1957.
- Tsertsvadze 1965 — I. I. Tsertsvadze. Andiuri ena [The Andi Language]. Tbilisi: Metsniereba, 1965.

ПОЛИСЕМИЯ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ГОРНОМАРИЙСКОГО ПОКАЗАТЕЛЯ *-LA*¹

Ю. В. Синицына

Московский государственный университет
им. Ломоносова, Москва
jv.sinitsyna@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается функционирование горномарийского показателя сравнительного падежа *-la* в сравнительных конструкциях и в сочетании с глаголами *čičaš* ‘казаться’ и *kajaš* ‘видеться’. Показаны семантические и синтаксические различия конструкций с показателями *-la* и *gan*’. Проанализировано употребление суффикса в конструкциях с глаголами типа *čičaš* ‘казаться’, и приведены доводы в пользу того, чтобы на синхронном уровне считать этот маркер в таком употреблении транскатегориальным показателем, выполняющим функцию комплементаризера.

Ключевые слова: марийский язык, симилятивный падеж, эквативный падеж, эквативные конструкции, симилятивные конструкции, стандарт сравнения.

Polysemy and morphological status of the Hill Mari marker *-la*

Yu. V. Sinitsyna

Lomonosov Moscow State University, Moscow
jv.sinitsyna@yandex.ru

Abstract. This paper addresses the use of the similitive case affix *-la* in equative constructions and in combination with the verbs *čičaš* ‘seem’ and *kajaš* ‘be visible’ in Hill Mari. The data were collected in the villages of Kuznetsovo and Mikryakovo (Mari El Republic, Russia) in 2016–2018.

Affix *-la* can function as a marker of comparison standard along with *gan*’ with the difference that *gan*’ appears as a standard marker in

---

¹ Исследование поддерживается грантом РФФИ № 19-012-00627.

both equative and similitive constructions, while *-la* is only found in the latter. When addressing the syntactic properties of both markers, the paper looks into the use of *-la* and *gan'* with comparison standards structured as NPs that derive their case assignment in compliance with that of the comparee. Standards of comparison marked by *-la* can be associated with only comparees that function as either subjects or direct objects.

This marker, however, can occur with a locative argument marked for the inessive case where an attributive suffix is added, with illative arguments inaccessible to *-la*, since the attributive suffix is not compatible with the illative case. When combined with the illative, the similitive suffix *-la* changes its meaning to show that the direction indicated by the illative case is approximate. Comparison standard NPs with *gan'* show no restrictions on their syntactic positions or case assignment.

The paper also considers the use of *-la* as a subordinator of dependent clauses in constructions with the verbs *čučaš* 'seem' and *kajaš* 'be visible'. Traditionally, scholars include this function among those of the similitive case. In Mikryakovo subdialect, however, the verb *čučaš*, apart from nominalizations, can also take finite verbs marked by *-la* as sentential complements. Thus, in this context *-la* demonstrates properties of a transcategorial affix rather than those of a case marker and its function can be described as that of a complementizer.

Keywords: Hill Mari, similitive case, equative case, equative constructions, similitive constructions, standard of comparison.

1. Введение

Настоящее исследование посвящено анализу функционирования суффикса *-la* в горномарийском языке (марийский < финно-угорский < уральский). В грамматиках этот суффикс традиционно определяется как показатель сравнительного падежа, или компаратива. Последний термин не совсем корректен. Суффикс *-la* употребляется в сравнительных конструкциях со значением равенства (другое название таких конструкций — эквативные) и маркирует сходство одного действия или предмета с другим действием или предметом, как, например, в (1). В соответствии с современной терминологией, более правильно называть *-la* эквативом (по общему названию конструкций, в которых

он употребляется) или симилятивом — с учетом его семантических особенностей, подробнее о которых будет сказано в следующих разделах. Далее в настоящей работе *-la* называется симилятивом и глоссируется как SIM.

- (1) *peʹa*   *povar-la*   *kačk-aš*   *jämdäl-ä*
 Петя   повар-SIM   есть-INF   готовить-NPST.3SG
 ‘Петя готовит, как повар’.

Типологически эквативный (в широком смысле) падеж больше характерен для тюркских [Menges 1968: 110] и других алтайских языков [Рамстедт 1957: 51–53]. В языках финно-угорской семьи эквативный падеж тоже встречается, см., например, данные марийского и коми в [Oszky, Ponomareva 2010: 20–22].

На данный момент область сравнительных конструкций со значением равенства и, как следствие, употребляющиеся в них маркеры стандарта сравнения (которые могут быть в том числе и падежными) изучены гораздо менее подробно по сравнению с другими компаративными конструкциями.

В первую очередь стоит отметить исследование [Haspelmath, Buchholz 1998], посвященное сравнительным конструкциям со значением равенства в европейских языках. В 2017 г. вышел сборник [Treis, Vanhove 2017], призванный заполнить нишу в типологическом описании эквативных и симилятивных конструкций и проанализировать межъязыковую вариативность в выражении значений симилятивности и эквативности.

Материалы были собраны в ходе экспедиций, организованных МГУ в с. Микряково и Кузнецово, а также в близлежащие деревни Горномарийского р-на Республики Марий Эл в 2016–2018 гг. Основной метод сбора данных — анкетирование информантов. Использовались как стимулы на русском языке для перевода, так и созданные автором предложения на горномарийском языке для оценки их грамматичности. Экспедиционные горномарийские примеры приводятся в фонологической транскрипции; в примерах из других источников сохранена система записи источника.

Статья имеет следующую структуру: раздел 2 посвящен краткому обзору падежной системы горномарийского языка, а также функций сравнительного падежа в этом языке, описываемых

в литературе. В разделе 3 будут рассмотрены семантические и синтаксические особенности конструкций с показателем *-la* и с другим маркером стандарта сравнения *gan* 'как'. Раздел 4 посвящен обсуждению особенностей употребления *-la* с глаголами *šičaš* 'казаться' и *kajaš* 'видеться'. Итоги будут подведены в разделе 5.

2. Падежная система горномарийского языка и функции *-la*

Система падежей мариийских языков (и горномарийского в частности) по разным источникам насчитывает от 7 [Пенгитов (отв. ред.) 1961] до 11 [Саваткова 2002] падежей. Их состав зависит от того, какие показатели с обстоятельственным значением признаются падежами. Неоднозначный статус имеют те из них, которые выражают нетривиальные с традиционной точки зрения значения, менее частотные для падежей².

Суффикс *-la* не упоминается в первых описаниях мариийских языков (например, [Castren 1845; Wiedemann 1847]). В работах XX в. мнения относительно его статуса разделились. Так, точка зрения, согласно которой такие формы следует считать наречными, представлена, например, в [Кармазин 1925; Пенгитов 1956].

В последние десятилетия падежный статус *-la* не подвергается сомнению. В [Тужаров 1987: 94–95] приведены следующие критерии, по которым формы на *-la* стоит считать падежными: «склоняемые имена в сравнительном падеже регулярно выступают в формах единственного и множественного числа»; «склоняемые имена в компаративе могут оформляться всеми притяжательными суффиксами»; «словоформы в сравнительном падеже могут определяться именами прилагательными, существительными, числительными, местоимениями и причастиями».

---

² Так, одни показатели (например, латив и комитатив), не считавшиеся падежными в более ранних работах [Castren 1845; Пенгитов (отв. ред.) 1961], но при этом однозначно являющиеся суффиксами, находят место в системе падежных показателей согласно более поздним работам [Тужаров 1987; Alhoniemi 1993; Саваткова 2002]. Другая группа показателей (например, аблатив *gäc*, инструктив *don*), которые причисляет к падежным только М. Кастрен [Castren 1845: 11–12], авторами современных грамматик относится к классу послелогов.

Основное значение суффикса сформулировано следующим образом: «выражение сравнения действия или состояния одного предмета с действием или состоянием другого» [Тужаров 1987: 91]; «обозначает он характер действия одного лица или предмета, сравнивая его с действием другого лица или предмета» [Учаев, Ефремов 1998: 77]. Другими словами, *-la* оформляет стандарт сравнения в сравнительных конструкциях со значением равенства (терминология взята из [Haspelmath, Buchholz 1998]):

- (2) *tädä jüksä-lä i-eš*
 тот лебедь-SIM плавать-NPST.3SG
 ‘Она плавает как лебедь’.

Кроме этого, суффиксу *-la* приписывается ряд других значений. В Таблице 1 представлены его функции по [Саваткова 2002] и [Alhoniemi 1993]. В исследуемых говорах были найдены все указанные контексты, и далее в тексте для каждого значения из Таблицы 1 приведен пример из наших собственных полевых данных.

Таблица 1. Функции горномарийского показателя *-la*
 Table 1. Functions of the Hill Mari marker *-la*

	[Саваткова 2002: 101–102; 251]	[Alhoniemi 1993: 59]
Падёжный суффикс	Сравнение (2) Кажущаяся мера, степень (3) Возможное возмещение платы, обмена (4) В конструкции «играть во что-то» (5)	Обстоятельство, выражающее сходство (2) Предикативное обстоятельство с глаголами чувственного восприятия (3) Обстоятельство, выражающее цену (4) Обстоятельство, выражающее игру (5) Обстоятельство, выражающее язык, на котором говорят (6)
Наречный суффикс	Образование наречий со сравнительным значением от существительных, прилагательных, местоимений и причастий (6) Образование наречий со значением приблизительности от наречий (7)	

Пример (3) иллюстрирует употребление *-la* в качестве маркера зависимого при глаголе *čičaš* ‘казаться’. Подробно такие конструкции будут рассмотрены в разделе 4.

- (3) *tädä kogo-la čič-eš*
 тот большой-SIM казаться-NPST.3SG
 ‘Он кажется большим’.

Стоит отметить расхождение в рассматриваемых источниках названий функции, проиллюстрированной примером (4). Равнозначными эти формулировки считать нельзя, т. к. в работе [Ганенков 2002] обосновано разведение значений обменного эквивалента при глаголе со значением МЕНЯТЬ НА X и цены при глаголе ПОКУПАТЬ ЗА X. В горномарийском *-la* используется для выражения значения обменного эквивалента при глаголе *vaštaltāš* ‘менять’ (4a), однако для выражения значения цены при глаголе *näläš* ‘брать, покупать’ этот показатель оказывается неграмматичным для большинства опрошенных (4б). Таким образом, *-la* может выступать только в качестве маркера обменного эквивалента.

- (4a) *nänä olma-m višn’ä-lä vaštalt-en-ät*
 они яблоко-ACC вишня-SIM обменять-PRET-3PL
 ‘Они поменяли яблоки на вишню’.

- (4б) *män’ ti kurtkâ-m täžem tängä-eš*
 я этот куртка-ACC тысяча рубль-LAT
 / ?? *tängä-lä näl-än-äm*
 рубль-SIM брать-PRET-1SG
 ‘Я купила эту куртку за тысячу рублей’.

Морфологический статус *-la* в конструкциях с обстоятельством, выражающими игру (5) или язык (6), требует дальнейшего уточнения. В настоящий момент мы предполагаем, что в данных конструкциях имена, оформленные *-la*, имеют больше морфосинтаксических ограничений³, чем в других конструкциях

³ Например, в случае если имя, оформленное *-la*, выражает язык, оно не может быть распространено приименными модификаторами:

- (i) **tädä tör mar-la pop-a*
 тот прямой марийский-SIM говорить-NPST.3SG
 Ожид.: ‘Он говорит на правильном марийском’.

с *-la*. Далее в настоящей работе такие конструкции не рассматриваются.

- (5) *tädä kart-la mad-eš*
 тот карта-SIM играть-NPST.3SG
 ‘Он играет в карты’.
- (6) *tädä mar-la pop-a*
 тот марийский-SIM говорить-NPST.3SG
 ‘Он говорит по-марийски’.

Случаи, подобные примеру (7), также не рассматриваются подробно в данной статье, однако стоит отметить, что в ходе исследования было принято решение, во-первых, признать такой контекст иллативным, т. к. в наречии *küškä* выделяется старый показатель иллатива *-kä*, а во-вторых, считать *-la* в иллативных контекстах маркером приблизительной локализации.

- (7) *күш-кы-лә пындаш-ан*
 верх-ILL2-SIM дно-PROP
 ‘кверху дном’ [Саваткова 2008: 112]
 (букв.: ‘с дном, направленным вверх’)

В грамматиках упоминаются деепричастия на *-mälä*, которые, согласно [Саваткова 2002], указывают на одновременность действия и употребляются как с глаголом *чицаš* ‘казаться’ (8), так и с другими глаголами (9) [Там же: 244]. Это утверждение представляется не совсем точным. Во-первых, в примере (10), аналогичном примеру (8), показатель *-mälä* можно разорвать посессивным суффиксом *-žä*, что опровергает утверждение о едином деепричастном показателе в данном контексте. На самом деле *-la* присоединяется здесь к номинализации, оформленной суффиксом *-mä*.

- (8) *pet'a mârâ-mâ-la čuč-eš*
 Петя петь-NMLZ-SIM казаться-NPST.3SG
 ‘Кажется, это поет Петя’.
- (9) *aške-žä jän jêlatarâ-mâ-la*
 сам-POSS.3SG душа издеваться-NMLZ-SIM
jär-ä
 улыбаться-NPST.3SG
 ‘Сам улыбается, будто издевается’. [Саваткова 2002: 244]

(10)	<i>mă-lăm</i>	<i>pet'a-n</i>	<i>a-k</i>
	я-DAT.POSS.1SG	Петя-GEN	NEG.NPST-3SG
	<i>tol-mă-žă-la</i>		<i>čuĉ-eš</i>
	прийти-NMLZ-POSS.3SG-SIM		казаться-NPST.3SG
	‘Мне кажется, что Петя не придет’ ⁴ .		

Во-вторых, пример (9), как видно из перевода, не выражает одновременные действия и содержит сравнительную конструкцию, в которой стандартом сравнения выступает номинализация, оформленная симилиativом. На ошибочное отнесение А. А. Саватковой рассмотренных выше форм к т. н. деепричастиям одновременного действия указывает М. Н. Кузнецова, редактировавшая данную грамматику [Саваткова 2002: 243].

3. Сравнительные конструкции со значением равенства

В настоящем разделе будут рассмотрены особенности употребления *-la* как маркера стандарта в сравнительных конструкциях со значением равенства.

3.1. Терминология

Сравнительные конструкции со значением равенства отличаются от простых сравнительных конструкций тем, что в последних один из сравниваемых объектов имеет большую или меньшую степень проявления признака [Haspelmath et al. 2017: 10]. Основными элементами в эквативных конструкциях являются стандарт сравнения (*a dolphin* в (11) и *his sister* в (12)) и маркер стандарта сравнения (*like* и *as*₂ соответственно).

- (11) *Mary swims like a dolphin.*
 ‘Мэри плавает, как дельфин’. [Treis, Vanhove 2017: 4]
- (12) *Peter is as₁ tall as₂ his sister.*
 ‘Питер такой же высокий, как его сестра’. [Ibid.]

---

⁴ При оформлении номинализации на *-mă* притяжательным суффиксом субъект номинализации может быть выражен формой с генитивом, см. [Вознесенская 2017; Сиротина 2017] о номинализациях на *-mă* в горномарийском языке на материалах говорах сел Микряково и Кузнецово соответственно.

Наглядное соотнесение названий элементов с их языковыми выражениями из примеров (11)–(12) представлено в Таблице 2 (обозначения взяты из [Treis, Vanhove 2017: 4]).

Таблица 2. Обозначения элементов, характерных для эквативных конструкций

Table 2. Names of the key components in equative constructions

Объект сравнения	Параметр или маркер степени	Параметр сравнения	Маркер стандарта сравнения	Стандарт сравнения
<i>Peter</i>	<i>as₁</i>	<i>tall</i>	<i>as₂</i>	<i>his sister</i>
<i>Mary</i>		подразумевается образ действия	<i>like</i>	<i>a dolphin</i>

Сравнительные конструкции со значением равенства подразделяются также на собственно эквативные — т. е. такие, которые выражают идентичность степени проявления признака того или иного объекта, и **симилятивные** — такие, которые выражают идентичность образа действия. Так, (11) является примером симилятивной конструкции, а (12) — эквативной. Языки мира могут использовать для выражения этих значений разные показатели (например, английский или французский) или выражать их с помощью одного показателя (например, русский) [Haspelmath, Buchholz 1998].

В горномарийском языке в качестве маркера стандарта сравнения, кроме суффикса *-la*, используется также *gan* ‘как’, традиционно считающийся сравнительным послелогом [Саваткова 2002: 263]. Далее будут подробно рассмотрены различия этих двух показателей.

3.2. Семантические ограничения в употреблении *-la* и *gan*

Первое различие маркеров стандарта сравнения заключается в их семантических ограничениях. Маркер *-la* подразумевает скорее симилятивное сравнение (15), из чего следует его неграмматичность в случаях эквативного сравнения (13). Маркер *gan* возможен как в эквативных, так и в симилятивных конструкциях, кроме этого, группа с *gan*, в отличие от группы с *-la*, может находиться в атрибутивной позиции к имени (14).

- (13) *van'a slon gan' / *slon-la kogo*
 Ваня слон EQU слон-SIM большой
 'Ваня большой как слон'.
- (14) *tädä vas'a gan' läm edem-äm tâšk-a*
 тот Вася EQU снег человек-ACC лепить-NPST.3SG
 'Он лепит снеговика, похожего на Васю'.
 'Он лепит снеговика, как Вася [лепит снеговика]'.
- (15) *tädä vas'a-la läm edem-äm tâšk-a*
 тот Вася-SIM снег человек-ACC лепить-NPST.3SG
 'Он лепит снеговика, как [лепит снеговика] Вася'.
 *'Он лепит снеговика, похожего на Васю'.

3.3. Синтаксические ограничения в употреблении *-la u gan'*

В исследовании [Холодилова 2015], посвященном сравнительным конструкциям в мокшанском и бесермянском удмуртском языках, было сделано предположение, что синтаксическая позиция стандарта сравнения может влиять на выбор маркера. Анализ, легший в основу настоящей статьи, основывается на этом предположении с той поправкой, что указанный фактор может влиять на маркирование стандарта не только в компаративных, но и в эквативных конструкциях.

За основу была также взята иерархия доступности именных групп, описанная в [Keenan, Comrie 1977]⁵ с некоторыми изменениями, релевантными для исследуемых маркеров. Так, было принято решение не включать в иерархию объект сравнения, а также по отдельности рассмотреть косвенные дополнения, оформленные локативными падежами и послелогоми. Таким образом, получившаяся иерархия имеет вид: SU > DO > IO > OBL.CASE / OBL.POSTPOS > GENPOSS.

Далее будут рассмотрены следующие случаи выражения стандарта сравнения: именной стандарт сравнения, соответствующий объекту сравнения в позиции подлежащего (стратегии оформления N-SIM и N *gan'*); именной стандарт сравнения, соответствующий объекту сравнения в позиции прямого (DO) или непря-

⁵ В [Холодилова 2015] для сравнительных конструкций была использована эта иерархия в исходном виде (SU > DO > IO > OBL > GenPoss > OCOMP).

мого (IO) объекта (стратегии оформления N-CASE-SIM и N-CASE *gan'*); именной стандарт сравнения, соответствующий объекту сравнения в позиции косвенного объекта, маркированного с помощью одного из локативных падежей или послелогов (стратегии оформления N-CASE-ATTR⁶-SIM, PostP-ATTR-SIM). В целом стратегии с использованием маркера *la* оказались более ограничены в употреблении, чем стратегия [N-CASE *gan'*].

Субъект и прямой объект в качестве стандарта сравнения могут быть маркированы либо суффиксом *-la*, либо послелогом *gan'*. Маркирование прямого объекта, являющегося стандартом сравнения, показателем аккумулятива в этом случае запрещено⁷:

(16a) *pet'a*   *paj-âm*   *kol-la*   / **kol-âm-la*
 Петя   мясо-ACC   рыба-SIM   рыба-ACC-SIM
kačk-eš
 готовить-NPST.3SG
 'Петя готовит мясо, как рыбу'.

(16b) *pet'a*   *paj-âm*   *kol*   *gan'*   / **kol-âm*
 Петя   мясо-ACC   рыба   EQU   рыба-ACC
gan'   *kačk-eš*
 EQU   готовить-NPST.3SG
 'Петя готовит мясо, как рыбу'.

⁶ В данной работе рассматривается атрибутивизатор *-šâ / -šă* (далее — *-šă*), который присоединяется только к обстоятельствам места и времени. В силу семантических особенностей данного показателя, его сочетания с аккумулятивом и с дативом в горномарийском языке невозможны, так что далее мы приводим только варианты, где атрибутивизатор оформляет именную группу в одном из локативных падежей.

⁷ В горномарийском языке маркирование прямого дополнения аккумулятивом возможно в любых контекстах. При этом аккумулятив на прямом объекте обязателен в финитных клаузах, в сложных глагольных комплексах, состоящих из грамматикализованного финитного глагола и деепричастия смыслового глагола, в конструкциях с модальным глаголом *kerdäš* 'мочь', а также с модальными нефинитными формами (например, дебитивным причастием *-mâla*, дебитивным инфинитивом *-šaš*) [Плешак, Сиротина 2019: 6–7]. Подробнее о проблеме DOM в горномарийском языке см. [Плешак, Сиротина 2019]; о явлении DOM в луговом марийском см. [Толдова, Сердобольская 2002].

Одновременное маркирование дативом и симилиативом (стратегия N-CASE-SIM) тоже запрещено. Показатель *-la* не оформляет стандарт сравнения в синтаксической позиции непрямого дополнения (IO), тогда как предложения с использованием *gan'* грамматичны со стандартом сравнения в этой синтаксической позиции. Стратегии N-SIM и N *gan'*, где N — основа, изменяют смысл предложения: в этом случае сравниваются субъекты, а не объекты в дативе.

- (17a) **tädä mǎ-lǎn-em äške älä-mǎš-ǎžǎ-m*
 тот я-DAT-POSS.1SG REFL жить-NMLZ-POSS.3SG-ACC
pop-lan-la šajǎšt-ǎ
 поп-DAT-SIM рассказывать-AOR.3SG
 Ожид.: 'Он рассказал мне всю жизнь, как священнику'.

- (17б) *tädä mǎ-lǎn-em äške älä-mǎš-ǎžǎ-m*
 тот я-DAT-POSS.1SG REFL жить-NMLZ-POSS.3SG-ACC
pop-lan gan' šajǎšt-ǎ
 поп-DAT EQU рассказывать-AOR.3SG
 'Он рассказал мне всю жизнь, как священнику'.

- (18) #*tädä mǎ-lǎn-em äške älä-mǎš-ǎžǎ-m*
 тот я-DAT-POSS.1SG REFL жить-NMLZ-POSS.3SG-ACC
pop-la / pop gan' šajǎšt-ǎ
 поп-SIM поп EQU рассказывать-AOR.3SG
 'Он рассказал мне всю жизнь, как (рассказал) священник'.

При оформлении маркером *-la* стандарта сравнения, соответствующего косвенному дополнению, выраженному группой в одном из локативных падежей, наиболее предпочтительной оказывается стратегия N-CASE-ATTR-SIM. Эта стратегия предполагает, что стандарт сравнения сначала оформляется атрибутивизатором *-šǎ*, который «отвечает за образование относительных прилагательных от наречий времени и места» [Саваткова 2002: 139] (например, *irok* 'утром' — *irok-šǎ* (утро-ATTR) 'утренний'). Стратегия, при которой *-la* присоединяется непосредственно к локативному падежу, также возможна для некоторых носителей (19a)⁸. Синтаксис структуры в (19) требует более подробного

⁸ Случаи двойного падежного маркирования в горномарийском возникают при эллипсисе именной вершины. Второй падеж присоеди-

изучения в дальнейшем. Предлагаемая на данный момент гипотеза заключается в том, что в таких случаях сравниваются субъекты; так, атрибутивизатор является деривационным показателем и созданная им новая сущность синтаксически связывается с подлежащим.

Стратегия N-SIM так же, как и в рассмотренном выше примере с объектом в дативе (18), изменяет смысл предложения, который, однако, оказывается в результате прагматически недопустим (20). В предложении (19б) маркер *gan'* оказывается в равной мере допустим как с группой в одном из локативных падежей, так и с этой группой, оформленной атрибутивизатором *-šš*.

(19a) *pet'a pöken-äštä kreslo-štâ-š-la*
 Петя стул-IN кресло-IN-ATTR-SIM
 / [?]*kreslo-štâ-la šänz-ä*
 кресло-IN-SIM сидеть-NPST.3SG
 'Петя сидит на стуле, как на кресле'.

(19б) *pet'a pöken-äštä kreslo-štâ-(š) gan'*
 Петя стул-IN кресло-IN-ATTR EQU
šänz-ä
 сидеть-NPST.3SG
 'Петя сидит на стуле, как на кресле'.

(20) [#]*pet'a pöken-äštä kreslo-la šänz-ä*
 Петя стул-IN кресло-SIM сидеть-NPST.3SG
 'Петя сидит на стуле, как кресло (сидело бы на стуле)'.

(21) *män' kagak-vlä-m st'ona-eš amasa-eš gan'*
 я крючок-PL-ACC стена-LAT дверь-LAT EQU

няется к зависимому имени, оформленному генитивом или атрибутивизатором:

(i) *kädä toma-štâ tän' äl-ät? pet'a-n-äštâ*
 который дом-IN ты жить-NPST.2SG Петя-GEN-IN
 'В чьем доме ты живешь? В Петиним'. [Привизненцева 2016: 236]

Двойное маркирование инессивом и симилиативом, проиллюстрированное в примере (19), является исключением и требует дальнейшего изучения.

/[?] *amasa-eš-(äš)-lä*   *säk-en-äm*
 дверь-LAT-ATTR-SIM   вешать-PRET-1SG
 ‘Я повесил крючки на стену, как (я повесил их) на дверь’.

Стратегия с атрибутивизатором в принципе допустима, только когда стандарт сравнения оформлен падежной формой инессива (19) и латива (21). Именная группа в иллативе не может быть стандартом, оформленным маркером *-la*. В сочетании с данным падежом *-la* выступает в качестве маркера приблизительной локализации (22a). Кроме этого, атрибутивизатор оказывается в принципе невозможным в сочетании с иллативом. Таким образом, единственным возможным вариантом оформления стандарта сравнения в этом случае остается маркер *gan'* (22б). Стратегия N-SIM изменяет смысл предложения на прагматически недопустимый.

(22a) *pet'a kino-škâ t'eatâr-äškâ-la kašt-eš*
 Петя кино-ILL театр-ILL-SIM ходить-NPST.3SG
 ‘Петя ходит в кино в сторону театра’.
 *‘Петя ходит в кино, как в театр’.

(22б) *pet'a kino-škâ t'eatâr-äškâ gan'* / **t'eatâr-äškâ-š-la*
 Петя кино-ILL театр-ILL EQU театр-ILL-ATTR-SIM
kašt-eš
 ходить-NPST.3SG
 ‘Петя ходит в кино, как в театр’.

Пример (23) иллюстрирует возможности использования маркеров стандарта при сравнении обстоятельств времени. Аккузатив времени оказывается запрещен не так строго, как аккузатив прямого объекта, при этом атрибутивизатор является обязательным. Это коррелирует с выводом, сделанным в [Петелин 2018], о том, что аккузатив времени является более «застывшим» падежным показателем (в частности, этот вывод обосновывается запретом на сочетаемость аккузатива времени с показателем множественного числа, а также постпозицией посессивного маркера 3 л. ед. ч. относительно аккузатива времени vs. его препозицией относительно стандартного маркера аккузатива).

(23a) *kängäž-äm mән' *tel-(äm) gan'*
 лето-ACC я зима-(ACC) EQU

/ **tel-(əm)-lä*   *päšäl-em*
 зима-ACC-SIM   работать-NPST.1SG
 ‘Летом я работаю, как зимой’.

- (23б) *kängäž-əm mən' tel-(^əəm)-šä-lä*   / *tel-(^əəm)-šä*
 лето-ACC   я   зима-ACC-ATTR-SIM   зима-ACC-ATTR
gan'   *päšäl-em*
 EQU   работать-NPST.1SG
 ‘Летом я работаю, как зимой’.

При анализе употребления маркеров со стандартами, выраженными **последложными группами**, были выбраны несколько послелогов, находящихся на разных стадиях грамматикализации и маркирующих различные локализации: несерийные послелог *gäc* ‘из’ — в элативном контексте (24) и *mäčkä* ‘вдоль’ в пролативном контексте (25); серийный послелог, сохраняющий непродуктивный показатель инессива, *väl-nä* ‘на-IN2’ в инессивном контексте (26).

Маркер *gan'* одинаково хорошо допускается при стандартах сравнения, выраженных последложной группой, вне зависимости от послелога.

- (24) *tädä škol gäc t'ur'ma gäc gan'*
 тот школа из тюрьма из EQU
läkt-ä
 выходить-AOR.3SG
 ‘Он вышел из школы, как из тюрьмы’.

- (25) *tädä gazon mäčkä asval't mäčkä gan'*
 от газон вдоль асфальт вдоль EQU
kärgäžtal-eš
 бегать-NPST.3SG
 ‘Он бегаёт по газону, как по асфальту’.

- (26) *tädä pöken väl-nä imn'i väl-nä gan'*
 тот стул на-IN2 лошадь на-IN2 EQU *šänz-ä*
 сидеть-NPST.3SG
 ‘Он сидит на стуле, как на лошади’.

В отличие от *gan'*, *-la* в качестве маркера стандарта при послеложных группах (в случае с *gäc* и *välnä*) оказался допустим не во всех идиолектах:

- (27) *ʔtädä škol gäc t'ur'ma gäc-lä läkt-ä*
 тот школа из тюрьма из-SIM выходить-AOR.3
 'Он вышел из школы, как из тюрьмы'.
- (28) *ʔtädä pöken väl-nä imn'i väl-nä-lä šänz-ä*
 тот стул на-IN2 лошад на-IN-SIM сидеть-NPST.3SG
 'Он сидит на стуле как на лошади'.

При этом в случае с послелогом *välnä*, сохраняющим в своей структуре старый показатель инессива *-nä*, оказывается возможной стратегия PostP-ATTR-SIM, при которой сначала к послелогу присоединяется атрибутивизатор *-šä*, и только после этого — маркер *-la*. Таким образом, можно провести параллель между употреблением *-la* со стандартом сравнения, оформленным этим послелогом, и со стандартом сравнения, являющимся косвенным объектом в инессиве (см. пример (19a))⁹.

- (29) *pet'a pöken-äštä imn'i väl-nä-šä-lä*
 Петя стул-IN лошад на-IN2-ATTR-SIM
šänz-ä
 сидеть-NPST.3SG
 'Петя сидит на стуле, как на лошади'.

Послеложная группа с *mäčkä*, оформленная маркером *-la*, интерпретируется в большинстве идиолектов как указание на приблизительную локализацию, а не как стандарт сравнения в сравнительной конструкции. Такую интерпретацию вызывает старый показатель иллатива *-kä*, сохранившийся в составе данного послелога:

⁹ Согласно [Плешак 2019: 25], атрибутивизатор *-šä* в принципе сочетается только с инессивом — именным (*-štä*) и послеложным (*nä*). Сочетание атрибутивизатора с послелогом *gäc* также оказывается запрещено:

- (i) **moskva gäc-šä edem*
 Москва из-ATTR человек
 Ожид.: 'человек из Москвы'

- (30) *tädä gazon mächkâ asval't mächkâ-la*
 тот газон вдоль асфальт вдоль-SIM
kârgâžtal-eš
 бегать-NPST.3SG
 ‘Он бегаёт по газону в сторону асфальта’. / *‘Он бегаёт по газону, как по асфальту’.

Интерпретация послеложной группы с маркером *-la* как указание на приблизительную локализацию, а не стандарт сравнения в сравнительной конструкции, также возможна в некоторых идиолектах в примере (27). Конструкция *t'ur'ma gâc-lä* (тюрьма из-SIM) может значить ‘со стороны тюрьмы’ по аналогии с конструкциями *t'eatâr-âškâ-la* (театр-ILL-SIM) ‘в сторону театра’, а также с конструкциями с послелогом *mächkâ*.

Выраженный неоформленным именем стандарт сравнения в контекстах (24)–(26) будет соотноситься с объектом сравнения, занимающим позицию субъекта, а не косвенного объекта, вне зависимости от выбранного маркера:

- (31) *tädä pöken vâl-nä imn'i-lä / imn'i gan'*
 тот стул на-IN2 лошадь-SIM лошадь EQU
šânz-ä
 сидеть-NPST.3SG
 ‘Он сидит на стуле, как лошадь (сидела бы на стуле)’.

Плохая сочетаемость маркера *-la* с послеложными группами вписывается в предположение, согласно которому *-la* может маркировать стандарты сравнения, соотносящиеся только с субъектами или объектами. Маркер *gan'*, который допускает при себе стандарт сравнения, являющийся косвенным объектом и оформленный одним из локативных падежей, также хорошо сочетается со стандартами сравнения, выраженными послеложными группами.

В рассматриваемых ниже примерах (32)–(35) выступающий в качестве стандарта сравнения **генитивный посессор** имеет опущенную именную вершину. Синтаксическая позиция опущенной вершины объясняет различие в допустимости маркирования

стандарта сравнения симилятивом¹⁰. Так, синтаксическая позиция субъекта одинаково хорошо допускает оформление как маркером *gan'*, так и маркером *-la*:

(32a) *maša-n*   *âškal-žâ*   *pet'a-n-la*
 Маша-GEN   корова-POSS.3SG   Петя-GEN-SIM
šukâ   *šäšer-âm*   *pu-a*
 много   молоко-ACC   давать-NPST.3SG
 'Машина корова дает так же много молока, как Петина'.

(32б) *maša-n*   *âškal-žâ*   *pet'a-n*   *gan'*
 Маша-GEN   корова-POSS.3SG   Петя-GEN   EQU
šukâ   *šäšer-âm*   *pu-a*
 много   молоко-ACC   давать-NPST.3SG
 'Машина корова дает так же много молока, как Петина'.

Синтаксическая позиция объекта допустима для маркирования *-la* и *gan'* с запретом на маркирование аккузативом.

(33a) *män'*   *pet'a-n*   *kol-âm*   *maša-n-la*
 я   Петя-GEN   рыба-ACC   Маша-GEN-SIM
 / *maša-n-âm-la   *jämdäl-em*
 Маша-GEN-ACC-SIM   готовить-NPST.1SG
 'Я готовлю Петину рыбу, как Машину'.

(33б) *män'*   *pet'a-n*   *kol-âm*   *maša-n*   *gan'*
 я   Петя-GEN   рыба-ACC   Маша-GEN   EQU
 / **maša-n-âm gan'*   *jämdäl-em*
 Маша-GEN-ACC EQU   готовить-NPST.1SG
 'Я готовлю Петину рыбу, как Машину'.

В случае если стандарт сравнения занимает позицию генитивного зависимого при дативном непрямом дополнении, маркирование стандарта симилятивом оказывается запрещено.

¹⁰ Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой при именном эллипсисе грамматические показатели опущенной вершины (например, число или падеж) обязательно выражаются на ближайшем озвучиваемом зависимом [Saab, Lipták 2016: 15].

- (34a) *maša-n   *âškal-žâ-lan*   *pet'a-n-lan-la*
 Маша-GEN   корова-POSS.3SG-DAT   Петя-GEN-DAT-SIM
šukâ   *šudâ-m*   *pu-at*
 много   трава-ACC   давать-NPST.3PL
 Ожид.: ‘Машиной корове дают много травы, как Петинной’.

- (34б) *maša-n*   *âškal-žâ-lan*   *pet'a-n-lan*
 Маша-GEN   корова-POSS.3SG-DAT   Петя-GEN-DAT
gan'   *šukâ*   *šudâ-m*
 EQU   много   трава-ACC
pu-at
 давать-NPST.3PL
 ‘Машиной корове дают много травы, как Петинной’.

Случаи, когда генитивный посессор зависит от существительного в косвенной позиции, согласуются с описанными выше особенностями оформления таких стандартов сравнения маркером *-la*. Стратегия оформления маркером *-la* без атрибутивизатора *-šâ* допустима в меньшей степени, чем стратегия N-CASE-ATTR-SIM. Маркер *gan'* одинаково грамматичен в обоих случаях.

- (35a) *vas'a*   *maša-n*   *tomoca-štâ*   *pet'a-n-âštâ-šâ-la*
 Вася   Маша-GEN   баня-IN   Петя-GEN-IN-ATTR-SIM
 /[?]*pet'a-n-âštâ-la*   *par-a*
 Петя-GEN-IN-SIM   париться-NPST.3SG
 ‘Вася парится в Машиной бане, как в Петинной’.

- (35б) *vas'a*   *maša-n*   *tomoca-štâ*   *pet'a-n-âštâ-(šâ)*
 Вася   Маша-GEN   баня-IN   Петя-GEN-IN-ATTR
gan'   *par-a*
 EQU   париться-NPST.3SG
 ‘Вася парится в Машиной бане, как в Петинной’.

В Таблице 3 обобщены результаты сравнения рассмотренных стратегий. Как можно заметить, послелог *gan'* не имеет ограничений на маркирование каких-либо синтаксических отношений, в то время как *-la* самостоятельно может маркировать только те случаи, когда стандарт сравнения является субъектом или прямым объектом.

Таблица 3. Обобщенные результаты сравнения маркеров стандарта в соответствии с иерархией доступности

Table 3. The results of comparing standard markers according to the accessibility hierarchy

		N-SIM / N <i>gan'</i>	N-CASE / POSTP-SIM	N-CASE- / PostP-ATTR-SIM	[N-CASE / PostP <i>gan'</i>]
SU		+	—	—	—
DO		+	*	—	*
IO: DAT		*	*	—	+
OBL:		—	?	?	+
POSTPOS					
OBL:	IN	*	?	+	+
CASE	ILL	*	#	*	+
	LAT	*	?	?	+
GEN	SU	—	+	—	+
POSS ¹¹	DO	—	+	—	+
	IO	—	*	—	+
	OBL(IN)	—	?	+	+

Примечания: грамматичность той или иной стратегии оформления стандарта сравнения обозначена плюсом (+). Звездочка (*) показывает, что данный стандарт сравнения нельзя оформить с помощью данной стратегии. Вопросительным знаком (?) помечены стратегии, оказавшиеся приемлемыми в сочетании с теми или иными стандартами сравнения в некоторых идиолектах. Прочерк (—) обозначает, что данная стратегия оформления нерелевантна для данного стандарта сравнения. Решеткой (#) отмечен грамматичный вариант оформления, семантически не относящийся к сравнительным конструкциям.

Случаи, где стандарт сравнения сначала оформляется атрибутивизатором, затрагивают косвенную позицию и рассматриваются как случаи субъектного сравнения. Атрибутивизатор, изменяя синтаксические свойства стандартов, соответствующих косвенным локативным и временным объектам, делает их доступными для маркера *-la*.

¹¹ Обозначения SU, DO, IO, OBL указывают синтаксическую позицию группы стандарта сравнения, в которую в данном случае входит генитивный посессор с опущенной вершиной.

Маркер *-la* невозможен в сочетании с непрямым объектом в дативе, а также косвенным объектом, оформленным иллативом. В последнем случае *-la* является маркером не стандарта сравнения, а приблизительной локализации.

Оформление при помощи *-la* послеложных групп практически не допускается, при этом вновь в сочетании со старым показателем иллатива *-la* является маркером приблизительной локализации.

Таким образом, *-la* маркирует стандарт сравнения при объекте сравнения в позиции субъекта или объекта; *gan'* не имеет ограничений на синтаксическую позицию стандарта сравнения.

Для компаративных конструкций в [Stassen 2013] указываются две стратегии маркирования стандарта: это конструкции с фиксированным падежом (*fixed case*), когда падеж стандарта сравнения не зависит от падежа объекта сравнения, и конструкции с производным падежом (*derived case*), когда стандарт сравнения оформлен тем же падежом, что и объект сравнения¹². Применительно к эквативным конструкциям в горномарийском языке логично противопоставить друг другу два маркера и сказать, что *gan'* — маркер стандарта в конструкциях с производным падежом, а *-la* является тем самым фиксированным падежом, маркирующим стандарт сравнения.

4. Употребление *-la* с глаголами *šičaš* ‘казаться’ и *kajaš* ‘видеться, казаться’

Анализ употребления симилитива в сочетании с глаголами *šičaš* и *kajaš* показывает, что в данном контексте на синхронном уровне показатель имеет больше транскатегориальных свойств, чем в рассмотренном выше значении маркера стандарта сравнения. Так, *-la* как маркер актанта при рассматриваемых глаголах может оформлять послеложные группы (36), в то время как оформление послеложных групп в качестве стандарта сравнения

¹² Ср.:

- (i) *Он выше Пету* — фиксированный падеж
- (ii) *Он выше, чем Петя* — производный падеж

этим суффиксом не было однозначно разрешено носителями, что было показано в примерах (27)–(28) и (30).

- (36) *ti edem Moskva gäc-lä čuč-eš*
 этот человек Москва из-SIM казаться-NPST.3SG
 ‘Кажется, что этот человек из Москвы’.

Также *-la* может оформлять всю сочиненную группу целиком, являясь тем самым групповой флексией. Данное свойство отличает *-la* от других падежных показателей, т. к. полевые данные И. А. Хомченковой показывают, что с другими падежами отсутствие маркирования на первом конъюнкте в конструкции с союзом *dä*, как правило, запрещено¹³.

- (37) *pet'a jangâlâ-šâ-(la) dä amalâ-šâ-la*
 Петя устать-PTCP.ACT-SIM и спать-PTCP.ACT-SIM
kaj-eš
 видеться-NPST.3SG
 ‘Петя выглядит сонным и уставшим’.

- (38) *rokolma-štâ / *rokolma dä kafšta-štâ*
 картошка-IN картошка и капуста-IN
šukš-vlä paš-en-ät
 червяк-PL размножаться-PRET-3PL
 ‘В картошке и капусте завелись червяки’. (Пример И. А. Хомченковой)

Еще одним важным аргументом в пользу бóльшей транскатегориальности *-la* в сочетании с глаголами типа *čučaš* является то, что для говора с. Микряково оказалось грамматичным оформление с помощью *-la* сентенциального актанта, выраженного глаголом в финитной форме (39), в то время как в сравнительных конструкциях *-la* как маркер стандарта на финитных глаголах запрещен (40).

¹³ В [Хомченкова 2018: 146] это показано на примере ядерного падежа, аккузатива; в тексте настоящей статьи приведен не вошедший в статью И. А. Хомченковой пример, иллюстрирующий случай запрета групповой флексии для неядерного пространственного падежа — инессива с показателем *-štâ*.

- ГОРНОМАРИЙСКИЙ, С. МИКРЯКОВО
- (39) *pet'a tol-eš-lä / tol-mâ-la*
 Петя прийти-NPST.3SG-SIM прийти-NMLZ-SIM
čič-eš
 казаться-NPST.3SG
 ‘Кажется, Петя придет’.
- (40) *tädä šəžvək mârâ-mâ-la*
 тот соловей петь-NMLZ-SIM
 / *mâr-a-la mâr-a
 петь-NPST.3SG-SIM петь-NPST.3SG
 ‘Он поет, как соловей’.

Однако более распространенной стратегией остается оформление суффиксом *-la* сентенциального актанта, выраженного номинализацией. В с. Кузнецово оформление при помощи *-la* финитного сентенциального актанта запрещено, таким образом, номинализация оказывается единственно возможной стратегией.

- ГОРНОМАРИЙСКИЙ, С. КУЗНЕЦОВО
- (41) *pet'a tol-mâ-la / *tol-eš-lä*
 Петя прийти-NMLZ-SIM прийти-NPST.3SG-SIM
čič-eš
 казаться-NPST.3SG
 ‘Кажется, что Петя придет’.

В говоре с. Микряково глагол в зависимой клаузе может стоять не только в непрошедшем времени индикатива. Так, *-la* возможен с глаголом в дежидеративном наклонении (42), а также в претерите (43).

- ГОРНОМАРИЙСКИЙ, С. МИКРЯКОВО
- (42) *män' kagâl'-êtm kač-ne-m-lä čič-eš*
 я пирог-ACC есть-DES-1SG-SIM казаться-NPST.3SG
 ‘Кажется, я хочу съесть пирог’.

- ГОРНОМАРИЙСКИЙ, С. МИКРЯКОВО
- (43а) *män' xvoraj-en kolt-en-äm-lä*
 я болеть-CVB отправить-PRET-1SG-SIM

/ *koltâ-mâ-la*   *čuč-eš*
 отправить-NMLZ-SIM   казаться-NPST.3SG
 ‘Кажется, я заболела’.

- (436) *mən’   *xvoraj-en-la*   *kolt-en-äm*
 я   болеть-CVB-SIM   отправить-PRET-1SG
 / *koltâ-mâ*   *čuč-eš*
 отправить-NMLZ   казаться-NPST.3SG
 Ожид.: ‘Кажется, я заболела’.

В случаях, когда предикат зависимой клаузы оформляется также маркером ретроспективного сдвига *âlân*, суффикс *-la* может присоединяться к собственно этому маркеру и невозможен на смысловом глаголе:

ГОРНОМАРИЙСКИЙ, С. МИКРЯКОВО

- (44a) *mă-län-em*   *maša*   *kvart’irâ-m*   *ubiraj-en*
 я-DAT-POSS.1SG   Маша   квартира-ACC   убирать-PRET
âlân-la   *čuč-eš*
 RETR-SIM   казаться-NPST.3SG
 ‘Мне кажется, Маша (когда-то давно) убрала квартиру’.

- (44b) *mă-län-em   *maša*   *kvart’irâ-m*   *ubiraj-en-lä*
 я-DAT-POSS.1SG   Маша   квартира-ACC   убираться-PRET-SIM
âlân   *čuč-eš*
 RETR   казаться-NPST.3SG
 Ожид.: ‘Мне кажется, Маша (когда-то давно) убрала квартиру’.

Стоит отметить также, что ретроспективный сдвиг в примере выше может быть выражен номинализованной формой *âlmâ-la*. При этом сам показатель *âlân* считается застывшей формой глагола *âlaš* ‘быть’ в перфекте, не согласующейся с подлежащим в лице и числе [Mordashova 2018].

- (45) *mă-län-em*   *maša*   *kvart’irâ-m*
 я-DAT-POSS.1SG   Маша   квартира-ACC
ubiraj-en   *âl-mâ-la*   *čuč-eš*
 убирать-PRET   RETR-NMLZ-SIM   казаться-NPST.3SG
 ‘Мне кажется, Маша (когда-то давно) убрала квартиру’.

Кроме этого, в обоих говорах при отрицании вложенной клаузы *-la* может оформлять только коннегатив (специальную форму смыслового глагола, использующуюся при отрицании) и не может оформлять собственно показатель отрицания, содержащий грамматическую информацию о времени, лице и числе.

- (46) *mä-läm*   *tagačä*   *pet'a*   ***a-k***   ***tol-la***
 я-DAT.POSS.1SG   сегодня   Петя   NEG.NPST-3   прийти-SIM
 / ****a-k-la***   ***tol***   *čič-eš*
 NEG.NPST-3-SIM   прийти   казаться-NPST.3SG
 ‘Кажется, Петя сегодня не придет’.

В Таблице 4 представлены обобщенные данные по сравнительному анализу сочетаемостных возможностей исследуемого суффикса в случае, когда он маркирует стандарт сравнения в сравнительных конструкциях, и в случае, когда он оформляет сентенциальный актанта при глаголах *čičaš* и *kajaš*.

Таблица 4. Сочетание симилятива с глагольными формами в сравнительных конструкциях и при оформлении сентенциального актанта при глаголах *čičaš* и *kajaš*

Table 4. The comparison of verb forms marked by similitive marker in similitive construction and in constructions with verbs *čičaš* and *kajaš*

	Сравнительные конструкции	Глаголы <i>čičaš</i> , <i>kajaš</i>
Нефинитный предикат — номинализация на <i>mä-</i>	+	+
Финитные предикаты	–	+

Таким образом, при оформлении сентенциального актанта *-la* может сочетаться с финитными формами глагола, что в принципе невозможно в сравнительных конструкциях. Подобное поведение дает повод усомниться в предлагаемом определении исследуемого суффикса как падежного, одна из функций которого — употребление в сочетании с глаголами *čičaš* и *kajaš*.

Маркируя актанта при глаголах *čičaš*, *kajaš*, суффикс *-la* обладает следующими свойствами: транскатегориальностью; отсутствием синтаксической связанности (суффикс может выступать в качестве групповой флексии) и семантической связанности (все

новые образования неидиоматичны) [Плунгян 2003: 33]. При этом *-la* не обладает свойствами переместимости и отделимости. Проанализированные выше примеры показывают, что симилятив тяготеет к крайне правой позиции в зависимой клаузе.

Возможно, это случай переосмысления грамматической принадлежности показателя: суффикс *-la*, маркирующий сентенциальные актанты, в отличие от маркера стандарта в сравнительных конструкциях, уже является не полностью несвободной и связанной морфемой, но транскатегориальным показателем, или формантом, т. к. проявляет несколько свойств, характерных для «неплотно присоединяемого к основе аффикса» [Плунгян 2003: 33]. По выполняемым в таких конструкциях функциям *-la* можно считать комплементаром, вводящим сентенциальный актант при определенной группе глаголов. Не исключено, что на синхронном уровне как минимум в одном говоре следует признать наличие двух омонимичных показателей.

5. Заключение

В данной статье были рассмотрены два случая употребления симилятивного показателя в горномарийском языке. Анализ рассмотренных употреблений исследуемого суффикса позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, употребление *-la* в сравнительных конструкциях довольно сильно ограничено по сравнению с употреблением *gan'* в тех же конструкциях как семантически, так и синтаксически. Остается открытым вопрос, с чем связана допустимость стратегии N-CASE-SIM в части случаев, когда стандарт сравнения является косвенным объектом в локативном падеже, в то время как маркирование симилятивом стандарта сравнения, являющегося непрямым объектом в дативе (IO) и располагающегося выше в иерархии синтаксических отношений, полностью запрещено.

Во-вторых, в случае оформления сентенциальных актантов при глаголах *čičaš* и *kajaš* суффикс *-la* в одном из говоров может присоединяться к финитным формам глагола, что ставит под сомнение общепринятое мнение, согласно которому *-la* — это падежный показатель, одна из функций которого заключается в маркировании актантов при глаголах *čičaš* и *kajaš*. Поскольку *-la* обладает рядом свойств, которые, согласно [Плунгян 2003],

нехарактерны для морфем, предлагается считать его в подобных контекстах транскатегориальным показателем, выполняющим функцию комплементаризера.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; AOR — аорист; ATTR — атрибутивизатор; CVB — конверб; DAT — датив; DES — деизидератив; DO — прямое дополнение; EQU — экватив; GEN — генитив; GENPOSS — генитивный посессор; ILL — иллатив; ILL2 — послеложный иллатив; IN — инессив; IN2 — послеложный инессив; INF — инфинитив; IO — не прямое дополнение; LAT — латив; NEG — отрицание; NMLZ — номинализация; NPST — непрошедшее время; OBL.CASE — косвенное дополнение, выраженное группой в одном из локативных падежей; OBL.POSTPOS — косвенное дополнение, выраженное послеложной группой; OCOMP — объект сравнения; PL — множественное число; POSS — поссесивный показатель; PRET — претерит; PROP — проприетив; PTCP.ACT — активное причастие; REFL — рефлексив; RETR — ретроспективный сдвиг; SG — единственное число; SIM — симилятив; SU — субъект.

Литература

- Вознесенская 2017 — А. Ю. Вознесенская. Структура номинализации на *-mâ-* в горномарийском языке // Тезисы Студенческой конференции Института лингвистики РГГУ (6–7 апреля 2017 г.). URL: http://skil-rggu.ru/wp-content/uploads/2017/03/Skil2017_Voznesenskaja_tezisy.pdf (дата обращения: 28.08.2018)
- Ганенков 2002 — Д. С. Ганенков. Модели пространственных показателей. Дипломная работа. МГУ, М., 2002.
- Кармазин 1925 — Г. Г. Кармазин. Материалы к изучению марийского языка. Красно-Кокшайск: Издание научно-методического МаробОНО, 1925.
- Пенгитов 1956 — Н. Т. Пенгитов. О падежах в марийском языке // Труды МарНИИ языка, литературы и истории. Вып. IX. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1956. С. 37–56.
- Пенгитов (отв. ред.) 1961 — Н. Т. Пенгитов (отв. ред.) Современный марийский язык: Морфология. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1961.
- Петелин 2018 — Д. О. Петелин. Временные выражения в горномарийском языке: наречия или ИГ // Д. Ф. Мищенко (отв. ред.). Пятнадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых

- исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 22–24 ноября 2018 г.). СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 116–119.
- Плешак 2019 — П. С. Плешак. Синтаксис именной группы и свойства ее компонентов. Экспедиционный отчет. Рукопись, 2019.
- Плешак, Сиротина 2019 — П. С. Плешак, А. Ю. Сиротина. Дифференцированное маркирование объекта. Экспедиционный отчет. Рукопись, 2019.
- Плунгян 2003 — В. А. Плунгян. Общая морфология: Введение в проблематику. Учебное пособие. 2-е изд., испр. М.: Едиториал УРСС, 2003.
- Привизенцева 2016 — М. Ю. Привизенцева. Двойное падежное маркирование и структура именной словоформы (на материале бурятского, горномарийского и мокшанского языков) // М. Б. Коношенко, Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг (ред.). Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2016». Вып. 3. М.: МПГУ, 2016. С. 232–247.
- Рамстедт 1957 — Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание: Морфология. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957.
- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка. (Bibliotheca Ceremissica 5). Savariae: Berzsényi Dániel Főiskola, 2002.
- Саваткова 2008 — А. А. Саваткова. Словарь горномарийского языка. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 2008.
- Сиротина 2017 — А. Ю. Сиротина. Номинализация как способ оформления сентенциальных актантов в горномарийском языке // Тезисы Студенческой конференции Института лингвистики РГГУ (6–7 апреля 2017 г.). URL: http://skilrggu.ru/wpcontent/uploads/2017/03/Skil2017_Siroтина_tezisy.pdf (дата обращения: 28.08.2018)
- Толдова, Сердобольская 2002 — С. Ю. Толдова, Н. В. Сердобольская. Некоторые особенности оформления прямого дополнения в марийском языке // Т. Б. Агранат, О. А. Казакевич (сост.). Лингвистический беспредел: Сб. статей: К 70-летию А. И. Кузнецовой. М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 106–125.
- Тужаров 1987 — Г. М. Тужаров. Грамматические категории имени существительного в марийском языке. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1987.
- Учаев, Ефремов 1998 — З. В. Учаев, А. С. Ефремов. Поро кече! 30 уроков марийского языка. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1998.
- Холодилова 2015 — М. А. Холодилова. Сравнительные конструкции и иерархия доступности именных групп в бесермянском удмуртском

- и мокшанском. Доклад, прочитанный на конференции «Уральские языки: синхрония и диахрония», Институт лингвистических исследований РАН. Санкт-Петербург, 15–16 октября 2015 г.
- Хомченкова 2018 — И. А. Хомченкова. Соединение именных групп в горномарийском языке // Типология морфосинтаксических параметров. 2018. Т. 1. Вып. 2. С. 134–152.
- Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. *Grammatik des Tscheremissischen (Mari)*. Hamburg: Buske, 1993.
- Castren 1845 — M. A. Castren. *Elementa Grammaticae Tscheremissae*. Kuopio: Ex Officina typographica J. Karsten, 1845.
- Haspelmath, Buchholz 1998 — M. Haspelmath, O. Buchholz. Equative and similative constructions in the languages of Europe // J. van der Auwera (ed.). *Adverbial Constructions in the Languages of Europe*. Berlin: Mouton, 1998. P. 277–334.
- Haspelmath et al. 2017 — M. Haspelmath, the Leipzig Equative Constructions Team. Equative constructions in world-wide perspective // Y. Treis, M. Vanhove (eds.). *Similative and Equative Constructions: A Cross-linguistic Perspective*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 9–32.
- Keenan, Comrie 1977 — E. L. Keenan, B. Comrie. Noun phrase accessibility and Universal Grammar // *Linguistic Inquiry*. 1977. Vol. 8. № 1. P. 63–99.
- Menges 1968 — K. H. Menges. *The Turkic Languages and Peoples: An Introduction to Turkic Studies*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1968.
- Mordashova 2018 — D. Mordashova. Hill Mari verbal constructions with *âl'â / âlân*: Discontinuous past and beyond // K. Bellamy, A. Ionova, G. Saad (eds.). *ConSOLE XXV: Proceedings of the 25th Conference of the Student Organization of Linguistics in Europe (4–6 January 2017, Leipzig)*. Leiden: Leiden University Centre for Linguistics, 2018. P. 297–309.
- Oszky, Ponomareva 2010 — B. Oszky, L. Ponomareva. The morphology of equative in Komi-Permyak. Paper presented at “Uralic Case” workshop of the 14th International Morphology Meeting. Budapest, May 15–16, 2010.
- Saab, Lipták 2016 — A. Saab, A. Lipták. Movement and deletion after syntax: Licensing by inflection reconsidered // *Studia Linguistica*. 2016. Vol. 70. № 1. P. 66–108.
- Stassen 2013 — L. Stassen. Comparative constructions // M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. URL: <http://wals.info/chapter/121> (дата обращения: 28.08.2018)

- Treis, Vanhove 2017 — Y. Treis, M. Vanhove (eds.). *Similative and Equative Constructions: A Cross-linguistic Perspective*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017.
- Wiedemann 1847 — F. J. Wiedemann. *Versuch einer Grammatik der tscheremissischen Sprache nach dem in der Evangelienübersetzung von 1821 gebrauchten Dialekte*. Reval: Verlag von Franz Kluge, 1847.

References

- Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. *Grammatik des Tscheremissischen (Mari)*. Hamburg: Buske, 1993.
- Castren 1845 — M. A. Castren. *Elementa Grammaticae Tscheremissae*. Kuopio: Ex Officina typographica J. Karsten, 1845.
- Ganenkov 2002 — D. S. Ganenkov. *Modeli prostranstvennykh pokazateley* [Models of spatial markers]. Master's Thesis. Lomonosov Moscow State University, Moscow, 2002.
- Haspelmath, Buchholz 1998 — M. Haspelmath, O. Buchholz. Equative and similative constructions in the languages of Europe. J. van der Auwera (ed.). *Adverbial Constructions in the Languages of Europe*. Berlin: Mouton, 1998. P. 277–334.
- Haspelmath et al. 2017 — M. Haspelmath, the Leipzig Equative Constructions Team. Equative constructions in world-wide perspective. Y. Treis, M. Vanhove (eds.). *Similative and Equative Constructions: A Cross-linguistic Perspective*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 9–32.
- Karmazin 1925 — G. G. Karmazin. *Materialy k izucheniyu mariyskogo yazyka* [Materials for Studying the Mari Language]. Krasno-Kokshaysk: Izdaniye nauchno-metodicheskogo MarobONO, 1925.
- Keenan, Comrie 1977 — E. L. Keenan, B. Comrie. Noun phrase accessibility and Universal Grammar. *Linguistic Inquiry*. 1977. Vol. 8. No. 1. P. 63–99.
- Kholodilova 2015 — M. A. Kholodilova. *Sravnitelnyye konstruktсии i iyerarkhiya dostupnosti imennykh grupp v besermyanskom udmurtskom i mokshanskom* [Comparative constructions and noun phrase accessibility hierarchy in Besermyan, Udmurt and Moksha]. Paper presented at the conference “Uralic languages: Synchrony and diachrony”, ILS RAS. St. Petersburg, October 15–16, 2015.
- Khomchenkova 2018 — I. A. Khomchenkova. *Soyedineniye imennykh grupp v gornomariyskom yazyke* [NP conjunction in Hill Mari]. *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov*. 2018. Vol. 1. Iss. 2. P. 134–152.

- Menges 1968 — K. H. Menges. *The Turkic Languages and Peoples: An Introduction to Turkic Studies*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1968.
- Mordashova 2018 — D. Mordashova. Hill Mari verbal constructions with *əl'ə / ələn*: Discontinuous past and beyond. K. Bellamy, A. Ionova, G. Saad (eds.). *ConSOLE XXV: Proceedings of the 25th Conference of the Student Organization of Linguistics in Europe (4–6 January 2017, Leipzig)*. Leiden: Leiden University Centre for Linguistics, 2018. P. 297–309.
- Oszky, Ponomareva 2010 — B. Oszky, L. Ponomareva. The morphology of equative in Komi-Permyak. Paper presented at “Uralic Case” workshop of the 14th International Morphology Meeting. Budapest, May 15–16, 2010.
- Pengitov 1956 — N. T. Pengitov. O padezhakh v mariyskom yazyke [On Mari cases]. *Trudy MarNII yazyka, literatury i istorii* [Works of Mari Research Institute of Language, Literature and History]. Iss. IX. Yoshkar-Ola: Mariyskoye knizhnoye izdatelstvo, 1956. P. 37–56.
- Pengitov (ed.) 1961 — N. T. Pengitov (ed.). *Sovremennyy mariyskiy yazyk: Morfologiya* [Modern Mari Language: Morphology]. Yoshkar-Ola: Mariyskoye knizhnoye izdatelstvo, 1961.
- Petelin 2018 — D. O. Petelin. Vremennyye vyrazheniya v gornomariyskom yazyke: narechiya ili IG [Hill Mari temporal expressions: Adverbs or NP]. D. F. Mishchenko (ed.). *Pyatnadsataya Konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovateley. Tezisy dokladov (Sankt-Peterburg, 22–24 noyabrya 2018 g.)*. [15th Conference on Typology and Grammar for Young Scholars. Abstracts (St. Petersburg, November 22–24, 2018)]. St. Petersburg: ILS RAS, 2018. P. 116–119.
- Pleshak 2019 — P. S. Pleshak. Sintaksis imennoy gruppy i svoystva yeye komponentov [Noun phrase syntax and properties of its complements]. Field report. Manuscript, 2019.
- Pleshak, Sirotnina 2019 — P. S. Pleshak, A. Yu. Sirotnina. Differentirovanoye markirovaniye obekta [Differential object marking]. Field report. Manuscript, 2019.
- Plungian 2003 — V. A. Plungian. *Obshchaya morfologiya: Vvedeniye v problematiku* [General Morphology: An Introduction]. Handbook. 2nd ed., rev. Moscow: Editorial URSS, 2003.
- Privizentseva 2016 — M. Yu. Privizentseva. Dvoynoye padezhnoye markirovaniye i struktura imennoy slovoformy (na materiale buryatskogo, gornomariyskogo i mokshanskogo yazykov) [Case stacking and morphological structure of nouns (Evidence from Buryat, Hill Mari and Moksha)]. M. B. Konoshenko, E. A. Lyutikova, A. V. Zimmerling (eds.). *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii “Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov*

- 2016” [Typology of Morphosyntactic Parameters. Proceedings of the International Conference “Typology of Morphosyntactic Parameters 2016”]. Iss. 3. Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2016. P. 232–247.
- Ramstedt 1957 — G. J. Ramstedt. Vvedeniye v altayskoye yazykoznaniye: Morfologiya [Introduction to Altaic Linguistics: Morphology]. Moscow: Izdatelstvo inostrannoy literatury, 1957.
- Saab, Lipták 2016 — A. Saab, A. Lipták. Movement and deletion after syntax: Licensing by inflection reconsidered. *Studia Linguistica*. 2016. Vol. 70. No. 1. P. 66–108.
- Savatkova 2002 — A. A. Savatkova. Gornoye narechiye mariyskogo yazyka [Hill Mari Language]. (Bibliotheca Ceremissica 5). Savariae: Berzsényi Dániyel Főiskola, 2002.
- Savatkova 2008 — A. A. Savatkova. *Slovar gornomariyskogo yazyka* [Hill Mari Dictionary]. Yoshkar-Ola: Mariyskoye knizhnoye izdatelstvo, 2008.
- Siroтина 2017 — A. Yu. Siroтина. Nominalizatsiya kak sposob oformleniya sententsialnykh aktantov v gornomariyskom yazyke [Nominalization as a strategy of marking sentential actants in Hill Mari]. *Tezisy Studencheskoy konferentsii Instituta lingvistiki RGGU (6–7 aprelya 2017 g.)*. [Abstracts of the Student Conference of the Institute of Linguistics of Russian State University for the Humanities (April 6–7, 2017)]. Available at: http://skilrpgu.ru/wpcontent/uploads/2017/03/Skil2017_Siroтина_tezisy.pdf (accessed on 28.08.2018)
- Stassen 2013 — L. Stassen. Comparative Constructions. M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. Available at: <http://wals.info/chapter/121> (accessed on 25.02.2018)
- Toldova, Serdobolskaya 2002 — S. Yu. Toldova, N. V. Serdobolskaya. Nekotoryye osobennosti oformleniya pryamogo dopolneniya v mariyskom yazyke [Some features of the direct object marking in Mari]. T. B. Agranat, O. A. Kazakevich (comps.). *Lingvisticheskiy bespredel: Sb. statey: K 70-letiyu A. I. Kuznetsovoy* [Linguistic Outrage: Collection of Articles: In Commemoration of the 70th Anniversary of A. I. Kuznetsova]. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2002. P. 106–125.
- Treis, Vanhove 2017 — Y. Treis, M. Vanhove (eds.). *Similitive and Equative Constructions: A Cross-linguistic Perspective*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017.
- Tuzharov 1987 — G. M. Tuzharov. Grammaticheskiye kategorii imeni sushchestvitelnogo v mariyskom yazyke [Grammatical Categories of Nouns in Mari]. Yoshkar-Ola: Mariyskoye knizhnoye izdatelstvo, 1987.

- Uchayev, Yefremov 1998 — Z. V. Uchayev, A. S. Yefremov. Poro keche! 30 urokov mariyskogo yazyka [Poro keche! 30 Lessons of Mari Language]. Yoshkar-Ola: Mariyskoye knizhnoye izdatelstvo, 1998.
- Voznesenskaya 2017 — A. Yu. Voznesenskaya. Struktura nominalizatsii na *-mâ-* v gornomariyskom yazyke [The structure of *-mâ-* nominalizations in Hill Mari]. *Tezisy Studencheskoy konferentsii Instituta lingvistiki RGGU (6–7 aprelya 2017 g.)*. [Abstracts of the Student Conference of the Institute of Linguistics of Russian State University for the Humanities (April 6–7, 2017)]. Available at: http://skil-rggu.ru/wp-content/uploads/2017/03/Skil2017_Voznesenskaja_tezisy.pdf (accessed on 28.02.2018).
- Wiedemann 1847 — F. J. Wiedemann. Versuch einer Grammatik der tscheremissischen Sprache nach dem in der Evangelienübersetzung von 1821 gebrauchten Dialekte. Reval: Verlag von Franz Kluge, 1847.

СИНТАКСИС И СЕМАНТИКА ПАРТИТИВНЫХ И ПСЕВДОПАРТИТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

А. В. Соловьёва

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва
nit-sol@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отличительные черты горномарийских конструкций, содержащих N1 — меру субстанции / контейнер, и N2 — неквантованную сущность. Утверждается, что разным синтаксическим структурам этих конструкций соответствуют разные интерпретации.

Подробнее мы останавливаемся на конструкциях с соположением, обладающих мерным прочтением, показывая, что в горномарийском они имеют DP структуру, в которой наблюдается более тесная связь числительного с N1.

Отдельное внимание уделяется особенностям образования псевдопартитивных и партитивных конструкций, которые, передавая значение ‘часть-целое’, отличаются друг от друга тем, что первые имеют дело с подмножеством нереферентного множества единиц, а вторые — с подмножеством референтного множества.

Ключевые слова: партитивные и псевдопартитивные конструкции, мерная интерпретация, контейнерная интерпретация, интерпретация порции, конструкции с соположением.

---

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 19-012-00627 «Семантика и синтаксис урало-алтайских языков в функционально-типологической и формальной перспективах». Предварительные версии данной работы были представлены в докладах на XIV Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, ноябрь 2017 г.) и на конференции «Малые языки в большой лингвистике» (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, ноябрь 2017 г.).

**Partitive and pseudo-partitive constructions in Hill Mari:
Syntax and semantics**

A. V. Soloveva

Lomonosov Moscow State University, Moscow

nit-sol@mail.ru

Abstract. This paper addresses major semantic and morpho-syntactic peculiarities of nominal constructions in Hill Mari which generally include two nominals designated as N1 and N2. N2 describes an entity or a single item, while N1 either quantifies it or provides a description of its container. The paper argues that different interpretations of such constructions (Ad Hoc Measure reading, Specific Portion reading and Container + Contents reading in terms of V. Borschev and B. Partee) correspond to different types of syntactic structures in Hill Mari.

This paper mostly focuses on the structure of juxtaposed constructions, which can only have an Ad Hoc Measure reading in Hill Mari. My assumption is that, even though their referential interpretation is impossible, they are full nominals with a DP structure, because N1 can take a possessor as a modifier. Such DPs consist of a numeral and N1, but not of N1 and N2 forming a single constituent. Both components can be modified by adjectives (N1, by size adjectives only), but not by demonstrative or indefinite pronouns, since the construction represents a non-referential set of items.

The paper also considers Hill Mari means for expressing relationships between N1 and N2 components in partitive (a presupposed set of items) and pseudo-partitive (an undefined set of items) constructions. This section mostly analyzes generalizations on similar structures made for a sample of over 50 European languages by M. Koptjevskaja-Tamm.

Keywords: partitive constructions, pseudo-partitive constructions, the Ad Hoc Measure reading, Specific Portion reading, Container + Contents reading, juxtaposed constructions.

1. Введение

Настоящая статья посвящена особенностям таких именных количественных конструкций, как ‘стакан молока’ и ‘стакан это-

го молока' в горномарийском языке. Эти конструкции в общем случае задают отношение между двумя компонентами: N1 (*cäškä* 'чашка', *jamdar* 'бутылка'), характеризующим значение единицы меры, и N2 (*šäšer* 'молоко', *väd* 'вода'), означающим измеряемую субстанцию или измеряемые предметы.

В случае, если N2 — подмножество единиц, отделяющееся от основного референтного определенного или неопределенного множества именем, обозначающим меру количества или объема (N1), мы имеем дело с **партитивными** конструкциями (ПК) ('чашка этого чая', 'корзина бабушкиных пирожков'). **Псевдопартитивные** конструкции (ППК) отличаются от партитивных тем, что обозначают скорее абстрактную меру некой субстанции [Rutkowski 2007], когда подмножество отделяется от нереперентного неопределенного множества ('чашка чая', 'корзина пирожков').

Конструкции, содержащие в своей структуре N1 и N2, могут заключать в себе, помимо мерного, также и контейнерное значение или же вообще нести только его. В таких случаях они не имеют ни партитивного, ни псевдопартитивного значения, а N1 определяется как контейнер, содержащий то, что обозначается с помощью N2, или контейнер, предназначенный для этого. В языках мира разным прочтениям (мерному и контейнерному) могут соответствовать разные синтаксические структуры [Kortjevskaja-Tamm 2001; Alexiadou et al. 2007; Борщёв, Парти 2011].

Данная работа имеет три задачи:

— проверить, одинаковые или различные синтаксические структуры соответствуют в горномарийском языке функциям, выделенным в [Борщёв, Парти 2011; Khrizman et al. 2015] на материале русского, венгерского, нидерландского языков и иврита (раздел 2);

— установить синтаксические отношения между N1 и N2 при мерном значении конструкций (раздел 3);

— сравнить синтаксические структуры партитивных и псевдопартитивных конструкций на основе анализа, предложенного в [Kortjevskaja-Tamm 2009] (раздел 4).

Все наблюдения, описанные в статье, основаны на данных, собранных в ходе экспедиции МГУ в с. Микряково Горномарийского р-на Республики Марий Эл летом 2017 г.

2. Соответствие горномарийских синтаксических конструкций разным семантическим отношениям между N1 и N2

2.1. Состав конструкций

В горномарийском языке имеется пять различных синтаксических конструкций, выражающих отношения между N1 и N2, которые могут быть схематически представлены следующим образом:

- N2-PROP N1 (i);
- N1 N2 (ii);
- N2 N1 (iii);
- N1-IN-ATTR N2 (iv);
- N2 *dono* ‘с’ N1 (v).

Конструкция, в которой N2 маркируется атрибутивным суффиксом (i), имеющим проприетивное значение (‘N1, имеющий N2’) в горномарийском однозначно не указывает, где именно находится N2 по отношению к N1: внутри или на поверхности, ср. (1). Однако в том случае, когда рассматриваемая конструкция передает значение ‘N1, на поверхности которого находится N2’, это обладание не может быть временным. Так, например, в (1) ведро может быть наполнено ягодами («временное обладание») или иметь соответствующий рисунок на поверхности («постоянное обладание»), но не может быть испачкано ягодами («временное обладание»).

- N2-PROP N1
- (1) *mör-än*   *vedöra*
ягода-PROP   ведро
‘ведро, имеющее ягоды внутри’
‘ведро, на котором нарисованы ягоды’

Эта конструкция способна выражать широкий спектр значений. Как было выяснено, двумя из них являются ‘X, имеющий внутри Y’ и ‘X, постоянно имеющий на поверхности Y’ (1). Кроме того, данный показатель может выражать обладание некоторым нематериальным признаком:

- (2) *âš-an*   *ädäräš*
ум-PROP девочка
‘умная девочка’

В (3) и (4) представлены конструкции с соположением, в которых связь между N1 и N2 не маркируется (ii)–(iii):

- N1 N2
 (3) *stopka šāšer*
 стакан молоко
 ‘стакан молока’
- N2 N1
 (4) *šāšer stopka*
 молоко стакан
 ‘стакан для молока’

Конструкция с соположением N2 N1, в которой имя, обозначающее КВАНТ², предшествует имени, имеющему значение КОНТЕЙНЕРА (ii), используется в значении контейнера для хранения N2, например, ‘стакан для молока’, ср. (4)–(5).

- (5) *peledāš vaza pādārg-en*
 цветок ваза биться-PRF.3SG
 ‘Ваза для цветов разбилась’.

Схожее употребление аналогичных конструкций можно встретить в коми, удмуртском, ср. [Pleshak 2016], и водском языках. Ниже приводятся примеры из последнего:

- ВОДСКИЙ
- (6a) *vesi panki*
 вода ведро
 ‘ведро для воды’
- (6б) *suppi luzikk*
 суп ложка
 ‘суповая ложка’ [Маркус, Рожанский 2017: 567]

В примере (7) N1 маркируется сочетанием показателей инессива *-štā* и атрибутивизатора *-šā* (iv)³.

² При измерении субстанции под КВАНТОМ мы понимаем ее порцию, а при измерении множеств — одно из его возможных подмножеств.

³ В [Плешак 2017] высказывается предположение, что *štāšā* — единый показатель.

N1-IN-ATTR N2

- (7) *štopka-štâ-šâ šăšer*
 стакан-IN-ATTR молоко
 ‘молоко, находящееся в стакане’

Конструкция с *dono* ‘с’ (v), ср. (8), употребляется реже остальных и встречается в основном в речи молодых информантов.

N2 *dono* N1

- (8) *šăšer dono štopka*
 молоко с стакан
 ‘стакан с молоком’ (контейнер, *полностью* наполненный квантом или заполненный квантом частично)
 ‘стакан молока’ (контейнер, *полностью* наполненный квантом, согласно общепринятым представлениям о полноте наполнения данного контейнера данным квантом)

2.2. *Функции конструкций, имеющих в своей структуре N1 и N2*

В работе [Борщёв, Парти 2011] на материале русского языка выделяется четыре возможных подтипа конструкции генитива меры (ср. *стакан молока*), содержащей в общем случае N1 и N2: КОНТЕЙНЕР+КВАНТ, КВАНТ, «AD NOS»-МЕРА И СТАНДАРТИЗОВАННАЯ МЕРА. В горномарийском, как и во многих других языках, не имеется одной конструкции, которая бы охватывала все эти значения. Каждый подтип в этом языке выражается с помощью разных конструкций. Их мы анализируем далее.

2.2.1. *КОНТЕЙНЕР+КВАНТ*. Данная функция предполагает значение контейнера, выраженного N1, вместе с его содержимым N2. Этот тип также называют “dotted type” (от *dot* — ‘точка, символ умножения’) [Pustejovsky 1995].

В примере (9) говорящий имеет в виду контейнер и его содержимое как единое целое.

РУССКИЙ

- (9) *Поставь корзину яблок на стол.*

Прочтение КОНТЕЙНЕР+КВАНТ возможно только в том случае, когда N1 — контейнер в понимании [Борщёв, Парти 2011], т. е. такое вместительное, которое имеет следующие свойства:

— физический объект с полостью;

— наполняется подходящими субстанциями (*бутылка воды*, но не *корзина воды);

— может быть наполнен частично (*полкорзины цветов*, но не *полвазы цветов);

— функционален (*стакан воды*, но не ²*бассейн воды*: бассейн предназначен для плавания, а не для хранения воды).

В горномарийском языке для выражения такого значения могут быть использованы две конструкции, (i) и (v). В обеих N2 (КВАНТ) предшествует N1, обозначающему КОНТЕЙНЕР.

В русском языке значение конструкции типа *стакан с молоком* схоже с функцией КОНТЕЙНЕР+КВАНТ (контейнер, наполненный квантом). Она может использоваться как с контейнерами, так и с другими вместилищами: ‘стакан с молоком’, ‘бассейн с водой’. Отличие от прочтения КОНТЕЙНЕР+КВАНТ заключается в отсутствии «парного» значения [Pustejovsky 1995], под которым понимается отсылка одновременно к контейнеру и к содержимому, полностью его заполняющему, согласно общепринятым представлениям, ср. рус. *В углу лежат три мешка яблок*. Используя же конструкцию с предлогом, мы говорим только о контейнере, и неизвестно, насколько он заполнен содержимым, полностью или нет.

Похожая конструкция существует и в горномарийском, это конструкция с послелогом *dono* ‘с’ (8). Для выражения значения КОНТЕЙНЕР, наполненный или заполненный частично квантом (*стакан с молоком*), используется также конструкция с проприетивным суффиксом на N2 (i):

(10a) *pi mäläm karandaš dono*
 дать я.DAT.POSS.1SG карандаш с
koropl'a-m
 коробка-ACC
 {Мне нужна коробка.} ‘Дай мне коробку с карандашами’.

(10b) *pi mäläm karandaš-an koropl'a-m*
 дать я.DAT.POSS.1SG карандаш-PROP коробка-ACC
 {Мне нужна коробка.} ‘Дай мне коробку с карандашами’.

(10в) *pi mäläm koropl'a*
 дать я.DAT.POSS.1SG коробка

karandaš-əm

карандаш-ACC

{Мне нужны карандаши.} ‘Дай мне коробку карандашей’.

*{Мне нужна коробка.} ‘Дай мне коробку с карандашами’.

(Референтом конструкции являются карандаши, а не коробка)

- (10г) *pu mäläm koropl'a-štê-šê karandaš-əm*
 дать я.DAT.POSS.1SG коробка-IN-ATTR карандаш-ACC
 {Мне нужен / нужны карандаш(и).} ‘Дай мне карандаш(и),
 находящийся / находящиеся в коробке’.
 *{Мне нужна коробка.} ‘Дай мне коробку с карандашами’.
 (Референтом конструкции является / являются карандаш(и),
 а не коробка)

Конструкции (i) и (v) в примерах (10а–б) имеют значение полностью или частично заполненного контейнера (*коробка с карандашами*). Левый контекст, приведенный в фигурных скобках и отсылающий именно к контейнеру (*коробке*), снимает потенциальную неоднозначность прочтения (контейнер или содержимое) конструкций в этих примерах. Использование же конструкций (ii) и (iv) в примерах (10в–г) грамматично, но недопустимо при заданном дополнительном контексте, т. к. их референтом являются измеряемые предметы (*karandaš* ‘карандаш(и)’), а не контейнер (*koropl'a* ‘коробка’).

Конструкции, используемые в (10а–б), также могут иметь значение КОНТЕЙНЕР+КВАНТ, при котором контейнер полностью наполнен:

- (11а) *mән' olma-an cīc mešäk-əm*
 я яблоко-PROP полный мешок-ACC
stöl vəkä šänd-en-äm
 стол на поставить-PRF-1SG
 ‘Я положил(а) полный мешок яблок на стол’.

- (11б) *mән' olma dono cīc mešäk-əm*
 я яблоко с полный мешок-ACC
stöl vəkä šänd-en-äm
 стол на поставить-PRF-1SG
 ‘Я положил(а) полный мешок яблок на стол’.

- (11в) **mән'*   *cic*   *mešäk olma-m*
я   полный   мешок яблоко-ACC
stöl   *väkä*   *šänd-en-äm*
стол   на   поставить-PRF-1SG
Ожид.: 'Я положил(а) полный мешок яблок на стол'.
- (11г) *mән'*   *cic*   *mešäk-äštä-šä*   *olma-m*
я   полный   мешок-IN-ATTR   яблоко-ACC
stöl   *väkä*   *šänd-en-äm*
стол   на   поставить-PRF-1SG
'Я положил(а) на стол яблоко / яблоки из полного мешка'.
*'Я положил(а) на стол полный мешок яблок'.

В примерах (11а–б) допустимость именного модификатора *cic* 'полный' указывает на «парное» значение [Pustejovsky 1995] обеих конструкций: они одновременно отсылают к контейнеру и его содержимому, ср. рус. *мешок яблок*, а не к неизвестно насколько наполненному контейнеру, ср. рус. *мешок с яблоками*. Конструкция N1 N2 в (11в) неграмматична, а конструкция N1-IN-ATTR N2 в (11г) отсылает только к содержимому контейнера.

Таким образом, в горномарийском языке функциям КОНТЕЙНЕР+КВАНТ 'стакан, полностью заполненный молоком', ср. рус. *стакан молока*, и КОНТЕЙНЕР, полностью заполненный КВАНТОМ или содержащий КВАНТ, ср. рус. *стакан с молоком*, соответствуют две синонимичные синтаксические конструкции: N2-PROP N1 и N1 *dono* N2.

2.2.2. *Вместилища, которые не могут быть контейнерами*. Как было сказано выше, не все вместилища являются контейнерами, и существуют параметры, по которым можно отличить контейнер от «неконтейнера». Те N1, которые обозначают вместилища, не являющиеся контейнерами, не могут быть использованы в конструкциях с *dono* 'с', ср. рус. *карман денег, *сейф париков, *бассейн воды:

- (12а) *väd-än*   *bassein-äštä*   *kalpak ki-ä*
вода-PROP   бассейн-IN   шапка лежать-NPST.3SG
'В бассейне с водой лежит шапка'.

- (12б) **väd dono bassein-äštä kalpak ki-ä*
 вода с бассейн-IN шапка лежать-NPST.3SG
 Ожид.: ‘В бассейне с водой лежит шапка’.

В русском языке «неконтейнеры» употребляются (если употребляются) только с предлогом *с*.

Результаты рассмотрения трех значений, в которых N1 является вместилищем, представлены в Таблице 1:

Таблица 1. Соответствие значений, при которых N1 — вместилище⁴, синтаксическим конструкциям

Table 1. Meanings, at which N1 denotes a container, and corresponding syntactic constructions

Конструкция	КОНТЕЙНЕР + КВАНТ (стакан молока)	КОНТЕЙНЕР, наполненный или заполненный час- тично квантом (стакан с молоком)	«неконтейнер», содержащий КВАНТ (сейф с пари- ками)
N2-PROP N1	+	+	+
N1 <i>dono</i> N2	+	+	–

Следовательно, конструкция N2-PROP N1 является предпочтительной для такого прочтения именных конструкций в горномарийском языке, в которых N1 — вместилище, а не мера для измерения сущности, выражающейся с помощью N2.

2.2.3. *Функция порции КВАНТ*. Согласно [Борщёв, Парти 2011], значением функции КВАНТ является порция субстанции, заполняющая конкретные контейнеры (ср. рус. *Выпей этот стакан воды*). В горномарийском языке такое прочтение имеют конструкция с соположением N1 N2 (ii) (13) и конструкция, в которой N1 маркируется сочетанием показателей инессива *-štä* и атрибутивизатора *-šä* (iv) (14):

- (13) *vas'a kok kastr'ul'a lem-äm*
 Вася два кастрюля суп-ACC
šolt-en kogo-žä
 сварить-PRF.3SG большой-POSS.3SG

⁴ Под вместилищем понимаются как контейнеры, так и «неконтейнеры».

äškä-län-em   *izi-žžä*   *äzä-žžä-län*
 REFL-DAT-POSS.1SG   маленький-POSS.3SG   брат-POSS.3SG-DAT
 ‘Вася сварил две кастрюли супа, большую для себя и маленькую для брата’.

- (14) *tädä*   *stopka-štä-ššä*   *šššer-äm*
 этот   стакан-IN-ATTR   молоко-ACC
jü-n   *kolt-en*
 пить-CVB   послать-PRF.3SG
 ‘Он выпил молоко, находящееся в стакане’.

2.2.4. Функция «AD НОС»-МЕРА. Данная функция несет значение количества субстанции, отмеряемого некоторым «окказиональным» контейнером, ср. рус. *два с половиной ведра яблок, три бака бензина*. В горномарийском языке значению «AD НОС»-МЕРА соответствует конструкция с соположением N1 N2 (ii):

- (15a) *tädä*   *ik*   *stopka*   *dä*   *pelä*
 этот   один   стакан   и   половина
šššer-äm   *jü-n*   *kolt-en*
 молоко-ACC   пить-CVB   послать-PRF.3SG
 ‘Он выпил полтора стакана молока’.

- (15б) *tädä   *ik*   *stopka-štä-ššä*   *dä*
 этот   один   стакан-IN-ATTR   и
pelä   *šššer-äm*   *jü-n*   *kolt-en*
 половина   молоко-ACC   пить-CVB   послать-PRF.3SG
 Ожид.: ‘Он выпил полтора стакана молока’.

- (15в) *tädä   *šššer*   *dono*   *ik*   *stopka-m*
 этот   молоко с   один   стакан-ACC
dä   *pelä*   *jü-n*   *kolt-en*
 и   половина   пить-CVB   послать-PRF.3SG
 Ожид.: ‘Он выпил полтора стакана молока’.

- (15г) *tädä   *šššer-an*   *ik*   *stopka-m*
 этот   молоко-PROP   один   стакан-ACC
dä   *pelä*   *jü-n*   *kolt-en*
 и   половина   пить-CVB   послать-PRF.3SG
 Ожид.: ‘Он выпил полтора стакана молока’.

2.2.5. *Функция СТАНДАРТИЗОВАННАЯ МЕРА*. Рассматриваемая функция имеет значение количества субстанции, определяемого стандартным размером контейнера, используемого для измерений [Борщёв, Парти 2011]. В отличие от предыдущего значения, в этой функции N1 обозначает контейнер не любого случайного размера, а *стандартного, общепринятого*. Типичными контекстами использования рассматриваемой функции являются кулинарные рецепты (ср. рус. *Насыть ложку соды*).

В горномарийском языке только конструкция с соположением (ii) может передавать значение СТАНДАРТИЗОВАННАЯ МЕРА:

- (16а) *opta kâm stopka lašaš-âm*
 класть.IMP.2SG три стакан мука-ACC
 ‘Положи три стакана муки’.
- (16б) **opta kâm stopka-štâ-šê lašaš-âm*
 класть.IMP.2SG три стакан-IN-ATTR мука-ACC
 Ожид.: ‘Положи три стакана муки’.
- (16в) **opta lašaš-an kâm stopka-m*
 класть.IMP.2SG мука-PROP три стакан-ACC
 Ожид.: ‘Положи три стакана муки’.
- (16г) **opta lašaš dono kâm stopka-m*
 класть.IMP.2SG мука с три стакан-ACC
 Ожид.: ‘Положи три стакана муки’.

Обобщим полученные данные. Соответствия прочтений синтаксическим конструкциям, содержащим N1 и N2, в горномарийском языке приведены в Таблице 2.

Таблица 2. Соответствие функций конструкций, содержащих N1 и N2, синтаксическим структурам в горномарийском языке

Table 2. Constructions, containing N1 and N2: functions and corresponding syntactic constructions in Hill Mari

Значение	N2-PROP N1	N2 <i>dono</i> N1	N1 N2	N1-IN-ATTR N2
КОНТЕЙНЕР + КВАНТ	+	+	-	-

КОНТЕЙНЕР (неполный)	+	+	-	-
ВМЕСТИЛИЩЕ (не контейнер) + КВАНТ	+	-	-	-
КВАНТ	-	-	+	+
«AD НОС»-МЕРА	-	-	+	-
СТАНДАРТИЗОВАННАЯ МЕРА	-	-	+	-

Исходя из этих данных, далее мы будем рассматривать функции КВАНТ, «AD НОС»-МЕРА и СТАНДАРТИЗОВАННАЯ МЕРА как мерные, а первые три представленные в Таблице 2 как контейнерные.

Несмотря на то, что мы объединили в одну группу значения КВАНТ, «AD НОС»-МЕРА и СТАНДАРТИЗОВАННАЯ МЕРА, рассматривать их как одно все же не стоит. Так, в работе [Partee, Borschev 2012], а затем и в [Khrizman et al. 2015] отмечается отдельное значение порции (КВАНТ), особенности которого иллюстрируются в последней статье на материале нескольких языков, в т. ч. русского:

РУССКИЙ

(17) [#]*Иван сидит на диване и пьет два с половиной литра водки.*

(18) [?]*Иван сидит на диване и пьет стакан чая.* [Khrizman et al. 2015: 204]

В (17)–(18) инкрементальность темы и имперфективность затрудняют мерное прочтение конструкции. Пример (17) прагматически аномален, т. к. данный контекст требует интерпретации КВАНТ, тогда как дробное выражение и использование существительного *литр* навязывают интерпретацию СТАНДАРТИЗОВАННАЯ МЕРА [Partee, Borschev 2012]. Выражение *стакан чая*, напротив, допускает интерпретацию КВАНТ, что делает сравнительно приемлемым пример (18).

Проанализируем аналогичным образом данные горномазийского языка. Примеры (19)–(21) демонстрируют поведение конструкций N1 N2 (ii) с дробным выражением, N1-IN-ATTR N2 (iv) и N1 N2 (ii) без дробного выражения соответственно, в имперфективном контексте с инкрементальной темой:

(19) [#]*pet'a*   *koktâ*   *dä*   *pele*   ***stopka***
 Петя   два   и   половина   стакан

šäšer-äm   *käzät jü-eš*
 молоко-ACC   сейчас пить-NPST.3SG
 ‘Петя сейчас пьет два с половиной стакана молока’.

(20) [?]*pet’a*   *stopka-štā-šä*   *šäšer-äm*
 Петя   стакан-IN-ATTR   молоко-ACC
käzät jü-eš
 сейчас   пить-NPST.3SG
 ‘Петя сейчас пьет молоко в стакане’.

(21) [?]*pet’a*   *cäškä čäj-äm*   *käzät jü-eš*
 Петя   чашка чай-ACC   сейчас   пить-NPST.3SG
 ‘Петя сейчас пьет чашку чая’.

Предложение (19) является прагматически странным по той же причине, что и (17). Инкрементальность темы и имперфективность не допускают мерного прочтения. Конструкции, имеющие интерпретацию КВАНТ (20)–(21), более допустимы в данном контексте.

3. Синтаксические отношения N1 и N2

Перед тем как перейти к анализу отношений двух компонентов рассматриваемой структуры, стоит отметить, что для аргументации мы будем использовать высказанную в [Grimshaw 1991] гипотезу о «расширенной проекции» функциональных вершин, которые не меняют категориального статуса лексических вершин, надстраиваясь над ними.

Так, в работе [Симоненко, Леонтьев 2012] о структуре именного комплекса в шести близкородственных финно-угорских идиомах высказывается предположение, что DP является расширенной проекцией PossP, PossP — расширенной проекцией NumP, а NumP, в свою очередь, расширенной проекцией NP.

В нашей работе, помимо указанных выше проекций, мы также будем использовать кванторную проекцию QP, упоминающуюся в большом количестве работ, и менее известную проекцию MeasP, которая обсуждалась, например, в диссертации [Yadroff 1999], посвященной анализу гипотезы о существовании большого количества функциональных проекций в именных и предложных группах русского языка. MeasP выделяется в этой работе для классификаторов, ср. рус. *штука*. Данная проекция

также упоминается в статье [Rotstein 2012] о структуре различных именных количественных конструкций, для мерных классификаторов, таких как, например, *three glasses* ‘три стакана’.

В следующих подразделах мы подробнее рассмотрим синтаксическую структуру ППК мерной интерпретации в горномарийском языке и проверим, насколько применимы для нее некоторые существующие теории описания ППК.

Стоит также отметить, что в горномарийском языке существует противопоставление косвенных и прямых падежей. Они демонстрируют некоторые различные морфосинтаксические свойства. Например, прямые падежи следуют за показателями числа и определенности, косвенные же с показателями определенности не сочетаются, а показателям посессивности предшествуют; при посессоре в ед. ч. у ИГ в косвенных падежах противопоставление по числу обладаемого отсутствует, в прямых же оно сохраняется, подробнее об этих и других различиях см. в [Плешак 2017]. Однако в составе ППК не наблюдается различий в поведении ИГ в прямых и косвенных падежах, поэтому ниже различие между конструкциями с различным маркированием вершины не проводится.

3.1. Анализ структуры конструкции с соположением N1 N2, имеющей мерную интерпретацию, на базе существующих подходов

В данном разделе будут рассмотрены два анализа выражения связи между N1 и N2 в ППК, предложенные в работе [Alexiadou et al. 2007]: анализ одной проекции (Monoprojectional approach) и предикативный анализ (Predicational approach). Проанализируем отдельно каждый подход применительно к данным горномарийского языка.

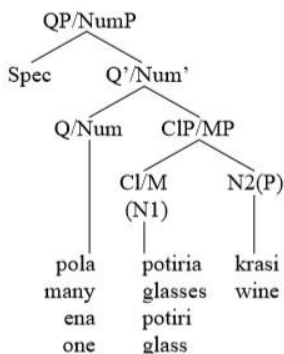
3.1.1. Анализ одной проекции. Согласно анализу одной проекции, ППК — проекция, где N1 — полуфункциональная, а N2 — лексическая вершины. Понятие полуфункциональной вершины первый раз вводится в [Riemsdijk 1998], где предполагается, что эта единица ведет себя как функциональная, но в то же время обладает лексическим содержанием, т. е. может иметь, например, такие зависимые, как кванторы или числительные.

В рамках данного подхода ППК рассматриваются как одна проекция, которая семантически отсылает только к одному компоненту, несмотря на то, что содержит два имени:

Рис. 1. Структура анализа одной проекции [Alexiadou et al. 2007: 416]

Fig. 1. Structure under monoprojectional approach [Alexiadou et al. 2007: 416]

В горномарийском языке при мерном прочтении значением конструкции действительно является субстанция, взятая в определенном количестве:

- (22) *tädä*   *počti*   *stopka väd-äm*   *jü-n*
 этот   почти   стакан вода-ACC   пить-CVB
kolt-en
 послать-PRF.3SG
 ‘Он выпил почти стакан воды’.

А. Алексиаду отмечает, что одним из условий для того, чтобы считать ППК одной проекцией, является поведение N1, схожее с поведением других приименных модификаторов. Например, для греческого языка показывается, что N1 и N2, а также кванторное слово маркируются одним и тем же падежом, который приписывается им глагольной вершиной:

- ГРЕЧЕСКИЙ
 (23) *aghora-s-e*   *ena*   *matsak-i*
 купить-PST-3SG   один   веточка-SG.ACC
maidan-o
 петрушка-SG.ACC
 ‘Он(а) купил(а) одну веточку петрушки’.

- (24) *t-is prosfe-r-e pol-us*
она-DAT предложить-PST-3SG много-PL.ACC
iakinth-us
гиацинт-PL.ACC
‘Ей предложили много гиацинтов’. [Alexiadou et al. 2007: 411]

В изучаемых говорах горномарийского языка ни N1, ни кванторное слово не могут нести на себе падежный показатель и употребляются в атрибутивной позиции в немаркированной форме:

- (25) *tel-əm mä kečän'=ok jamdar*
зима-ACC мы каждый.день=EMPH бутылка
šäšer-əm jü-än-nä
молоко-ACC пить-PRF-1PL
‘Зимой мы каждый день пили бутылку молока’.
- (26) *tel-əm mä kečän'=ok šukâ*
зима-ACC мы каждый.день=EMPH много
šäšer-əm jü-än-nä
молоко-ACC пить-PRF-1PL
‘Зимой мы каждый день пили много молока’.

В [Alexiadou et al. 2007] и [Vos 1999: Chapter 4] обсуждается синтаксическая дистрибуция кванторных слов и N1 для греческого и голландского языков. Отмечается общая способность этих единиц употребляться в качестве ответа на вопрос о количестве взятой субстанции. Данные горномарийского языка, как мы можем видеть из примера (27), удовлетворяют этому условию. Стоит также отметить, что в случае отсутствия N2 (27B), в отличие от того, что мы наблюдаем в (26), N1 и кванторное слово получают падежное маркирование:

- (27) А:
man'ar šäšer-əm tän' tengečä jü-än-ät
сколько молоко-ACC ты вчера пить-PRF-2SG
‘Сколько молока ты вчера выпил?’
- В:
šuk-əm / stakan-əm
много-ACC стакан-ACC
‘Много / стакан’.

Анализ одной проекции подразумевает, что ни N1, ни N2 не являются вершинами собственных именных проекций. Они не могут быть модифицированы ни указательными местоимениями, ни кванторными словами, ни относительными клаузами. Однако предполагается, что N2, будучи лексической вершиной, может иметь зависимые прилагательные, хоть и, вероятнее всего, классифицирующие, которые, согласно иерархии [Scott 2002: 102], проверенной в [Pereltsvaig 2007] на материале артиклевом (английского) и безартиклевом (русского) языках, располагаются в синтаксической структуре ниже, чем прилагательные оценки. При этом утверждается, что даже если перед N1 стоят имена прилагательные, они относятся к N2 или же оформляют [N1+N2], но не N1:

ГОЛЛАНДСКИЙ

- (28) *een heerlijk glas wiin*
 один вкусный стакан вино
 ‘один стакан вкусного вина’
 *‘один вкусный стакан вина’ [Alexiadou et al. 2007: 420]

В горномарийском языке N1 и N2 действительно не могут быть модифицированы указательными местоимениями при мерном, нереферентном прочтении ППК:

- (29) *#tel-äm mä kečän'=ok stopka*
 зима-ACC мы каждый.день=EMPH стакан
tī šäšer-äm jü-än-nä
 этот молоко-ACC пить-PRF-1PL
 ‘Зимой мы каждый день пили стакан этого молока’.
- (30) *#tī kok stopka šäšer-äm vis-en-ät dä*
 этот два стакан молоко-ACC мерить-PRF-2SG и
tän'-än grečkä=t polučajal-de keleş
 ты-GEN гречка=ADD получаться-NEG.PRF[3SG] надо
älân škaf-äštâ-šâ stopka šäšer-äm vis-äš
 RETR1 шкаф-IN-ATTR стакан молоко-ACC мерить-INF
 ‘Ты отмерил эти два стакана молока, и у тебя не получилось сварить гречку, надо было отмерить молоко стаканом, который стоит в шкафу’.

В примере (30) *tī kok stopka šäšeräm* ‘эти два стакана молока’ имеет прочтение порции, т. е. это не субстанция, отмеренная

два раза одним и тем же «окказиональным» контейнером, а две порции, наполняющие два определенных, возможно, разных по объему, стакана. Эта интерпретация делает данный пример прагматически странным.

В качестве зависимых N2 может иметь разные типы прилагательных, как классифицирующие, так и оценочные (32), что противоречит анализу одной проекции. Из-за мерной интерпретации ППК N1 может иметь в качестве зависимых только прилагательные размера, ср. (31).

(31) *izi* / *cever *čāškā* *čāj-de*
 маленький красивый чашка чай-CAR
t'et'a-vlā *čāčkādān* *amal-en* *a-k* *kerd-ep*
 ребёнок-PL часто спать-CVB NEG.NPST-3 мочь-PL
 'Дети часто не могут заснуть, не выпив маленькую /
 красивую чашку чая'.

(32) *tel-ām* *mā* *kečān'=ok* *stopka*
 зима-ACC мы каждый.день=EMPH стакан
totlā / *jongata* / *āškal* *šāšer-ām* *jü-ān-nā*
 вкусный свежий коровий молоко-ACC пить-PRF-1PL
 'Зимой мы каждый день пили стакан вкусного / свежего /
 коровьего молока'.

Важным условием анализа одной проекции ППК также является то, что изначально одну проекцию (CIP / MP) составляют именно N1 с N2, ср. Рис. 1, а не числительное с N1. В следующем подразделе мы проверим истинность этого факта для данных горномарийского языка.

3.1.2. Структура составляющих в псевдопартитивных конструкциях с числительным. А. Алексиаду в своей работе приводит несколько аргументов в пользу того, что ППК можно анализировать как одну проекцию, содержащую N1 и N2.

Во-первых, в качестве одного из доказательств она ссылается на доклад [Löbel 1999], в котором отмечается реляционность N1 меры (в терминах Е. Лёбел N[+Q]) вместе с ограничениями на выбор N2: его употребление является прагматически странным без эксплицитного или имплицитного упоминания N2, которое должно обозначать квантуемую сущность, ср. (33)–(34).

(33) A: *What did John buy?*
‘Что купил Джон?’

B: *#John bought a bunch* (cf. *John bought a bunch of flowers.*)
‘Джон купил букет’. (Джон купил букет цветов)

(34) A: *Do you like flowers?*
‘Тебе нравятся цветы?’

B: *I buy three bunches every week.*
‘Я покупаю три букета каждую неделю’. [Alexiadou et al. 2007: 406]

Это верно и для данных горномарийского языка, ср. (35)–(36). Однако в этих примерах также можно видеть, что не только N1, но и сочетание «числительное + N1» нуждается в эксплицитном / имплицитном упоминании измеряемой сущности. Таким образом, реляционность N1 нельзя считать полноценным аргументом в пользу того, что N1 с N2 образуют одну проекцию прежде, чем числительное с N1 образуют сложный квантор.

(35a) *ma tä kängäž-äm každâj irok jü-än-dä*
что вы лето-ACC каждый утро пить-PRF-2PL
‘Что вы каждое утро летом пили?’

(35b) *#kängäž-äm mä každâj irok (kok)*
лето-ACC мы каждый утро (два)
stopka jü-än-nä
стакан пить-PRF-1PL
‘Летом каждое утро мы выпивали два стакана / стакан’.

(36a) *man'ar šäšer-äm tä kängäž-äm*
сколько молоко-ACC вы лето-ACC
každâj irok jü-än-dä
каждый утро пить-PRF-2PL
‘Сколько молока вы пили летом каждое утро?’

(36b) *kängäž-äm mä každâj irok (kok)*
лето-ACC мы каждый утро (два)
stopka jü-än-nä
стакан пить-PRF-1PL
‘Летом каждое утро мы выпивали два стакана / стакан’.

Во-вторых, в пользу того, что изначально именно N1 с N2 формируют одну проекцию, А. Алексиаду в своей работе приводит также семантический аргумент: несмотря на то, что в общем случае ППК содержат два имени, при мерном прочтении они отсылают только к измеряемой сущности. Выше мы удостоверились в истинности данного суждения и для горномарийского языка, ср. (22). Однако это не кажется нам вполне убедительным для того, чтобы утверждать, что именно N1 с N2 изначально образуют одну проекцию. Ведь конструкция «числительное + N1 + N2» также отсылает к отмеряемой сущности, ср. разделы 2.2.3–2.2.5.

Во-третьих, в работе А. Алексиаду утверждается, что N1, будучи полуфункциональной вершиной проекции N2, за редким исключением, не может быть модифицирован именами прилагательными. Как было показано в разделе 3.1.1, это неверно для горномарийских ППК: здесь N1 может подвергаться модификации прилагательными размера.

Итак, выше мы рассмотрели три аргумента, предложенных А. Алексиаду в пользу того, что изначально именно N1 с N2 формируют одну проекцию. Истинность двух из них мы доказали и для горномарийских ППК. Однако мы также показали, что эти утверждения верны и в том случае, когда в структуре присутствует числительное. Таким образом, нет оснований полагать, что анализ одной проекции N1 N2 подходит для горномарийских ППК.

Мы же предполагаем, что горномарийские ППК устроены так, что внутри конструкции количественное числительное и единица измерения N1 образуют сложный квантор. В качестве доказательства далее мы рассматриваем один из критериев выделения фразовых категорий, предложенных в [Тестелец 2001], а именно допустимость топикализации.

Под топикализацией понимается вынос составляющих в начало предложения. Следующие примеры показывают, что топикализации может подвергаться сочетание числительного с N1, но не N1 с N2:

(37)	<i>kok</i>	<i>stopka kängäž-äm</i>	<i>mä</i>	<i>každâj</i>
	два	стакан лето-ACC	мы	каждый

- irok tarək-əm jü-ən-nä*
 утро простокваша-ACC пить-PRF-1PL
 Букв.: ‘Два стакана летом мы каждое утро простокваши пили’.
- (38) **stopka tarək-əm kängäž-əm mä*
 стакан простокваша-ACC лето-ACC мы
každâj irok kok / kôktâ-(m)⁵
 каждый утро два два-(ACC)
jü-ən-nä
 пить-PRF-1PL
 Ожид.: ‘Стакана простокваши летом мы каждое утро два пили’.

А. Алексиаду в своей работе также упоминает топикализацию, но не в качестве критерия выделения составляющих, а для наглядного подтверждения того, что числительное с N1 ведет себя сходным образом с простым кванторным словом. В [Alexiadou et al. 2007: 412] утверждается, что топикализации может подвергаться часть именной проекции, а именно N2, ср. греч.:

- ГРЕЧЕСКИЙ
- (39a) *vivlia aghora-s-e [pola _] fetos*
 книги купить-PST-3SG много этот.год
 ‘В этом году он(а) купил(а) много книг’.
- (39б) *vivlia aghora-s-e [mia kuta _] fetos*
 книги купить-PST-3SG один коробка
 этот.год
 ‘Он(а) купил(а) одну коробку книг в этом году’. [Alexiadou et al. 2007: 412]

Причины разрыва конструкции, а также того, что N2 не формирует отдельную составляющую N2P, которая подвергалась бы топикализации, а отделяется в качестве части составляющей, не обсуждаются.

⁵ Числительные ‘один’ — ‘девять’ в горномарийском языке имеют краткую и полную формы. К последней могут присоединяться формоизменяемые аффиксы, ср. [Саваткова 2002]. Формы *kôktâ* и *kok* являются полной и краткой формой числительного ‘два’ соответственно.

В нашей работе мы не оспариваем тот факт, что сочетание «числительное + N1» ведет себя схоже с кванторными словами. Напротив, мы считаем, что именно оно изначально формирует составляющую, выражающую значение меры сущности N2.

Обсудив выше непригодность анализа одной проекции N1 N2 для горномарийских ППК, мы пока оставили без внимания вопрос о синтаксической позиции числительного в рассматриваемой конструкции. Согласно [Danon 2012], существует два возможных варианта расположения числительного в количественных конструкциях: числительное может быть вершиной собственной проекции или же составляющей, занимающей позицию спецификатора. Г. Данон утверждает, что двумя решающими факторами в вопросе о позиции числительного являются маркирование компонентов ИГ падежом и числом.

Случай, когда числительное занимает позицию спецификатора, возможен только при условии того, что числительное не несет свой собственный морфологический показатель числа. В горномарийских ППК как числительное, так и N1 с N2 не маркируются показателем множественного числа (подробнее см. в разделе 3.1.4).

Критерий падежа заключается в том, что числительное является вершиной собственной проекции тогда и только тогда, когда внутри DP числительное или препозитивная единица типа английского *of* приписывает внутренний падеж именной группе. В горномарийском языке падеж приписывается конструкции извне и выражается на N2 (подробнее см. в разделе 3.1.4).

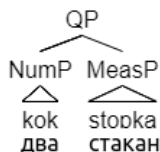
Таким образом, можно утверждать, что в горномарийских ППК числительное формирует собственную группу и занимает позицию спецификатора одной из функциональных проекций ИГ. Осталось лишь выяснить, какой именно.

В [Yadroff 1999; Partee, Borschev 2012; Rothstein 2012] и в ряде других работ, в которых предлагается структурный анализ именных групп, выделяется специальная функциональная проекция MeasP для классификаторов. Мы предполагаем, что она встраивается в QP, в **спецификаторе** которой находится проекция числительного:

Рис. 2. Структура QP в псевдопартитивных конструкциях с числительным

Fig. 2. Structure of QP in pseudopartitive constructions with numerals

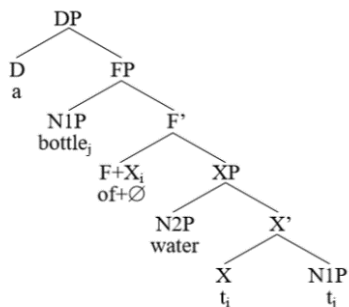
3.1.3. *Предикативный анализ.* Предикативный анализ ППК в первую очередь предполагает возможность предикативных отношений между N1 и N2 [Alexiadou et al. 2007]. Горномарийские ППК, как мы видим из следующего примера, обладают таким свойством. Отношения между N1 и N2 могут быть предикативными, так же как между простым квантором и N2:

- (40) *šăšer mäm-nä-n jamdar / šukâ*
 молоко мы-POSS.1PL-GEN бутылка много
 ‘Молока у нас бутылка / много’.

Изначально анализ, предусматривающий предикативное передвижение, был предложен в [Dikken 1995] для N-of-N конструкций, таких как *an idiot of doctor*, впоследствии он был расширен до ППК *a bottle of water* в работе [Corver 1998]. Предполагается, что *of* — это копия связки *be*, которая проявляется в финитных клаузах *that doctor is an idiot* и *water is in the quantity of a bottle* (см. Рис. 3).

Рис. 3. Предикативный анализ для ППК [Alexiadou et al. 2007: 451]

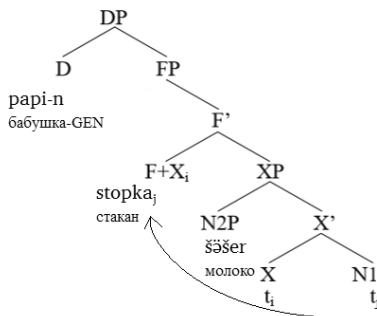
Fig. 3. Predicational analysis for pseudopartitive constructions [Alexiadou et al. 2007: 451]

В отношении языков, где ППК выражается конструкцией с соположением, Н. Корвер говорит о передвижении вершины, а не группы, т. к. иначе нельзя объяснить отсутствие такой связки как *of* в английском. Предполагается, что N1 передвигается в вершину функциональной проекции FP [F+X], и после ее озвучивания не требуется вставка связки. Для ППК в горномарийском языке синтаксическая структура, согласно данному анализу, выглядела бы так:

Рис. 4. Структура горномарийских ППК в рамках предикативного анализа

Fig. 4. Structure of Hill Mari pseudopartitive constructions under Predicational analysis

Тогда вершиной данной конструкции должно являться N1. Истинность этого предположения мы обсудим в следующем разделе.

3.1.4. *Вершина конструкции.* В уральских языках вершиной ППК с соположением и правда нередко является N1:

ФИНСКИЙ

- (41) *sit se osti iso-n*
 потом он(а) купил.3SG большой.GEN.SG
kasa-n ni-itä ilmapallo-ja
 охалка-GEN.SG этот-PRTV.PL шар-PRTV.PL
 ‘Потом он купил большую охалку этих шаров’. [Kortjevskaja-Tamm 2001: 531]

ЭСТОНСКИЙ

- (42) *kott kartule-id hakka-s*
 мешок картошка-PRTV.PL начать-PRET.3SG

ots-a   *saa-ma*
 конец-GEN.SG   получить-MINF
 ‘Мешок картошки заканчивается’. [Ibid.: 539]

Однако в территориально смежных с горномарийским языках Поволжья, как неродственных, так и генетически близких ему, вершиной ППК с соположением, наоборот, выступает N2:

БАШКИРСКИЙ
 (43) *min*   *ber*   *stakan piva-nə*   *es-ä-m*
 я   один   стакан пиво-ACC   пить-PRS-1SG
ä   *qal-yan-ə*   *hiñä*
 а   оставаться-PC.PST-P.3   ты.DAT
 {У нас есть бутылка пива.} ‘Я выпью стакан этого пива, а остальное — тебе’. [Сай 2014: 114]

ЧУВАШСКИЙ
 (44) *иккĕ*   *кашакĕ*   *курак-а*   *нĕрре*
 два   ложка   трава-DAT   один
стакан шыв-а   *йа-малла*
 стакан   вода-ACC   послать-DEB
 ‘К двум ложкам травы нужно добавить один стакан воды’.
 (Двуязычный корпус чувашского языка <http://corpus.chv.su/>)

УДМУРТСКИЙ
 (45) *одйг*   *стакан*   *ву-э*   *жыны*   *чечы*
 один   стакан   вода-ILL   половина   мед
пуньы сода суралт-оно юо-но
 ложка   сода   добавить-PTCP   пить-PTCP
 ‘К одному стакану воды добавляется пол-ложки меда и соды’. (Корпус удмуртского языка <http://web-corpora.net/UdmurtCorpus/>)

Применяя ряд тестов, предложенных в [Гестелец 2001], мы покажем, что в горномарийском языке в связи с контактным влиянием именно N2 является вершиной ППК.

1) Критерий эндоцентричности: вершиной является тот член составляющей, который характеризуется теми же признаками, что и вся составляющая. N2 *šäšer* ‘молоко’, в отличие от N1 *stopka* ‘стакан’, может употребляться в тех же контекстах, что и *stopka šäšer* ‘стакан молока’:

- (46) *tel-əm*   *mä*   *kečän'=ok*   ***šäšer-əm***
 зима-ACC   мы   каждый.день=EMPH   МОЛОКО-ACC
jü-ən-nä
 пить-PRF-1PL
 ‘Зимой каждый день мы пили молоко’.
- (47) *tel-əm*   *mä*   *kečän=ok*
 зима-ACC   мы   каждый.день=EMPH
stopka šäšer-əm   *jü-ən-nä*
 стакан   МОЛОКО-ACC   пить-PRF-1PL
 ‘Зимой каждый день мы пили стакан молока’.
- (48) *tel-əm   *mä*   *kečän'=ok*   *stopka-m*
 зима-ACC   мы   каждый.день=EMPH   стакан-ACC
jü-ən-nä
 пить-PRF-1PL
 Ожид.: ‘Зимой каждый день мы пили стакан’.

2) Морфосинтаксический локус: вершиной является тот элемент составляющей, который морфологически отражает связь составляющей с внешним контекстом.

Как показывают примеры (49)–(50), показатель грамматических и семантических падежей в рассматриваемой конструкции несет второй компонент.

- (49a) *kängäž-əm*   *mä*   *sola-štä*   *každäj*   *kečän*
 лето-ACC   мы   деревня-IN   каждый   день
kok stopka taräk-əm   *jü-ən-nä*
 два   стакан   простокваша-ACC   пить-PRF-1PL
 ‘Летом в деревне каждый день мы выпивали два стакана простокваши’.
- (49б) *kängäž-əm   *mä*   *sola-štä*   *každäj*   *kečän*
 лето-ACC   мы   деревня-IN   каждый   день
kok stopk-əm taräk   *jü-ən-nä*
 два   стакан-ACC   простокваша   пить-PRF-1PL
 Ожид.: ‘Летом в деревне каждый день мы выпивали два стакана простокваши’.
- (50a) *kok stopka taräk-de*   *t'et'ä-vlä*
 два   стакан   простокваша-CAR   ребенок-PL

čäčkädän amal-en   *a-k*   *kerd-ep*
 часто   спать-CVB   NEG.NPST-3   мочь-PL
 ‘Дети часто не могут заснуть, не выпив два стакана простокваши’.

- (50б) **kok stopka-de tarâk t’et’ä-vlä*
 два   стакан-CAR   простокваша   ребенок-PL
čäčkädän amal-en   *a-k*   *kerd-ep*
 часто   спать-CVB   NEG.NPST-3   мочь-PL
 Ожид.: ‘Дети часто не могут заснуть, не выпив два стакана простокваши’.

Как отмечено в [Плешак 2017], маркер множественного числа в рассматриваемой конструкции не присоединяется ни к первому, ни ко второму компоненту как при наличии, так и при отсутствии числительного. Конструкция с немаркированным единственным числом N1 и N2 может иметь как единичное, так и множественное прочтения: *stopka tarâk* ‘стакан простокваши’ и ‘стаканы простокваши’:

- (51a) **kängäž-äm mä sola-štâ každâj*
 лето-ACC   мы   деревня-IN   каждый
kečän’ stopka-vlä tarâk-vlä-äm jü-än-nä
 день   стакан-PL   простокваша-PL-ACC   пить-PRF-1PL
 Ожид.: ‘Летом в деревне мы каждый день пили стаканы простокваши’.

- (51б) **kängäž-äm mä sola-štâ každâj kečän’*
 лето-ACC   мы   деревня-IN   каждый   день
stopka-vlä tarâk-äm jü-än-nä
 стакан-PL   простокваша-ACC   пить-PRF-1PL
 Ожид.: ‘Летом в деревне мы каждый день пили стаканы простокваши’.

- (51в) **kängäž-äm mä sola-štâ každâj kečän’*
 лето-ACC   мы   деревня-IN   каждый   день
stopka tarâk-vlä-äm jü-än-nä
 стакан   простокваша-PL-ACC   пить-PRF-1PL
 Ожид.: ‘Летом в деревне мы каждый день пили стаканы простокваши’.

- (51г) *kängäž-äm*   *mä*   *sola-štê*   *každâj*   *kečän'*
 лето-ACC   мы   деревня-IN   каждый   день
stopka   *tarêk-âm*   *jü-än-nä*
 стакан   простокваша-ACC   пить-PRF-1PL
 'Летом в деревне мы каждый день пили стакан(ы) простокваши'.
- (52a) *kängäž-äm   *mä*   *sola-štê*   *každâj*
 лето-ACC   мы   деревня-IN   каждый
kečän'   ***kâm***   *stopka-vlä*
 день   три   стакан-PL
tarêk-vlä-âm   *jü-än-nä*
 простокваша-PL-ACC   пить-PRF-1PL
 Ожид.: 'Летом в деревне мы каждый день пили три стакана простокваши'.
- (52б) *kängäž-äm   *mä*   *sola-štê*   *každâj*
 лето-ACC   мы   деревня-IN   каждый
kečän'   ***kâm***   *stopka-vlä*
 день   три   стакан-PL
tarêk-âm   *jü-än-nä*
 простокваша-ACC   пить-PRF-1PL
 Ожид.: 'Летом в деревне мы каждый день пили три стакана простокваши'.
- (52в) *kängäž-äm   *mä*   *sola-štê*   *každâj*
 лето-ACC   мы   деревня-IN   каждый
kečän'   ***kâm***   *stopka*   *tarêk-vlä-âm*   *jü-än-nä*
 день   три   стакан   простокваша-PL-ACC   пить-PRF-1PL
 Ожид.: 'Летом в деревне мы каждый день пили три стакана простокваши'.
- (52г) *kängäž-äm*   *mä*   *sola-štê*   *každâj*
 лето-ACC   мы   деревня-IN   каждый
kečän'   ***kâm***   *stopka*   *tarêk-âm*   *jü-än-nä*
 день   три   стакан   простокваша-ACC   пить-PRF-1PL
 'Летом в деревне мы каждый день пили три стакана простокваши'.

Маркер посессивности⁶, выражающий согласование вершины с посессором по лицу и числу, невозможен на N1, к какому бы компоненту ППК он семантически ни относился, ср. (53a), и является факультативным на N2, как и во всех посессивных конструкциях, за исключением выражающих социальные и родственные отношения, ср. (53б):

(53a)	<i>*grečkă totlâ</i>	<i>li-žă</i>	<i>manân</i>
	гречка вкусный	являться-IMP.3SG	чтобы
	<i>papî-n</i>	<i>kok stopka-žă</i>	<i>šăšer-ăm</i>
	бабушка-GEN два	стакан-POSS.3SG	молоко-ACC
	<i>optal-aš</i>	<i>keleš</i>	
	вливать-INF	надо	

Ожид.: ‘Чтобы гречка была вкусной, нужно налить два бабушкиных стакана молока’. / ‘Чтобы гречка была вкусной, нужно налить два стакана бабушкиного молока’.

(53б)	<i>grečkă totlâ</i>	<i>li-žă</i>	<i>manân</i>
	гречка вкусный	являться-IMP.3SG	чтобы
	<i>papî-n</i>	<i>kok stopka šăšer-(ž)-ăm</i>	
	бабушка-GEN два	стакан молоко-(POSS.3SG)-ACC	
	<i>optal-aš</i>	<i>keleš</i>	
	вливать-INF	надо	

‘Чтобы гречка была вкусной, нужно налить два бабушкиных стакана молока’.

*‘Чтобы гречка была вкусной, нужно налить два стакана бабушкиного молока’.

В примере (53б) *papî-n kok stopka šăšer(ž)ăm* (‘два бабушкиных стакана молока’) — определенное количество молока, отмеряемое заданной мерой *papî-n kok stopka* (‘два бабушкиных стакана’). Согласование, вызванное генитивным зависимым и относящееся к N1 семантически, выражается на вершине конструкции — N2. Само N2 не может быть модифицировано генитивными зависимыми вне зависимости от их позиции (левее числительного (53б) или непосредственно перед N2, ср. (54)).

⁶ В данной работе мы рассматриваем только его притяжательную функцию, но не дискурсивную.

Пример (54) является прагматически странным для носителей горномарийского языка, т. к. *papin šäšer* ('бабушкино молоко') воспринимается как «молоко, производимое бабушкой»:

- (54) *#kagəl'* *totlâ* *li-žă* *manân*
 пирог вкусный являться-IMP.3SG чтобы
kok stopka papi-n šäšer-ăškă-žă
 два стакан бабушка-GEN молоко-ILL-POSS.3SG
ik mânê privaj-aš keleş
 один яйцо добавить-INF надо
 Ожид.: 'Чтобы у тебя получился вкусный пирог, нужно добавить одно яйцо к двум стаканам бабушкиного молока'.

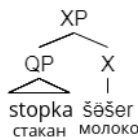
Настоящие же источники молока (коза, корова и т. д.) не могут выражаться с помощью генитивного зависимого, вместо этого используется конструкция с соположением:

- (55) *kagəl'* *totlâ* *li-žă* *manân*
 пирог вкусный являться-IMP.3SG чтобы
kok stopka âškal>(*ân) šäšer-ăškă
 два стакан корова>(*GEN) молоко-ILL
ik mânê privaj-aš keleş
 один яйцо добавить-INF надо
 'Чтобы у тебя получился вкусный пирог, нужно добавить одно яйцо к двум стаканам коровьего молока'.

Таким образом, из трех именных категорий, выражающихся в горномарийском языке, — числа, падежа и посессивности — только две могут выражаться в ППК: падеж и посессивность (факультативно), они и маркируют имя N2, которое является вершиной рассматриваемой конструкции. Следовательно, предикативный анализ также не подходит для горномарийских ППК, т. к. предусматривает вершинность N1. В общем случае получаем следующую структуру:

Рис. 5. Структура горномарийских ППК в общем случае

Fig. 5. General structure of Hill Mari pseudopartitive constructions

3.2. Является ли ППК с соположением мерной интерпретации структурой типа DP?

Как отмечается в [Плешак 2017], есть ряд свидетельств в пользу существования структуры DP в горномарийском языке. В силу того, что ППК имеют мерное, нереферентное значение, а группа определителя предполагает референтность структуры, постулирование наличия проекции DP может показаться сомнительным. Однако, как мы видели выше в разделе 3.1.4, ППК с мерной интерпретацией могут иметь генитивные зависимые с притяжательной функцией (55), такие как *rari-n* ‘бабушкин’.

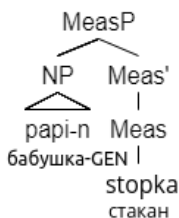
При наличии числительного генитивные зависимые находятся левее него, что соответствует более общим правилам: порядок зависимых в ИГ в горномарийском языке фиксирован, и генитивные ИГ располагаются левее числительных [Плешак 2017].

Таким образом, исходя из гипотезы, предложенной в [Плешак 2017], в примере (53) возможным источником приписывания посессивного генитива является D. Вершина Poss не может этого делать, т. к. согласование по посессивности на вершине ИГ в данных случаях носит факультативный характер.

Если это так и генитивные зависимые в ППК передвигаются в спецификатор DP, то порождаются такие зависимые должны в спецификаторе MeasP, модифицируя N1:

Рис. 6. Структура MeasP в горномарийских ППК

Fig. 6. Structure of MeasP in Hill Mari pseudopartitive constructions

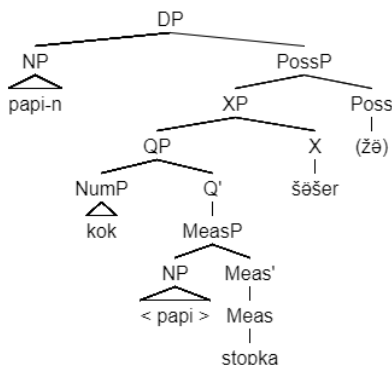
3.3. Вывод о синтаксической структуре ППК в горномарийском языке

Мы предполагаем, что ППК мерного прочтения — DP структура. N2, обозначающее измеряемую сущность, является вершиной функциональной проекции XP. Числительное и N1

образуют составляющую QP. Как N1, так и N2 могут иметь зависимые имена прилагательные (N1 только прилагательные размера), но не присоединяют указательные и неопределенные местоимения, т. к. конструкция обозначает отмеренную часть неопределенного, нереперентного множества единиц. При таком анализе получаем структуру, изображенную на Рис. 7:

Рис. 7. Структура горномарийских ППК

Fig. 7. Structure of Hill Mari pseudopartitive constructions

4. Сравнение партитивных и псевдопартитивных конструкций в горномарийском языке

В этом разделе мы рассмотрим различия и сходства выражения псевдопартитивных и партитивных отношений в горномарийском языке. Семантическая разница между этими отношениями обсуждалась в разделе 1.

В [Kortjevskaja-Tamm 2009] было предложено четыре утверждения, связанных с ПК и ППК и подтвержденных на достаточно большом количестве языков Европы, включая луговой марийский. В настоящем разделе мы проверим их истинность на горномарийских конструкциях, выражающих мерные значения. В разделе 2 было решено отнести к ним значения КВАНТ, «AD НОС»-МЕРА и СТАНДАРТИЗОВАННАЯ МЕРА. Таким образом, предметом рассмотрения текущего раздела будут две конструкции, примерами которых являются *stopka šəšer* ‘стакан молока’ (ii) и *stopka-štə-šə šəšer* ‘молоко, находящееся в стакане’ (iv).

Утверждение 1: в ПК всегда выражается связь между N1 и N2 (с помощью падежа либо предлога / послелога, относящихся к N2).

Конструкция с соположением N1 N2 (ii) соответствует трем функциям: КВАНТ, «AD НОС»-МЕРА и СТАНДАРТИЗОВАННАЯ МЕРА. Невозможность выражения двух последних в ПК объясняется их нереферентным прочтением, ср. (56).

- N1 N2 (функция «AD НОС»-МЕРА)⁷
- (56) *kängäž-äm   *mä*   *každâj*   *irok*   *kok*
 лето-ACC   мы   каждый   утро   два
stopka ti tarâk-äm   *jü-än-nä*
 стакан   этот   простокваша-ACC   пить-PRF-1PL
 ‘Летом каждое утро мы выпивали два стакана этой простокваши’.

Значение функции КВАНТ, при котором рассматривается подмножество референтного множества, намного предпочтительнее передается с помощью конструкции, в которой N1 маркируется сочетанием показателя инессива и атрибутивизатора (iv), ср. (57)–(58). В этих примерах конструкции, содержащие N1 и N2, несут именно значение КВАНТ, т. к. говорящий предполагает, что Петя выпил молоко, отмеряя порции разного размера.

- N1-IN-ATTR N2 (функция КВАНТ)
- (57) *petja kolmâ stopka-štâ-šâ*   *dä*   *kok*
 Петя   три   стакан-IN-ATTR   и   два
cäškä-štâ-šâ ti šäšer-äm   *jü-n*
 чашка IN-ATTR   этот   молоко-ACC   пить-CVB
kolt-en
 послать-PRF.3SG
 {Бабушка принесла два литра молока.} ‘Петя выпил три стакана и две чашки этого молока’.

⁷ Пример ППК, выполняющих функцию СТАНДАРТИЗОВАННАЯ МЕРА, мы здесь не приводим, т. к. они также имеют нереферентное прочтение. Единственной разницей между этими функциями является то, что при значении СТАНДАРТИЗОВАННАЯ МЕРА N1 — стандартный, а не «окказиональный» контейнер.

- N1 N2 (функция КВАНТ)
 (58) ^{??}*petja kolmâ stopka dä kok cäškä ti*
 Петя три стакан и два чашка этот
šäšer-äm jü-n kolt-en
 молоко-ACC пить-CVB послать-PRF.3SG
 {Бабушка принесла два литра молока.} ‘Петя выпил три
 стакана и две чашки этого молока’.

Таким образом, данные горномарийского языка соответствуют рассматриваемому утверждению: для выражения связи компонентов ПК использование конструкции с соположением (ii) в горномарийском языке нежелательно.

Утверждение 2: в ППК почти всегда N1 предшествует N2.

В обеих рассматриваемых конструкциях N1 действительно предшествует N2.

Утверждение 3: в языках, в которых соположение является предпочтительным способом оформления ППК, ППК и ПК будут принадлежать разным типам маркирования отношений N1 и N2.

Из двух возможных синтаксических структур, соответствующих значениям ППК, именно конструкция с соположением наиболее частотна.

В то же время, как было показано в комментарии к первому утверждению, значение ПК (подмножество референтного множества единиц) предпочтительнее выражается с помощью конструкции, в которой N1 маркируется сочетанием показателя инессива и атрибутивизатора.

Утверждение 4: в языках, в которых соположение является предпочтительной формой для ППК, будут отсутствовать числительные, приписывающие падеж своим компонентам.

Это утверждение подтверждается: в горномарийском языке нет числительных, которые были бы способны приписывать падеж.

Таким образом, несмотря на то, что горномарийский язык имеет необычно большое разнообразие в выборе конструкций ПК и ППК, в целом все утверждения, предложенные в [Kortjevskaja-Tamm 2009], можно считать верными и для него.

5. Заключение

В данной работе были рассмотрены горномарийские количественные именные конструкции, содержащие в своей структуре N1, обозначающее меру субстанции или контейнер для нее, и N2, имеющее значение некантованной сущности. Выделив пять конструкций, которые выражают отношения между N1 и N2, мы установили соответствие синтаксических структур мерной / контейнерной интерпретациям.

Далее мы остановились на конструкциях с соположением N1 и N2 с мерной интерпретацией, для того чтобы установить синтаксическую связь между ее компонентами. Было показано, что ППК, имеющие мерную интерпретацию, являются DP структурой. N2 представляет собой вершину функциональной проекции XP. Количественное числительное и N1 тесно связаны друг с другом и образуют составляющую QP.

В разделе 3 мы доказали истинность для горномарийского языка утверждений о ПК и ППК, сделанных в [Кортjevская-Тамм 2009] для языков Европы.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ПК — партитивная конструкция; ППК — псевдопартитивная конструкция; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; ATTR — атрибутивизатор; CAR — каритив; CVB — конверб; DAT — датив; DEB — дебитатив; DP — проекция определителя (*determiner phrase*); EMPH — усилительная частица; FP, XP — функциональная проекция (*functional phrase*); GEN — генитив; ILL — иллатив; IMP — императив; IN — инессив; INF — инфинитив; MeasP — проекция меры (*measure phrase*); MINF — супин; NEG — отрицание; NP — проекция лексического существительного (*noun phrase*); NPST — непрошедшее время; NumP — проекция числа (*numeral phrase*); P — притяжательный аффикс; PC, PTCP — причастие; PL — множественное число; POSS — посесивность; PossP — проекция посессора (*possessive phrase*); PRET — претерит; PRF — перфект; PROP — проприетив; PRS — презенс; PRTV — партитив; PST — прошедшее время; QP — кванторная проекция (*quantifier phrase*); REFL — возвратное местоимение; RETR1 — ретроспективный сдвиг; SG — единственное число.

Литература

- Борщёв, Парти 2011 — В. Б. Борщёв, Б. Х. Парти. Генитив меры в русском языке, типы и сорта // И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин (ред.). Слово и язык: Сб. статей к 80-летию академика Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 2011. С. 95–137.
- Маркус, Рожанский 2017 — Е. Б. Маркус, Ф. И. Рожанский. Современный водский язык. Тексты и грамматический очерк. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Нестор-История, 2017.
- Плешак 2017 — П. С. Плешак. Морфосинтаксис именной группы в мокшанском и горномарийском языках. Дипломная работа. МГУ, М., 2017.
- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка. (Bibliotheca Ceremissica 5). Savariae: Berzsényi Dániel Főiskola, 2002.
- Сай 2014 — С. С. Сай. Псевдопартитивы и другие именные конструкции с названиями контейнеров в башкирском языке // В. Ф. Выдрин, Н. В. Кузнецова (отв. ред.). От Бикина до Бамбалюмы, из варяг в греки. Экспедиционные этюды в честь Е. В. Перехвальской. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 107–126.
- Симоненко, Леонтьев 2012 — А. П. Симоненко, А. П. Леонтьев. Морфосинтаксис именного комплекса в финно-пермских языках: анализ в рамках программы минимализма // А. И. Кузнецова (отв. ред.). Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 262–339.
- Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.
- Alexiadou et al. 2007 — A. Alexiadou, L. Haegeman, M. Stavrou. Semi-functional categories: The N-of-N construction and the Pseudo-Partitive construction // A. Alexiadou, L. Haegeman, M. Stavrou (eds.). Noun Phrase in the Generative Perspective. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. P. 395–472.
- Corver 1998 — N. Corver. Predicative movement in pseudopartitive constructions // A. Alexiadou, C. Wilder (eds.). Possessors, Predicates and Movement in the Determiner Phrase. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1998. P. 215–258.
- Danon 2012 — G. Danon. Two structures for numeral-noun constructions // *Lingua*. 2012. Vol. 122. № 12. P. 1282–1307.

- Dikken 1995 — M. Dikken. *Particles: On the Syntax of Verb Particle, Triadic, and Causative Constructions*. New York: Oxford University Press, 1995.
- Grimshaw 1991 — J. Grimshaw. *Argument Structure*. 2nd print. Cambridge, MA: MIT Press, 1991.
- Khrizman et al. 2015 — K. Khrizman, F. Landman, S. Lima, S. Rotstein, B. R. Schvartz. Portion readings are count readings, not measure readings // Th. Brochhagen, F. Roelofsen, N. Theiler (eds.). *Proceedings of the 20th Amsterdam Colloquium*. Amsterdam: Institute for Logic, Language, and Computation, 2015. P. 197–206.
- Koptjevskaja-Tamm 2001 — M. Koptjevskaja-Tamm. “A piece of the cake” and “a cup of tea”: Partitive and pseudo-partitive nominal constructions in the Circum-Baltic languages // Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). *The Circum-Baltic Languages: Typology and Contact*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. Vol. 2: Grammar and Typology. P. 523–568.
- Koptjevskaja-Tamm 2009 — M. Koptjevskaja-Tamm. “A lot of grammar with a good portion of lexicon”: Towards a typology of partitive and pseudopartitive nominal constructions // J. Helmbrecht, Y. Nishina, Y. Shin, S. Skopeteas, E. Verhoeven (eds.). *Form and Function of Language Research: Papers in Honour of Christian Lehmann*. (Trends in Linguistics Studies and Monographs). Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2009. P. 329–347.
- Löbel 1999 — E. Löbel. *Classifiers and the notion of ‘Semi-Lexical Head’*. Paper presented at the Workshop on Semi-Lexical Heads. Tilburg University, Netherlands, May 20, 1999.
- Partee, Borschev 2012 — B. Partee, V. Borschev. Dva stakana moloka: Substances and containers in genitive of measure constructions in Russian // *Русский язык в научном освещении*. 2012. № 2 (24). P. 140–166.
- Pereltsvaig 2007 — A. Pereltsvaig. The univirality of DP: A view from Russian // *Studia Linguistica*. 2007. Vol. 61. № 1. P. 59–94.
- Pleshak 2016 — P. Pleshak. Adnominal possessive constructions in Mordvin, Mari, and Permic // 49th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea. 31 August — 3 September 2016. University of Naples Federico II, Naples. Book of Abstracts. Naples: S. n., 2016. P. 877–879.
- Pustejovsky 1995 — J. Pustejovsky. *The Generative Lexicon*. Cambridge, MA: MIT Press, 1995.
- Riemsdijk 1998 — H. Riemsdijk. Categorical feature magnetism: The endocentricity and distribution of projections // *Journal of Comparative Germanic Linguistics*. 1998. Vol. 2. № 1. P. 1–48.
- Rotstein 2012 — S. Rotstein. Numericals: Counting, measuring and classifying // A. Aguilar-Guevara, A. Chernilovskaya, R. Nouwen (eds.). Pro-

- ceedings of Sinn und Bedeutung 16. (MIT Working Papers in Linguistics). Cambridge, MA: MIT Press, 2012. Vol. 2. P. 527–543.
- Rutkowski 2007 — P. Rutkowski. The syntactic properties and diachronic development of postnominal adjectives in Polish // R. Compton, M. Goledzinowska, U. Savchenko (eds.). *Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Toronto Meeting 2006*. (Michigan Slavic Materials 52). Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2007. P. 326–345.
- Scott 2002 — G.-J. Scott. Stacked adjectival modification and the structure of nominal phrases // G. Cinque (ed.). *The Cartography of Syntactic Structures*. Vol. 1: *Functional Structure in DP and IP*. (Oxford Studies in Comparative Syntax). Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 91–120.
- Vos 1999 — R. Vos. A grammar of partitive constructions. PhD Thesis. Tilburg University, Tilburg, 1999.
- Yadroff 1999 — M. Yadroff. Formal properties of functional categories: The minimalist syntax of Russian nominal and prepositional expressions. PhD Thesis. Indiana University, Bloomington, 1999.

References

- Alexiadou et al. 2007 — A. Alexiadou, L. Haegeman, M. Stavrou. Semi-functional categories: The N-of-N construction and the Pseudo-Partitive construction. A. Alexiadou, L. Haegeman, M. Stavrou (eds.). *Noun Phrase in the Generative Perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. P. 395–472.
- Borschev, Partee 2011 — V. B. Borschev, B. H. Partee. Genitiv mery v ruskomazykye, tipy i sorta [The Russian genitive of measure, types and sorts]. I. M. Boguslavskiy, L. L. Iomdin, L. P. Krysin (eds.). *Slovo i yazyk: Sb. statey k vosmidesyatiletiju akademika Yu. D. Apresyana* [Word and Language: Collection of Articles to the 80th Anniversary of Yu. D. Apresyan]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2011. P. 95–137.
- Corver 1998 — N. Corver. Predicative movement in pseudopartitive constructions. A. Alexiadou, C. Wilder (eds.). *Possessors, Predicates and Movement in the Determiner Phrase*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1998. P. 215–258.
- Danon 2012 — G. Danon. Two structures for numeral-noun constructions. *Lingua*. 2012. Vol. 122. No. 12. P. 1282–1307.
- Dikken 1995 — M. Dikken. *Particles: On the Syntax of Verb Particle, Triadic, and Causative Constructions*. New York: Oxford University Press, 1995.

- Grimshaw 1991 — J. Grimshaw. *Argument Structure*. 2nd print. Cambridge, MA: MIT Press, 1991.
- Khrizman et al. 2015 — K. Khrizman, F. Landman, S. Lima, S. Rotstein, B. R. Schvartz. Portion readings are count readings, not measure readings. Th. Brochhagen, F. Roelofsen, N. Theiler (eds.). *Proceedings of the 20th Amsterdam Colloquium*. Amsterdam: Institute for Logic, Language, and Computation, 2015. P. 197–206.
- Koptjevskaja-Tamm 2001 — M. Koptjevskaja-Tamm. “A piece of the cake” and “a cup of tea”: Partitive and pseudo-partitive nominal constructions in the Circum-Baltic languages. Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). *The Circum-Baltic Languages: Typology and Contact*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. Vol. 2: *Grammar and Typology*. P. 523–568.
- Koptjevskaja-Tamm 2009 — M. Koptjevskaja-Tamm. “A lot of grammar with a good portion of lexicon”: Towards a typology of partitive and pseudopartitive nominal constructions. J. Helmbrecht, Y. Nishina, Y. Shin, S. Skopeteas, E. Verhoeven (eds.). *Form and Function of Language Research: Papers in Honour of Christian Lehmann*. (Trends in Linguistics Studies and Monographs). Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2009. P. 329–347.
- Löbel 1999 — E. Löbel. Classifiers and the notion of ‘Semi-Lexical Head’. Paper presented at the Workshop on Semi-Lexical Heads. Tilburg University, Netherlands, May 20, 1999.
- Markus, Rozhansky 2017 — E. B. Markus, F. I. Rozhansky. *Sovremennyy vodskiy yazyk. Teksty i grammaticheskiy ocherk* [The Modern Votic Language. Texts and Grammar]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017.
- Partee, Borschev 2012 — B. Partee, V. Borschev. Dva stakana moloka: Substances and containers in genitive of measure constructions in Russian. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2012. No. 2 (24). P. 140–166.
- Pereltsvaig 2007 — A. Pereltsvaig. The univirsality of DP: A view from Russian. *Studia Linguistica*. 2007. Vol. 61. No. 1. P. 59–94.
- Pleshak 2016 — P. Pleshak. Adnominal possessive constructions in Mordvin, Mari, and Permian. *49th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea. 31 August — 3 September 2016*. University of Naples Federico II, Naples. Book of Abstracts. Naples: S. n., 2016. P. 877–879.
- Pleshak 2017 — P. S. Pleshak. *Morphosintaksis imennoy gruppy v mokshanskom i gornomariyskom yazykakh* [Morphosyntax of Moksha and Hill Mari nominals]. Graduation Thesis. Moscow State University, Moscow, 2017.
- Pustejovsky 1995 — J. Pustejovsky. *The Generative Lexicon*. Cambridge, MA: MIT Press, 1995.

- Riemsdijk 1998 — H. Riemsdijk. Categorical feature magnetism: The endocentricity and distribution of projections. *Journal of Comparative Germanic Linguistics*. 1998. Vol. 2. No. 1. P. 1–48.
- Rotstein 2012 — S. Rotstein. Numericals: Counting, measuring and classifying. A. Aguilar-Guevara, A. Chernilovskaya, R. Nouwen (eds.). *Proceedings of Sinn und Bedeutung 16*. (MIT Working Papers in Linguistics). Cambridge, MA: MIT Press, 2012. Vol. 2. P. 527–543.
- Rutkowski 2007 — P. Rutkowski. The syntactic properties and diachronic development of postnominal adjectives in Polish. R. Compton, M. Golezdzinowska, U. Savchenko (eds.). *Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Toronto Meeting 2006*. (Michigan Slavic Materials 52). Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2007. P. 326–345.
- Savatkova 2002 — A. A. Savatkova. Gornoye narechiye mariyskogo yazyka [Hill Mari Language]. (Bibliotheca Ceremissica 5). Savariae: Berzsényi Dániyel Főiskola, 2002.
- Say 2014 — S. S. Say. Pseudopartitiviy i drugiye imennyye konstruktсии s nazvaniyami konteynerov v bashkirskom yazyke [Pseudopartitive and other nominal constructions with container names in Bashkir]. V. F. Vydrin, N. V. Kuznetsova (eds.). *Ot Bikina do Bambalyumy, iz varyag v greki. Ekspeditsionnyye etyudy v chest Ye. V. Perekhval'skoy* [From Bikin to Bambalyuma. From the Varangians to the Greeks: Expeditions Essays in honour of Elena Vsevolodovna Perekhval'skaya]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. P. 107–126.
- Scott 2002 — G.-J. Scott. Stacked adjectival modification and the structure of nominal phrases. G. Cinque (ed.). *The Cartography of Syntactic Structures*. (Oxford Studies in Comparative Syntax). Oxford: Oxford University Press, 2002. Vol. 1: Functional Structure in DP and IP. P. 91–120.
- Simonenko, Leontev 2012 — A. P. Simonenko, A. P. Leontev. Morfosintaksis imennogo kompleksa v finno-permskikh yazykakh: analiz v ramkakh programmy minimalizma [Morphosyntax of Finno-Permic nominals under minimalist program]. A. I. Kuznetsova (ed.). *Finno-ugorskiye yazyki: Fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formalnyy i funktsionalnyy podkhody* [Finno-Ugrian Languages: Fragments of the Grammar. Formal and Functional Approaches]. (Studia philologica). Moscow: Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi, 2012. P. 262–339.
- Testelets 2001 — Ya. G. Testelets. Vvedeniye v obshchiy sintaksis [Introduction to General Syntax]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2001.
- Vos 1999 — R. Vos. A grammar of partitive constructions. PhD Thesis. Tilburg University, Tilburg, 1999.

Yadroff 1999 — M. Yadroff. Formal properties of functional categories: The minimalist syntax of Russian nominal and prepositional expressions. PhD Thesis. Indiana University, Bloomington, 1999.

**СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЗНАЧЕНИЙ
БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ И ПРОСПЕКТИВА
В ИНГЕРМАНЛАНДСКОМ ФИНСКОМ**

С. С. Шарыгина

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург
sofya-sharygina@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются различные способы выражения значений футуральной и проспективной зон в ингерманландском финском. Анализируемые данные были получены методом устного анкетирования в ходе полевой работы на территории Ленинградской обл. в 2017 г. В статье перечисляются встреченные в собранном материале способы выражения значений проспективной и футуральной зон; делаются наблюдения о контекстах употребления и особенностях каждого из выявленных показателей: способности передавать перфективные и имперфективные ситуации, сочетаться с одушевленными и неодушевленными субъектами и т. д.

Ключевые слова: финский, ингерманландский финский, будущее время, проспектив, время, аспект, финно-угорские языки, полевое исследование.

**The means of expressing future and prospective semantics
in Ingrian Finnish**

S. S. Sharygina

St. Petersburg State University, St. Petersburg
sofya-sharygina@mail.ru

Abstract. The paper investigates various means for expressing future and prospective semantics in Ingrian Finnish, described in the literature either as a dialect of Finnish or as an independent language. The data under analysis was obtained by interviewing native speakers during field trips to Gatchinsky, Vsevolozhsky, Lomonosovsky, and Volosovsky Districts of Leningrad Oblast in 2017.

After an overview of the prospective aspect and future tense in Ingrian Finnish, the paper proposes a list and a description of future and prospective markers found in the material collected.

The future reference devices include *praesens pro futuro*, traditionally described as the non-past tense, and the construction *käyvä* ‘walk, go’ + the 3rd infinitive of the main verb in the illative form.

Prospective semantics can be conveyed by the non-past tense form and by a range of constructions, including: *lähtii* ‘go, leave’ + the 3rd infinitive of the main verb in the illative form; *tahtoo* ‘want’ + the 3rd infinitive of the main verb in the illative form; *olla* ‘be’ + the 5th infinitive of the main verb in the plural adessive form; and *olla* ‘be’ + the 3rd infinitive of the verb *käyvä* ‘walk, go’ in the inessive form + the 3rd infinitive of the main verb in the illative form.

The paper also discusses the semantic contexts in which the listed forms and constructions are used, including certain specific features of the latter like: ability / inability to describe perfective or imperfective events; the degree of grammaticalization; ability / inability to combine with animate or inanimate subjects, etc. In addition, assumptions about probable Standard Finnish influence are proposed.

Keywords: Finnish, Ingrian Finnish, future tense, prospective aspect, tense, aspect, Finno-Ugric languages, field research.

1. Введение

1.1. Ингерманландский финский: основные сведения

Ингерманландский финский — идиом, определяемый исследователями преимущественно как диалект (или совокупность диалектов) финского языка [Kettunen 1930], а его носителями — как самостоятельный язык [Доброва 2019], относящийся к прибалтийско-финской группе уральской языковой семьи.

В настоящее время численность носителей ингерманландского финского по разным данным составляет от нескольких сотен до тысячи человек [Ракитина 2015] и, вследствие крайне неблагоприятной социолингвистической ситуации, достаточно быстро уменьшается, что позволяет охарактеризовать идиом как находящийся под угрозой исчезновения.

Ингерманландский финский распространен на территории современной Ленинградской области с XVII в. [Kettunen 1930].

В результате массовых депортаций 30–40-х гг. XX в. и частично самостоятельного переселения XX в. немногочисленные диаспоры носителей ингерманландского финского возникли и в других регионах России, а также на территории иных государств, в частности Финляндии, Эстонии и Швеции [Муслимов 2009а: 180].

Исследование, результаты которого изложены в настоящей работе, проводилось на материале данных, полученных методом устного анкетирования в ходе полевой работы в Гатчинском, Всеволожском, Ломоносовском и Волосовском р-нах Ленинградской обл. в 2017 г.

Следует отметить, что у большинства опрошенных носителей ингерманландского финского прослеживается достаточно серьезное влияние русского языка, а также влияние литературного финского языка, возникшее в последние два десятилетия в результате контактов с финскими миссионерами [Муслимов 2009а: 180].

В работе была сделана попытка, во-первых, выявить различные способы выражения значений футуральной и проспективной зон в ингерманландском финском и, во-вторых, дать описание семантических контекстов употребления каждого из выявленных показателей.

В разделе 1.2 настоящей статьи приводится краткая информация о формах III и V инфинитива, использующихся при образовании обсуждаемых далее форм и конструкций. В разделе 2 даются общие сведения о взаимодействии граммем проспектива и футурума в языках мира, о представленных в научной литературе взглядах на него и об актуальности рассмотрения данного вопроса. В разделе 3 представлена краткая характеристика футурума, перечислены встреченные в материале исследования способы выражения значений футуральной зоны и сделаны некоторые наблюдения о контекстах их употребления. В разделе 4 представлена аналогичная информация о граммеме проспектива и способах выражения ее значений в ингерманландском финском.

1.2. Краткие сведения об упоминаемых в статье инфинитивных формах в ингерманландском финском

В состав большинства форм и конструкций, описываемых в разделах 3–4 данной статьи, входят падежные формы III или V инфинитива.

Инфинитив принято определять как неличную форму глагола, сочетающую в себе одновременно глагольные и именные признаки.

И в литературном финском языке, и в ингерманландском финском инфинитивы формируют разветвленную систему, каждая форма в составе которой характеризуется особым морфологическим показателем, а также одним из падежных показателей. Кроме того, в некоторых случаях к инфинитивной форме присоединяется дополнительный показатель посессивности, обозначающий субъект действия, которое описывается инфинитивом.

В общей сложности в ингерманландском финском насчитывается пять инфинитивов, из которых два используются для образования форм и конструкций с футуральным и проспективным значением.

Третий инфинитив образуется при помощи показателя *-ma-* / *-mä-*. Его иллативная форма, образуемая с помощью удлинения гласной этого показателя (*-maa-* / *-mää-*), может обладать рядом значений: значение цели при глаголах движения; значения футурально-проспективной семантической зоны и т. д. Инессивная форма третьего инфинитива образуется путем присоединения к показателю *-ma-* / *-mä-* показателя инессива *-s* или, в случае влияния литературного языка на диалекты, *-ssa* / *-ssä*. Инессивная форма в ингерманландских диалектах употребляется в составе конструкций с бытийными глаголами и передает значение «нахождение субъекта в процессе действия» [Гринеvская 2017: 38–40].

Пятый инфинитив образуется с помощью показателя *-mainen* / *-mäinen*, однако используется исключительно в форме адессива множественного числа, образованной в результате присоединения к показателю пятого инфинитива *-mais-* / *-mäis-* показателя множественного числа *-i-* и показателя адессива *-lla-* / *-llä-* [Дубровина 2016: 495]. Кроме того, эта форма может присоединять притяжательный суффикс, указывающий на подлежащее предложения (24).

Данная форма достаточно специфична и редко используется в ингерманландском финском, по-видимому, она встречается только в составе конструкций с проспективным значением [Гринеvская 2017: 47–48].

2. Проспектив и футурум: сходства, различия и взаимосвязь

Проспектив и будущее время являются семантически близкими граммемами и потому нередко встречаются в сходном контексте. Так, в некоторых научных работах (например, [Fleischman 1982: 17; Dahl 2000: 319]) проспектив рассматривается скорее как «маргинальный» подвид будущего времени, чем как самостоятельная аспектуальная граммама.

Тем не менее с точки зрения общей типологически ориентированной грамматической семантики проспектив и футурум следует разграничивать. Проспектив является аспектуальной, а не временной граммемой, его первичной функцией является указание на внутренние характеристики ситуации, а не на ее расположение на временной оси.

Кроме того, форма проспектива может сочетаться с показателями настоящего, прошедшего и будущего времени, соответственно указывая на состояние субъекта в момент речи, способное привести к некоторой будущей ситуации; на существовавшую предпосылку реализации ситуации, которая, тем не менее, скорее всего не была реализована; и на возникновение таких предпосылок в будущем [Плунгян 2011: 388].

3. Способы выражения значений футуральной зоны

Футурум (будущее время) — одна из трех граммем глагольного времени, значение которой традиционно определяется как «ситуация Р последует за моментом речи» [Плунгян 2011: 367].

Футурум несколько отличается от двух других граммем глагольного времени: например, нельзя утверждать, что его показатели указывают на некую будущую ситуацию так же, как, например, показатели прошедшего времени указывают на ситуацию в прошлом: это было бы неправильно как с точки зрения семантики, так и с точки зрения непосредственного употребления граммем будущего времени в языках мира [Vybe et al. 1991: 19]. Так, большая часть событий, относящихся к настоящему времени, и многие прошлые события могут быть (хотя бы гипотетически) объектами личного наблюдения говорящего или кого-то иного. В отличие от них события, относящиеся к будущему, наблюдать невозможно, т. к. они не принадлежат реальному миру и по этой

причине являются гипотезами, пусть и правдоподобными. Следовательно, использование футурума указывает не на реализацию ситуации в будущем, а на то, что в момент речи делается утверждение (предсказание) о ее реализации [Bybee et al. 1991].

В силу этого футурум оказывается очень близок к семантической зоне ирреальности: так, в некоторых языках (например, в дирбале и в бирманском языке), где к реалису относят все имеющие или имевшие место ситуации, а к ирреалису — гипотетические ситуации, референция к плану будущего маркируется именно как ирреальная категория [Comrie 1985: 45]. На данном основании некоторые лингвисты вообще отрицают принадлежность футурума к категории времени и предлагают ограничивать ее двумя граммемами: прошедшим временем и непрошедшим [Плунгян 2011: 367].

Вне зависимости от решения, принимаемого по этому вопросу, следует помнить о существенном отличии футурума от других времен: параллелизм, возникающий при «логической» формулировке значения граммем времени (т. е. одновременность, предшествование и следование по отношению к моменту речи как точке отсчета), является несколько искусственным.

Нельзя не упомянуть и о существовании в некоторых языках (например, в литовском) строгого троичного морфологического противопоставления «прошедшее» — «настоящее» — «будущее», но следует отметить, что такие случаи достаточно редки. Напротив, языки с бинарной системой времен встречаются относительно регулярно. К ним, в числе прочих языков, относятся как литературный финский язык, так и ингерманландский финский, в котором противопоставляются друг другу прошедшее и непрошедшее время.

Обсуждается и возможность существования систем, включающих будущее и небудущее время. Однако такая оппозиция часто описывается как модальная с противопоставлением ирреальных («будущие») и реальных («не-будущие») форм, а не темпоральная [Плунгян 2011: 269].

В собранном материале встречаются следующие способы выражения значений семантической зоны будущего времени: использование формы т. н. настоящего времени в значении будущего, традиционно (и в дальнейшем в тексте статьи) она назы-

вается **формой непрошедшего времени** [Таран 2013: 16] (1); конструкция *käyvä* ('ходить, идти') + **III инфинитив смыслового глагола в форме иллатива** (2).

- (1) *huomen tullo-o*   *hyvä*   *ilma*
завтра   приходит-3SG   хороший   погода
'Завтра наступит хорошая погода'¹.
- (2) *mie*   *käy-n*   *luke-ma-a*
я   идти-1SG   читать-3INF-ILL
'Я буду читать'.

Форма непрошедшего времени не имеет собственного показателя, она образуется путем присоединения личного окончания (см. Таблицу 1) к основе глагола. Во временной системе ингерманландского финского эта форма оказывается противопоставлена индикативной форме прошедшего времени, а также формам императива и кондиционалиса [Муслимов 2009b] и выделяемому на пересечении времени и вида перфекту [Таран 2013].

Таблица 1. Личные окончания глагола в ингерманландском финском [Муслимов 2009b]

Table 1. Verb inflection in Ingrian Finnish [Muslimov 2009b]

	SG	PL
1	-n	-mmo / -mma
2	-t	-tto / -tta
3	Ø	-t

Форма непрошедшего времени при референции к будущему используется преимущественно для описания перфективных ситуаций. Она может передавать ситуацию, следующую (по мнению говорящего) на временной оси за моментом речи, вне зависимости от того, указано ли точное время реализации этой ситуации (3) или нет (4).

- (3) *kolme vuve-n jälke tä-hän tekkööt*
три   год-GEN после   это-ILL   делать-3PL

¹ Если не указано иного, приведенные примеры на ингерманландском финском представляют полевые материалы автора.

suure-n   *talo-n*
 большой-GEN   дом-GEN
 ‘Через три года здесь построят большой дом’.

- (4) *kohta*   *kävvy-y*   *sata-ma-a*
 скоро   идти-3SG   идти-3INF-ILL
 ‘Скоро пойдет дождь’.

Кроме того, форма непрошедшего времени может использоваться в контексте запроса говорящим разрешения (5)–(6).

- (5) *mie*   *ota-n*   *se-n*   *kirja-n*   *katso-o*
 я   брать-1SG   это-GEN   книга-GEN   смотреть-1INF
 ‘Я возьму эту книгу посмотреть?’

- (6) *mie*   *anna-n*   *tei-l*   *čajju-u*
 я   дать-1SG   вы-ALL   чай-PART
 ‘Я налью вам чай?’

Наконец, форма непрошедшего времени используется при передаче ситуаций, относящихся к «запланированному будущему» [Bybee et al. 1994: 249–250; Dahl 2000: 211–212], т. е. событиям, о реализации которых существует некая договоренность (7).

- (7) *huomen*   *mäne-mmä*   *viera-i-hen*
 завтра   идти-1PL   гость-PL-ILL
 ‘Завтра мы идем в гости’.

Следует отметить, что «запланированное будущее» довольно часто передается формой непрошедшего / настоящего времени, в том числе и в тех языках, где есть грамматические показатели футурума.

Некоторые другие контексты употребления формы непрошедшего времени можно обобщить формулировкой «уверенное будущее». Так, именно эта форма приводилась информантами при переводе предложений (8)–(9), в некоторых случаях — с эксплицитным уточнением, что описываются неизбежные ситуации.

- (8) *konsikkä*   *myö*   *kai*   *kuole-mma*
 когда-нибудь   мы   все   умирать-1PL
 ‘Когда-нибудь мы все умрем’.

- (9) *se tarahthu-u*
 это происходить-3SG
 ‘Это [обязательно] произойдет’.

Конструкция *käyvä* (‘ходить, идти’) + III инфинитив смыслового глагола в форме иллатива (далее — *käyvä* + III INF-ILL) используется для передачи имперфективной ситуации в будущем при условии, что описываемое действие осуществляется одушевленным субъектом (10).

- (10) *käy-n etsi-mä-ä kulta-a*
 идти-1SG искать-3INF-ILL золото-PART
 ‘Я буду искать золото’.

В случаях, когда информантам предлагались предложения с конструкцией *käyvä* + III INF-ILL и неодушевленным субъектом ситуации, информанты переводили их на русский язык, используя имперфективную форму глагола (11), но отмечали крайнюю нежелательность такого употребления.

- (11) **kiv kävvy-y puttoo-ma-a*
 камень идти-3SG падать-3INF-ILL
 Ожид.: ‘Камень будет падать’.

В качестве его грамматически правильной альтернативы в основном приводились предложения с формой непрошедшего времени (12). Выше указывалось, что форма непрошедшего времени, как правило, используется для передачи перфективных ситуаций, поэтому подобные случаи представляют собой исключение. Таким образом, ограничение на одушевленность субъекта оказывается «сильнее» ограничения на перфективность описываемой ситуации.

- (12) *kiv puto-vaa*
 камень падать-3SG
 ‘Камень будет падать’.

Конструкция *käyvä* + III INF-ILL является одним из примеров достаточно частотного в языках мира развития показателей будущего времени из глаголов движения [Bybee, Pagliuca 1987: 109]. Впрочем, глагол *käyvä* в составе этой конструкции представляется менее грамматикализированным, чем, например, гла-

гол *go* в составе английской конструкции *to be going to* + Inf, или глагол *ir* в составе испанской конструкции *ir a* + Inf, поскольку последние, в частности, допускают неодоушевленные и неволевительные субъекты ситуации.

Во многих языках морфема или морфемы, маркирующие будущее время, сохраняют за собой свою изначальную семантику; помимо значения будущего времени, они продолжают выражать значения желаний, намерения, необходимости, долженствования, предположения, приказы, просьбы и т. д. [Bybee, Pagliuca 1987: 109].

Кроме того, и сами выражения будущего могут сохранить оттенок своего первичного значения: например, форма футурума, развившаяся из глагола желания, может в определенном контексте иметь дополнительную семантику желания, форма, развившаяся из глагола долженствования, — дополнительную семантику долженствования и т. д. В таких случаях говорят не о появлении у форм футурума вторичных значений, а о сохранении за ними исходной семантики и эпизодическом возврате к ней [Bybee, Pagliuca 1987: 112].

Признаки обеих вышеописанных ситуаций можно проследить в ингерманландском финском: так, глагол *käyvä* продолжает выражать значение движения [Ольхайнен (сост.) 2003], а в некоторых случаях предложенные информантам стимулы, содержавшие конструкцию *käyvä* + III INF-ILL, переводились ими на русский ближе к изначальному значению (13).

- (13) *mie käy-n osta-ma-a auto-n*
я идти-1SG покупать-3INF-ILL автомобиль-GEN
'Я пойду / буду покупать машину'.

Однако следует отметить, что приближенный к изначальному значению глагола *käyvä* перевод стимулов встречался в собранном материале значительно реже, чем такой же перевод проспективных конструкций, которые будут описаны ниже.

4. Способы выражения значений проспективной зоны

Перспектив традиционно рассматривается как граммема линейной аспектуальности, вводящая в окно наблюдения подготовительную стадию ситуации.

Общее значение показателей проспектива описывается как «состояние X-а таково, что позже произойдет Р» [Плунгян 2011: 387], «в точке отсчета имеет место подготовительная стадия ситуации Р» [Федотов 2016: 6] или «состояние дел, за которым вероятнее всего последует ситуация Р» [Козлов 2014: 143], т. е. можно утверждать, что они указывают на наличие предпосылок для некоей ситуации, которая произойдет в будущем.

Показатели проспектива обычно являются менее грамматикализованными, чем другие показатели линейного аспекта [Плунгян 2011: 387], и, соответственно, в их формах в большей степени заметны источники их развития.

Как правило, значение проспектива выражается аналитическими конструкциями с использованием глаголов движения либо глаголов желания или намерения, частично утративших свое лексическое значение.

В собранном материале встречаются следующие способы выражения значений семантической зоны проспектива: форма не-прошедшего времени (27); конструкция *lähtii* ('идти, отправляться') + III инфинитив смыслового глагола в форме иллатива (14); конструкция *tahtoo* ('хотеть') + III инфинитив смыслового глагола в форме иллатива (15); конструкция *olla* ('быть') + V инфинитив смыслового глагола в форме адессива множественного числа (16).

(14) *mie lähe-n osta-ma-a auto-n*
я идти-1SG покупать-3INF-ILL автомобиль-GEN
'Я собираюсь купить машину'.

(15) *hiä tahto-o mäne-mä-ä*
он хотеть -3SG уходить-3INF-ILL
'Он собирается уйти'.

(16) *mie ole-n osta-mais-i-lla auto-n*
я быть-1SG покупать-5INF-PL-ADESS автомобиль-GEN
'Я собираюсь купить машину'.

Грамматикализованность конструкции *tahtoo* + III INF-ILL может вызывать вопросы. Тем не менее ее взаимозаменяемость с *lähtii* + III INF-ILL (см. (19), (21) ниже), а также невозможность разбить конструкцию, вставив между *tahtoo* и инфинити-

вом смыслового глагола какое-либо другое слово (18), указывают на то, что ее можно считать служебным словом. Кроме того, в качестве матричного предиката глагол *tahtoo* ‘хотеть’ требует употребления глагола в функции вершины сентенциального актанта в форме первого, а не третьего инфинитива, например:

(17) *mie tahto-n ellä-ä*
я хотеть-1SG жить-1INF
‘Я хочу жить’. [Гриневская 2017: 44]

(18) **pekko tahto-o kohta etsi-mä-ä kulta-a*
Пекко хотеть-3SG скоро искать-3INF-ILL золото-PART
Ожид.: ‘Пекко скоро пойдет / начнет / будет искать золото’.

Конструкции *lähtii* + III INF-ILL и *tahtoo* + III INF-ILL, как и конструкция *käyvä* + III INF-ILL, могут использоваться только при описании ситуаций, субъект которых одушевлен (19)–(20).

(19) *pekko lähtö-ö / tahto-o mäne-mä-ä ulos*
Пекко идти-3SG / хотеть-3SG идти-3INF-ILL наружу
‘Пекко собирается выйти из дома’.

(20) **kiv lähtö-ö / tahto-o puttoo-ma-a*
камень идти-3SG / хотеть-3SG падать-3INF-ILL
Ожид.: ‘Камень собирается упасть / вот-вот упадет’.

Кроме того, некоторые из информантов подтверждали также возможность использования данных конструкций для передачи ситуации, в которой совершаемое субъектом действие неволеитивно, а его осуществление представляется нежелательным для субъекта (21), однако другие информанты ставили под сомнение корректность такого употребления.

(21) *pekko lähtö-ö / tahto-o kuole-ma-a*
Пекко идти-3SG хотеть-3SG умереть-3INF-ILL
‘Пекко вот-вот умрет’.

Конструкция *olla* + V INF-PL-ADESS описывалась информантами как используемая для передачи подготовительной стадии некой ситуации, признаки будущей реализации которой уже очевидны для говорящего (22)–(23).

- (22) *kiv on puttoo-mais-i-lla*
 камень быть.3SG падать-5INF-PL-ADESS
 ‘Камень вот-вот упадет’.

Информанты комментировали описываемую ситуацию следующим образом: «камень шатается, **возможно** упадет»; «может упасть, может и нет, опасное положение».

- (23) *laps on itke-mäis-i-llä*
 ребенок быть.3SG плакать-5INF-PL-ADESS
 ‘Ребенок близок к тому, чтобы заплакать’.

Информантом данное предложение было прокомментировано следующим образом: «уже покраснели глаза, слезы появились, но еще не текут».

В некоторых случаях в предложениях с такой конструкцией лицо субъекта ситуации маркируется дважды: одновременно с помощью личной формы глагола *olla* и притяжательного аффикса, присоединяющегося к смысловому глаголу (24).

- (24) *mie ole-n kuole-mais-i-lla-in*
 я быть-1SG умирать-5INF-PL-ADESS-POSS.1SG
 ‘Я близок к тому, чтобы умереть’.

Следует отдельно отметить конструкцию *olla* (‘быть’) + **III инфинитив глагола *käyvä*** (‘ходить, идти’) в форме инессива + **III инфинитив смыслового глагола в форме иллатива** (25).

- (25) *mie ole-n käy-mä-ssä osta-ma-a*
 я быть-1SG идти-3INF-INESS покупать-3INF-ILL
auto-n
 автомобиль-GEN
 ‘Я собираюсь купить машину’.

Она была предложена информантом один раз и подтверждалась другими информантами достаточно редко и не без некоторых размышлений. Однако представляется целесообразным привести в настоящей статье краткие сведения и о ней.

Вероятно, из всех перечисленных конструкций последняя подверглась наибольшему влиянию литературного финского языка: иллативная форма инфинитива смыслового глагола на **-an / -än**, возникавшая в некоторых переводах, например, в (26),

является результатом заимствования формы иллатива из литературного финского [Karlsson 2002].

В редких случаях, когда информант использовал данную конструкцию, она использовалась для описания ситуации, признаки будущей реализации которой существовали, но являлись менее однозначными, чем в случае использования конструкции **olla + V INF-PL-ADESS**.

- (26) *laps on käy-mä-ssä itke-mä-än*
 ребенок быть.3SG идти-3INF-INESS плакать-3INF-ILL
 ‘Ребенок близок к тому, чтобы заплакать’. (Комментарий информанта: «у ребенка плохое настроение».)

В определенных контекстах проспектив способен передавать семантический оттенок надвигающейся ситуации, реализация которой, вероятнее всего, неизбежна [Fleischman 1982: 87]. В собранном материале такие значения выражались при помощи **формы непрошедшего времени (27)**.

- (27) *puota-t astia-n*
 ронять-2SG посуда-GEN
 ‘[Осторожно], вазу уронишь!’

В прошедшем времени проспектив нередко используется в описании особого типа развития ситуации, при котором, несмотря на наличие предпосылок для ее реализации, ситуация так и осталась неосуществленной. Используя показатель такой граммы, которую принято называть авертивом, говорящий сообщает, что в прошлом «все шло к тому, чтобы Р», но можно с достаточной долей вероятности утверждать, что у него нет информации о том, действительно ли ситуация Р затем была реализована [Плунгян 2011: 388].

Наблюдаемые в собранном материале способы выражения подобных значений можно разделить на две основные группы: так, стимулы типа «чуть не...» переводились информантами с помощью конструкции **olla + V INF-PL-ADESS (28)**, в других случаях предлагаемые стимулы переводились с помощью конструкций **lähtii + III INF-ILL** и **tahtoo + III INF-ILL** со специальным уточнением, что ситуация не была реализована (29)–(30).

Следует отметить, что в порожденных информантами высказываниях на ингерманландском финском в составе показателей достаточно свободно употреблялись формы непрошедшего времени, соответствовавшие формам прошедшего времени из русского стимула. Например, высказывание (28), произведенное информантом на стимул «Он чуть не упал», оказалось формально очень схожим с высказыванием (22), порожденным в ответ на «типично проспективный» стимул.

(28) *hiä on puttoo-mais-i-lla*
 он быть.3SG падать-5INF-PL-ADESS
 ‘Он чуть не упал’.

(29) *hiä tahto-o mäne-mä-ä, ei mäne*
 он хотеть-3SG уходить-3INF-ILL NEG.3SG уходить.CN
 ‘Он собирается уехать, но не уедет’.

(30) *mie lähe-n mäne-mä-ä, e-n mäne*
 я идти-1SG уходить-3INF-ILL NEG-1SG уходить.CN
 ‘Я собираюсь уехать, но не уеду’.

Таким образом, очевидно, можно говорить об использовании одной и той же конструкции **olla + V INF-PL-ADESS** для выражения сразу двух значений: собственно проспективного и авертивного. При этом ингерманландские предложения с ее использованием интерпретировались информантами в первую очередь как передающие проспективное значение и переводились с помощью соответствующих средств русского языка:

(31) *hiä on minni-u tappaa-mais-i-lla*
 он быть.3SG я.PART убить-5INF-PL-ADESS
 ‘Он вот-вот убьет меня’. (Комментарий информанта: «нож уже поднят, но еще не убивает».)

5. Выводы

По результатам данного исследования можно сделать вывод о существовании в ингерманландском финском достаточно сложной системы способов выражения значений футурально-проспективной зоны, каждый из многочисленных элементов ко-

торой характеризуется своими семантическими оттенками и контекстами употребления.

Так, в собранном материале встретились **два способа выражения значения будущего времени:**

- форма непрошедшего времени;
- конструкция *käyvä* ('ходить, идти') + III инфинитив смыслового глагола в форме иллатива;

и пять способов выражения значений семантической зоны проспектива:

- форма непрошедшего времени;
- конструкция *lähtii* ('идти, отправляться') + III инфинитив смыслового глагола в форме иллатива;
- конструкция *tahtoo* ('хотеть') + III инфинитив смыслового глагола в форме иллатива;
- конструкция *olla* ('быть') + V инфинитив смыслового глагола в форме адессива множественного числа;
- конструкция *olla* ('быть') + III инфинитив глагола *käyvä* ('ходить, идти') в форме инессива + III инфинитив смыслового глагола в форме иллатива.

В числе факторов, влияющих на выбор определенной формы или конструкции в случае каждого конкретного употребления, по итогам данного исследования можно назвать одушевленность или неодушевленность субъекта ситуации, перфективность или имперфективность ситуации.

Каждая из перечисленных форм и конструкций допускает сочетаемость с ситуациями, обладающими особым набором характеристик. Из наиболее общих тенденций следует отметить тяготение конструкций с глаголами движения и желания к ситуациям с одушевленными волитивными субъектами и отсутствие такого ограничения для формы непрошедшего времени и конструкций с глаголом *olla* ('быть'), представляющихся, таким образом, более грамматикализованными.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; 1INF — I инфинитив; 3INF — III инфинитив; 5INF — V инфинитив; ADESS — адессив; ALL — аллатив; CN — коннегатив; GEN — генитив; ILL — иллатив; INESS — инессив; PART — паритив; PL — множественное число; POSS — посессив; SG — единственное число.

Литература

- Гринеvская 2017 — А. Н. Гринеvская. Инвентарь инфинитивных форм в ингерманландских диалектах финского. Курсовая работа. СПбГУ, СПб., 2017.
- Доброва 2019 — А. Е. Доброва. Морфонология возвратных и стяженных глаголов ингерманландского языка (на примере северных приходов Ингерманландии Токсово, Vuole, Лемболово). Магистерская диссертация. СПбГУ, СПб., 2019.
- Дубровина 2016 — З. М. Дубровина. Избранные труды / Н. Н. Колпакова (отв. ред.). СПб.: СПбГУ, 2016.
- Козлов 2014 — А. А. Козлов. К грамматической семантике старославянских конструкций *хотѣти / имѣти* с инфинитивом // Русский язык в научном освещении. 2014. № 1 (27). С. 122–149.
- Муслимов 2009a — М. З. Муслимов. К классификации финских диалектов Ингерманландии // С. А. Мызников (отв. ред.). Вопросы уралистики-2009. Научный альманах. СПб.: Наука, 2009. С. 179–204.
- Муслимов 2009b — М. З. Муслимов. Показатели и морфонологические правила словоизменения в ингерманландском финском. Доклад, прочитанный 8 июля 2009 г. в рамках Ингерманландского семинара. Гатчина, 2009.
- Оллыкайнен (сост.) 2003 — В. М. Оллыкайнен (сост.). Словарь северноингерманландских говоров финского языка (говоры вуолэ и колтушский). (Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 127). Vantaa: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus; ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2003.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Ракитина 2015 — С. А. Ракитина. Количественные противопоставления гласных в ингерманландском финском языке на материале говоров Центральной Ингерманландии. Магистерская диссертация. СПбГУ, СПб., 2015.
- Таран 2013 — Ю. А. Таран. Вид и время глагола в финских говорах Центральной Ингерманландии. Магистерская диссертация. СПбГУ, СПб., 2013.
- Федотов 2016 — М. Л. Федотов. Выражение значений футурально-проспективной зоны в языке гбан, а также некоторые теоретические спекуляции на тему. Презентация. Рабочее совещание по семантике футурально-проспективной зоны. ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, 8–10 декабря 2016 г.

- Bybee et al. 1991 — J. L. Bybee, W. P. Pagliuca, R. D. Perkins. Back to the future // E. C. Traugott, B. Heine (eds.). *Approaches to Grammaticalization*. Amsterdam: John Benjamins, 1991. Vol. 2. P. 17–58.
- Bybee, Pagliuca 1987 — J. L. Bybee, W. Pagliuca. The Evolution of Future Meaning // A. G. Ramat, O. Carruba, G. Bernini (eds.). *Papers from the Seventh International Conference on Historical Linguistics*. (Current Issues in Linguistic Theory 48). Amsterdam: Benjamins, 1987. P. 109–122.
- Comrie 1985 — B. Comrie. *Tense*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Dahl 2000 — Ö. Dahl. The grammar of future time reference in European languages // Ö. Dahl (ed.). *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. (Empirical Approaches to Language Typology 20–6). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. P. 309–328.
- Fleischman 1982 — S. Fleischman. *The Future in Thought and Language: Diachronic Evidence from Romance*. (Cambridge Studies in Linguistics 36). Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
- Karlsson 2002 — F. Karlsson. *Finnish: An Essential Grammar*. London: Taylor & Francis e-Library, 2002.
- Kettunen 1930 — L. Kettunen. *Suomen murteet II: Murrealueet*. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 188 [1]). Helsinki: S. n., 1930.

References

- Bybee et al. 1991 — J. L. Bybee, W. P. Pagliuca, R. D. Perkins. Back to the future. E. C. Traugott, B. Heine (eds.). *Approaches to Grammaticalization*. Amsterdam: John Benjamins, 1991. Vol. 2. P. 17–58.
- Bybee, Pagliuca 1987 — J. L. Bybee, W. Pagliuca. The Evolution of Future Meaning. A. G. Ramat, O. Carruba, G. Bernini (eds.). *Papers from the Seventh International Conference on Historical Linguistics*. (Current Issues in Linguistic Theory 48). Amsterdam: Benjamins, 1987. P. 109–122.
- Comrie 1985 — B. Comrie. *Tense*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Dahl 2000 — Ö. Dahl. The grammar of future time reference in European languages. Ö. Dahl (ed.). *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. (Empirical Approaches to Language Typology 20–6). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. P. 309–328.
- Dobrova 2019 — A. Ye. Dobrova. Morfonologiya vozvratnykh i styazhennykh glagolov ingermanlandskogo yazyka (na primere severnykh prikhodov Ingermanlandii Toksovo, Vuole, Lembolovo) [Morphology of reflexive and contracted verbs in Ingrian Finnish (Based on

- northern parishes of Ingria: Toksovo, Vuole, Lembolovo)]. Master's Thesis. St. Petersburg State University, St. Petersburg, 2019.
- Dubrovina 2016 — Z. M. Dubrovina. *Izbrannyye trudy* [Selected Works] / N. N. Kolpakova (ed.). St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2016.
- Fedotov 2016 — M. L. Fedotov. *Vyrazheniye znacheniy futuralno-prospektivnoy zony v yazyke gban, a takzhe nekotoryye teoreticheskiye spekulyatsii na temu* [The means of expressing future and prospective semantics in the Gban language and some theoretical speculations on the topic]. Presentation. Workshop on the semantics of the futural-prospective zone. Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, December 8–10, 2016.
- Fleischman 1982 — S. Fleischman. *The Future in Thought and Language: Diachronic Evidence from Romance*. (Cambridge Studies in Linguistics 36). Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
- Grinevskaya 2017 — A. N. Grinevskaya. *Inventar infinitivnykh form v ingermanlandskikh dialektakh finskogo* [Infinitive forms in Ingrian Finnish]. Term Paper. St. Petersburg State University, St. Petersburg, 2017.
- Karlsson 2002 — F. Karlsson. *Finnish: An Essential Grammar*. London: Taylor & Francis e-Library, 2002.
- Kettunen 1930 — L. Kettunen. *Suomen murteet II: Murrealueet*. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 188 [1]). Helsinki: S. n., 1930.
- Kozlov 2014 — A. A. Kozlov. *K grammaticheskoy semantike staroslavianskikh konstruktsiy хотѣти / имѣти s infinitivom* [On the grammatical semantics of Old Slavonic constructions хотѣти / имѣти + infinitive]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2014. No. 1 (27). P. 122–149.
- Muslimov 2009a — M. Z. Muslimov. *K klassifikatsii finskikh dialektov Ingermanlandii* [Towards classification of Finnish dialects of Ingria]. S. A. Myznikov (ed.). *Voprosy uralistiki-2009. Nauchnyy almanakh* [Issues of Ural Studies 2009. Scientific Almanac]. St. Petersburg: Nauka, 2009. P. 179–204.
- Muslimov 2009b — M. Z. Muslimov. *Pokazateli i morfonologicheskiye pravila slovoizmeneniya v ingermanlandskom finskom* [Markers and morphological rules of inflection in Ingrian Finnish]. Paper presented on July 8, 2009 at the Ingermanland Workshop. Gatchina, 2009.
- Ollikainen (comp.) 2003 — V. M. Ollikainen (comp.). *Slovar severno-ingermanlandskikh govorov finskogo yazyka (govory vuole i koltushkiy)* [Dictionary of the Northern Ingrian dialects of the Finnish language (Vuole and Koltush dialects)]. (Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisu 127). Vantaa: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus;

Institute of Linguistics, Literature and History of Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, 2003.

Plungian 2011 — V. A. Plungian. Vvedeniye v grammaticheskuyu semantiku: Grammaticheskiye znacheniya i grammaticheskiye sistemy yazykov mira [Introducing Grammatical Semantics: Grammatical Values and Grammatical Systems in the World's Languages]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2011.

Rakitina 2015 — S. A. Rakitina. Kolichestvennyye protivopostavleniya glasnykh v ingermanlandskom finskom yazyke na materiale govorov Tsentralnoy Ingermanlandii [Quantitative oppositions of vowels in Ingrian Finnish based on dialects of Central Ingria]. Master's Thesis. St. Petersburg State University, St. Petersburg, 2015.

Taran 2013 — Yu. A. Taran. Vid i vremya glagola v finskikh govorakh Tsentralnoy Ingermanlandii [Aspect and tense in Finnish dialects of Central Ingria]. Master's Thesis. St. Petersburg State University, St. Petersburg, 2013.

I. Varia

**СОЦИОКОГНИТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
ПОБУДИТЕЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ
В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ РУССКОЙ И
ИТАЛЬЯНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР:
ОБЩЕЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ**

Н. К. Гусева

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург
nkonstguseva@gmail.com

Ф. А. Елоева

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург,
Вильнюсский университет, Вильнюс
fatimaeloeva@yandex.ru

Аннотация. Предметом настоящего исследования выступают языковые средства, используемые в побудительных высказываниях в институциональном дискурсе русской и итальянской лингвокультур для объективизации социального статуса адресата. В статье проводится разграничение текстов регулятивного институционального дискурса в зависимости от преобладания регулятивно-побудительного или персуазивного компонентов. При помощи семантико-прагматического и коммуникативного анализа определяется специфика прагматических факторов, влияющих на выбор названных языковых средств и на их возможную интерпретацию самим адресатом. Применение функционального метода позволяет выявить функциональную значимость этих языковых средств. На основе сопоставления полученных данных устанавливаются семантико-прагматические симметрии и асимметрии в двух языках.

Ключевые слова: институциональный дискурс, побуждение, социальная категоризация, социальный статус.

**Socio-cognitive dimension of the directives in the institutional
discourse of Russian and Italian
languages: Common and ethnospecific features**

F. A. Eloeva

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Vilnius University, Vilnius
fatimaeloeva@yandex.ru

N. K. Guseva

St. Petersburg State University, St. Petersburg
nkonstguseva@gmail.com

Abstract. The institutional discourse is certainly a field where the general norms of social categorization of members of an ethnosocium are most clearly manifested. The paper deals with the linguistic representation of conventional social norms of the institutional communication in Russian and Italian languages. The focusing on the cognitive dimension of the utterance is determined by the fact that basically the cognitive theory provides means of prompt and functional information processing. Strategies and tactics that constitute the information processing are necessary for the hypothetic interpretation that permits the addressee to make assumptions regarding the possible meaning of the utterance and the speaker's intentions, in other words, unlike many other approaches, it focuses on both speaker and addressee, on both speech production and its interpretation. Such representations constitute fixed communicative-cognitive patterns. The paper aims at the analysis of the linguistic means that objectify the addressee's social categorization made by the speaker in the context of the addressee's own interpretation. Discourse practices of the regulative institutional discourse, in which the communicants are generalized and anonymized at most, were taken into account. The method of semantic-pragmatic and communicative analysis was used to determine specific features of the relevant pragmatic factors in both linguocultures. The functional method was used to highlight the functional relevance of the language units in question. The obtained results in two languages were compared in order to mark out the relevant factors that determine the choice of

grammatical person in the directives. In the texts where a regulatory-exhortative component prevails, there is no necessity to objectify the addressee's social status and the addresser doesn't mark nor define the addressee's social status. Consequently, in such texts there has been observed the anonymity of the participants. The directives are expressed mostly by the infinitive and passive constructions in both languages. In such cases the addressee may expect sanctions from the text's sender. In the texts where a persuasive component prevails, the addresser doesn't have any other means, except linguistic ones, to induce the addressee to do something. In such cases the social status, expressed by language means, plays an important role in gaining the desired perlocutive effect and represents one of the manipulative tactics. In the end, based on the cross-lingual matching, semantic and pragmatic correspondences in two languages were established.

Keywords: institutional discourse, directives, social categorization, social status.

1. Введение

В статье рассматривается языковая репрезентация конвенциональных социальных норм институциональной коммуникации в русской и итальянской лингвокультурах. Предметом исследования выступают языковые средства объективизации социального статуса адресата и их интерпретация адресатом. Ставится цель проанализировать побудительные высказывания в рамках интегративного коммуникативно-деятельностного подхода к языку и выявить языковые средства реализации социального дейксиса в волеизъявлении в названных языках и их социокогнитивную значимость.

В социолингвистике институциональным считается статусно-ориентированный дискурс, представляющий собой общение в заданных рамках социальных ролей коммуникантов, когда они выступают в каком-либо одном ситуационно-коммуникативном амплуа: врач — пациент, продавец — покупатель, адвокат — защитный и т. д. [Карасик 2002а: 278]. В современной лингвистике выделяются различные виды институционального дискурса: юридический, военный, педагогический, рекламный, массово-информационный, административный и т. д. Общественные институты

в разных культурах существенно различаются, а также меняются в процессе исторического развития, и тем не менее мы можем говорить о непрерывности дискурсивного континуума в диахронии и об интердискурсивности в синхронии [Иссерс 2015: 39, 45–50]. Однако для выделения корпуса примеров и ограничения поля исследования необходим определенный критерий отбора материала. Таким критерием в нашем исследовании стала трафаретность общения, которая принципиально отличает институциональный дискурс от бытийного. Под трафаретностью общения понимаются конвенциональные, социально устоявшиеся речевые действия по решению рекуррентных коммуникативных задач¹. Эти действия (дискурсивные практики) обеспечивают устойчивые когнитивно-коммуникативные поведенческие паттерны представителей данной этнолингвокультуры [Куликова (науч. ред.) 2015: 10].

Институциональный дискурс, выделяемый на основании социолингвистических признаков, в последние годы активно изучается в кросс-культурном аспекте, предполагающем использование методов и результатов этнографических и этнолингвистических исследований. Однако стоит отметить, что в лингвистических исследованиях наблюдаются два подхода к анализу институционального дискурса: дескриптивный и критический. В рамках первого, к которому относится и настоящее исследование, изучается речевое поведение коммуникантов и анализируется содержательная сторона дискурса (см. например, [Шейгал 2000; Бейлинсон 2001; Гусейнова 2009]). Критический подход получил большее развитие в зарубежной лингвистике и предполагает использование более широкого социокультурного и исторического контекста [Schiffrin et al. 2001: 538]. Этот подход заключается в критическом изучении социального неравенства, отражаемого в языковых средствах и дискурсе, а также в анализе проблем использования языка как инструмента власти и социального контроля [ван Дейк 2013]. Изучение этноспецифических черт отдельных типов институционального дискурса четко прослежи-

---

¹ Ср. мысль М. Фуко о множестве дискурсов, чьи смысл или ответственность не были получены от какого бы то ни было автора, и которым необходимы более участники (стороны), но не автор [Foucault 1971: 16].

вается в работах последних лет [Maynard, Heritage 2005; Roberts, Sarangi 2005; Bresin et al. 2019].

Когнитивный аспект анализа дискурса в данном исследовании базируется на понимании того, что в дискурсе вербально объективируется содержание сознания и этот процесс регулируется устойчивой, социально и культурно определенной традицией человеческого общения [Силантьев 2006: 9]. Целесообразность сосредоточения внимания на когнитивном аспекте обусловлена также тем, что в основе когнитивной теории лежат средства быстрой и функциональной обработки информации — стратегии и схемы, необходимые для процесса гипотетической интерпретации, позволяющей слушающему быстро выдвигать предположения относительно возможного значения высказывания и намерения говорящего, т. е. в отличие от многих методик фокусирует внимание не только на говорящем и порождении речи, но и на адресате и его интерпретации [ван Дейк 2000: 20].

Для речевого общения характерен такой феномен, как речевое воздействие [Иссерс 2008: 50], или проявление власти [ван Дейк 2013], тесно связанное с когнитивными процессами, в результате которых формируются когнитивные концепты. То, как выражается, описывается, проявляется, легитимируется власть в различных жанрах публичного дискурса, подробно рассмотрено [Там же]. Побудительные и убеждающие тактики являются лишь одним из способов актуализации власти, «увеличивающих вероятность того, что в сознании реципиентов будут построены требуемые ментальные репрезентации» [Там же: 86]. Когнитивные концепты затем образуют устойчивые объединения, служащие основанием для категоризации окружающей действительности, с необходимостью которой каждый из коммуникантов, в частности адресат сообщения, сталкивается в определенных речевых ситуациях: «Кто я? Кто мой собеседник? Кто я в его представлении? Каково его отношение ко мне?». На основе ответов на подобные вопросы формируется концепт собственного «Я», получателя сообщения, и концепт «Он», отправителя сообщения.

Статья включает в себя раздел «Социальный статус в институциональном дискурсе», где кратко рассматривается понятие социального статуса, принятое в научной литературе, а также

параметры для его определения, используемые в настоящем исследовании. Далее, в разделах «Обезличенность в институциональном дискурсе» и «Личные формы побуждения в институциональном дискурсе» обсуждаются вначале безличные побудительные конструкции и их функции в определенных коммуникативных контекстах, затем рассматриваются и анализируются примеры с финитными формами глагола побудительной семантики, где в русском языке возможны императивные формы 2Sg и 2Pl, а в итальянском — 2Sg, 2Pl, 3Sg и 3Pl. Сопоставление социально-когнитивной нагруженности безличных и личных форм побудительных конструкций и их узуса в письменном институциональном дискурсе в зависимости от коммуникативного контекста и избираемой стратегии позволяет выделить типологические черты объективизации социального статуса адресата в двух лингвокультурах.

2. Методы

В настоящем исследовании применяется метод семантико-прагматического и коммуникативного анализа, позволяющий определить специфику прагматических факторов в двух лингвокультурах, с последующим применением функционального метода, в рамках которого выявляется функциональная значимость исследуемых языковых единиц. Полученные по каждому языку результаты сопоставляются в целях выделения типологически релевантных факторов при выборе аллокутивного² (грамматического) лица побудительного высказывания. Во внимание принимаются дискурсивные практики регулятивного институциональ-

---

² Аллокутивные языковые средства — это отдельные слова (местоимения, существительные, личные формы глагола) и синтагмы или описательные обороты, употребляемые в речи для обозначения реципиента, являющегося участником речевого акта. Кроме референциального значения они несут в себе также социально-статусное значение. (От лат. *alloquor* — обращаться с речью, заговаривать; звать, обращаться с мольбой. См. также *allocutor* в [Brown, Miller 2013]). В побудительных высказываниях, где наблюдается облигаторная редукция личных местоимений, аллокутивность реализуется в императивных формах глагола, поэтому имеет смысл говорить не об аллокутивных местоимениях, а об аллокутивном грамматическом лице.

ного дискурса, в которых коммуниканты максимально обобщены и анонимизированы, и выступают как представители той или иной общественной группы.

В качестве примеров используются материалы, собранные авторами статьи непосредственно из общедоступных современных текстов. Во внимание принимались только письменные источники на основе таких критериев отбора, как анонимность участников коммуникации и трафаретность используемых конструкций, которые позволяют минимизировать индивидуальность речевого поведения как составителя текста, так и его получателя. Была произведена сплошная выборка высказываний побудительной семантики из текстов массово-информационного характера, получаемых современным взрослым человеком в русской и итальянской лингвокультурах вне его профессиональной деятельности. Корпус примеров составлен из различного рода объявлений (в поликлинике, в автобусе, в парке аттракционов, в подъезде дома и т. п.), информационных писем поставщиков коммунальных услуг, информационных и рекламных сообщений мобильных операторов. Медицинский дискурс представлен выдержками из назначений врача, инструкций по применению лекарственных средств. Анализу были подвергнуты около ста примеров на русском языке и такое же количество на итальянском языке, собранных в 2018–2019 гг. Итальянский язык является одним из распространенных европейских языков, поэтому в статье не дается глоссирование примеров, а только их перевод на русский язык. В тех случаях, когда грамматические структуры в двух языках совпадают, приводится один вариант перевода. В случаях несовпадения дается два варианта: первый — более или менее дословный перевод с сохранением морфологических и синтаксических характеристик оригинала, второй — соответствующий русскому узусу в данном коммуникативном контексте.

3. Социальный статус в институциональном дискурсе

Выступая в роли законопослушного гражданина своей страны, человек русской или итальянской культуры ежедневно сталкивается с большим количеством различного рода распоряжений, объявлений и инструкций, регулирующих поведение индивида в административно-правовой сфере. В законах, распоряжениях и

инструкциях институциональная власть реализуется непосредственно и принудительно [ван Дейк 2013: 86]. Эти тексты выполняют информативно-директивную функцию. Сюда относятся различные сообщения, имеющие своим отправителем «орган, регулирующий общественные отношения» или «поставщика услуг», а получателем — «конечного потребителя». Под получателем подразумевается не отдельный индивид или какая-либо значительная группа индивидов, но весь социальный корпус или его подкласс (граждане определенного города, студенты определенного университета, клиенты определенного банка и т. п.). Социально-дейктическая информация в естественных языках бывает двух видов: относительная и абсолютная³. В первом случае дейктическим центром выступает говорящий, который определяет социальный статус других людей относительно своего собственного, исходя из субъективного восприятия объективной реальности. Абсолютный социальный дейксис указывает на социальные признаки референта независимо от его отношений с говорящим [Levinson 1979: 207]. В научной литературе выделяются такие параметры оценки социального статуса, как жизненный стиль, род занятий, происхождение, образование, социальная роль, социально-психологическая дистанция между коммуникантами, уважение, привилегии, престиж [Карасик 2002b: 11–16]. Некоторые ученые объединяют ряд параметров в оппозиции, например, власть / солидарность [Brown, Gilman 1960] или уважение / дистанция [Molinelli 2002]. Очевидно, что в институциональном письменном дискурсе, обращенном к массовому получателю, большинство параметров не имеют значения — участники коммуникации как правило анонимны (обезличены).

4. Обезличенность в институциональном дискурсе

Неличная форма глагола в функции побуждения указывает на обращение к получателю сообщения не как к отдельной личности, а как к массе индивидов:

---

³ В терминологии В. И. Карасика — субстанциональное и реляционное измерение [Карасик 2002b: 9]

- (1) *Indossare, cortesemente, i copriscarpe prima dell'ingresso nelle sale operative.*
 ‘Надевать бахилы при входе в операционную’. / ‘В операционную **входить** в бахилах’. [в кабинете у зубного врача]
- (2) *Chiudere la porta.*
 ‘Закрывать дверь’. / ‘Закрываюте, пожалуйста, дверь’. / ‘Просьба **закрывать** дверь’. [объявление на двери]
- (3) *È obbligatorio esibire l'impegnativa al momento dell'ingresso nell'area prelievi.*
 ‘Необходимо **предъявить** направление врача при входе в процедурный кабинет’. / ‘При входе в процедурный кабинет необходимо **предъявить** направление врача’. [в лаборатории анализов]
- (4) *Si prega di non salire sui gradini dell'altare. Grazie.*
 ‘Просим **не подниматься** на ступени алтаря. Спасибо’. [в церкви]
- (5) *При себе **иметь** паспорт, полис, СНИЛС. В верхней одежде и уличной обуви **не входить**.* [на двери врачебного кабинета]
- (6) *Убедительная просьба **соблюдать** тишину, в кабинет **входить** по очереди.* [объявление на двери в администрации города, г. Санкт-Петербург]

С точки зрения адресата такие высказывания ничего не говорят о том, как отправитель рассматривает получателя, т. е. когнитивно-дейктический элемент высказывания стремится к нулю. Однако повышенная степень категоричности побуждения, реализуемая в неличной форме глагола, указывает на высокую статусную позицию отправителя, которая дает ему конвенциональное право требовать от получателя выполнения называемого действия и право / возможность применить санкции при его неисполнении. Для смягчения ликоугрожающего эффекта (см. [Brown, Levinson 1987]) отправитель может использовать некоторые лексические средства с учетом их комбинаторных способностей. В итальянском языке это наречие *cortesemente* ‘любезно’ в (1) или глагольная перформативная конструкция *si prega* (безличная форма глагола ‘просить’) в (4). В примере на русском языке также

отметим введение слова *просьба* в (6), подчеркивающее перформативный характер высказывания. Кроме того, в русском языке уместно указать на порядок слов в качестве средства, влияющего на категоричность высказывания: если инфинитив знаменательного глагола, означающего каузируемое действие, позиционируется в начале высказывания, категоричность повышается, а вместе с ней и ликоугрожающий эффект; при позиционировании инфинитива после второстепенных членов предложения категоричность снижается (см. примеры (1), (3), (5), (6)).

Отметим, что в подобных прескриптивных текстах на русском языке иногда, но все же чаще, чем во многих других европейских языках, встречается глагол в повелительной форме по причине его семантической нейтральности [Гусев 2013: 56]: *Пожалуйста, **закрывайте** двери!*, ***Соблюдайте** тишину*.

Обезличивание адресата при побуждении в итальянском языке достигается также посредством употребления местоименного пассива — неопределенно-личной пассивной конструкцией с возвратной частицей *si*⁴:

- (7) *Per assistenza nella riconsegna **rivolgersi** ai banchi Lost&Found.*

‘За помощью в поиске багажа **обращаться** на стойку *Lost&Found*’. / ‘В случае неприбытия багажа **обращайтесь** на стойку *Lost&Found*’. [в аэропорту Фьюмичино, г. Рим]

Во многих языках различные типы пассивных конструкций, в том числе и итальянский местоименный пассив в прескриптивной функции, в прагматическом аспекте рассматриваются как структуры, фокусирующие внимание на действии, каузатор и агент которого являются элементами экстралингвистического контекста [Geniušienė 1987: 137, 275, 280].

В русском языке в побудительных сообщениях также встречаются пассивные формы глагола на *-ся*:

- (8) *При прохождении паспортного контроля паспорт **предъявляется** без обложки.* [в аэропорту Пулково, г. Санкт-Петербург]

---

⁴ Подробную классификацию конструкций с *si* см. в [Pescarini 2015].

- (9) *Во время движения аттракциона не разрешается отстегивать ремни безопасности.* [объявление в парке аттракционов, г. Казань]
- (10) *Заявление о выдаче паспорта гражданина РФ (бланк формы № 1П выдается на месте либо его можно скачать с сайта fms.gov.ru; **заполняется** на компьютере или от руки).* [объявление в отделе ФМС, г. Санкт-Петербург]

Отправителю сообщения не важен абсолютный социальный статус получателя, его коммуникативной задачей является соблюдение норм поведения в социуме. Безличные и пассивные конструкции обладают повышенной трафаретностью и минимизируют межличностный фактор, выдвигая на первый план регулятивную функцию высказывания, вследствие чего социальный статус отдельного адресата остается неопределенным. В данном прагматическом контексте грамматически или лексически выраженный социальный статус адресата не является функционально необходимым, поскольку соблюдение норм обязательно для всех вне зависимости от статуса. В отношении подобных высказываний можно говорить только о косвенном выражении социального статуса получателя в системе координат «власть / подчинение»: если отправитель реализует власть безличной или пассивной конструкцией, то получатель неизбежно занимает подчиненную позицию и имеет более низкий относительный социальный статус.

Кроме уже названных в итальянском языке очень распространены пассивные конструкции директивного характера, в которых предполагаемый исполнитель каузируемого действия эксплицитирован в грамматическом субъекте фразы:

- (11) *I signori condomini e gli utenti del palazzo sono **pregati di non gettare** contenitori con liquidi nel cestino. L'amministratrice.* 'Просьба к жильцам **не выбрасывать** емкости с жидкостью в мусорную корзину. Администратор'. [объявление в подъезде дома г. Пескара, Италия]

В этом случае социальный статус получателя выражается лексическими средствами, включающими профессиональные титулы и апеллятивы, а также этикетные определения типа *gentile*

clientela ‘любезные / дорогие клиенты’, *cortesi ospiti* ‘любезные / дорогие гости’, *signori ufficiali* ‘господа офицеры’, *la cittadinanza*, ‘граждане (вся общественность)’ указывающие на ролевой план социального статуса адресата, под которым понимается «устойчивый шаблон поведения, включающий действия, мысли и чувства человека» [Карасик 2002b: 13]. Эти лексические средства служат для смягчения ликоугрожающего эффекта⁵.

В русском языке в побудительных высказываниях лексические средства социального дейксиса употребляются в обращениях, синтаксически не включенных в собственно побудительное высказывание:

- (12) *Уважаемые пассажиры! При выходе не забывайте свои вещи.* [объявление в автобусе, г. Казань]

Множественное число в обращении предопределяет императивную форму глагола — 2P1 — и указывает на множественность адресатов безотносительно к их социально-ролевым характеристикам.

Особенным случаем в институциональном дискурсе итальянской лингвокультуры является медицинский дискурс. В различных профессиональных дискурсах, к которым кроме медицинского относятся такие, как финансовый, юридический и некоторые другие, институциональная власть является ингерентным признаком профессионалов по отношению к клиентам [ван Дейк 2013: 87]. Отчасти повторяя мысль Мишеля Фуко [Foucault 1971], можно отметить, что для институционального дискурса,

---

⁵ Отметим, что в отличие от многих европейских языков в русском количество абстрактных апеллятивов очень ограничено. В связи с этим в русском языке имеет место некоторая проблема со снижением ликоугрожающего эффекта и увеличением перлокутивного эффекта из-за отсутствия общепринятых обращений к представителям социальной группы, ср. «Мы — страна без обращений» (из интервью Д. С. Лихачева (<https://www.pravmir.ru/o-russkom-yazyke-i-nenormativnoj-leksike/>)). Для обращения к соотечественникам в официальной обстановке чаще всего используется имя в сочетании с отчеством по причине трудной приживаемости апеллятивов *господин* и *госпожа*, а также ярко выраженной связи апеллятива *товарищ* с эгалитарной идеологией советского прошлого, которая утратила свою актуальность в современном мире.

в частности медицинского, исторически особенно характерна, по крайней мере в «среднеевропейском» (Average European) контексте, прескриптивность, суровость и акцентуация отношения власти⁶.

Во избежание прямого указания на асимметрию или в тех случаях, когда социальные отношения не ясны, социальная стратификация может быть скрыта за неличными формами глагола или при помощи иных стратегий [Fillmore 1975: 13]. Если в устной речи даже к пожилому собеседнику врач может употреблять *tu* наряду с инклюзивным *noi* в целях создания более доверительной обстановки, то в письменном медицинском дискурсе используются либо безличные побудительные конструкции, как в (13)–(15), либо этикетная императивная форма 3Sg как, например, в инструкциях по применению лекарственных препаратов, где директивность выражается в основном посредством императивной формы, как в (16)–(17), хотя встречаются и другие формы:

- (13) *Per visite ed esami presentarsi al seguente indirizzo.*
 ‘Для приема и обследований **явиться** по следующему адресу’. / ‘**Просим явиться** на прием по следующему адресу’. [информационный листок, выдаваемый при записи на прием]
- (14) *Per il ritiro dell’esame deve essere presentato il presente modulo compilato.*
 ‘Для получения результатов анализов **необходимо предъявить** заполненный бланк’. [информационный листок, выдаваемый при записи на прием]
- (15) *Si raccomanda di bere molta acqua.*
 ‘**Рекомендуется пить** много воды’. [назначение врача]

---

⁶ Создается впечатление, что русский материал в этом отношении обнаруживает менее жесткую позицию и большую установку на персуазивность, но для окончательных выводов необходимо привлечение большого объема материала.

- (16) *Legga attentamente questo foglio prima di prendere questo medicinale.*

‘Внимательно **прочтите** следующую информацию перед приемом лекарственного препарата’. [инструкция по применению лекарственного препарата]

- (17) *Informi il medico o il farmacista se sta assumendo qualsiasi altro medicinale.*

‘**Сообщите** врачу или фармацевту, если вы принимаете какие-либо другие лекарственные препараты’. / ‘Если вы принимаете какие-либо другие лекарственные препараты, **сообщите** об этом врачу или фармацевту’. [инструкция по применению лекарственного препарата]

В русскоязычных листах-вкладышах с инструкциями побудительная семантика передается почти исключительно через безличные конструкции, либо через личные конструкции с названием адресата именем нарицательным, и носит ярко выраженный рекомендательный характер:

- (18) *При возникновении сонливости и головокружения **пациент должен воздержаться** от управления автомобилем и работы с механизмами.*
- (19) *В период лечения **необходим контроль** за массой тела и потреблением натрия.*
- (20) *Взрослым **пациентам рекомендуется** доза 10 мг в первый прием.*
- (21) *Если на фоне лечения симптомы сохраняются более 2-х дней, **следует пересмотреть** лечение и **рассмотреть** вопрос о необходимости приема электролитов внутрь.*

5. Личные формы побуждения в институциональном дискурсе

Императивная форма глагола в обоих рассматриваемых языках является основным грамматикализованным средством социальной категоризации. В русском языке это императивные формы 2Sg и 2Pl, соответствующие в первом случае обращению на *ты* и во втором случае этикетному обращению на *Вы* к од-

ному адресату или к нескольким, независимо от уровня этикетности обращения к каждому в отдельности. В итальянском языке это императивные формы 2Sg, 2Pl, 3Sg и 3Pl. В современном итальянском языке при обращении к одному слушателю могут употребляться личные местоимения *tu*, *Lei* и в некоторых регионах *Voi* (две последние формы являются этикетными), при обращении к нескольким слушателям — *voi* и *Loro* (последняя форма употребляется при обращении к нескольким лицам, к которым по отдельности принято обращение на *Lei*)⁷. Таким образом, в современном итальянском языке система аллокутивных местоимений более разветвлена по сравнению с русским языком и насчитывает четыре местоименных формы. Следовательно, императивных форм также четыре с той оговоркой, что императивная парадигма итальянского языка включает в себя неспециализированные формы, являющиеся заимствованиями из парадигмы индикатива настоящего времени (для 2Sg и 2Pl) и из парадигмы конъюнктива настоящего времени (для 3Sg и 3Pl). В современном итальянском языке местоимение *Voi* при обращении к одному адресату утрачивает свои позиции как социально-дейктическое местоимение, и наблюдается аллокутивный сдвиг по оси солидарность / дистанция: в кругу семьи *Voi* замещается местоимением *tu*, а в общественной сфере — местоимением *Lei*. Этикетная форма *Loro* при обращении к нескольким лицам практически вышла из употребления [Benigni, Bates 1974; Benigni, Bates 1975; Parkinson, Hajek 2004; Wierzbicka 2016].

В итальянском институциональном дискурсе при обращении к одному лицу из трех возможных форм используются только две — *tu* и *Lei*. Если в первой половине XX века в текстах статусно-ориентированного дискурса отмечалось повсеместное употребление *Voi*, то после падения фашизма в консьюмеристском и административном подвидах институционального дискурса, уже начиная с семидесятых годов, наблюдается переход к *tu*⁸.

---

⁷ Аллокутивные местоимения *Вы*, *Lei*, *Voi* и *Loro* пишутся здесь с прописной буквы согласно традиции отличать их на письме от соответствующих им личных местоимений *вы*, *voi* (при обращении к более чем одному собеседнику), *lei* (3Sg женского рода) и *loro* (3Pl).

⁸ О тенденциях в системах аллокутивных местоимений основных европейских языков см. [Hajek et al. 2013].

Объяснение этому кроется в желании отправителя продемонстрировать близость к потребителю услуг и товаров, о которых идет речь, свою дружелюбность и солидарность с ним с целью повлиять на его принятие решения о незамедлительном исполнении указанного действия [Jacqmain 1973: 128].

В итальянском административном дискурсе в настоящий момент наблюдается определенное смешение форм 2Sg и этикетной 3Sg: в одном и том же тексте / документе можно встретить обе формы. Административный подстиль итальянского литературного языка подвергался и продолжает подвергаться активной критике, как со стороны потребителей, вынужденных продирааться при чтении через громоздкие конструкции, книжные обороты и узкоспециальные термины, так и стороны лингвистов, за малую подвижность и гибкость (см., например, [Antonelli 2016: 83]). Отметим, что в конце девяностых годов прошлого века в связи с либерализацией рынка была проведена большая работа по совершенствованию текста периодического информационного письма поставщиков коммунальных услуг, содержащего платежный документ по оплате услуг. К этой работе были привлечены ведущие итальянские лингвисты, которые выработали нормы, призванные облегчить как составление подобных документов, так и их прочтение. В частности, было указано, что подобные документы относятся к служебным текстам, имеющим своей целью не только регулировать поведение массового потребителя, но и убедить его выполнить необходимые действия незамедлительно и надлежащим образом [De Mauro, Vedovelli (eds.) 1999: 19]. В качестве аллокутивной формы была избрана этикетная форма 3Sg:

(22) *Legga per favore la nota “pagamento e scadenza della bolletta” dall'altra parte del foglio.*

‘Прочтите, пожалуйста, раздел «способ и сроки оплаты квитанции» на обороте’.

(23) *Per segnalare un guasto **telefoni** invece al numero 16441.*

‘О неисправностях **сообщите** по телефону 16441’.

Позднее все подобные тексты стали составляться по разработанному образцу. В настоящее время отмечается отсутствие гомогенности при обозначении социального статуса адресата как

в документах разных авторов (поставщиков коммунальных услуг), так и в пределах одного документа. Для выражения побуждения используются как собственно императивная форма 2Sg или этикетная форма 3Sg, так и различные синтаксические формы побудительного наклонения — от инфинитива и пассивного конструкта до конструкций с перформативным глаголом и императива 2Sg и 3Sg:

- (24) *Per ulteriori dettagli **leggi** sul retro della bolletta.*
 ‘Дополнительную информацию **читай** на обороте квитанции’. / ‘Дополнительная информация — на обороте квитанции’.
- (25) ***Digitare** i seguenti valori se il codice a barre non è leggibile.*
 ‘**Ввести** следующие данные, если штрихкод не читается’. / ‘Если штрихкод не читается, **введите** следующие данные’.
- (26) *Per ulteriori informazioni **chiami** il numero verde dello Sportello dell’Autorità di Regolazione per Energia Reti e Ambiente.*
 ‘Для получения дополнительной информации **(по)звони** по телефону горячей линии Службы регулирования взаимодействия энергосетей и окружающей среды’. / ‘Для получения дополнительной информации **обращайтесь** в Службу регулирования взаимодействия энергосетей и окружающей среды по телефону горячей линии’.

Гетерогенность побудительных форм и их семантики объясняется смешанным характером подобных текстов — с одной стороны, они являются образцами административного подстиля литературного итальянского языка, с другой — в связи с изменившейся реальностью современного рынка коммунальных услуг обнаруживаются типичные черты рекламного дискурса, одной из которых, несомненно, выступает актуализация чувства солидарности [Brown, Gilman 1960]. Подобные формальные колебания могут считаться типичными для данной дискурсивной практики.

В русском языке в официально-деловом стиле, к каковому относится, в частности, и платежный документ, господствует форма обращения на *Вы*. В текстах употребляется как собственно императивная форма глагола, так и косвенные выражения побудительности (перформативы, безличные конструкции):

- (27) **Подключайте** бесплатный сервис «Получение платежных документов для оплаты за поставленный газ на электронную почту».
- (28) **Передавать** показания приборов учета за текущий месяц **рекомендуем** не позднее 25-го числа.
- (29) В случае перерывов энергоснабжения **просим обращаться** в аварийно-диспетчерскую службу.

К этой же текстовой разновидности относятся сообщения от мобильных операторов. В них неизменно присутствуют различного рода инструкции, выражаемые чаще всего императивными формами глагола:

- (30) **Сохраните** это сообщение. Оно поможет Вам ходить в кинотеатры с 20% скидкой в течение целого года. **Просто перейдите** по ссылке и **получите** промокод.
- (31) Мы отправим Вам сообщения с настройками интернета и MMS. Пожалуйста, откройте их и **выберите** опцию «Установить».
- (32) Для Вас есть полезный совет! **Подключите** 100 SMS в Европе за 350 руб. Для подключения **наберите** *****.

Если рассмотренные выше платежные документы (24)–(29) носят преимущественно уведомительный характер, то сообщения (30)–(32) отличаются повышенной персуазивностью — отправитель определенно заинтересован в исполнении указанных действий. Дополнительное воздействие на получателя осуществляется посредством употребления прописной буквы в написании местоимения *Вы*, этикетного маркера *пожалуйста* или лексическими способами демонстрации значимости клиента в глазах самого клиента: *полезный совет, поможет Вам*. Отметим, что в подобных сообщениях итальянских мобильных операторов употребляются императивные формы только 2Sg:

- (33) *Gentile Cliente, per navigare alla massima velocità e utilizzare i servizi TIM, verifica se il tuo telefono è configurato correttamente.* ‘Уважаемый клиент, для пользования интернет-сетями на максимальной скорости и иными услугами оператора TIM **проверь** конфигурацию своего телефона’.

- (34) *Ecco il tuo codice *****. Conservalo per navigare con altri dispositivi.*
 ‘Твой код *****. **Сохрани** его для доступа в интернет с других устройств’.

В русскоязычном рекламном дискурсе вообще наблюдается достаточно широкое употребление форм 2Sg, особенно в текстах, целевой аудиторией которых являются молодые люди. Ю. Д. Апресян выделял семь употреблений местоимения 2-го лица ед. ч., а, следовательно, и императивной формы с редуцированным подлежащим: 1) *ты* близкое; 2) *ты* родственное; 3) *ты* детское; 4) *ты* старшее; 5) *ты* хамское; 6) *ты* панибратское; 7) *ты* внедиалоговое (при обращении к «абстрактному» человеку) [Апресян 1995: 152]. Все они указывают на статус адресата. В современной рекламе *ты* не воспринимается как хамское или панибратское, тем более что современное общество рассматривает молодость и поддержание состояния молодости как нечто исключительно позитивное. Именно с молодостью связываются динамичность жизни, наслаждения и развлечения.

- (35) *Почувствуй самый быстрый безлимит. Тариф «Включайся! Общайся!»* [реклама телекоммуникационной компании «Мегафон»]
- (36) *Получи деньги на развитие своего проекта!* [реклама социальных инвестиций в ХМАО]
- (37) *Обгоняй рассвет. Учись летать.* [реклама авиатренажеров Dream Aero]
- (38) *Успей купить квартиру.* [реклама ГК «Главстрой»]

Однако нет оснований говорить о всеобщем переходе рекламного дискурса на форму 2Sg. В тексте одной и той же рекламы на русском языке возможно смешение императивных глагольных форм 2Sg и 2Pl, хотя это и встречается достаточно редко:

- (39) **ВЫБЕРИ СЕБЕ СТВОЛ!** [На фото изображен босс итальянской мафии. Далее — его слова.] — *Я делаю Вам предложение, от которого невозможно отказаться. И помните, не всякая оранжевая бензопила является ин-*

*струментом достойного качества. **Остерегайтесь** подделок!* [реклама бензопил Oleo-Mac]

Если в (39) нет сомнения в обращении к одному адресату (прописная буква в *Вам*), то при наличии формы 2Р1 может быть двойкая интерпретация побуждения: обращение к одному человеку или к массе людей. Однако общая тенденция обращения в рекламе к одному потребителю позволяет говорить об обращении на *Вы* к одному адресату [Имшеницкая 2000: 40]. Действительно, в подавляющем большинстве текстов русскоязычного рекламного дискурса используется этикетная форма глагольного императива:

- (40) *«Аэрофлот Бонус». Быть ближе к мечтам — это ваш бонус. **Используйте** все преимущества партнеров программы. **Копите** и **используйте** мили «Аэрофлот Бонус» не только в полетах.* [реклама программы «Аэрофлот Бонус»]
- (41) *18 и 25 декабря — Карнавальная ночь. **Окажитесь** в настоящей русской сказке и **испытайте** приключения, выпадающие на долю героев русского фольклора.* [реклама ресторана «Русская рюмочная № 1»]
- (42) *Нужно проверить почту? **Зайдите** на сайт аэропорта Пулково и **узнайте** много полезного.* [реклама в аэропорту Пулково]

Обращение на *Вы* в русскоязычном этикете и русской лингвокультуре связано с повышенным социальным статусом в его социометрическом плане, который оценивается на основании рода занятий и источника дохода, происхождения, образования и т. д. [Карасик 2002b: 12]. Поэтому, к примеру, рекламные тексты, связанные с финансовой состоятельностью адресата, в частности реклама банковских услуг, содержат исключительно формы 2Р1. На этом фоне любопытно отметить обращение на *ты* в рекламе услуг по банкротству физических лиц, в которой только императивная форма выражала аллокутивное лицо адресата:

- (43) *Закрой кредит — начни жизнь с чистого листа.* [реклама юридического агентства по защите прав должников «Чистый лист»]

Подобный выбор аллокутивного лица может быть объяснен желанием отправителя подчеркнуть братское отношение к адресату, близость к нему в затруднительной ситуации и таким образом побудить его обратиться в данное агентство. Однако это может рассматриваться и как понижение социального статуса адресата.

В итальянской лингвокультуре рекламный дискурс использует исключительно обращение на *ты*. Отметим, что итальянская реклама насыщена визуальной семиотикой и часто не содержит вообще никаких речевых элементов. В образцах современного консьюмеристского дискурса практически не было обнаружено употребления ни аллокутивных местоимений, ни императивных форм 2Pl и 3Sg. Только в одном случае была зафиксирована этикетная форма 3Sg: в переводных текстах с немецкого языка, обращенных к итальянской аудитории. Этот пример не может считаться показательным по причине очевидного калькирования с немецкого языка:

- (44) *Non esiste il cattivo tempo, esistono solo vestiti inadatti. Con questo spirito, si copra bene e prenoti un volo per visitare uno o più dei magici e scintillanti mercatini invernali europei.*

‘Плохой погоды не бывает, бывает только неподходящая одежда. **Оденьтесь** потеплее, **купите** билет на самолет и посетите волшебные рождественские базары Европы’. [электронная рассылка авиакомпании Lufthansa]

В итальянской рекламе из побудительных конструкций преобладают императивные глагольные формы 2Sg.

- (45) *Metti il tuo viaggio in buone mani. Contattaci subito. Scoprirai che le nostre tariffe sono davvero convenienti e competitive.*

‘**Доверься** профессионалам. **Позвони** нам! Ты будешь приятно удивлен нашими тарифами’. [Аэропорт Фьюмичино, г. Рим, CareToFly]

- (46) *Scopri le nuove gift card limited edition. Scegli la tua Gift Card, attivala in cassa e dona a chi vuoi la libertà di scegliere.*

‘**Открой** для себя новые подарочные карты ограниченной серии. **Выбери** свою карту, **активируй** ее на кассе и **подари** кому хочешь свободу выбора’. [реклама торговой сети Benetton]

(47) *L'età ha sempre più vantaggi! Tutti martedì e sabato scontiamo il 10% sulla spesa. L'iniziativa è riservata a chi ha compiuto il 60° anno di età! Con Carta Insieme **passa al Box informazioni e attiva la promozione.***

‘С возрастом преимуществ становится все больше! Каждые вторник и субботу дарим скидку 10% на все покупки. Предложение действительно для покупателей старше 60-ти лет! **Подойди** к информационной стойке, предъяви свою дисконтную карту и **воспользуйся** акцией’. [реклама сети супермаркетов Conad, Италия]

Пример (47) особенно показателен тем, что обращен к лицам старше шестидесяти лет. В русской лингвокультуре представляется недопустимым обращение к старшим на *ты*, но в итальянском рекламном дискурсе, похоже, нет иных способов обращения к адресату.

6. Выводы

На восприятие информации адресатом и, как следствие, перлокутивный эффект сообщения побудительной семантики высказывания влияет совпадение социальной категоризации отправителем адресата и ожиданий самого адресата: концепт «Я», сформированный у адресата, может совпадать, а может и не совпадать с репрезентацией концепта, предлагаемого в сообщении. В первом случае можно говорить об успешно выбранной тактике отправителя сообщения, во втором случае неадекватность репрезентации когнитивному концепту адресата может скомпрометировать перлокутивный эффект. Очевидно, что статусное самоопределение адресата формируется на основе норм, принятых в данном обществе. Вследствие асимметричности институционального дискурса, в котором отправитель и получатель сообщения не обмениваются непосредственно ролями в отличие от бытийного дискурса, адресат интерпретирует получаемое сообщение, основываясь лишь на знании дискурсивной практики, отличающейся своей этнокультурной ориентированностью и узусом определенного языка. Формальный способ объективизации социального статуса адресата в институциональном дискурсе зависит от ведущей функции текстового сообщения.

При преобладании регулятивно-побудительного компонента наблюдается обезличенность участников коммуникации в высказываниях на обоих языках, объясняемая отсутствием функциональной необходимости объективировать социальный статус адресата. Такие тексты обращены к широкому социуму, вследствие чего отправитель не выделяет и не определяет социальный статус адресата. Для выражения побудительности здесь употребляются безличные конструкции и пассивные обороты. В ситуациях регуляции общественного поведения отправитель сообщения для контроля над исполнением каузируемых действий имеет определенные социальные инструменты — санкции.

При преобладании персуазивного компонента в тексте, когда у отправителя нет иных средств воздействия на адресата, кроме языковых, социальный статус адресата, выраженный языковыми средствами, играет важную роль в достижении желаемого перлокутивного эффекта и является одной из манипулятивных тактик воздействия на адресата. В таких текстах широко используются личные императивные формы глагола. Именно в текстах с преобладанием персуазивного компонента наблюдаются случаи значительных семантических асимметрий в двух языках. Это касается прежде всего употребления прототипической аллокутивной императивной формы 2Sg, которая в итальянском дискурсе проявляет свою немаркированность, в то время как в русскоязычной культуре немаркированным остается этикетное обращение 2P1. Одновременно с этим обнаруживается общая тенденция аллокутивного сдвига в сторону формы 2Sg, особенно в текстах рекламного характера. Устойчивое изменение репрезентации социального статуса адресата с 2P1 на 2Sg в текстах рекламного характера в современном русскоязычном обществе может рассматриваться как одна из манипулятивных тактик воздействия на адресата, поскольку интерпретируется им как знак включения его в определенную социальную группу — молодых людей, к которым традиционно в русскоязычной культуре обращаются на *ты*, либо такое обращение воспринимается как дружеское (близкое). Употребление 2Sg в русскоязычном институциональном дискурсе ограничивается рекламными текстами. В итальянской лингвокультуре господство формы 2Sg в рекламном дискурсе предопределяет тенденцию аллокутивного сдвига в тех институциональных текс-

тах с преобладанием регулятивно-побудительного компонента, которые по своей информативно-персуазивной функции приближаются к рекламному дискурсу.

Ограниченный объем статьи не позволил детально рассмотреть реализацию таких коммуникативных категорий как вежливость и категоричность в побудительных высказываниях, которые также влияют на конечный результат интерпретации послания адресатом и определяют его социальную категоризацию — большее внимание было уделено формальной стороне.

Литература

- Апресян 1995 — Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
- Бейлинсон 2001 — Л. С. Бейлинсон. Характеристики медико-педагогического дискурса (на материале логопедических рекомендаций). Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоградский государственный педагогический университет, Волгоград, 2001.
- ван Дейк 2000 — Т. А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000.
- ван Дейк 2013 — Т. А. ван Дейк. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. М.: Книжный дом «Либроком», 2013.
- Гусев 2013 — В. Ю. Гусев. Типология императива. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Гусейнова 2009 — И. А. Гусейнова. Коммуникативно-прагматические основания жанровой системы в маркетинговом дискурсе. Дисс. ... докт. филол. наук. МГЛУ, М., 2009.
- Имшеницкая 2000 — И. А. Имшеницкая. Мастерская рекламы. Пермь: Изд-во Пермского гос. технического ун-та, 2000.
- Иссерс 2008 — О. С. Иссерс. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
- Иссерс 2015 — О. С. Иссерс. Дискурсивные практики нашего времени. 2-е изд., испр. М.: Ленанд, 2015.
- Карасик 2002a — В. И. Карасик. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
- Карасик 2002b — В. И. Карасик. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002.

- Куликова (науч. ред.) 2015 — Л. В. Куликова (науч. ред.). Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2015.
- Силантьев 2006 — И. В. Силантьев. Газета и роман: риторика дискурсных смещений. М.: Языки славянской культуры, 2006.
- Шейгал 2000 — Е. И. Шейгал. Семиотика политического дискурса. М.; Волгоград: Перемена, 2000.
- Antonelli 2016 — G. Antonelli. L'italiano nella società della comunicazione 2.0. Bologna: Il Mulino, 2016.
- Benigni, Bates 1974 — L. Benigni, E. Bates. Interazione sociale e linguaggio: analisi pragmatica dei pronomi allocutivi italiani // S. Raffaele, R. Giulianella (eds.). Aspetti sociolinguistici dell'Italia contemporanea. Atti dell'VIII congresso internazionale di studi, Bressanone 31 maggio — 2 giugno 1974. Roma: Bulzoni, 1974. P. 141–165.
- Benigni, Bates 1975 — L. Benigni, E. Bates. Rules of address in Italy: A sociological survey // *Language in Society*. 1975. № 4. P. 271–288.
- Bresin et al. 2019 — A. Bresin, J. Hajek, H. L. Kretzenbacher. Transition from V to T among restaurant customers and waiters in Italy // B. Kluge, M. I. Moyna (eds.). It's Not All about 'You'. New Perspectives on Address Research. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamin Publishing Company, 2019. P. 220–250.
- Brown, Gilman 1960 — R. Brown, A. Gilman. The pronouns of power and solidarity // T. A. Sebeok (ed.). *Style in Language*. Cambridge, MA: MIT Press, 1960. P. 253–276.
- Brown, Levinson 1987 — P. Brown, S. Levinson. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Brown, Miller 2013 — K. Brown, J. E. Miller. *The Cambridge Dictionary of Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
- De Mauro, Vedovelli (eds.) 1999 — T. De Mauro, M. Vedovelli (eds.). Dante, il gendarme e la bolletta. La comunicazione pubblica in Italia e la nuova bolletta Enel. Bari: Editori Laterza, 1999.
- Fillmore 1975 — C. J. Fillmore. *Santa Cruz Lectures on Deixis*. Bloomington, IN: Indiana University Linguistic Club, 1975.
- Foucault 1971 — M. Foucault. L'Ordre du discours. Leçon inaugurale au Collège de France prononcée le 2 décembre 1970. Paris: Gallimard, 1971.
- Geniušienė 1987 — E. Geniušienė. *The Typology of Reflexive*. Berlin; New York; Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1987.
- Hajek et al. 2013 — J. Hajek, H. L. Kretzenbacher, R. Lagerberg. Towards a linguistic typology of address pronouns in Europe — past and present // J. Henderson, M. E. Ritz, C. R. Louro (eds.). *Proceedings of*

- the 2012 Conference of the Australian Linguistic Society (Perth, 5–7 December 2012). URL: <https://sites.google.com/site/als2012uwa/proceedings> (дата обращения: 10.09.2018)
- Jacqmain 1973 — M. Jacqmain. Il linguaggio della pubblicità. Uno studio sulle inserzioni nella stampa italiana. Firenze: G. S. Sansoni S.p.A., 1973.
- Levinson 1979 — S. C. Levinson. Pragmatics and social deixis: Reclaiming the notion of conventional implicature // Proceedings of the Fifth Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society. Berkley, CA: University of California, 1979. P. 206–223.
- Maynard, Heritage 2005 — D. W. Maynard, J. Heritage. Conversation analysis, doctor-patient interaction and medical communication // Medical education. 2005. Vol. 39. Iss. 4. P. 428–435.
- Molinelli 2002 — P. Molinelli. “Lei non sa chi sono io!”: potere, solidarietà, rispetto e distanza nella comunicazione // Linguistica e Filologia. 2002. № 14. P. 283–302.
- Parkinson, Hajek 2004 — A. Parkinson, J. Hajek. Keeping it all in the family: “tu”, “Lei” and “Voi”. A study of address pronoun use in Italian // Australian Review of Applied Linguistics Supplement Series. 2004. Vol. 18. Iss. 1. P. 97–114.
- Pescarini 2015 — D. Pescarini. Le costruzioni con *si*. Italiano, dialetti e lingue romanze. Roma: Carocci editore, 2015.
- Roberts, Sarangi 2005 — C. Roberts, S. Sarangi. Theme-oriented discourse analysis of medical encounters // Medical education. 2005. Vol. 39. Iss. 6. P. 632–640.
- Schiffirin et al. 2001 — D. Schiffirin, D. Tannen, H. E. Hamilton (eds.). The Handbook of Discourse Analysis. Oxford; Malden, MA: Blackwell Publishers Ltd, 2001.
- Wierzbicka 2016 — A. Wierzbicka. Terms of address in European languages: A study in cross-linguistic semantics and pragmatics // K. Allan, A. Capone, I. Kecskes (eds.). Pragmemes and Theories of Language Use. (Perspectives in Pragmatics, Philosophy & Psychology 9). Cham: Springer, 2016. P. 209–238.

References

- Antonelli 2016 — G. Antonelli. L'italiano nella società della comunicazione 2.0. Bologna: Il Mulino, 2016.
- Apresyan 1995 — Yu. D. Apresyan. Izbrannye trudy [Selected Works]. Vol. 2: Integralnoye opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya [Integrated Description of the Language and System Lexicography]. Moscow: Shkola “Yazyki russkoy kultury”, 1995.

- Benigni, Bates 1974 — L. Benigni, E. Bates. Interazione sociale e linguaggio: analisi pragmatica dei pronomi allocutivi italiani. S. Raffaele, R. Giulianella (eds.). *Aspetti sociolinguistici dell'Italia contemporanea. Atti dell'VIII congresso internazionale di studi, Bressanone 31 maggio — 2 giugno 1974*. Roma: Bulzoni, 1974. P. 141–165.
- Benigni, Bates 1975 — L. Benigni, E. Bates. Rules of address in Italy: A sociological survey. *Language in Society*. 1975. No. 4. P. 271–288.
- Beylinson 2001 — L. S. Beylinson. Kharakteristiki mediko-pedagogicheskogo diskursa (na materiale logopedicheskikh rekomendatsiy) [Features of medical-pedagogical discourse (A case study of logopedic recommendations)]. PhD Thesis. Volgograd State Teachers University, Volgograd, 2001.
- Bresin et al. 2019 — A. Bresin, J. Hajek, H. L. Kretzenbacher. Transition from V to T among restaurant customers and waiters in Italy. B. Kluge, M. I. Moyna (eds.). *It's Not All about 'You'. New Perspectives on Address Research*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamin Publishing Company, 2019. P. 220–250.
- Brown, Gilman 1960 — R. Brown, A. Gilman. The pronouns of power and solidarity. T. A. Sebeok (ed.). *Style in Language*. Cambridge, MA: MIT Press, 1960. P. 253–276.
- Brown, Levinson 1987 — P. Brown, S. Levinson. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Brown, Miller 2013 — K. Brown, J. E. Miller. *The Cambridge Dictionary of Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
- De Mauro, Vedovelli (eds.) 1999 — T. De Mauro, M. Vedovelli (eds.). *Dante, il gendarme e la bolletta. La comunicazione pubblica in Italia e la nuova bolletta Enel*. Bari: Editori Laterza, 1999.
- Fillmore 1975 — C. J. Fillmore. *Santa Cruz Lectures on Deixis*. Bloomington, IN: Indiana University Linguistic Club, 1975.
- Foucault 1971 — M. Foucault. *L'Ordre du discours. Leçon inaugurale au Collège de France prononcée le 2 décembre 1970*. Paris: Gallimard, 1971.
- Geniušienė 1987 — E. Geniušienė. *The Typology of Reflexive*. Berlin; New York; Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1987.
- Gusev 2013 — V. Yu. Gusev. *Tipologiya imperativa [Typology of the Imperative]*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2013.
- Guseynova 2009 — I. A. Guseynova. *Kommunikativno-pragmaticheskiye osnovaniya zhanrovoy sistemy v marketingovom diskurse [Communicative-pragmatic underpinnings of genre system in marketing discourse]*. Habilit. Thesis. Moscow State Linguistic University, Moscow, 2009.
- Hajek et al. 2013 — J. Hajek, H. L. Kretzenbacher, R. Lagerberg. *Towards a linguistic typology of address pronouns in Europe — past and present*.

- J. Henderson, M. E. Ritz, C. R. Louro (eds.). *Proceedings of the 2012 Conference of the Australian Linguistic Society (Perth, 5–7 December 2012)*. Available at: <https://sites.google.com/site/als2012uwa/> proceedings (accessed on 10.09. 2018)
- Imshenitskaya 2000 — I. A. Imshenitskaya. *Masterskaya reklamy* [Workshop on Advertising]. Perm: Perm Technical State University Press, 2000.
- Issers 2008 — O. S. Issers. *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech]. Moscow: Publishing House LKI, 2008.
- Issers 2015 — O. S. Issers. *Diskursivnyye praktiki nashego vremeni* [Discursive Practices of Our Times]. Moscow: Lenand, 2015.
- Jacqmain 1973 — M. Jacqmain. *Il linguaggio della pubblicità. Uno studio sulle inserzioni nella stampa italiana*. Firenze: G. S. Sansoni S.p.A., 1973.
- Karasik 2002a — V. I. Karasik. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language Circle: Persona, Concepts, Discourse]. Volgograd: Peremena, 2002.
- Karasik 2002b — V. I. Karasik. *Yazyk sotsialnogo statusa* [Language of the Social Status]. Moscow: Gnozis, 2002.
- Kulikova (ed.) 2015 — L. V. Kulikova (ed.). *Diskursivnyye praktiki sovremennoy institutsionalnoy kommunikatsii*. [Discursive Practice of Contemporary Institutional Communication]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2015.
- Levinson 1979 — S. C. Levinson. *Pragmatics and social deixis: Reclaiming the notion of conventional implicature. Proceedings of the Fifth Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society*. Berkeley, CA: University of California, 1979. P. 206–223.
- Maynard, Heritage 2005 — D. W. Maynard, J. Heritage. *Conversation analysis, doctor-patient interaction and medical communication. Medical Education*. 2005. Vol. 39. Iss. 4. P. 428–435.
- Molinelli 2002 — P. Molinelli “Lei non sa chi sono io!”: potere, solidarietà, rispetto e distanza nella comunicazione. *Linguistica e Filologia*. 2002. No. 14. P. 283–302.
- Parkinson, Hajek 2004 — A. Parkinson, J. Hajek. Keeping it all in the family: “tu”, “Lei” and “Voi”. A study of address pronoun use in Italian. *Australian Review of Applied Linguistics Supplement Series*. 2004. Vol. 18. Iss. 1. P. 97–114.
- Pescarini 2015 — D. Pescarini. *Le costruzioni con si. Italiano, dialetti e lingue romanze*. Roma: Carocci editore, 2015.
- Roberts, Sarangi 2005 — C. Roberts, S. Sarangi. Theme-oriented discourse analysis of medical encounters. *Medical Education*. 2005. Vol. 39. Iss. 6. P. 632–640.

- Schiffrin et al. 2001 — D. Schiffrin, D. Tannen, H. E. Hamilton (eds.). *The Handbook of Discourse Analysis*. Oxford; Malden, MA: Blackwell Publishers Ltd, 2001.
- Silant'ev 2006 — I. V. Silant'ev. *Gazeta i roman: ritorika diskursnykh smesheniy* [Newspaper and Novel: Rhetoric of Discourse-Mixing]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2006.
- van Dijk 2000 — T. A. van Dijk. *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya*. [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk: BGK n. a. J. Baudouin de Courtenay, 2000.
- van Dijk 2013 — T. A. van Dijk. *Diskurs i vlast: Rerezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representation of Dominance in the Language]. Transl. from English. Moscow: Knizhnyy dom "Librokom", 2013.
- Wierzbicka 2016 — A. Wierzbicka. *Terms of address in European languages: A study in cross-linguistic semantics and pragmatics*. K. Allan, A. Capone, I. Kecskes (eds.). *Pragmemes and Theories of Language Use*. (Perspectives in Pragmatics, Philosophy & Psychology 9). Cham: Springer, 2016. P. 209–238.

ГРАФИКО-ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТОЛСТОВСКОЙ ПСАЛТЫРИ¹

Г. А. Мольков

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург
georgiymolkov@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье проведен анализ основных графических и орфографических особенностей Толстовской псалтыри, существенных для истории раннего древнерусского письма. Рассмотрение количественных данных, полученных на основании сплошной выборки материала рукописи, — архаизмов, сохранных в письме рукописи, а также степени русификации частотных орфограмм — дает аргументы в пользу ее написания в XI веке.

Подробно рассмотрены написания с заменой ъ, ь > о, е, часто встречающиеся в рукописи и не получившие однозначной интерпретации. Их присутствие в орфографической системе, последовательно ориентирующейся на южнославянский способ записи частотных орфограмм, свидетельствует в пользу их искусственного характера.

Ключевые слова: древнерусский язык, история орфографии, редуцированные гласные, Толстовская псалтырь.

The description of the spelling system of Tolstovskaya Psalter

G. A. Molkov

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg
georgiymolkov@gmail.com

Abstract. This article looks into the main graphic and orthographic features of Tolstovskaya Psalter as essential evidence of the development of early Old Russian writing. An analysis of: the quanti-

---

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 19-012-00113 А).

tative data obtained through total sampling of the graphic and orthographic archaisms found in the manuscript and of the degree of the russification of frequent orthograms gives arguments for dating the manuscript to the 11th century.

A detailed analysis is provided for frequent, but so far fairly controversially explained, cases of spelling with replacements ъ, њ > о, ѣ. Their occurrences in a spelling system, consistently oriented at the South Slavic method of frequency orthogram recording, signal their artificial nature.

Keywords: Old Russian, history of orthography, reduced vowels, Tolstovskaya Psalter.

1. Введение

Толстовская псалтырь (далее — ТПС) — древнерусская пергаменная рукопись объемом 270 листов, хранящаяся в Российской национальной библиотеке (ОСРК, Ф.п.1.23), датируется XI–XII вв.²

Рукопись содержит текст Псалтыри с толкованиями Афанасия Александрийского, сохранившийся не целиком: он начинается с конца псалма 15 и обрывается на 9-м стихе псалма 146, а также имеет несколько небольших лакун вследствие утраты листов [Жуковская 1984: 86, № 47]³.

Материалы ТПС обсуждаются в научной литературе начиная с XIX в. Полностью рукопись не издавалась; исключение составляют небольшие фрагменты, представленные в работах И. И. Срезневского [Срезневский 1868: 155, 162–165] и В. Ягича [Jagić 1907: 742–780] в качестве разночтений к текстам Слуцкой и Болонской псалтыри соответственно. Кроме того, фотокопия л. 209 помещена в приложении к книге В. И. Срезневского

---

² Датировка не является точной из-за отсутствия удовлетворительного описания языка рукописи. В палеографических описаниях и справочниках памятник датируется XI в. [Сперанский 1928: 518; Огієнко 1929: 162–165] или XII в. [Гавриленко 1989: 72], но чаще всего указывается рубеж XI–XII вв. [Жуковская 1984: № 47].

³ Более подробное описание палеографии памятника см. также в [Волков 1897: 62; Никольский 1906: 496–497; Гранстрем 1953: 18; Левина 1966: 190].

[Срезневский 1887]. Описания некоторых особенностей графики, орфографии, морфологии, лексики и синтаксиса представлены в работах П. А. Лавровского [Лавровский 1858: 24–33] и В. И. Срезневского [Срезневский 1887: 17–25]. Ученые отмечают не только особенности южнославянского протографа, но и черты русского извода, содержащиеся в рукописи. Кроме того, графика и орфография рукописи обсуждается в работе М. Н. Сперанского [Сперанский 1928: 516–535], сопоставившего графико-орфографические системы ТПс и Евгениевской псалтырей с целью выявить особенности, восходящие к южнославянскому протографу. Из более современных работ, посвященных языку Псалтыри, можно назвать статью Т. Н. Гавриленко [Гавриленко 1989: 68–73], в которой на основании анализа особенностей употребления редуцированных гласных предпринимается попытка уточнить датировку и локализацию рукописи; а также магистерскую работу Д. А. Коротковой [Короткова 2017], в которой рассмотрен материал первых 70 листов рукописи (отражение рефлексов *tj, *dj, сочетаний типа *tert, написание сочетаний заднеязычных с гласными переднего ряда, соотношение букв, передающих /u/, пар йотированных /нейотированных графем, а также орфограммы с редуцированными).

Основной текст рукописи написан одним (1-м) почерком, но есть также небольшие отрезки текста, относящиеся к другим почеркам. Диссертационное исследование Т. В. Романовой [Романова 2009] выявило наличие в тексте рукописи пяти разных почерков:

2-й почерк — л. 1 (конец 7-й строки со слов **сѣказа та/ины** и 8-я строка), л. 9 (четыре строки внизу листа), 18 об. (четыре строки внизу листа), л. 21 об. (первое слово на 1-й строке **Кождо**), л. 22 (больше половины 6-й строки), 231 (девять строк — с 14-й по 22-ю), 231 об. (8,5 строк — с 1-й до середины 9-й);

3-й почерк — л. 179 (строка 17-я со слова **ба** до 22-й);

4-й почерк — 226 (15 строк — с 8-й по 22-ю), 231 об. (13,5 строк — с середины 9-й до 22-й);

5-й почерк — 237 (девять строк — с 14-й по 22-ю), 237 об. (весь лист), 239 об. (11 строк — с 12-й по 22-ю).

В настоящей статье будет проведен анализ основных графических и орфографических особенностей, существенных

ника 1073 г., списков слов Григория Назианзина и Пандектов Антиоха XI в., в одном из почерков Бычковско-Синайской псалтыри [Кривко 2004а: 84] и др. В более позднее время встречается — по-видимому, под влиянием сербского протографа — в Рязанской кормчей 1284 г. [Блохина 1970: 13].

Предлог-приставка **ѿ** в лигатурном написании встречается 20 раз. В 84 случаях используется развернутое написание **ѿт**. Развернутое сочетание **ѿт** встречается более 1200 раз. Преобладание развернутых написаний может свидетельствовать в пользу более древней датировки рукописи⁴.

В рукописи используются все четыре юса (в основном, 2-м, 3-м и 5-м почерках), в том числе малоактивная в восточно-славянской письменности буква **ѣ** встретила в тексте 281 раз. В 4-м почерке не употребляются графемы **ѣ** и **ѣѣ**. Его отличительной чертой является также употребление (причем дважды) т. н. «третьего юса», соединяющего в себе большой и малый юсы — **ѣ**: **правѣмоу** 226, **Рѣцѣ** 231 об. Эта графема встречается в списках произведений разных жанров, относящихся к периоду XI–XV вв. (см. обзоры рукописей в [Фёдорова 2015а: 371; Кривко 2016b: 139]).

На месте **tj*, **stj*, **skj* в ТПс пишется монограф **ѣ**. В тексте основного писца нам встретилось 25 примеров (0,95%) использования диграфа **штѣ**⁵, который считается более древним по отношению к лигатуре **ѣ** [Карский 1979: 165; Темчин 1998: 105–106]: **соуштааго** 3, **дѣмоу/штѣса** 4, **всашти/имѣ** 6 и др. Подобные написания встретились и в составе 4-го и 5-го почерков: **вѣсху/штѣнеѣ во непѣштѣва** (4-й почерк — л. 231 об.), **завываюштаа** (5-й почерк — л. 237 об.), **живѣштѣмѣ**./ (5-й почерк — л. 237 об.).

⁴ По мнению М. А. Фёдоровой, «высокий процент развернутых написаний (в тексте декабрьской минеи. — Г. М.) (...) указывает на возможность более ранней (...) датировки рукописи» [Фёдорова 2015а: 377]. Нелигатурные написания преобладают над лигатурными и в тексте Пуятиной минеи [Марков 1964: 13].

⁵ Такой же особенностью (использованием диграфа **штѣ** в указанной позиции в небольшом количестве случаев) характеризуется, например, второй почерк Бычково-Синайской псалтыри [Кривко 2004б: 173] и основной почерк Пуятиной минеи [Марков 1964: 15].

Архаичной чертой письма ТПс, относящейся, вероятно, к сфере графики [Гольштенко 1982: 18, 21], является варьирование **ѣ** и **ѣ̣**, допустимое при записи адъективных флексий. Наряду с обычным для ранней древнерусской письменности видом флексии ИП ед. ч. м. р. (**соудьнѣи** 21, **истиньнѣи** 25 и др.) и нестяженных флексий косвенных падежей (**върьньихъ** 21 об. и др.) в ТПс около 280 раз используется архаичный вид записи через **ѣ̣**: **Съвьршенѣи** 3, 57, **нѣснѣа** 6 об., **върьньихъ** 13, **сѣи** 17 об., **Изъбравѣи** 25 об., **зълъвърьньими** 27, **пльтънѣи** 27 об., **лестьнѣи/мь** 155 об., **демоньскѣихъ** 185 и мн. др. Возможно, сочетание **ѣи** в этой группе написаний интерпретировалось переписчиком как монограф — книжная разновидность буквы **ѣ** (с и вместо л в качестве второго элемента)⁶. Об этом говорит допустимость написания тех же флексий через **ѣ̣**: **дхъвьнымь** 3, **высокихъ** 9 об., **таниныхъ** 14 об., **сѣ нечѣсти/выми** 27 об. и др. Формы с **-ѣи-** мы находим и в составе неосновных почерков: **върьньимъ** (л. 22 — 2-й почерк), **ѣдинѣи** (л. 237 — 5-й почерк).

Также в тексте основного писца встретилось несколько форм на **-ои** с заменой **ѣ > о**, скопированных из южнославянского протографа [Кривко 2016а: 349]: **истиньнои** 3, 34 об., 48 об., **дхъвьнои** 7, **върьноими** 65⁷.

3. Орфографические особенности

3.1. Особенности употребления йотированных букв

В тексте основного писца буква **а** после гласных употребляется в составе нестяженных форм или в заимствованных словах: **отъ голнада** 11 об., **молла/аше** 15 об., **рика/ахоу** 19, **патрнархомъ** 23, **Патрнарси** 26 об., **о голнадѣ** 40 об., **исконьча/ахъса** 58 об., **патрнарси** 59, **въпинахоу оца оца** 61 об. и др.; а также в формах с утраченным интервокальным **ј**: **соуцаа (помышлениа)** 1 об., **Медвьнаа (сладость)** 13 об., **покааниа** 38, 60 об., 72, **чааше** 64 и др. В постконсонантной позиции, помимо

⁶ Ср. интерпретацию аналогичных написаний в древнейшем списке Учительного евангелия [Крысько, Мольков 2017: 364].

⁷ Ср. также многочисленные примеры в Ильиной книге XI в. [Крысько 2015: 32].

твердых согласных, а пишется после шипящих и **ц**: **оуадришаса** 1, **отъ лица** 1 об., **отъ/лоучажьтса** 4 об., **лъжами** 5 об., **съшатани** 5 об., **отъ моужа** 11 об., **нарицаетьса** 14 об., **десница** 15, **нищааго** 20 об., **възвращати** 25, **иночадъ** 26 и др.

Графема **га** употребляется после гласных, а также после **ц**, **ш**, **р**, **л**, **в**, передающих палатальные согласные (причем случаи употреблений единичны). Примеры написаний после гласных: **июдета** 1 об., **доганиа** 1 об., **сѣданиа** 2, **Отъ хъщеньга** 14, **кроткъга** 25, **испытаниа** 26 об.), **твонга** 27 об., **Извѣстоуга** 45, **хѣ/тътѣга** 67 и др.; после **ц** и **ш**: **сѣдциа** 3, **съврѣша/емаа** 6 об., **съкроушатица** 51, **съкроуша/хоуца** 55; после других мягких (в том числе вторичного смягчения) согласных: **днвѣщаса** 23 об., **сѣмѣрга/хъ** 45, **исправлажцага** 53 об., **сѣмѣратица** 57.

Буква **я** встречается только после гласных: **моа** 1 об., 2, 3, 10, 19, 26, 29, 29 об., 35, 55, 63 об., **сеа** 2 об., 5, **твоня** 4, **подъятель** 8, **радоуя** 13, **вещьствня** 17, **грѣшь/нъя** 25, **помазанья** 28 и др.

В отличие от всех рассмотренных выше буква **я** употребляется в тексте основного писца во всех позициях.

Во фрагментах, написанных неосновными писцами, невозможно проследить закономерности употребления исследуемых графем в силу малого объема, однако стоит привести некоторые наблюдения. Буква **а** после гласного встретилаь только во 2-м и 5-м почерках и лишь после **а**: **нѣсънааго** (2-й почерк — л. 1), **покааньема** (2-й почерк — л. 231), **посѣславъшааго** (2-й почерк — л. 231 об.), **имаахъ** (5-й почерк — л. 237 об.), **Чааникъма** (5-й почерк — л. 239 об.). Мягкие согласные, после которых употреблена данная графема: **ц**, **ш**, **щ**, **ж** и **ч**. Стоит отметить, что лишь во 2-м почерке мы находим **а** после **ш**, **щ**, **ж**: **Отъврѣша** 18 об., **посѣславъшааго** 231 об., **огоу/стиша** 231 об., **окамѣнѣша** 231 об.; **сълежаше** 9, **въсхъщцага** 18 об. Буква **а** после **ц** встретилаь только в 3-м и 4-м почерках: **въсклицажце** (3-й почерк — л. 179), **до коньца** (4-й почерк — л. 226), **сѣца** (4-й почерк — л. 231 об.), тогда как данная графема после **ч** употреблена лишь 2-м и 5-м писцами: **чѣча** (2-й почерк — лл. 9, 231), **коньчати** (2-й почерк — л. 231 об.), **Чагахъ** (5-й почерк — л. 239 об.), **Чааникъма** (5-й почерк — л. 239 об.).

Графема **ѡ** вне основного почерка встретила лишь во фрагментах, написанных 2-м писцом: **црѣствьѡ** 1, **твояѡ** 231, **ѡко** 231 об.

Употребление основным писцом букв **оу/ю/ѡ/ѣ** после шипящих и **ц** упорядочено. Буквы **ю** и **ѣ** не пишутся после шипящих согласных и **ц**. Исключение составляет один случай, когда буква **ю** употреблена после **ш**: **ошютъ** 44 об. Чаще всего в данной позиции пишется диграф **оу**: **къ отьцоу** 1 об., **прѣльцоуца** 3 об., **въскрьстьшоу/** 4, **чювьствьное** 12, **рьжоуца** 40 об. и др. Но встречаются также единичные написания, где после шипящих и **ц** употреблена буква **ж**: **ср(д)цж**/ 14 об., **соуцж** 20, **чждеси** 23 об., **чж/деса** 27 об., **моужж** 44 об., **соуцжмоу** 50, **пришь/дъшж** 50 об. В позиции после гласного используются все четыре графемы.

Отметим некоторые закономерности, касающиеся дистрибуции букв **оу/ю/ѡ/ѣ** в текстах неосновных писцов. Ни в одном из этих почерков не встретилось написаний **ж/ѣ** после шипящих и **ц**. В данной позиции пишется диграф **оу** или **ю**. В тексте 4-го писца в четырех случаях из пяти после **ч** пишется **оу** и единожды **ю**: **наоучоу/ца** 226, **наоучоуца** 231 об., **наоучоу** 231 об., **пооучоуца** 231 об., **чювьство** 231 об.

3.2. Отражение рефлексов сочетания *dj

В орфографии памятника на месте праславянского сочетания *dj отражены и старославянский, и древнерусский рефлекс. В. М. Живов, анализируя норму употребления **ж** и **жд** в рукописях XI–XII вв., отмечает, что уже в древнейших памятниках начинает происходить переход к употреблению рефлекса **ж**, на что указывает материал Изборника 1076 г., где рефлекс **ж** встречается чаще, чем **жд** [Живов 2006: 14]. При этом почерки с преобладанием консервативного южнославянского способа записи *dj, преобладая на раннем этапе, продолжают встречаться в письменности XII в.⁸

В подавляющем большинстве случаев основной писец ТПС отдает предпочтение написаниям с рефлексом **жд** (483 раза,

⁸ Ср. почерки Юрьевского евангелия [Фёдорова 2016: 88], древнейшего списка Учительного евангелия [Крысько, Мольков 2017: 358, Таблица 3].

88%). Древнерусское написание через **ж** встретилось 72 раза (12%), при этом основная часть таких написаний относится к лексемам, оканчивающимся на **-же**, имеющим в тексте памятника параллельные формы на **-жде**. В частности в наречии **также** / **также** русский рефлекс используется активнее, чем в среднем: в 13 примерах из 44 (29,5%); по-видимому, в этом случае русификации способствует наличие частицы **же** (*ge).

В такой же степени повышенная доля написаний с восточнославянским рефлексом (28,5%) наблюдается в ТПс еще в одной категории примеров. На материале Ильиной книги XI в. И. М. Ладыженский установил, что для формирования древнерусской письменной нормы у отдельных писцов маркированной является позиция, в которой рефлекс *dj «представлен перед сочетанием слабого редуцированного с последующим согласным» [Ладыженский 2015: 102] — вариант **ж** в этом случае применяется чаще, чем в среднем по рукописи. В данной позиции в ТПс преобладает все же написание **жд**, но восточнославянский дублет используется активнее, чем в большинстве других позиций: **слаждьша** 13 об., **рождьса** 18, 155 об., 179, **оутждь/шеса** 89, **рождьшоуса** 125 об., **прѣждьнихъ** 146, **рождьса** 196 об., **рождьства** 202 об., **рождьшоуж** 212, **повѣждьшоу** 214, **трождьса** 214 об., **рождьса** 225, **оутврждьшоумж** 253 об., **тоуждше** 266 об.; но — **завлоужьшааго** 24, **завлоужьшааго** 33 об., **троужьшеса** 78 об., **възбоужьше/са** 134, **не/вѣжьствик** 204 об., **завлоужьша** 205.

За пределами описанных категорий остаются следующие восточнославянские написания: **оутвржено** 7 об., **хо/женне** 8 об., **прѣже** 15 об., 28 (bis), 57 об., 126, 145 об., 214, 231, **въхоженне** 21 об., **троужа/юса** 26, **въздажь** 31, **оутвр/женне** 31 об., **постьжоуса** 34, 36, **оугажающе** 52, **оутвржа/ютьса** 54, **оутвржажтьса** 78 об., **съ тоужими** 93, **Ноужеж** 95, **ісхожаше** 111 об., **оутвр/жага** 126 об., **съзижеть** 184 об., **зижем/и** 185, **въ/схоженне** 189, **роженок** 191, **оутвр/жаютьса** 192 об., **троужащеса** 204 об., **хожахъ** 229, **наслажжса/** 231, **до/сажжщца** 239, **оутвржа/кть** 250 об., **при въсхоженни** 256 об.

В текстах неосновных писцов число примеров с отражением рефлексов сочетания *dj очень мало. Однако во фрагменте, принадлежащем руке четвертого писца, из двух слов с рефлекс-

сами этого сочетания оба написаны с ж — **постъжюѣ/са** 226 и **дажь** 231 об.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что основной писец в подавляющем большинстве случаев отдавал предпочтение старославянскому варианту написания, что объединяет ТПС по данному признаку с такими рукописями XI в., как Остромирово евангелие, Изборник 1073 г., Чудовская псалтырь, Тринадцать слов Григория Богослова, Путятин минея, Пандекты Антиоха [Живов 2006: 12–13].

3.3. Употребление юсов

В ТПС активно используются все четыре юса. Первый исследователь этой рукописи П. А. Лавровский так охарактеризовал общую картину употребления юсов в ней: «Знаки носовых звуков, как простые, так и йотированные, употребляются очень часто, и в корнях слов и в окончаниях; но еще чаще заменяются они другими гласными, а юсы йотированные, сверх того, и простыми: **равьнажтьса**⁹, **спсениа**, **въ вьсж землю** и т. п. Вообще же ж и ѣж заменяются посредством оу и ю; а ѡ и ѡа посредством а и та; есть, впрочем случаи и обратной замены оу и та, посредством ж и ѡ (ѡа): **къ искрънюмж**, **родж члчскомж**, **ѡко**, **стоѡастѣ**, **волаше** и т. п. Видно, что под рукой писца знаки: ж — ѣж, ѡ — ѡа не имели уже своего исключительного произношения и были только дополнительными знаками для звуков гласных: оу, ю, а, та» [Лавровский 1858: 25]. Приведенные Лавровским сведения показывают, что ТПС относится к большинству древнерусских рукописей, использующих юсы: в ее орфографии происходит перегруппировка исходной, основанной на этимологии дистрибуции **та/ѡ**, **оу/ж**. Нами были рассмотрены в полном объеме примеры употребления дублетов **оу/ж** и **ю/ѣж** в рукописи, что позволяет сопоставить точные количественные данные с имеющимися описаниями других орфографических систем.

Приведем общие данные по буквам **оу**, **ж**, **ю**, **ѣж** в памятнике в виде таблицы, показывающие, насколько написания Толстовской псалтыри отходят от «идеального» состояния:

⁹ Форма приведена неточно, в рукописи **приравнажть/са** 3.

Таблица 1. Использование букв **ѡѣ, ж, ю, ѣж**¹⁰Table 1. Use of the letters **ѡѣ, ж, ю, ѣж**

	ѡѣ	ю	ж	ѣж
всего [u]/[ɔ]	10017		2589	
доля этим. уп.	49,5%		85%	
на месте [u]/[ju]	4405 — 55%	691 — 34%	338 — 23%	57 — 5%
на месте [ɔ]/[jɔ]	3579 — 45%	1342 — 66%	1131 — 77%	1063 — 95%
всего	7984 — 100%	2033 — 100%	1469 — 100%	1120 — 100%

На наш взгляд, показательно соотношение написаний юсовых / неюсовых графем в почерке ТПс. При обсуждении восточнославянских рукописей со смешением **ѡѣ/ж** и **ю/ѣж** обычно не обращается специального внимания на тот факт, что и в условиях частого смешения основная часть использованных **ж** и **ѣж** все же пишется в этимологических позициях (85% для ТПс). Смешение **ѡѣ/ж, ю/ѣж** оказывается в основном односторонним — связанным с экспансией букв **ѡѣ, ю** в сферу юсовых графем. В ТПс, как показывает Таблица 1, **ѣж** в исконной позиции выступает при этом заметно чаще, чем **ж** — в 95% случаев.

Подключение сопоставительных данных позволяет показать, что отмеченная закономерность актуальна не только для ТПс, но и для ряда других рукописей, в орфографии которых активно используется юс большой и его йотированный вариант. Согласно исследованию И. М. Ладыженского [Ладыженский 2015: 69, Таблица 1], в Ильиной книге общее соотношение букв **ѡѣ, ю, ж, ѣж** в этимологических и неэтимологических позициях то же, что и в ТПс: доля этимологических **ѡѣ/ю** намного меньше (47,5%), чем этимологических **ж/ѣж** (70%), и при этом **ѣж** последовательнее, чем **ж** (как и в ТПс), появляется в этимологических позициях (90% против 59,5% для **ж**)¹¹. В более поздней рукописи — Юрьевском евангелии ок. 1119–1128 гг. — также

¹⁰ Здесь и далее не учитывались примеры в заимствованиях и в иноязычных именах собственных.

¹¹ Процентные соотношения подсчитаны на основе количественных данных И. М. Ладыженского.

наблюдается преимущественно этимологическое использование букв **ж**, **ѣж**. По данным М. А. Фёдоровой, «этимологически верно большой юс (как йотированный, так и нейотированный) употребляется 1743 раза (83,8% случаев), этимологически неправильно — 338 раз» [Фёдорова 2016: 83] (параллельных данных по **оу** и **ю** в исследовании не приводится).

Для юсовой орфографии, претерпевшей видоизменение в древнерусской письменности, представляется вполне закономерной неоднородность в использовании юсов в разных морфемах. В Толстовской псалтыри написания отдельных морфем также могут заметно отклоняться от средних показателей (не)этимологического написания букв.

Таблица 2. Поморфемное распределение **оу**, **ю**, **ж**, **ѣж** в ТПС

Table 2. Morpheme distribution of letters

	ж	ѣж	оу	ю	% ЭТИМ.
ТП	122	371	–	266	65%
ВП	261	241	916	400	27,5%
1 л. н. вр.	64	34	174	149	23,5%
3 л. н. вр.	185	167	400	199	37%
импф.	25	–	365	–	6,5%
аор.	20	–	93	–	17,5%
-оит-	92	219	268	305	35%
-иѣ-	7	–	117	–	5,5%
*ѣ-корни	332	8	1143	8	23%
со-	2	–	10	–	16,5%
нар. -оѣ-, -ѣ ¹²	21	23	93	15	29%
всего [ѣ]	1131	1063	3579	1342	30,5%
ДП	139	44	1259	85	88%
дв.ч.	19	9	20	17	57%
Зв. ф.	–	–	1	8	100%
Р-МП *ѣ-скл.	6	–	41	–	87%
-иѣ-	22	–	227	–	91%
*и-корни	130	3	1690	581	94,5%
и- (приставка)	5	–	906	–	99,5%
нар. на -ѣ, -и ¹³	6	–	21	–	78%

¹² В тексте встретились оканчивающиеся на этимологическое [*ѣ] наречия **вѣнѣж** (вѣнѣж), **вѣнѣжа**(ѣ)ж, **тѣчнѣж**, **вѣскѣж**.

предл. на -и	1	–	15	–	94%
нар. оу (оу, оубо, оуже)	3	1	171	–	97,5%
нар. тоу	7	–	54	–	88,5%
всего [u]	338	57	4405	691	93%

В ТПс, несмотря на большое количество неэтимологических написаний с [u] и [o], все же наблюдается значительный перепад в доле их этимологически корректной передачи: всего 30,5% для [o] и 93% для [u]. Писец рукописи использует буквы **ж**, **ѣж** преимущественно в их этимологических позициях (см. Таблицу 1), но даже в них юсы являются менее активными (ок. 1/3 в среднем) вариантами для **оу**, **ю**. Новых, не связанных с этимологией функций в орфографии ТПс юсы не приобретают, т. к. [u]-позиция оформляется в 93% случаев традиционно.

Такая система контрастирует с данными Ильиной книги, близкой по времени написания к ТПс: отличия видны и в общих закономерностях, и в частных особенностях дистрибуции **ж** и **ѣж**. Исследование И. М. Ладыженского показало, что в Ильиной книге «юс большой в корнях пишется значительно чаще (регулярнее), чем диграф **оу**; во флексиях же картина противоположна — писец Илия отдает предпочтение диграфу» [Ладыженский 2015: 73]. Этой оппозиции писец Илия достигает в частности за счет активного использования **ж** в **и*-корнях — в позиции после согласного такое использование **ж** в его почерке составляет 64,7% [Там же: 72, Таблица 4], чему в ТПс соответствуют всего 5,5% в **и*-корнях в целом. Экспансия **ж** наблюдается в Ильиной книге также в суффиксальных морфемах: буква пишется более чем в половине случаев, не только в **о*-суффиксах, но и в **-иј*- — в 63% примеров, в то время как в ТПс, согласно Таблице 2, этот суффикс пишется через **ж** только в 9% случаев.

Очевидно, указанные отличия обусловлены разным подходом писцов к использованию юсов. Для писца Ильиной книги важным было передать общее соотношение юсовых и неюсовых букв в слогах с [u], близкое к их исходной частотности в старославянских текстах [Ладыженский 2015: 75], а для переписчика ТПс важнее не выходить за пределы набора морфем с [**o*].

¹³ Наречие **въноу**.

Вторая стратегия, видимо, сложнее, т. к. связана с заучиванием инвентаря морфем.

Менее резко отличается в системах Ильиной книги и Толстовской псалтыри употребление буквы **ѣж**. В корнях с этимологическим носовым гласным **ѣж** встречается редко (с начальным *ǫ-), поэтому сравнение ограничено сферой аффиксов. Бóльшая в сравнении с **ж** активность **ѣж** в Ильиной книге во флексиях [Ладыженский 2015: 71, Таблица 2б] коррелирует с более последовательным на фоне **ж** применением **ѣж** писцом ТПс в этимологических позициях. Так, написание флексии ТП ед. ч. в ТПс резко выделяется на фоне остальных позиций с [*ǫ] в Таблице 2 (65%) именно потому, что это окончание пишется в основном через **ѣж**; общая доля этимологических написаний флексии ВП ед. ч. составляет 27,5%, но эта цифра складывается из 22% для твердого подтипа склонения и 38% — для мягкого, с использованием **ѣж**. Предпочтительность **ѣж** в Ильиной книге во всех флексиях независимо от этимологии [Там же] соотносится с более однородной частотностью использования этой буквы в записи окончаний в Толстовской псалтыри — ср. 38% в ВП ед. ч. мягкого подтипа склонения и 34% в ДП ед., 34,5% в дв. ч. с этимологическим [u].

По-видимому, сближение систем в использовании **ѣж** связано с тем, что буква не используется в наиболее сложной для запоминания позиции — в корневых морфемах (после согласного), а в составе суффиксов и флексий исконное [*u] встречалось существенно реже, чем [*ǫ], и набор позиций для «правильного» **ѣж** является в связи с этим более компактным. Возможно, по этой причине писцы обращали меньше внимания на орфографическую дифференциацию этимологических / неэтимологических написаний флексии.

В сфере [ǫ]-морфем в орфографической системе ТПс можно отметить некоторые особенности дистрибуции **ж**, **ѣж** с дублетами **оѣ**, **ю**. С уже упомянутой частотностью юсовых написаний флексии ТП ед. ч., по-видимому, связан тот факт, что наименьшей активностью юсов отличаются написания морфем с твердым согласным, не имеющих мягкого коррелята. К таким относятся флексии 3 л. мн. ч. имперфекта (6,5% этимологических написа-

ний), простого аориста (17,5%)¹⁴, суффикс *-п-* (5,5%) и приставка *ср-* (16,5%); эти морфемы объединяет невозможность использовать **ѣ** при их записи (ср. флексии настоящего времени *-ѣ/-ѣѣ*, *-ѣтъ/-ѣтъѣ*, ВП ед. ч. *-ѣ/-ѣѣ* и др.). Переписчик определенно менее уверенно использует **ж** вне позиций, общих для **ж** и **ѣ** — это дополнительно подтверждает его ориентацию на компактный характер этимологических позиций **ѣ**.

Среди более частотных позиций **ж/ѣ** в аффиксах можно противопоставить написания *-ѣтъ/-ѣтъѣ* (37%), *-ѣщ/-ѣщѣ* (35%) и чуть менее активные *-ѣ/-ѣѣ* (1 л. — 23,5% и ВП — 27,5%). Возможно, эта градация связана с более характерным обликом первых двух морфем и однобуквенностью последних. Снижать активность юсов во флексиях *-ѣ/-ѣѣ* могла также их омонимия с этимологически неносовыми морфемами (окончаниями ДП ед., дв. ч.).

Отдельного внимания заслуживает написание корней в рукописи. В соответствии с общими показателями (23% этимологических написаний в **р*-корнях и 94,5% — в **и*-корнях, см. Таблицу 2) основная часть **и*-корней в ТПс последовательно пишется через **ѣ**, а среди частотных **р*-корней (более 10 примеров в тексте) написания через **ж** используются, но составляют меньше трети встретившихся примеров. Малочастотные **р*-корни, как правило, пишутся через **ѣ**, ср. такие неэтимологические написания, как **ГОЛОѣВ-** (девять раз), **МОѣД-** (восемь)¹⁵, **ТЪСОѣЩ-** (шесть), **ВЪНОѣТР-** (шесть), **НЕДОѣГ-** (четыре), **РОѣВ-** (три), **ХОѣДОЖ-** (три), **ПОѣЧИН-** (два), **СКОѣДЕЛ-** (два) и ряд других, встретившихся по одному разу. На этом фоне по орфографическому оформлению выделяются единичные корневые морфемы. Эти отклонения можно увидеть в Таблице 3, где в алфавитном порядке представлены данные для всех корней с вариативностью **ѣ/ж**, встретившихся в тексте более 10 раз (не учтены также достаточно многочисленные корни, представленные более чем 10 примерами, в которых **ж** встретился 1–2 раза).

¹⁴ Полный список примеров форм простого аориста в рукописи см. в работе [Мольков 2017b: 186–187].

¹⁵ Назализация в этом корне является вторичной [ЭССЯ 20: 168].

Таблица 3. Употребление ж в частотных корнях в ТПС

Table 3. Use of the letter ж in frequent roots in Tolstovskaya Psalter

корни с [*o]	oу	ж	% этим.
влжд-	20	7	26%
вжд-	153	53	25,5%
гжсл-/гжд-	7	11	61%
лжк-	34	5	13%
-лжч(нти)	22	3	12%
мждр-	56	13	19%
мжж-	21	4	16%
мжк-	50	8	14%
пжт-	86	53	38%
ржк-	162	30	15,5%
скжд-	15	4	21%
стжп-	95	38	28,5%
сжеот-	5	12	70,5%
сжд-	151	48	24%
жз/ж-	8	5	38,5%
корни с [*u]	oу	ж	% неэтим.
гоуе(нти)	36	9	20%
дроуг-	39	3	7%
-кроуш(нти)	47	3	6%
-коуп-	33	4	11%
поуст- ¹⁶	68	18	21%
слоуг-	29	5	14,5%
-соуи-	45	10	18%
соух-	12	3	20%
троуд-	32	3	8,5%
тоужд-	21	3	12,5%
-оум- ¹⁷	313	17	5%
хоул(нти)	24	7	22,5%
чоу(вьств-/-лти)	71	8	10%
чоуд-	57	10	15%

Материал Таблицы 3 показывает однородность употребления большинства корней без связи с этимологией. Доля ж в их

¹⁶ Объединены данные омонимичных глагольного и именного корней.

¹⁷ В позиции после согласного.

написании в основном варьируется от 10 до 30% для *o-корней и от пяти до 25% для *u-корней; орфографически тождественными оказываются **мжк-** и **слѹг-**, **скжд-** и **поуст-**, **ржк-** и **чѹд-** и др. Среди *u-корней нет значимых отклонений от общего диапазона, а из *o-корней имеют долю юсовых написаний более чем в 30% корни **пжт-** (38%), **жз/ж-** (38,5%), **гжсл-/гжд-** (61%) и **сжбот-** (70,5%). Отклонение первых двух морфем можно признать незначительным, хотя относительно высокая частотность записи с **ж** для корня **жз/ж-** с инициальной позицией гласного показательна на фоне написаний Ильиной книги, писец которой руководствовался «нормами, ограничивающими постановку **ж** в начале графического слога» [Ладыженский 2015: 73]¹⁸. При меньшей активности **ж** в корнях для переписчика ТПС этот параметр, видимо, не имел значения.

Частотность записи с юсом корней **гжсл-/гжд-** (61%) и **сжбот-** (70,5%) вызвана разными причинами. Предпочтение этимологического способа записи корня **сжбот-** связано с лексикализацией этой орфограммы: данные ТПС коррелируют с материалом Погодинского евангелия XI в., где эта основа орфографически выделяется на фоне других, содержащих слог [su] [Мольков 2016: 238], а также более позднего Милятина евангелия, в котором при еще меньшей активности **ж** этот корень оказывается исключением на общем фоне — по-видимому, в связи с частотностью в заголовках текстов служебного типа¹⁹.

Большая доля юсовых написаний в **гжсл-/гжд-** связана с неоднородностью применения писцом ТПС буквы **ж** на протяжении текста в корнях, хорошо заметной на материале *u-корней. Из 130 неэтимологических корневых **ж** 37 (28,5%) приходится на л. 1–

¹⁸ Интересно, что в более поздней рукописи встречается и противоположная установка по использованию **ж**. Судя по примерам из древнейшего списка Лествицы (РГБ, Рум. 198), приводимым Т. Г. Поповой, на тех немногочисленных листах рукописи, где **ж** «встречается очень часто» [Попова 2013: 24], он используется после гласного, ср. на л. 100: **ж/то** 100a1–2, **ж/мьрты** 100a7–8, **жмиравтын** 100a9, **жмьрь** 100a11, **да ... пожстать** 100b7.

¹⁹ Ср. также использование этой буквы в восьми примерах во втором почерке Архангельского евангелия 1092 г., ограниченное титуловым написанием **сж** [Lunt 1949: 82–83].

160, а остальные 93 (71,5%) — на меньшую по объему остальную часть рукописи (л. 161–270), при этом ближе к концу активность неэтимологического **ж** в корнях постепенно нарастает. Таким образом, в начале рукописи переписчик последовательнее придерживается принципа не выходить за пределы морфем с этимологическим носовым. Основная часть примеров употребления **гжсл-/гжд-** относится ко второй части рукописи (через **оу**: 39 (bis), 66 об. (bis), 113 об., 123, 179 об.; через **ж**: 95 об., 123 (bis), 168 об. (bis), 179 об. (bis), 209 (bis), 270 об. (bis)), в связи с чем с **ж** корень в целом встречается чаще, чем с **оу**²⁰. Похожая ситуация наблюдается у **и*-корня **глоум-** (не представлен в Таблице 3, т. к. употреблен в ТПС менее 10 раз). Он всего один раз написан в этимологическом виде (**глоумениа** 232 об.), а в остальных шести примерах пишется через **ж** (**гжмлаухж/сж** 116 об., **погжмлаюсж** 226 об., **гжмлашесж** 227 об., **погжмлюсж** 227 об., 232, **гжмлаухьсж** 229 об.); основная их часть сосредоточена ближе к концу рукописи, когда **ж** в корнях начинает писаться более активно.

Рассмотренный материал и его сопоставление с орфографией Ильиной книги показывают, что близкий результат — употребление букв **ж**, **иж** в соответствии с этимологией в большинстве позиций — мог достигаться разными средствами. Писец Ильиной книги, как показал И. М. Ладыженский [Ладыженский 2015: 69–77], обращал внимание на общую частотность юсов в морфемах разного типа, в графической позиции — после гласного / согласного — внутри слога, хотя иногда — при написании корней — руководствовался их южнославянской орфографией. А в орфографической системе ТПС общая частотность букв **ж**, **иж** снижается, но при этом морфемы с исконными [**o*] и [**u*] разграничены более отчетливо. Оба этих варианта следует рассматривать как единую орфографическую технику, отличную от более ранних юсовых орфографических систем, приближенных к старославянскому узусу, типа Остромирова евангелия, от систем, устраняющих юс большой из инвентаря графем, а также от почерков, не ориентированных на этимологическое употребление юсов.

²⁰ Получается, что корень **гжсл-** ведет себя в системе написаний ТПС как **и*-корень, что, возможно, связано с неправильным «этимологизированием» его писцом.

3.4. Отражение рефлексов сочетаний *tert, *telt

В корнях, восходящих к сочетаниям типа *tert, *telt, в ТПС во всех случаях последовательно используются неполногласные церковнославянские формы. При этом в большинстве этих форм в соответствии со старославянской нормой пишется **ѣ**, а не буква **ѐ**, связанная с процессом «адаптации южнославянских форм в русском церковнославянском» [Живов 2006: 178].

Наиболее показательными, на наш взгляд, являются статистические данные, касающиеся написания **ѣ** или **ѐ** в приставке **прѣ-/пре-** и предлоге/приставке **прѣдъ/предъ**. Из приблизительно 800 случаев употребления этих единиц в тексте основного писца всего 12 раз пишется буква **ѐ** (причем только в составе приставки **пре-**): **препѣньше** 8, **прерѣканьѧ** 11, **преста** 26, **пре/трѣпѣша** 26 об., **законопрело/жение** 31, **пре/бываеѣтъ** 40, **пре/бываеѣтъ** 66, **непре/млъчьноѣ** 80 об., **пре/моудрости** 120, **пре/исподнимъ** 156 об., **пребыва/ѣши** 184, **престѣпление** 235 об. В остальных примерах стоит буква **ѣ**.

Во фрагментах, написанных неосновными писцами, во всех 8 случаях употребления этих предлогов/приставок пишется **ѣ**: **прѣгрѣшихъ** (2-й почерк — л. 231), **прѣстаноу/тъ** (3-й почерк — л. 179); в составе 5-го почерка — **прѣстають** 237, **прѣстѣплениѣ** 237 об., **Прѣстѣпихъ** 237 об., **прѣбываеѣтъ** 237 об., **прѣдъ товою** 239, **прѣдъ тѧ** 239.

Количественные данные по написанию остальных корней, восходящих к сочетаниям *tert, *telt, представлены в Таблице 4.

Таблица 4. Написание *tert, *telt в корняхTable 4. Spelling of *tert, *telt in roots

	рѣ/лѣ	ре/ле		рѣ/лѣ	ре/ле
врѣм-	2	1	плѣн-	23	0
влѣк-	1	0	срѣд-	28	12
врѣд-	6	2	стрѣж(г)-	7	0
врѣм-	8	55	трѣв-	30	31
-врѣщ-	2	0	оумрѣти	4	2
дрѣв-	8	4	чрѣв-	8	4
жрѣв-	4	6	чрѣс-	4	1
неврѣг(ж)-	3	1			
овлѣч-	11	1	Итого:	149 (55%)	120 (45%)

Соотношение орфографии приставок **прѣ-/прѣд-** и корней в ТПС имеет близкую аналогию в почерке Галицкого евангелия 1144 г., где, по данным М. А. Фёдоровой [Фёдорова 2019], **ѣ** в **прѣ-/прѣд-** преобладает (89% примеров), а в корневой части используется только в 34% написаний. В ранней орфографии соотношение может быть и обратным: во втором почерке Милятина евангелия первой половины XII в. с единичными исключениями используется запись **прѣ-**, **прѣдъ**, **прѣже** при последовательном сохранении южнославянских написаний через **ѣ** в корнях [Мольков 2015: 702–703].

3.5. Употребление еров

В подавляющем большинстве примеров редуцированные в ТПС сохраняются на письме²¹. Случаи пропусков или мен **ь > ѣ**, **ъ > о** редки и наблюдаются в ограниченном числе основ.

3.5.1. Редуцированные в корне

а) Пропуск

Рассмотрим примеры пропуска редуцированных в корнях и малочастотных аффиксах. Основную их массу составляют морфемы, в которых редуцированный гласный находится в абсолютно слабой фонетической позиции [Фалёв 1927; Попов 2004: 241–247]. В ТПС с разной степенью частотности пропуск **ъ**, **ь** встречается в корневых морфемах в составе следующих слов и основ: **-вьрати**, **вьсь**, **гънати**, **-жьдо**, **зъвъ-**, **зъл-**, **къде**, **кънига**, **къназь**, **къто**, **мънѣ**, **мъногъ**, **пъсати**, **пъсъ**, **что (чьсо)**. Редуцированные не пропускаются в корнях слов **сьде** (21 раз), **мънѣти** (15 раз) и основ **дъвъ-** (пять раз), **въдов-** (10 раз).

Количественные данные представлены в Таблице 5. В большинстве случаев, когда редуцированный на письме опускается, на его месте пишется надстрочный знак.

Таблица 5. Пропуск еров в корнях и малочастотных аффиксах в основном почерке ТПС

Table 5. Jers' loss in roots and low-frequency affixes in Tolstovskaya Psalter

	...ѣ(ь)/	ъ, ь	ъ > ѣ, ь > ѣ	'	–
-вьрати	6	49	–	–	23

²¹ Т. Н. Гавриленко также указала на «высокую сохранность редуцированных» [Гавриленко 1989: 69] в тексте рукописи.

вѣс-	7	969	–	3	1
гѣнати	–	22	–	–	3
-жѣдо	1	10	–	–	24
зѣв-	3	59	–	–	10
зѣл-	6	187	1	–	9
кѣде	1	11	5	–	–
кѣниг-	6	27	24	–	1
кѣнѣз-	–	41	39	–	3
кѣто	5	79	1	65	3
мѣнѣ	7	121	2	17	–
мѣною (-ж/ѣж)	2	32	–	2	–
мѣног-	7	183	1	60	1
пѣсати	–	1	–	35	–
пѣсъ	–	11	–	3	–
тѣкѣмо	–	11	1	1	2
чѣто	2	53	7	3	2
чѣсо	–	12	–	–	–

Приведенные нами данные позволяют сделать вывод о том, что в изучаемом памятнике редуцированные в изолированных позициях в подавляющем большинстве употребляются на письме регулярно. Обращает на себя внимание корень **зѣл-**, который по сравнению с другими корнями значительно чаще употребляется с пропуском редуцированного, не обозначенным паерком. Подобную ситуацию можно наблюдать и в орфографии других рукописей. В этой основе **ѣ** пропускается в контексте архаичной в целом орфографии Путятиной минеи XI в. [Марков 2001: 27]. Также в Стихираре РНБ Соф. 384 середины XII в. наблюдается подобная выделенность корня **зѣл-** на фоне остальных при консервативной в целом орфографии этой рукописи [Мольков 2017а: 53–54].

Интересной особенностью ТПс, как показывает Таблица, является специфическое распределение орфограммы с пропуском среди корней. При единичных (как обозначенных, так и не обозначенных паерком) пропусках в формах и основах **вѣсъ**, **кѣниг-**, **кѣнѣз-**, **чѣто**, хорошо известных в безъеровом написании в ранней древнерусской орфографии, писец ТПс активно пользуется дублетами с пропуском в основах, обычно реже употребляемых без еров — **вѣра-**, **зѣва-**, **пѣса-**. Так, корень **-вѣр-** встретился в тексте 55 раз (шесть раз **ѣ** на конце строки) — 23 раза в нем

происходит утрата редуцированного: **избраници** 9, **избран(и)** 9, **съврашася** 45 об., **избра** 105 об., 108, 143 об., 144, 172 об., 187 об. и др. В корне **пъс-** в 11 случаях сохраняется **ь**: **пъсни** 4, **пъси** 19 об. и др., а в трех примерах вместо редуцированного стоит надстрочный знак: **п̑си** 19 (bis), **П̑са** 19 об.

Во 2-м и 4-м почерках не наблюдается пропусков редуцированных в корнях, перечисленных выше. Во 2-м почерке встретилось написание без редуцированного: **Кождо** 21 об. В 4-м почерке только в корне **къто** редуцированный опускается на письме: **кто** 226. Внимания заслуживает 5-й почерк, в котором редуцированные пропускаются в корнях **въс-**, **зъла-**, **мъног-**, **чът-**: **Вса** 237 об., 239 об., **вси** 239 об.; **зловѣрьныхъ** 237; **мнози** 237 об., **мнозѣ** 237 об., **Многою** 239 об.; **ничтоже** 239 об.

б) Взаимозамена еров

Написание корня **кръв-** отличается тем, что почти в трети случаев он записан с неэтимологическим **ь**. В 53 примерах в корне пишется **ъ**, а в 25 случаях в этой позиции стоит **ь**: **отъ кръве** 1, **кръвниж** 1, 48 об., **кръвню** 14 об., **кръввь** 16, 29, **кръви** 27 об., **кръ/ви** 33 об., **кръвниж** 34 об. и др.; **кръввь** 1 об., 22, 49, 66, 70, **кръвє** 27 об., 42, **кръвниж** 32 и др.

По мнению Н. Н. Дурново, «мена **ъ** и **ь** в русских рукописях XI и XII вв. — явление чрезвычайно сложное, отражающее факты разных периодов разных ю.-сл. говоров» [Дурново 2000: 451]. Ученый также отмечает, что «правописание, часто смешивающее **ъ** и **ь** (...), по происхождению не русское и восходит к подобному ю.-сл. написанию» [Там же]. Дурново приводит примеры из рукописей, среди которых Остромирово евангелие, Чудовская Псалтырь, Служебная Минея за ноябрь 1097 г. и др. В большинстве этих рукописей мена происходит после шипящих. Также мены редуцированных в самых разных позициях обнаруживаются и в Погодинском евангелии [Мольков 2016: 247]. Примечательно, что в этой рукописи среди прочих отмечены и частые мены в корнях с плавными. Это же явление представлено многочисленными примерами и в Изборнике 1073 г. [Баранкова и др. 1988: 5], где оно связывается с влиянием глаголического протографа.

в) Замена на **о**, **е**

На фоне других ранних древнерусских рукописей ТПс выделяется значительным количеством случаев замены сильных редуцированных гласными полного образования²². Этот материал специально обсуждается в работах [Гавриленко 1989; Попов 2004: 253; 2015: 63], однако полного обзора форм с меной **ъ**, **ь** > **о**, **е** исследователи не приводят.

По нашим наблюдениям, большое количество таких замен локализуется в нескольких морфемах. К ним относятся корни **-льст-**, **-брьн-**, **дън-** и **-шьд-**. Первый корень с редуцированным встретился 88 раз (в шести случаях — в позиции конца строки), тогда как мена **ь** > **е** присутствует в 19 примерах: **лестнѣж** 21 об., 33, **лестнѣж** 30 об., 38 об., 70, 204 об., **лесть** 31, 47 об. (bis), 91, 94, **лестью** 44 об., **лести** 66, **поле/щоу** 90 об., **лестню** 92 об., 157 об., 210 об., **лестьнаго** 146 об., **лестьнѣи/мь** 155 об. Корень **-брьн-** встретился в таком написании дважды: **брьне** 11, **брьнаа/го** 59 об. Мена на гласный полного образования в нем встретилась в шести примерах: **бренье** 11, 115 об., **бре/нья** 59, **бренья** 117 (bis), **брение** 269. Лексемы с корнем **дън-** 30 раз пишутся с буквой редуцированного в корне: **дънь** 5, 17 об., 24 об., **дънь/шьнаго** 34 об., **дънии** 42 об., **дъни** 58 и др. Буква **е** употребляется в 12 случаях: **дънями** 56, **дънь** 64, 69 об., 125 об., 222, 225, 230, 252, 261, 267 об., **дънь** (ВП) 123 об., **дъньк** 127. Часто с **е** на месте **ь** пишутся слова с корнем **-шьд-** (29 раз из 49, т. е. в 60% случаев). В слове **пришьствие** в 24 случаях (из них один — на конце строки) происходит мена **ь** > **е**: **пришьстви** 59 об., 67 об., **пришьствиа** 61, 64, 69, **пришьствие** 61, 66 об. (bis), **пришьствию** 62 и др.; в 52 случаях это слово пишется с редуцированным в корне. В корне **чьст-** мена **ь** > **е** встретилась девять раз (из 82): **нечестье** 68, **вечестникъ** (!) 118 об., **нечестнѣж** 144 об., **честь** 180 об., **вечестви/к** 187 об., **честь/нѣшиа** 224 об., 236 об., **честьнои** 236 об., **бѣчестиа** 249 об. В совокупности неэтимологи-

²² Подобные примеры рассматриваются нами как проявление орфограммы и не объясняются фонетическими причинами, тогда как М. Б. Попов [Попов 2015: 63] и Т. Н. Гавриленко [Гавриленко 1989: 70–71] в своих исследованиях называют мену **ъ** > **о**, **ь** > **е** прояснением, подразумевая под этим фонетическое явление.

ческие написания перечисленных корней составляют 29% примеров их употребления в рукописи.

К примерам с **ъ > о**, **ь > е** в корневой части относятся также написания **весьде** 4 об., 88, **полезь/ствоуеть** 13 об., **жезаль** 22, 71 (ter), 129 об., 214, 218 об., **токмо** 43, **весь** 43 об., 53 об., **на рьвение** 50²³, **ревьноуи** 50 об., **шепътаахоу** 62 об., **весьжде** 64 об. **приточноу** 65, 195 об., **тре/сть** 70, **рьвеникъ** 83 об., 117, **въземъ** 87, 97 об., 187 об., **местъ** 97 об., 145 об., **дождь** 111 об., **сънемъ** 114 об., 144 об., 147 об., 154 об., **наченъса** 124 об., **ропътахоу** 139 об., **токъмо** 140, **сонъми/ше** 143 об., **ревьноуа** 145, **ревеник** 145, **рьвеникъмь** 145, **въскрестъша** 155, **ревьноуѣшата** 159 об., **гро/зда** 169 об., **точниж** 186 об., 212 об., 260, **орель** 186 об., 258 об., **пришельствова** 196, 241, **поскрежышетъ** 217, **шепътенъ** 219 об., **оумерьше** 220 об., **отъ слезъ** 221 об., **при/шельствие** 230, **сонъ** 245 об., **при дверехъ** 245 об., **дверь** 250 об., **темьнца (!)** 264, **ицететь** 270 об. Случай **ь > е** в корне зафиксирован также и во 2-м почерке: **левъ** 18 об.; в 5-м почерке встретилось написание корня **-слъз-** с **е**: **слезъ** 237 об.

В общей сложности в почерках ТПс встретилось 160 примеров с **о**, **е** на месте этимологических редуцированных в корневой части слова, из которых всего 10 (6%) относится к замене гласного заднего ряда.

Другими причинами обусловлено варьирование буквы гласного в наречиях **тъгда** (тогда), **къгда** (когда) и т. п. По мнению А. Мейе, «из них более древняя с **о**, так как от основы относительного местоимения *je-* мы наблюдаем только **къгда** ‘когда’» [Мейе 2001: 377]. Особенностью этого слова и других наречий на **-гда** «является возможность их написания с редуцированными гласными в морфологически изолированной позиции (между звонкими согласными) и без него: **тъгъгда** и **тъгда**. Тип без ера считается позднепраславянским» [Фёдорова 2015b: 168] (ср. также [ЭССЯ X: 109]). В Псалтыри все наречия на **-гда** пишутся без редуцированного в этой позиции, однако в качестве корневого гласного встречается как **ъ**, так и **о**. Из 189 случаев употребления слова **тъгда** (тогда) с редуцированным в корне

²³ Только в таком написании это слово встречается в Ильиной книге [Ладыженский 2015: 90].

оно встретилось 56 раз: **тъгда** 16 об., 68 об. и др. В оставшихся 133 примерах мы находим в корне **о**. Лексема **когда** также чаще встречается именно в таком написании — 34 случая из 44. В неосновных почерках встретился только вариант **тогда**.

Вариативность **о/ъ** в ТПС отмечается в единичном примере замены **о** на **ъ** как результат антиципации буквы следующего слога: **ръгъъ**.

В тексте памятника встретились также написания с неорганическими²⁴ редуцированными в корне. Явление неорганической гласности нашло отражение в следующих примерах: **скоръпннъ** 10, **голъготъ** 22 об., 28, **голъгота** 22 об., **Патриарьси** 26 об., **олътаръ**²⁵ 27, **голъготы** 29, **голъготово** 29 и др. Во всех случаях редуцированный употреблен в заимствованиях. К этим же примерам относится и написание имени **павльъ**. В тексте рукописи это слово девять раз встречается именно в таком виде — **павь/лъ** 5, **павльъ** 51 об., 75, 161 об., 221, 256 об. Однако есть случаи и с заменой редуцированного в корне гласным полного образования — **павельъ** 57 об., 138. В тексте неоднократно употребляется надстрочный знак при написании слова **псалътърь**²⁶, хотя этимологически между **п** и **с** редуцированного не было [Срезневский 1912: 878]: **псалътъри** 39, 266, **псалътърь** 39 об., **псалтърь** 266 об., **псалъмъхъ** 75, 174, **псалъмови** 189 и др.

3.5.2. Редуцированные в сочетаниях типа *търт, *търт, *тълт. В большинстве случаев этимологическое сочетание *ТЪРТ представлено в ТПС в старославянском написании (1183, в т. ч. 70 примеров с редуцированным на конце строки). Однако встретились примеры, в которых редуцированный стоит перед плавным (44, в т. ч. один случай с редуцированным на конце строки), что составляет 3,7%. Третий характерный для восточнославянских рукописей способ записи — со вторым полногласием — встретился в ру-

²⁴ Проблему неорганической гласности в связи с падением редуцированных подробно охарактеризовал В. М. Марков [Марков 1964: 95–177; 1983; 2013].

²⁵ Похожая форма употребляется и в Бычковско-Синайской псалтыри [Кривко 2004b: 187].

²⁶ В Бычковско-Синайской псалтыри эта форма также встречается в нескольких вариантах написания (без редуцированного, с диакритической на месте **ъ** между **п** и **с**) [Кривко 2004b: 187].

кописи всего четыре раза, т. е. менее чем в 0,5% случаев; также малоактивно (три примера) и написание с паерком вместо второго гласного, которое можно рассматривать как вариант полногласного способа записи [Живов 2017: 713]. Тем не менее соотношение разных вариантов рассматриваемых написаний в ТПС не вполне соответствует основной закономерности их распределения в древнерусских рукописях, которую В. М. Живов формулирует так: «если в рукописи есть написания типа **търъргъ** ~ **тър'гъ**, то в ней имеются и написания типа **търргъ**; если в рукописи есть написания типа **търъргъ** ~ **тър'гъ**, то написания типа **търгъ** представлены в ней существенно чаще, чем написания типа **тръгъ**» [Живов 2006: 248]. Вторая часть этого утверждения не подтверждается материалом ТПС.

В большинстве корней используется только южнославянский вариант написания, а именно в **вльк-** (1), **вльн-** (16), **вльх-** (5), **врьб-** (2), **врьт-** (2), **врьх-** (5), **врьш-** (41), **гръд-** (49), **грът-** (8), **длъж-** (13), **дръз-** (33), **злъч-** (2), **зрьц-** (2), **кръм-** (9), **млън-** (6), **млъч-** (21), **мрьз-** (21), **овлъч-** (2), **пльз-** (6), **пльк-** (2), **пльч-** (7), **пръв-** (49), **пръст-** (12), **скрьб-** (65), **смрьд-** (2), **стлъп-** (8), **тлък-** (1), **тлъщ/ст-** (2), **тръг/з-** (9), **тръж-** (1), **трън-** (4), **тръп-** (73), **хлъм-** (9), **чрьв-** (2), **чрьм-** (8), **чрьн-** (1), **чрьт-** (1)²⁷.

Ряд корней в ТПС допускает несколько видов записи:

-врьг(ж)- (81), в т. ч. 11 примеров с редуцированным на конце строки. И только в одном случае в этом корне мы находим редуцированный перед плавным: **възвъргж** 19 об.

длъг- (13). В одном случае находим второе полногласие **длъгго//тръпѣнню** 104 об.–105.

-дръж- (107), в т. ч. 11 раз с редуцированным на конце строки, но **-държ-** (6).

-жрьт- (44), в т. ч. два примера с редуцированным на конце строки, но **-жърт-** (2). Еще в девяти примерах обнаруживается мена **ь > ъ**: **жрьтвѡу** 69 об. и др.

-мрьт- (183), в т. ч. 15 примеров с редуцированным на конце строки, но **-мърт-** (11), в т. ч. один пример с редуцированным на конце строки. А также в четырех случаях произошла мена **ь > ъ**.

²⁷ Не учитывались при подсчетах примеры, в которых редуцированный стоял на конце строки (70 раз).

-млѣв- (10); кроме того, дважды встретилось написание этого корня со вторым полногласием: **БЕЗЪМЪЛЪВЪНО** 183 об., **БЕЗЪМЪЛЪВЪСТВОВАТИ** 192.

-пльн- (103), в т. ч. три примера с редуцированным на конце строки. Единожды происходит мена редуцированного, связанная, вероятно, с антиципацией следующего слога: **испльнь** 39 об.

-сквьрн- (8). Однако в тексте встретился один случай, когда редуцированный написан перед плавным, а после плавного поставлен надстрочный знак: **сквьръны** 8 об.

-скръб- (72), в т. ч. семь примеров с редуцированным на конце строки. Единожды в тексте основного писца этот корень представлен с гласным заднего ряда: **скръби** 98. Основной для ТПС вариант с **ь** не связан с графической заменой этимологического [ъ] и отражает диалектное произношение этой основы, т. к. часто встречается в рукописях южнорусского происхождения [Ягич 1889: 15; Кривко 2004а: 110]. В 5-м почерке этот же корень в одном случае встретился с **ъ**: **Скъръби** 237 об., а в другом — с пропуском гласного (на месте пропуска надстрочный знак отсутствует): **скрби** 237 об.²⁸

-твьрд(ж)- (59), но **-твьрд(ж)-** (23). Наряду с этим встретились также написания: **твьръдъ** 12 (дважды, причем слова стоят друг за другом); и один раз со вторым полногласием: **оутвьръди** 8. В одном примере встретилось написание с **ъ** вместо **ь**: **твьръдъ** 62. Возможно, это случай антиципации. Во 2-м почерке этот корень встретился дважды и только в древнерусском написании.

---

²⁸ Такие написания встречаются в памятниках древнерусского языка разных жанров, например, в служебной минее на август рубежа XI–XII в. (РГАДА, Тип. 103): **Стлпъ, првообразьноу, мниа** и др. [Кривко 2016b: 142]; в Милитином евангелии первой половины XII в.: **сѣ/мрти** [Мольков 2015: 706]; в Ефремовской кормчей XII в.: **въ цркѣвахъ** [Обнорский 1912b: 45]; в Троицком сборнике второй пол. XII в. (РГБ, Тр. 12): **испниса** [Паймина 2012: 17]; в минее на сентябрь–октябрь рубежа XI–XII в. Соф. 188: **испнаютьса** 28 об., **испниаъ** 177, **въздржаниа** 217 об. и др. В. В. Колесов предполагает фонетическую обусловленность подобных написаний на русской почве [Колесов 1980: 105], хотя они встречаются и в старославянских рукописях [Vondrák 1912: 173], и в ТПС единственный пример мог проникнуть из южнославянского протографа.

3.5.3. *Редуцированные в суффиксах.* В числе пропусков еров в древнейшей восточнославянской письменности нередко оказываются редуцированные в составе суффиксов **-ьн-**, **-ьц-**, **-ьл-**, **-ьд-**, **-ьш-** и др. Это явление, по мнению Н. Н. Дурново, «как орфографический прием восходит к ю.-сл. правописанию» [Дурново 2000: 433]. Ученый также приводит список основ на **з** и **с**, где **ь** исконно отсутствовал: **влизн-**, **десн-**, **желѣзн-**, **ложесн-**, **лювьзн-**, **напрасн-**, **присн-**, **тѣсн-**, **гасн-** [Там же: 436] и др.²⁹ Возможно, под влиянием этой группы основ наиболее частым суффиксом, в котором гласный на письме пропускался уже в древнейшей норме, был **-ьн-**. В частности, в списке минеи, проанализированном Л. Н. Карягиной, «суффикс **-ьн-** последовательно употребляется с буквой **ь**, написание которой этимологически выдержано», но при этом пропуск гласного все же допускается в основах **красн-**, **вѣрн-** [Карягина 1960: 42]. Обзор, предпринятый в описании языковых особенностей древнейшего списка Учительного евангелия, показал, что «написания без редуцированных в суффиксах, являющиеся орфограммами древнейшей книжной нормы древнерусской письменности, имеют достаточно строгие рамки применения» [Крысько, Мольков, 2017: 340]. Наиболее частая утрата редуцированного в суффиксах встречается после сонорных (чаще всего после **р**), но даже редкие примеры с пропуском встречаются в ограниченном круге суффиксальных морфем [Там же].

Суффиксы без этимологического редуцированного в ТПС закономерно употребляются в виде **десн-** (82 раза), **колесн-** (три раза), **ложесн-** (два раза), **присн-** (91 раз), **лювьзн-** (два раза), **тѣсн-** (два раза).

В основе **вѣрн-** (где редуцированный был исконным), встретившейся 335 раз, редуцированный пропущен лишь дважды, а еще в двух случаях наблюдается мена **ь > ѐ**. В текстах 2-го, 3-го и 5-го писцов мы также находим редуцированный в этой основе. Такое же последовательное сохранение **ь** в этой позиции отмечает и Н. П. Гринкова в тексте Евгениевской псалтыри XI в., указывая, что «многие древние памятники в этом случае имеют

²⁹ Основы с этимологическим безъеревым суффиксом приводятся также в работах С. П. Обнорского [Обнорский 1912b: 27–28; 1924: 180] и Г. А. Молькова [Мольков 2017a: 54–55].

последовательно проведенный пропуск глухого» [Гринкова 1924: 301]. Всего один раз мы находим пропуск редуцированного в основе **вѣчи-**, причем пропуск в данном случае не отмечен надстрочным знаком. В слове **неповинномъ** 9 на месте пропущенного редуцированного писец употребил надстрочный знак.

Помимо пропусков в суффиксе **-ьн-** зафиксирована мена редуцированного на **ѣ**: **аерънѣихъ** 6 об., **порочѣнъ** 8 об., **истинѣнѣи** 25 об., **законопрѣстоупѣнѣими** 27, **спѣсѣнѣимъ** 54, **вѣсна** 62 об., **рѣснотивѣна** 104 об., **оустѣнѣихъ** 262. Такие же случаи встретились и в тексте 2-го писца: **нѣснааго** 1, **тоучѣни** 18 об. (bis).

В ТПС практически любой суффикс с этимологическим редуцированным может быть записан с южнославянским прояснением. Чаше других — 47 раз — встретилась мена **ь > ѣ** в суффиксе **-ьн-**: **непостоаненъ** 7 об., **истиненъ** 16, 37, **силенъ** 23 об. (bis), 25, 254, **неповиненъ** 27, **свободенъ** 28, **непрѣстоупенъ** 28 об., **мрътвенъ** 35 об., **длъ/женъ** 37 об., **при/мѣсенъ** 42 об., **праведенъ** 51, **властеленъ** 57 об., **непользенъ** 60, **притѣченъ** 70 об., **страшенъ** 75, **зълволенъ** 79 и др. Нетрудно заметить, что большинство примеров оканчиваются на **-ьнъ > -енъ**. Возможно, прояснение здесь происходит по аналогии с причастными формами, где суффикс **-ен-** был исконным. К примерам с аналогичной заменой, по-видимому, относятся и следующие случаи, в которых в суффиксе **-ѣк-** на месте сильного **ѣ** пишется **о**: **на послѣдокъ** 5, **нача/токъ** 42 об., **на послѣдокъ** 57, 78 (16,5% всех употреблений суффикса с гласным в сильной позиции).

Суффиксы **-ьл-**, **-ьд-** и **-ьск-**³⁰ в тексте основного писца стабильно пишутся с редуцированными, хотя встретился 21 случай замены **ь > ѣ** в суффиксе **-ьд-** (из них 20 раз — в основе **правьдън-**, а также в примере **вражедьни** 71). В суффиксе **-ьск-** встретился случай мены редуцированного: **вѣсовѣскоуж** 4 об. Кроме того, в нем два раза происходит мена **ь > ѣ**: **жидовеска** 99 — в слабой позиции, а также: **жидовескъ** 162 об. Мена **ь > ѣ** в суффиксе **-ьств-** обнаруживается в 19 случаях: **явествьнааго** 17 об., **оѣства** 21 (в слабой позиции), **везвѣ/рествѣа** 43 об., **величествѣж** 77, **отъ невѣрествѣна** 96 об., **разнествѣк** 107 об., **чоувествьнѣимъ** 127 об.,

³⁰ Слова, написанные под титлом, не учитывались.

за **вѣзвѣрествиѣ** 129 об., **чоувествынѣнѣ** 159 об.,
чоувествынѣимъ 161 об., **чоувествынѣихъ** 205 об.,
чоувествыноумъ 206, **отъчествина**, **оѣствина** 208 об.,
чоувествыныа 212, **пришьлествиѣ** 241, **Нечоувествыныа** 260,
разнествиѣ 261 об., **павествына** 268 об. В этом же суффиксе **ѣ**
употреблен на месте **ь** в примере **притѣчьствоу/еть** 71 об. В суф-
фиксе **-ьц-** четыре раза встретилась мена **ь > ѣ**: **агнецъ** 155 об.,
провѣдецъ 164, **старецъ (!)** 207 об., **мрътве/ць** 265 об.

Мены **ь > ѣ** встретились также в суффиксе **-ьник-** (три раза),
т. е. в морфологически изолированной слабой позиции: **ръвеникъ**
83 об., 117, **правденикомъ** 178 об. В этом же суффиксе произо-
шла мена **ь > ѣ**: **сребръники** 134.

Мена **ѣ > о** также трижды встречается в показателе основ
*й-склонения: **любовио** 63 об., **смоковьникъ**, **смоковеньк** 197
(в виде **-ѣв-** этот формант в сильной позиции встречается в ТПС
43 раза, 37 из которых — формы слова **крѣвь**). Подобные написа-
ния встречаются и в других древнейших рукописях [Дурново
2000: 444; Карягина 1960: 49–50].

Всего написание **о**, **ѣ** на месте этимологических редуциро-
ванных в суффиксальной части встречается 103 раза.

В целом в текстах неосновных почерков редуцированные
в суффиксах ведут себя так же, как и в тексте основного писца.
Во фрагменте, написанном 5-м писцом, в суффиксах **-ьск-** и **-ьц-**
наблюдаются замены **ь > ѣ**: **старьчеськъ** 237 об.,
младенечьствъжъще 237 об.

3.5.4. *Редуцированные в приставках и предлогах.* Предлог и
приставка **бес / без**, а также **ис** и приставка **възъ-** закономерно
употребляются в ТПС без **ѣ**. Один пример **ис** с **ѣ** мы находим
в 4-м почерке: **исъправитъ** 226. Предлог из трижды пишется с **ѣ**:
изъ свѣта 189, **изъ аврама** 198, **изъ егѣпта** 218 об.; в двух
случаях мы находимъ: **изъ азътка** 26 об., **изъ егѣпта** 142.

Варируется в написании предлог-приставка **отъ**, который
в основном пишется с **ѣ** в текстах всех писцов. Только в одном
случае мы находим исконное написание без ера: **отврѣзъ** 58 об.
И еще в пяти случаях предлог используется с редуцированным
переднего ряда: **отъ стъзъ свонхъ** 11, **отъ сиона** 14 об., **отъ него**
91 об., **отъ лица** 111, **отъ мрътве/ць** 265 об. Также 21 раз **ь** обна-
руживается в приставке **объ-**: **объстоащи** 27 об., **объ/нишавъ** 35,

обьстоаниа 36 об., **Въ обьсто/аниа** 36 об., **Обьходацие** 93 об., **обьстоаниа** 100 об., **Обьдрь/жаник** 106, **обьнажаютъ** 241 и др.; в остальных случаях регулярно пишется с **ъ**. Уже в древнейших памятниках такой вариант написания (ср. также **оби-**) встречается довольно часто [Марков 1964: 54–61].

В предлоге **къ** в тексте основного писца встретилось 13 примеров с орфографической меной еров: **къ нимъ** 19, 180 об., 202, **къ извъ/ценниѣ** 28, **къ немоуѣ** 38, **къ немоу** 42, 101, 180 об., **къ/ немоу** 45, **Къ върньоумоу члкоу** 53 об., **къ тебѣ** 153, 183, **Къ диаволоу** 162 об. Все случаи мены произошли перед слогом с гласным переднего ряда³¹.

В предложно-приставочном **съ-** многие древнерусские тексты пропускают **ъ** [Марков 1964: 43]. Отдельно исследователи указывают на безъерное написание основы **створ-**, свойственное многим древнейшим памятникам (Остромирову евангелию, июльской Минее XI–XII вв., Ефремовской Кормчей) [Дурново 2000: 418; Марков 1964: 44]. Интересную картину в связи с этим демонстрирует материал ТПс. Пропуск ера в основе **створ-** встречается 28 раз (все — в основном почерке), тогда как **ъ** употребляется в 140 случаях. Встречается также безъерное написание в основе **съмотр-**: **расмотритъ, рассмотритѣ** 216 об., **Смотряхъ** 264; и кроме этих основ трижды: **сподобитѣса** 14, **скроушатѣса** 51 об., **скроу/шишася** 97. Пропуск редуцированного в основе **сподоб-** отмечается также и Л. Н. Карягиной в тексте июльской служебной Минеи XI–XII вв. [Карягина 1960: 25].

В приставке **съ-** трижды встретилась мена **ъ > о**: **соньмище** 143 об., **созьда/са** 164, **совьрашася** 192.

В предлоге **въ** редуцированный пропускается всего один раз: **в вѣкы** 22³². Также встретились случаи мены редуцированного в предлоге **въ**: **въ сѣть** 25 об., **въ себе** 47 об.; и в приставке **въ**: **възати** 1 об., **въньми** 17 (ср. аналогичные примеры в Зографском евангелии [Jagić 1876: 246–247]).

³¹ По-видимому, здесь перед нами пример копирования южнославянских написаний, в которых выбор редуцированного подчиняется правилу ассимиляции, описанному И. В. Ягичем на материале Зографского евангелия [Jagić 1876: 246–247, 258–261].

³² В данном случае речь идет о приеме сжатия текста, т. к. слог **кы** написан на полях.

3.5.5. *Редуцированные в окончаниях и на конце слова.* В ТПС есть случаи мены **ь > ѳ**, **ъ > о**, а также взаимные замены **ъ** и **ь** на конце слов.

Вариативность, имеющая морфологическую основу (смешение флексий разных склонений), наблюдается в окончании ТП ед. ч. В ТПС существительные **о*, **jo*-склонения в этой падежной форме значительно чаще пишутся с южнославянскими окончаниями **-ѣмь** (87)³³, **-омь** (218) — 81% всех примеров, тогда как восточнославянские окончания **-ьмь** (22), **-ъмь** (50) представлены в 19% форм. Близкое распределение форм отмечается в Пуятиной минее [Марков 1964: 246–247].

В тексте рукописи встретились случаи мены редуцированных гласными полного образования в окончаниях. Часто через **ѳ**, **о** пишутся окончания ДП мн. ч.: в склонении на **i* — **людѣмь** 17 об., 31, 81, 105, 115, 130 об. и др., **льстѣмь** 56, **гоуслѣмь** 113 об., **звѣремь** 114 об., 131 об., **пжтѣмь** 226, **заповѣдемь** 229 об., 231, 236 об. и др.; в разносклоняемых сущ. — **дѣлатѣлемь** 17 об., **вави/лонанемь** 68, **цѣремь** 135, 180 об., 266 об., **егѳитѣнемь** 141 (bis), 196, 196 об. (bis), 251 об., **излитѣнемь** 141; в консонантных типах склонения — **временемь** 89, **чоудесемь** 140, **нѣсемь** 159 об., **сѣменемь** 164, **словесемь** 238; в **i*-склонении — **жидомь** 26, 36, 37, 43 об., 46, 56 об., 63, 68 об., 76, 77 об., 79, 91 об. и др., **къ жидомь** 39, 96, 101, **воломя** 109, **сѣномь** 114, 160 об., 187, 204, 205, 206, 207, 209 об., 220 об., 249 об., 268 об. (флексия **-ъмь** в рукописи не встретила ни разу); и МП мн. ч.: в склонении на **i* — **о людѣхъ** 35, 205 об., 260 об., **въ гоуслѣхъ** 39, **въ вранѣхъ** 42, **въ костѣхъ** 55, **въ людѣхъ** 68 об., **въ тварѣхъ** 76 об., 265, **въ но/здрѣхъ** 165, **на... поу/тѣхъ** 167 об., **въ/ дьврѣхъ** 190, **въ сластѣхъ** 202 об., **въ льстѣхъ** 205 об., **въ пжтѣхъ** 226, 246, **въ заповѣдѣхъ** 229 об., **при дврѣхъ** 245 об., **въ ношехъ** 250 об., **въ... сѣтѣхъ** 263 об., **въ/ напастѣхъ** 263 об., **въ гжслѣхъ** 270 об.; в консонантных типах склонения — **на нѣсѣхъ** 2, 16, 18 об., 25 об., 210, 217 об., 218, 253 об., **въ слове/сѣхъ** 84, 228 об., **о... чоудесѣхъ** 111, 132, **По днѣхъ** 174 об., **въ... словесѣхъ** 268 об.; в разносклоняемых сущ. —

³³ При подсчете не учитывались существительные с основой на *-j*, т. к. в них не происходило колебаний форм.

при **егѣптѣнехъ** 205 об.; в *й-склонении — **о жидохъ** 1, 26, 57 об., 61, 66 об., 97 об., 115 об., 212 об., 226, 246 об., **въ/ жидохъ** 4, **о снѣохъ** 73 (ср. строчкой ранее — **о снѣхъ**), **жидохъ** 86 об., **на снѣохъ** 188, **въ... домохъ** 216 об. В общей сложности южнославянский вид флексии ДП и МП мн. ч. скопирован в основном почерке 116 раз. Единичный пример **ь > ѳ** отмечен в слабой позиции редуцированного в ВП ед. ч.: **на всѣсакъ днѣ** 64, хотя эту форму нельзя считать надежной, т. к. слово стоит под титлом. Подобные написания встречаются и в других древнейших рукописях, в числе которых Чудовская псалтырь [Обнорский 1912а: 344], Погодинское евангелие [Мольков 2016: 246], Пандекты Антиоха [Дурново 2000: 444], Слова Григория Богослова [Там же: 443] и др.

Мена еров в позиции конца слова наблюдается в окончаниях на **-мь/-мѣ**: в ТП ед. ч. — **съ члѣвомъ на крѣстѣ**. **висашти/имѣ** 6, **съ ходомъ** 16, **блѣ** 20, **мъногомъ/** 55, **образомъ** 57, **твомѣ** 60, а также — **имамъ** 19 (bis) (наст. ед. ч. 1 л.), **давимъ бѣ** 56 об. (прич. ИП ед. ч.) и др. И. М. Ладыженский отмечает, что «положение после губного сонанта являлось наиболее благоприятным условием для девокализации и дефонологизации конечных глухих» [Ладыженский 2015: 89]. Также мена **ѣ** и **ь** происходит после других согласных: **на послѣдокъ** 5, **свѣтильникъ** 9, **заштитъникъ** 9 об., **бѣ** 11 об., **свободъ** 34, **прѣстѣ** 39 об., **члѣкъ** 45, **гѣ** 52 об., **въспригати** 55 об., **всѣсакъ** 64. Отметим и гиперкорректную форму с меной **о > ѣ** в ДП мн. ч. **члѣвкъмѣ** 4 об.

В одном примере встретилось южнославянское написание окончания 3 л. наст. вр.: **тъщитъся** 30. Формы наст. вр. на **-тъ** характеризуются особо ранним устранением из древнерусской нормы [Живов 2006: 29–30].

Примеры смешения редуцированных и замены гласными полного образования встретились и в текстах неосновных писцов. Так, мена еров зафиксирована в следующих лексемах: **Сирѣчъ** (л. 231, 231 об. — 2-й почерк), **члѣвкъ** (л. 239 об. — 5-й почерк), **желаникъмѣ** (л. 239 об. — 5-й почерк, ТП ед. ч.). Кроме того, случай замены редуцированного гласным полного образования отмечен в окончании существительного: **Очесемѣ** (л. 226 — 4-й почерк, ДП мн. ч.).

4. Выводы

Рассмотрение орфографических особенностей рукописи подтверждает точку зрения М. Н. Сперанского, отнесшего ТПС к «числу немногих древнейших остатков русской письменности» и датировавшего ее концом XI в. [Сперанский 1928: 518]. Основным аргументом в пользу этого на орфографическом уровне является малая степень русификации системы написаний во всех частотных позициях, связанных с противопоставлением южно- и восточнославянских рефлексов: **жд** в позиции **dj* — 88% примеров, формы ТП ед. ч. на **-омь/-емь** — 81%, редуцированный после плавного в **TЪRT* — 96%, рефлекс **tert/*telt* через **ѣ** — 55%, буквы **ж, ѡ** в 85% пишутся на месте этимологического носового. Относительно большое количество основ, допускающих пропуск редуцированных (15, из них в семи частотных морфемах пропуск отмечен в пяти примерах и менее), имеет аналоги среди точно датированных рукописей 1090-х гг.

На общем фоне большое количество написаний с заменой еров в сильной позиции на буквы **о, е** (386 раз), оценивавшееся некоторыми исследователями как отражение фонетических процессов речи писца, также следует рассматривать как ориентацию основного писца рукописи на южнославянскую орфографическую норму.

Литература

- Баранкова и др. 1988 — Г. С. Баранкова, Р. В. Бахтурина, Л. А. Владимирова и др. Изборник Святослава 1073 г. Некоторые древнерусские и южнославянские черты рукописи // Н. И. Толстой (ред.). Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации: Сб. докладов. М.: Наука, 1988. С. 3–16.
- Блохина 1970 — Э. Д. Блохина. Палеографическое и фонетическое описание Рязанской кормчей 1284 г. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ленинградский гос. ун-т, Л., 1970.
- Волков 1897 — Н. В. Волков. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI–XIV вв. и их указатели. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1897.
- Гавриленко 1989 — Т. Н. Гавриленко. Отражение редуцированных гласных в рукописи XII в. // Вестник Ленинградского ун-та. Серия 2. 1989. № 2 (9). С. 68–73.

- Гольшенко 1982 — В. С. Гольшенко. Немаркированный знак *ѣ* в ранних восточнославянских рукописях // С. И. Котков, Н. П. Панкратова (ред.). История русского языка. Памятники XI–XVIII вв. М.: Наука, 1982. С. 3–29.
- Гранстрем 1953 — Е. Э. Гранстрем. Описание русских и славянских пергаменных рукописей [ГПБ]. Рукописи русские, болгарские, молдавлахийские, сербские. Л.: Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1953.
- Гринкова 1924 — Н. П. Гринкова. Евгениевская псалтырь как памятник русской письменности XI в. // Известия Отделения русского языка и словесности Российской академии наук. 1924. Т. XXIX. С. 289–306.
- Дурново 2000 — Н. Н. Дурново. Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка // Н. Н. Дурново. Избранные работы по истории русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 391–495.
- Живов 2006 — В. М. Живов. Восточнославянское правописание XI–XIII века. М.: Языки славянской культуры, 2006.
- Живов 2017 — В. М. Живов. История языка русской письменности. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2017.
- Жуковская 1984 — Л. П. Жуковская (отв. ред.). Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М.: Наука, 1984.
- Карский 1979 — Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. М.: Наука, 1979.
- Карягина 1960 — Л. Н. Карягина. Редуцированные гласные в языке июльской служебной Минеи конца XI — начала XII вв. // Р. И. Аванесов (ред.). Материалы и исследования по истории русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 5–58.
- Колесов 1980 — В. В. Колесов. Историческая фонетика русского языка. М.: Высшая школа, 1980.
- Короткова 2017 — Д. А. Короткова. Графико-орфографическое и фонетическое описание древнерусской рукописи Толстовская псалтырь (РНБ, Ф.п.1.23). Выпускная квалификационная работа. СПбГУ, СПб., 2017.
- Кривко 2004a — Р. Н. Кривко. Графико-орфографические системы Бычковско-Синайской псалтири. I // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7). С. 80–124.
- Кривко 2004b — Р. Н. Кривко. Графико-орфографические системы Бычково-Синайской псалтири. II // Русский язык в научном освещении. 2004. № 2 (8). С. 172–202.

- Кривко 2016а — Р. Н. Кривко. Языковые особенности древнейшего списка Учительного евангелия Константина Пресвитера: от восточнославянской рукописи к южнославянскому архетипу // *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies*. 2016. Т. VI. № 2. С. 340–363.
- Кривко 2016б — Р. Н. Кривко. Орфография рукописи как свидетель текстологической преемственности // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. 2016. Вып. 9. История русского языка и культуры. Памяти В. М. Живова. С. 124–148.
- Крысько 2015 — В. Б. Крысько. Основные особенности языка Ильиной книги // В. Б. Крысько (ред.). *Ильина книга (XI в.): Исследования. Указатели*. М.: Азбуковник, 2015. С. 17–37.
- Крысько, Мольков 2017 — В. Б. Крысько, Г. А. Мольков. Языковые особенности Учительного евангелия Константина Преславского и его древнейшего списка // *Zeitschrift für slavische Philologie*. 2017. Band 73. № 2. С. 331–395.
- Лавровский 1858 — П. А. Лавровский. Описание семи рукописей Императорской С.-Петербургской публичной библиотеки // *Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском ун-те*. 1858. Кн. 4. Отд. 3. С. 1–90.
- Ладыженский 2015 — И. М. Ладыженский. Ильина книга: Палеография, графика, орфография, фонетика // В. Б. Крысько (ред.). *Ильина книга (XI в.): Исследования. Указатели*. М.: Азбуковник, 2015. С. 49–121.
- Левина 1966 — Предварительный список славяно-русских рукописей XI–XIV в., хранящихся в СССР // С. А. Левина (ред.). *Археографический ежегодник за 1965 год*. М.: Наука, 1966. С. 177–272.
- Марков 1964 — В. М. Марков. К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1964.
- Марков 1983 — В. М. Марков. К истории неорганической гласности в русском языке // *Вопросы языкознания*. 1983. № 4. С. 109–120.
- Марков 2001 — В. М. Марков. *Избранные работы по русскому языку*. Казань: ДАС, 2001.
- Мейе 2001 — А. Мейе. *Общеславянский язык*. М.: Прогресс, 2001.
- Мольков 2015 — Г. А. Мольков. Язык и письмо Милятина евангелия // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. 2015. Т. XI. Ч. 3. С. 683–742.
- Мольков 2016 — Г. А. Мольков. Особенности языка и письма Погодинского евангелия (РНБ, Погод. 11) // *Die Welt der Slaven*. 2016. Jg. 61. Hf. 2. С. 230–253.

- Мольков 2017a — Г. А. Мольков. Орфография редуцированных гласных в Стихираре РНБ (Соф. 384) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Язык и литература. 2017. Т. XIV. Вып. 2. С. 210–221.
- Мольков 2017b — Г. А. Мольков. Простой аорист в древнерусской письменности // Русский язык в научном освещении. 2017. № 1 (33). С. 179–195.
- Никольский 1906 — Н. К. Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.). СПб.: Типография Императорской АН, 1906.
- Обнорский 1912a — С. П. Обнорский. К истории глухих в Чудовской псалтыри XI в. // Русский филологический вестник. 1912. Т. LXVIII. Вып. 2. № 4. С. 337–369.
- Обнорский 1912b — С. П. Обнорский. О языке Ефремовской кормчей XII в. // Исследования по русскому языку. Т. III. Вып. 1. СПб.: Отделение русского языка и словесности Императорской АН, 1912. С. 1–85.
- Обнорский 1924 — С. П. Обнорский. Исследование о языке Миней за ноябрь 1097 года // Известия Отделения русского языка и словесности Российской академии наук. 1924. Т. XXIX. С. 167–226.
- Огієнко 1929 — І. Огієнко. Пам'ятки старослов'янської мови X–XI віків. Історичний, лінгвістичний і палеографічний огляд з повною бібліографією та альбомом 155 знімків з пам'яток з кирилівською транскрипцією. Ч. 1: Пам'ятки старослов'янські X–XI віків. Варшава: Друкарня синодальна, 1929.
- Паймина 2012 — О. С. Паймина. Языковые особенности Троицкого сборника XII–XIII вв. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казанский федеральный ун-т, Казань, 2012.
- Попов 2004 — М. Б. Попов. Проблемы синхронической и диахронической фонологии русского языка. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2004.
- Попов 2015 — М. Б. Попов. К вопросу о падении редуцированных гласных в древнерусском языке: хронология, фонологический механизм, отражение в памятниках // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2015. Т. CLVII. Кн. 5. С. 47–67.
- Попова 2013 — Т. Г. Попова. Язык и графико-орфографическая система древнейшей славянской рукописи *Лествицы* Иоанна Синайского. Предварительные замечания // *Palaeoslavica*. 2013. Vol. XXI. № 1. С. 15–57.
- Романова 2009 — Т. В. Романова. Палеография, графика и орфография Толстовской псалтыри XI–XII вв. Магистерская диссертация. СПбГУ, СПб., 2009.

- Сперанский 1928 — М. Н. Сперанский. Откуда идут старейшие памятники русской письменности и литературы? // *Slavia*. 1928. Roč. VII. Seš. 3. С. 516–535.
- Срезневский 1868 — И. И. Срезневский. Древние славянские памятники юсового письма. С описанием их и с замечаниями об особенностях их правописания и языка. Ч. 2. СПб.: Типография Императорской АН, 1868.
- Срезневский 1887 — В. И. Срезневский. Древний славянский перевод псалтыри. Исследование его текста и языка по рукописям XI–XIV вв. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1887.
- Срезневский 1912 — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. II. СПб.: Издание Отделения русского языка и словесности Императорской АН, 1912.
- Темчин 1998 — С. Ю. Темчин. Писцы Синайской псалтыри по данным орфографии: диграфное и лигатурное написание *št* // В. П. Гудков (ред.). Международный филологический сб. в ознаменование 150-летия со дня рождения Ф. Ф. Фортунатова. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 104–115.
- Фалёв 1927 — И. А. Фалёв. О редуцированных гласных в древне-русском языке // *Язык и литература*. Т. II. Вып. 1. Л.: Издание Ин-та сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока при ЛГУ, 1927. С. 111–122.
- Фёдорова 2015a — М. А. Фёдорова. Графико-орфографическая система декабрьской минеи из собрания РГАДА (Тип. 96) // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. 2015. Вып. 5: Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2014–2015. С. 368–396.
- Фёдорова 2015b — М. А. Фёдорова. Орфография Мстиславова евангелия и проблема узкой датировки памятников раннедревнерусского периода // *Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*. 2015. Вып. 2. С. 164–176.
- Фёдорова 2016 — М. А. Фёдорова. Графико-орфографические особенности Юрьевского евангелия 1119–1128 г. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2016. № 1 (63). С. 81–90.
- Фёдорова 2019 — М. А. Фёдорова. Графико-орфографические особенности Галицкого евангелия 1144 г. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2019. № 4 (78). С. 128–143.
- ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Вып. 1–40–... М.: Наука, 1974–2016–...
- Ягич 1889 — И. В. Ягич. Критические заметки по истории русского языка. СПб.: Типография Императорской АН, 1889.

- Jagić 1876 — V. Jagić. Studien über das altslovenisch-glagolitische Zographos-Evangelium // Archiv für slavische Philologie. 1876. Band 2. S. 201–268.
- Jagić 1907 — V. Jagić. Psalterium Bononiense. Vindobonae; Berolini; Petropoli: Gerold & Soc., Apud Weidmannos, C. Ricker, 1907.
- Lunt 1949 — H. G. Lunt. The Orthography of Eleventh Century Russian Manuscripts. PhD Thesis. Columbia University, New York, 1949.
- Vondrák 1912 — W. Vondrák. Altkirchenslavische Grammatik. Berlin: Weidmann, 1912.

References

- Barankova et al. 1988 — G. S. Barankova, R. V. Bakhturina, L. A. Vladimirova et al. Izbornik Svyatoslava 1073 g. Nekotoryye drevnerusskiye i yuzhnoslavyanskiye cherty rukopisi [Svyatoslav's Izbornik of 1073: Some Old Russian and South Slavic traits of the manuscript]. N. I. Tolstoy (ed.). *Slavyanskoye yazykoznanie. X Mezhdunarodnyy sezd slavistov. Doklady sovetskoy delegatsii: Sb. dokladov* [Slavic Linguistics. X International Congress of Slavists. Reports by the Soviet Delegation: Collection of reports]. Moscow: Nauka, 1988.
- Blokhina 1970 — E. D. Blokhina. Paleograficheskoye i foneticheskoye opisaniye Ryazanskoy kormchey 1284 g. [Paleographic and phonetic description of the Ryazan Kormchaya Book (1284)]. Author's abstract of PhD Thesis. Leningrad State University, Leningrad, 1970.
- Durnovo 2000 — N. N. Durnovo. Russkiye rukopisi XI i XII vv. kak pamyatniki staroslavyanskogo yazyka [Russian 11th and 12th century manuscripts as monuments of the Old Slavonic language]. N. N. Durnovo. *Izbrannyye raboty po istorii russkogo yazyka* [Selected Works on the History of Russian]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2000. P. 391–495.
- ESSYa — Etimologicheskii slovar slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond [Etymological Dictionary of Slavic Languages. The Proto-Slavic Lexis Stock]. Iss. 1–40–... Moscow: Nauka, 1974–2016–...
- Falev 1927 — I. A. Falev. O redutsirovannykh glasnykh v drevne-russkom yazyke [On reduced vowels in Old Russian]. *Yazyk i literatura*. Vol II. Iss. 1. Leningrad: Edition of the Institute of Comparative Study of Literature and Languages of the West and the East of Leningrad University, 1927. P. 111–122.
- Fedorova 2015a — M. A. Fedorova. Grafiko-orfograficheskaya sistema dekabrskey minei iz sobraniya RGADA (Tip. 96) [The graphic and spelling system of the December Menaion from the RSAAD collection (Tip. 96)]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. 2015. No. 1. P. 1–12.

- gradova*. 2015. Iss. 5: *Lingvističeskoye istočnikovedeniye i istoriya russkogo yazyka. 2014–2015* [Linguistic Source Study and the History of the Russian Language. 2014–2015]. P. 368–396.
- Fedorova 2015b — M. A. Fedorova. Orfografiya Mstislavova yevangeliya i problema uzkoj datirovki pamyatnikov rannedrevnerusskogo perioda [The Mstislav Gospel orthography and the issue of narrow dating of early Old Russian manuscripts]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Series 9. Filologiya. Vostokovedeniye. Zhurnalistika*. 2015. No. 2. P. 164–176.
- Fedorova 2016 — M. A. Fedorova. Grafiko-orfograficheskiye osobennosti Yurevskogo yevangeliya 1119–1128 g. [Graphic and orthographic peculiarities of Yurevskoye Gospel (1119–1128)]. *Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki*. 2016. No. 1 (63). P. 81–90.
- Fedorova 2019 — M. A. Fedorova. Grafiko-orfograficheskiye osobennosti Galitskogo yevangeliya 1144 g. [Graphic and orthographic peculiarities of Galitskoye Gospel (1144)]. *Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki*. 2019. No. 4 (78). P. 128–143.
- Gavrilenko 1989 — T. N. Gavrilenko. Otrazheniye redutsirovannykh glasnykh v rukopisi XII v. [Representation of reduced vowels in a 12th century manuscript]. *Vestnik Leningradskogo universiteta. Series 2*. 1989. No. 2 (9). P. 68–73.
- Golyshenko 1982 — V. S. Golyshenko. Nemarkirovannyi znak *ŷ* v rannikh vostochnoslavjanskikh rukopisyakh [Unmarked grapheme *ŷ* in early Eastern Slavic manuscripts]. S. I. Kotkov, N. P. Pankratova (eds.). *Istoriya russkogo yazyka. Pamyatniki XI–XVIII vv.* [History of the Russian Language: 11th–18th Century Monuments]. Moscow: Nauka, 1982. P. 3–29.
- Granstrem 1953 — Ye. E. Granstrem. Opisaniye russkikh i slavyanskikh pergamennykh rukopisey [GPB]. Rukopisi russkiye, bolgarskiye, moldovlakhiiyskiye, serbskiye [A Description of Russian and Slavic Parchment Manuscripts [SPL]. Russian, Bulgarian, Moldovan-and-Walachian, Serbian Manuscripts]. Leningrad: State public library named after M. Ye. Saltykov-Shchedrin, 1953.
- Grinkova 1924 — N. P. Grinkova. Evgeniyevskaya psaltr kak pamyatnik russkoy pismennosti XI v. [Evgeniyevskaya Psalter as a monument of Russian 11th century writing]. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Rossiyskoy akademii nauk*. 1924. Vol. XXIX. P. 289–306.
- Jagić 1876 — V. Jagić. Studien über das altslovenisch-glagolitische Zographos-Evangelium. *Archiv für slavische Philologie*. 1876. Band 2. S. 201–268.
- Jagić 1907 — V. Jagić. Psalterium Bononiense. Vindobonae; Berolini; Petropoli: Gerold & Soc., Apud Weidmannos, C. Ricker, 1907.

- Karskiy 1979 — Ye. F. Karskiy. Slavyanskaya kirillovskaya paleografiya [Slavic Cyrillics: Paleography]. Moscow: Nauka, 1979.
- Karyagina 1960 — L. N. Karyagina. Redutsirovannyye glasnyye v yazyke iyulskoy sluzhebnoy Minei kontsa XI — nachala XII vv. [Reduced vowels in the language of the Menaion Service for July (late 11th — early 12th centuries)]. R. I. Avanesov (ed.). *Materialy i issledovaniya po istorii russkogo yazyka* [Materials and Research on the History of Russian]. Moscow: USSR Academy of Sciences Press, 1960. P. 5–58.
- Kolesov 1980 — V. V. Kolesov. Istoricheskaya fonetika russkogo yazyka [Historical Phonetics of the Russian Language]. Moscow: Vysshaya shkola, 1980.
- Korotkova 2017 — D. A. Korotkova. Grafiko-orfograficheskoye i foneticheskoye opisaniye drevnerusskoy rukopisi Tolstovskaya psaltir (RNB, F.p.I.23) [Graphics, orthography, and phonetics of Tolstovskaya Psalter, an Old Russian manuscript: Description (NLR, F.p.I.23)]. Graduation Paper. St. Petersburg State University, St. Petersburg, 2017.
- Krivko 2004a — R. N. Krivko. Grafiko-orfograficheskkiye sistemy Bychkovo-Sinayskoy psaltiri. I [Graphic and orthography systems of the Bychkovo-Sinai Psalter. I]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2004. No. 1 (7). P. 80–124.
- Krivko 2004b — R. N. Krivko. Grafiko-orfograficheskkiye sistemy Bychkovo-Sinayskoy psaltiri. II [Graphic and orthography systems of the Bychkovo-Sinai Psalter. II]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2004. No. 2 (8). P. 172–202.
- Krivko 2016a — R. N. Krivko. Yazykovyye osobennosti drevneyshego spiska Uchitel'nogo yevangeliya Konstantina Presvitera: ot vostochnoslavlyanskoy rukopisi k yuzhnoslavlyanskomu arkhetypu [Linguistic peculiarities of the earliest copy of the Didactic Gospel by Constantine the Presbyteros: From an East Slavic manuscript to the South Slavic Archetype]. *Slověne = Slovene. International Journal of Slavic Studies*. 2016. Vol. VI. No. 2. P. 340–363.
- Krivko 2016b — R. N. Krivko. Orfografiya rukopisi kak svidel'tel tekstologicheskoy preyemstvennosti [Manuscript orthography as a witness of the continuity of text]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. 2016. Iss. 9: *Istoriya russkogo yazyka i kultury. Pamyati V. M. Zhivova*. P. 124–148.
- Krysko 2015 — V. B. Krysko. Osnovnyye osobennosti yazyka Iliny knigi [The main peculiarities of the language of Ilina Book]. V. B. Krysko (ed.). *Ilina kniga (XI v.): Issledovaniya. Ukazateli* [Ilina Book (11th Century): Research. Indices]. Moscow: Azbukovnik, 2015. P. 17–37.

- Krysko, Molkov 2017 — V. B. Krysko, G. A. Molkov. Yazykovyye osobennosti Uchitel'nogo yevangeliya Konstantina Preslavskogo i yego drevneyshego spiska [Specifics of the language of Didactic Gospel by Constantine of Preslav and of its oldest copy]. *Zeitschrift für slavische Philologie*. 2017. Band 73. No. 2. P. 331–395.
- Lavrovskiy 1858 — P. A. Lavrovskiy. Opisanie semi rukopisey Imperatorskoy S.-Peterburgskoy publichnoy biblioteki [A description of 7 manuscripts from the Imperial St. Petersburg Public Library]. *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey Rossiyskikh pri Moskovskom universitete*. 1858. Book 4. Pt. 3. P. 1–90.
- Ladyzhenskiy 2015 — I. M. Ladyzhenskiy. Ilina kniga: Paleografiya, grafika, orfografiya, fonetika [Ilina Book: Paleography, graphics, orthography, phonetics]. V. B. Krysko (ed.). *Ilina kniga (XI v.): Issledovaniya. Ukazateli* [Ilina Book (11th Century): Research. Indices]. Moscow: Azbukovnik, 2015. P. 49–121.
- Levina 1966 — S. A. Levina. Predvaritelnyy spisok slavyano-russkikh rukopisey XI–XIV v., khranyashchikhsya v SSSR [A preliminary list of Slavic-Russian 11th–14th century manuscripts stored in the USSR]. S. A. Levina (ed.). *Arkheograficheskiy yezhegodnik za 1965 god* [Archeography Yearbook for 1965]. Moscow: Nauka, 1966. P. 177–272.
- Lunt 1949 — H. G. Lunt. The Orthography of Eleventh Century Russian Manuscripts. PhD Thesis. Columbia University, New York, 1949.
- Markov 1964 — V. M. Markov. K istorii redutsirovannykh glasnykh v ruskom yazyke [On the History of Reduced Vowels in Russian]. Kazan: Kazan University Press, 1964.
- Markov 1983 — V. M. Markov. K istorii neorganicheskoy glasnosti v ruskom yazyke [On the history of inorganic vowels in Russian]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1983. No. 4. P. 109–120.
- Markov 2001 — V. M. Markov. Izbrannyye raboty po russkomu yazyku [Selected Works on the Russian Language]. Kazan: DAS, 2001.
- Meillet 2001 — A. Meillet. Obshechslavyanskiy yazyk [The Common-Slavonic Language]. Moscow: Progress, 2001.
- Molkov 2015 — G. A. Molkov. Yazyk i pismo Milyatina yevangeliya [Language and script of Milatino Gospel]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. 2015. Vol. XI. Pt. 3. P. 683–742.
- Molkov 2016 — G. A. Molkov. Osobennosti yazyka i pisma Pogodinskogo yevangeliya (RNB, Pogod. 11) [Peculiarities of the language and script of Pogodinskoye Gospel (NLR, Pogod. 11)]. *Die Welt der Slaven*. 2016. Jg. 61. Hf. 2. P. 230–253.

- Molkov 2017a — G. A. Molkov. Orfografiya redutsirovannykh glasnnykh v Stikhirare RNB (Sof. 384) [Spelling of reduced vowels in Sticheration NLR (Sof. 384)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*. 2017. No. 2. P. 210–221.
- Molkov 2017b — G. A. Molkov. Prostoy aorist v drevnerusskoy pismennosti [Root aorist in Old Russian writings]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2017. No. 1 (33). P. 179–195.
- Nikolskiy 1906 — N. K. Nikolskiy. Materialy dlya povremennogo spiska russkikh pisateley i ikh sochineniy (X–XI vv.) [Materials for a Period-Based List of Russian Writers and Their Writings (10th–11th Centuries)]. St. Petersburg: Typography of the Russian Academy of Sciences, 1906.
- Obnorskiy 1912a — S. P. Obnorskiy. K istorii glukhikh v Chudovskoy psaltyri XI v. [Towards the history of reduced vowels in Chudovskaya Psalter (11th century)]. *Russkiy filologicheskii vestnik*. 1912. Vol. LXVIII. Iss. 2. No. 4. P. 337–369.
- Obnorskiy 1912b — S. P. Obnorskiy. O yazyke Yefremovskoy kormchey XII v. [On the language of Yefremovskaya Kormchaya (12th century)]. *Issledovaniya po russkomu yazyku* [Research in the Russian Language]. Vol. III. Iss. 1. St. Petersburg: Russian Language and Literature Department of the Russian Academy of Sciences, 1912. P. 1–85.
- Obnorskiy 1924 — S. P. Obnorskiy. Issledovaniye o yazyke Minei za noyabr 1097 goda [Research on the language of Menaion for November 1097]. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Rossiyskoy akademii nauk*. 1924. Vol. XXIX. P. 167–226.
- Ogiyenko 1929 — I. Ogiyenko. Pam'yatki staroslov'yanskoï movi X–XI vikiv. Istorichniy, lingvistichniy i paleografichniy oglyad z povnoyu bibliografiyu ta albom 155 znimkiv z pam'yatok z kirilivskoyu transkriptsieyu [Monuments of Old Slavonic of the 10th–11th Centuries. A Historical and Linguistic Review with a Complete Bibliography and an Album with 155 Photos of Monuments with Cyrillic Transcription]. Pt. 1: Pam'yatki staroslov'yanski X–XI vikiv [Old Slavonic Monuments of the 10th–11th Centuries]. Warszawa: Drukarnya sinodalna, 1929.
- Paymina 2012 — O. S. Paymina. Yazykovyye osobennosti Troitskogo sbornika XII–XIII vv. [Peculiar features of the language of Troitsky Florilegium (12th–13th centuries)]. Author's abstract of PhD Thesis. Kazan Federal University, Kazan, 2012.
- Popov 2004 — M. B. Popov. Problemy sinkhronicheskoy i diakhronicheskoy fonologii russkogo yazyka [Problems of the Synchronic and

- Diachronic Phonology of Russian]. St. Petersburg: Faculty of Art, St. Petersburg State University Press, 2004.
- Popov 2015 — M. B. Popov. K voprosu o padenii redutsirovannykh glasnykh v drevnerusskom yazyke: khronologiya, fonologicheskii mekhanizm, otrazheniye v pamyatnikakh [On the issue of reduced vowel loss in Old Russian: Chronology, phonological devices, evidence in written monuments]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta*. 2015. Vol. CLVII. Book 5. P. 47–67.
- Popova 2013 — T. G. Popova. Yazyk i grafiko-orfograficheskaya sistema drevneyshey slavyanskoy rukopisi *Lestvitsy* Ioanna Sinayskogo. Predvaritelnyye zamechaniya [The language and graphic-orthographic system of the oldest Slavic manuscript of “Ladder” by John of Sinai. Preliminary notes]. *Palaeoslavica*. 2013. Vol. XXI. No. 1. P. 15–57.
- Romanova 2009 — T. V. Romanova. Paleografiya, grafika i orfografiya Tolstovskoy psaltery XI–XII vv. [Paleography, graphics and orthography of Tolstovskaya Psalter (11th–12th centuries)]. Graduation Paper. St. Petersburg State University, St. Petersburg, 2009.
- Speranskiy 1928 — M. N. Speranskiy. Otkuda idut stareyskiye pamyatniki russkoy pismennosti i literatury? [Where do the oldest monuments of Russian writing and literature come from?]. *Slavia*. 1928. Roč. VII. Seš. 3. P. 516–535.
- Sreznevskiy 1868 — I. I. Sreznevskiy. Drevniye slavyanskiye pamyatniki yusovogo pisma. S opisaniyem ikh i s zamechaniyami ob osobennostyakh ikh pravopisaniya i yazyka [Old Slavic Monuments in the Yuscrypt. With Their Description and with Comments on the Characteristics of Their Spelling and Language]. Pt. 2. St. Petersburg: Typography of the Russian Academy of Sciences, 1868.
- Sreznevskiy 1887 — V. I. Sreznevskiy. Drevniy slavyanskiy perevod psaltery. Issledovaniye yego teksta i yazyka po rukopisyam XI–XIV vv. [An Old Slavic Translation of the Psalter. A Study of Its Text and Language Based on 11th–14th Century Manuscripts]. St. Petersburg: Typography of V. S. Balashev, 1887.
- Sreznevskiy 1912 — I. I. Sreznevskiy. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pismennym pamyatnikam [Materials for an Old Russian Dictionary Based on Written Monuments]. Vol. II. St. Petersburg: Edition of the Russian Language and Literature Department of the Russian Academy of Sciences, 1912.
- Temchin 1998 — S. Yu. Temchin. Pistry Sinayskoy psaltery po dannym orfografii: digrafnoye i ligaturnoye napisaniye št [Scribes of the Sinai Psalter according to the spelling data: Digraph and ligature spelling of št]. V. P. Gudkov (ed.). *Mezhdunarodnyy filologicheskii sbornik v oznamenovaniye 150-letiya so dnya rozhdeniya F. F. Fortunatova* [An

- International Philological Collection of Papers in Commemoration of the 150th Birthday of F. F. Fortunatov]. Moscow: Moscow State University Press, 1998. P. 104–115.
- Volkov 1897 — N. V. Volkov. Statisticheskiye svedeniya o sokhranivshikh-sya drevnerusskikh knigakh XI–XIV vv. i ikh ukazateli [Preserved Old Russian Books of the 11th–14th Centuries: Statistics and Indices]. St. Petersburg: Typography of I. N. Skorokhodov, 1897.
- Vondrák 1912 — W. Vondrák. Altkirchenslavische Grammatik. Berlin: Weidmann, 1912.
- Yagich 1889 — I. V. Yagich. Kriticheskiye zametki po istorii russkogo yazyka [Critical Notes on the History of the Russian Language]. St. Petersburg: Typography of the Russian Academy of Sciences, 1889.
- Zhivov 2006 — V. M. Zhivov. Vostochnoslavjanskoye pravopisaniye XI–XIII veka [Eastern Slavic Orthography of the 11th–13th Centuries]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2006.
- Zhivov 2017 — V. M. Zhivov. Istoriya yazyka russkoy pismennosti [History of the Language of Russian Literature]. Moscow: Dmitry Pozharsky University, 2017.
- Zhukovskaya 1984 — L. P. Zhukovskaya (ed.). Svodnyy katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig, khraryashchikh-sya v SSSR. XI–XIII vv. [Asynoptic Catalogue of Slavic-Russian Manuscripts Stored in the USSR (11th–13th Centuries)]. Moscow: Nauka, 1984.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Голосов Фёдор Валентинович — студент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории по формальным моделям в лингвистике Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва. Электронная почта: glabgtodor@mail.ru.

Груздева Анастасия Ильинична — разработчик-лингвист МТС ИТ, Москва. Электронная почта: nastya.gruzdeva@mail.ru.

Гусева Наталья Константиновна — соискатель степени кандидата филологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург. Электронная почта: nkonstguseva@gmail.com.

Давидюк Татьяна Игоревна — студентка Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва. Электронная почта: rachekit@yandex.ru.

Елоева Фатима Абисаловна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург; профессор Вильнюсского университета, Вильнюс (Литва). Электронная почта: fatimaeloeva@yandex.ru.

Логвинова Наталья Николаевна — студентка Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге; лаборант Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: natalielo009@gmail.com.

Макарчук Илья Владимирович — студент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва. Электронная почта: ilya.makarchuk@gmail.com.

Мольков Георгий Анатольевич — кандидат филологических наук, научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: georgiymolkov@gmail.com.

Моргунова Екатерина Витальевна — студентка Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва. Электронная почта: morgunova.kate@gmail.com.

Панова Анастасия Борисовна — студентка Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; стажер-исследователь Международной лаборатории языковой конвергенции Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва. Электронная почта: anastasia.b.panova@gmail.com.

Рахман Денис Михайлович — студент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва. Электронная почта: drahman2@mail.ru

Рошан Нэж — аспирантка, соискатель степени кандидата филологических наук, Университет Новая Сорбонна; Национальный центр научных исследований: Лаборатория языков и культур устной традиции / Лаборатория языков и культур Африки, Париж (Франция). Электронная почта: neige.rochant@icloud.com.

Синицына Юлия Вячеславовна — студентка Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва. Электронная почта: jv.sinitsyna@yandex.ru.

Соловьёва Анита Вячеславовна — студентка Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва. Электронная почта: nit-sol@mail.ru.

Студеникина Ксения Андреевна — студентка Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва. Электронная почта: xeanst@gmail.com.

Шарыгина Софья Сергеевна — студентка Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. Электронная почта: sofya-sharygina@mail.ru.

CONTRIBUTORS

Davidyuk Tatyana I. — student at the Lomonosov Moscow State University, Moscow. E-mail: rachekit@yandex.ru.

Eloeva Fatima A. — Dr. Sc. in philology, leading researcher at the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg; Professor at the Vilnius University, Vilnius (Lithuania). E-mail: fatimaeloeva@yandex.ru.

Golosov Fedor V. — student at the National Research University Higher School of Economics; research assistant at the Laboratory of Formal Models in Linguistics, National Research University Higher School of Economics, Moscow. E-mail: glabgtodor@mail.ru.

Gruzdeva Anastasija I. — linguist engineer in MTS IT, Moscow. E-mail: nastya.gruzdeva@mail.ru.

Guseva Natalia K. — PhD Candidate, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg. E-mail: nkonstguseva@gmail.com.

Logvinova Natalia N. — student at the National Research University Higher School of Economics in Saint Petersburg; assistant at the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Science, Saint Petersburg. E-mail: natalielo009@gmail.com

Makarchuk Ilya V. — student at the National Research University Higher School of Economics, Moscow. E-mail: ilya.makarchuk@gmail.com.

Molkov Georgiy A. — Cand. Sc. in philology, research fellow at the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg. E-mail: georgiymolkov@gmail.com.

Morgunova Ekaterina V. — student at the Lomonosov Moscow State University, Moscow. E-mail: morgunova.kate@gmail.com.

Panova Anastasia B. — student at the National Research University Higher School of Economics; research assistant at the Linguistic Convergence Laboratory, National Research University Higher School of Economics, Moscow. E-mail: anastasia.b.panova@gmail.com.

Rakhman Denis M. — student at the National Research University Higher School of Economics, Moscow. E-mail: drahman2@mail.ru.

Rochant Neige — PhD student at the Université Sorbonne Nouvelle; CNRS, LaCiTO — LLACAN, Paris (France). E-mail: neige.rochant@icloud.com.

Sharygina Sofia S. — student at the Saint Petersburg State University, Saint Petersburg. E-mail: sofya-sharygina@mail.ru.

Sinitsyna Yulia V. — student at the Lomonosov Moscow State University, Moscow. E-mail: jv.sinitsyna@yandex.ru.

Soloveva Anita V. — student at the Lomonosov Moscow State University, Moscow. E-mail: nit-sol@mail.ru.

Studenikina Kseniia A. — student at the Lomonosov Moscow State University, Moscow. E-mail: xeanst@gmail.com.

ЭТИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

1. Этика научных публикаций

Международный журнал «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» — научное периодическое издание, не имеющее политической, идеологической, религиозной или иной направленности; деятельность журнала связана исключительно с академической наукой. Все участники редакционного и издательского процесса (авторы, рецензенты, редакторы и члены редакционной коллегии) обязаны учитывать это и следовать указанным ниже этическим стандартам, основанным на рекомендациях Комитета по этике научных публикаций (COPE).

2. Авторство работы

Автор гарантирует, что рукопись, подаваемая для публикации в журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» является оригинальным текстом, и подтверждает свои исключительные авторские права на эту публикацию. В случае совместной работы материалы для публикации может подать один из авторов, указав всех соавторов и предоставив необходимую и достоверную информацию о них.

Автору следует указать организации и учреждения, предоставившие финансовую поддержку или оказавшие содействие в создании рукописи, при наличии таковых.

Автор обязан в полном объеме указать все источники информации, используемые в работе, включая источники (опубликованные и неопубликованные), исследовательскую литературу (в том числе собственные ранее опубликованные работы) и данные информантов (при публикации результатов полевых исследований). Автор обязан соответствующим образом оформить ссылки на использованные в работе труды или утверждения других авторов. Любая форма плагиата неприемлема. Автоплагиат, т. е. попытка повторной публикации собственной ранее опубликованной работы без существенных изменений, также неприемлем. Подача рукописи работы одновременно более чем в один журнал для публикации недопустима. Научный архив автора, на котором

основано исследование и работа, должен быть при необходимости доступен к рассмотрению на период не менее двух лет.

В случае нарушения любого из перечисленных выше правил редакционная коллегия может отказать в публикации рукописи в любое время, в том числе на этапе предварительного рассмотрения, без привлечения рецензентов, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Внесение автором любых изменений в текст, прошедший этап рецензирования и принятый к публикации, допустимо только с согласия редакционной коллегии. Автор может отозвать принятую рукопись до того, как материалы будут отправлены для редактирования. В случае если автор отзывает рукопись по завершении процесса редактирования, редакционная коллегия вправе отказать в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Автор обязуется не размещать в открытом доступе любые принятые к публикации, но еще не опубликованные материалы. В случае нарушения этого правила редакционная коллегия вправе снять рукопись с публикации, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

3. Авторское право и открытый доступ

В соответствии с Будапештской инициативой по открытому доступу к научным публикациям (Budapest Open Access Initiative, BOAI) журнал «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» обеспечивает свободный доступ к опубликованным материалам, руководствуясь принципом поддержки глобального обмена знаниями. Какие-либо сборы за публикацию в журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» с авторов не взимаются.

При отправке материалов для публикации в журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» автор выражает согласие с тем, что принятие этих материалов к публикации подразумевает их дальнейшее распространение в соответствии с лицензией Creative Commons | Attribution-NoDerivatives, допускающей распространение материалов в коммерческих и некоммерческих целях, если оно осуществляется без каких-либо изменений текста и с указанием

авторства. Вместе с тем за автором в полном объеме сохраняются авторские права на опубликованную работу.

4. Достоверность информации

Представляя рукописи для публикации в журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований», авторы несут ответственность за тщательную проверку информации, содержащейся в их работе, во избежание неточных ссылок или отсутствия необходимых ссылок на источники. Если в процессе редактирования материалов, принятых к публикации, автор обнаруживает ошибки или неточности, он должен незамедлительно уведомить редактора и доработать статью или, при наличии существенных ошибок, требующих полной ревизии текста, отозвать рукопись.

В журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» не допускается клевета. Автор должен избегать личных нападок, пренебрежительных замечаний и обвинений в адрес других ученых.

Авторы несут ответственность за достоверность всех данных, опубликованных в журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований». Если после публикации обнаружено нарушение вышеуказанных правил, редакционная коллегия имеет право опубликовать опровержение в следующем выпуске, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

5. Процесс рецензирования

Представленные рукописи оцениваются по принципу двойного анонимного рецензирования; это означает, что все материалы направляются рецензентам в анонимной форме (файлы и метаданные не содержат информации об авторах).

Члены редакционной коллегии или другие участники процесса публикации не имеют права сообщать рецензентам имен авторов до принятия окончательного решения относительно публикации представленных рукописей.

Если рецензент узнает автора рассматриваемой статьи и обнаруживает конфликт интересов, он должен сообщить об этом

редактору и отказаться от рецензирования. Контакты между рецензентом и автором, поддерживаемые за пределами сферы ответственности редакционной коллегии, не являются достаточным основанием для смены рецензента.

Имя рецензента может быть раскрыто автору редакционной коллегией только по просьбе самого рецензента и только после принятия окончательного решения относительно публикации представленной рукописи.

Рецензия должна быть объективной и беспристрастной, личная критика в адрес автора не допускается. Все комментарии и рекомендации по улучшению работы должны быть высказаны в корректной форме, а замечания аргументированы. Рецензенты могут рекомендовать автору проработать дополнительную литературу, касающуюся темы представленной рукописи и отсутствующую в списке использованной литературы. Рецензент обязан обратить внимание редакционной коллегии на любые признаки плагиата.

Рецензирование работы должно быть завершено в установленный журналом срок; в ряде случаев публикация работы может быть перенесена на следующий год.

6. Обязанности членов редакционной коллегии

На всех этапах редакционного и издательского процесса редакционная коллегия журнала обеспечивает следующее:

- предварительное рассмотрение рукописей авторов;
- выбор рецензентов для экспертизы в соответствии с их научными интересами;
- соблюдение конфиденциальности в процессе двойного анонимного рецензирования;
- решение о принятии, отказе в публикации или назначении дополнительной экспертизы в зависимости от заключения рецензента;
- все члены редакционной коллегии должны быть в курсе содержания текущего выпуска;
- члены редакционной коллегии могут оказывать посильную помощь авторам в вычитке статей;
- корректуру выпуска перед публикацией в бумажном формате и в сети Интернет.

Главный редактор координирует работу редакционной коллегии и принимает решения по ключевым вопросам, а также дает разрешение на печать выпуска и его публикацию в сети Интернет. Входя в состав редакционной коллегии, главный редактор гарантирует строгое соблюдение всех этических стандартов, изложенных в настоящем документе.

Редакторы не вправе злоупотреблять служебным положением и должны соблюдать беспристрастность и объективность по отношению ко всем участникам редакционного и издательского процесса вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных убеждений, этнической принадлежности, гражданства или политических предпочтений. Материалы, представленные для публикации в журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований», рассматриваются исключительно с точки зрения их научной ценности с соблюдением принципа двойного анонимного рецензирования.

Конфликт интересов редакторов и авторов предоставляемых для публикации рукописей недопустим. В случае возникновения конфликта интересов работы авторов должны быть направлены на рассмотрение другому редактору.

Редакционная коллегия гарантирует высокий научный уровень материалов, публикуемых в журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований», и, при необходимости, обязана публиковать исправления, разъяснения и извинения.

7. Редакционная коллегия

Международная редакционная коллегия журнала «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» является высшим руководящим и контролирующим органом журнала. Члены редакционной коллегии имеют право принятием коллективного решения приостановить или отклонить публикацию материалов, прошедших процедуру двойного анонимного рецензирования. Рукописи членов редакционной коллегии, представленные для публикации в журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований», рассматриваются на общих основаниях, вне зависимости от вхождения автора в состав редакционной коллегии.

Благодаря научному авторитету, географическому охвату и принципу коллегиальности международная редакционная коллегия журнала «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» гарантирует соответствие опубликованных материалов международным стандартам научной и редакционной этики. Все конфликты, возникающие между участниками редакционного и издательского процесса, должны решаться при непосредственном вмешательстве редакционной коллегии.

8. Язык публикаций

Журнал «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» принимает рукописи статей на русском, английском, французском и немецком языках. Если язык статьи не является для автора родным, рекомендуется, во избежание возможных недоразумений, проконсультироваться с компетентным носителем соответствующего языка.

Все метадаанные статей представлены на веб-сайте журнала на русском и английском языках.

PUBLICATION ETHICS AND PUBLICATION MALPRACTICE STATEMENT

1. Publication ethics

The international journal *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies* is an academic periodical with no political, ideological, confessional, or other agendas; therefore the journal's activities are solely for the sake of scholarship. All participants in the editorial and publishing process (Authors, Reviewers, Editors, and Editorial Board Members) should keep this in mind and follow the ethical standards outlined below, which are based on the recommendations of the Committee on Publication Ethics (COPE).

2. Authorship issues

When submitting a paper to publish in *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies*, the Author thereby confirms his or her authorship. In the case of a collaborative work, one of the Authors may submit material for publication provided that all coauthors are listed with all necessary and correct information about them.

If there are agencies or other entities that contributed to the content or provided funding or support for the work submitted, the Author should clearly identify them. If necessary, the Author should express gratitude to colleagues who have made a contribution to the submitted work.

The Authors must present in full all sources of information used in the work, including lists of sources (both published and unpublished), research literature (including the Authors' own previously published works), and informants (when publishing the results of field studies). The Authors should ensure that if they have used the work and/or words of others, this has been appropriately cited or quoted. Any form of plagiarism is unacceptable. Self-plagiarism, i.e., the attempt to republish one's own previously published work without significant changes to it, is similarly unacceptable. Concurrent submission of the same work to *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies* and to any other

publication is prohibited. The research archive used by the Author should be accessible upon request for the period of at least two years.

In case of violation of any of the rules listed above, the Editorial Team is entitled to refuse to publish the materials at any time, including during preliminary consideration, without involving reviewers, and also not to proceed with the publication of any work from the Author for a period of three years.

Any changes added by the Author to a text that has been peer-reviewed and accepted for publication can be made only in coordination with the Editorial Team. An Author can withdraw an accepted work only before the materials have been sent out for editing. If the Author absolutely wishes to withdraw the material from publication after the editorial work has been done, the Editorial Team is entitled to refuse to consider publication of any work submitted by this Author for a period of three years.

It is unacceptable for an Author to place into the public domain any materials that have been accepted for publication and sent for editing but which have not yet been published. If this rule is violated, the Editorial Team is entitled to withdraw these materials and to refuse to consider publication of any work by the Author for a period of three years.

3. Copyright and open access

The journal *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies* has agreed to the Budapest Open Access Initiative and therefore provides immediate open access to its content on the principle that making research freely available to the public supports a greater global exchange of knowledge. At the same time, the Authors are not charged any fees for publication in *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies*.

When sending materials for consideration by the journal *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies*, the Authors agree that the acceptance of these materials for publication ensures their redistribution in accordance with the license Creative Commons | Attribution-NoDerivatives (this allows for redistribution, commercial and non-commercial, as long as it is passed

along unchanged and in its entirety, with attribution). At the same time, copyright remains in full with the Authors.

4. Accuracy of information

The Authors of the papers submitted to the journal *Acta Linguistica Petropolitana*. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies are responsible for detailed verification of all the information contained in their work in order to avoid inaccurate references to sources or the omission of necessary references. If, in the process of editing the materials accepted for publication, the Author discovers mistakes or inaccuracies, he or she must notify the Editor as soon as possible and either withdraw the publication (in the case of significant errors requiring a complete revision of the text) or correct it.

The Author must avoid personal attacks, disparaging remarks, and accusations against other scholars. Defamation is not allowed in the journal *Acta Linguistica Petropolitana*. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies.

The Authors are responsible for the accuracy of all data published in the journal *Acta Linguistica Petropolitana*. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies. If a violation of the above rules is discovered after publication, the Editorial Team is entitled to publish a refutation in the next issue and also not to proceed with any work from the defaulting Author for a period of three years.

5. Review process

All submitted papers are evaluated on the principle of double-blind peer review, which means that all materials are sent to the Reviewers in anonymized form (the files contain no information about the Authors and information is also deleted from the metadata of the submitted files).

None of the members of the Editorial Team or any other participants in the publication process is allowed to disclose the Authors' names to Reviewers before the final decision regarding the publication of the submitted papers.

If a Reviewer recognizes the Author of the article being reviewed and discovers a conflict of interest, he or she is to inform the Editor of this and recuse himself or herself. Contacts between the

Reviewer and the Author maintained outside of the Editorial Team's responsibilities are not sufficient grounds for disqualification of the Reviewer.

The Reviewer's name can be disclosed to the Author by the Editorial Team only at the request of the Reviewer and only after the final decision regarding the publication of the submitted materials.

The review should be objective and impartial and must not contain personal attacks against the Author. All comments and suggestions for improving the work should be made in polite form, and all criticism should be justified. Reviewers are encouraged to recommend additional publications relating to the submitted work for which there are no references. The Reviewer should also draw the attention of the Editorial Team to any evidence of plagiarism.

The review should be completed within the time frame established by the journal; the appointment of reviewers, reviewing, acceptance, editing and publication can take over 12 months.

6. Duties of the Editorial Team members

Managing / Academic Editors provide for all stages of the editorial and publishing process:

- preliminary consideration of the Authors' submissions;
- selecting the Reviewers in accordance with their research interests;
- maintaining confidentiality during the double-blind review process;
- deciding on acceptance, rejection, or submission to additional peer review, depending on the Reviewers' reports;
- notifying members of the Editorial Board of the current issue data;
- sending the edited materials to the Layout Editor and facilitating the Authors' proofreading of the galleys;
- control proofreading (reconciliation) of the issue before its publication online and in hard copy.

The Editor-in-Chief coordinates all the work of the Editorial Team and makes decisions on key issues; he or she also releases issues for printing and gives permission for publication on the website. Also, as a member of the Editorial Team and the Editorial

Board, the Editor-in-Chief fully guarantees strict compliance with all ethical standards set forth herein.

All Editors must be careful not to abuse their official position and they are to maintain their impartiality and objectivity toward all participants in the editorial and publishing process regardless of race, gender, sexual orientation, religious belief, ethnic origin, nationality, or political opinion. The materials submitted by the Editors for publication in the journal *Acta Linguistica Petropolitana*. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies are considered solely on their scholarly merit and with the observance of the principle of double-blind peer review.

There must be no conflict of interest between the Editors and the Authors of the materials accepted or rejected for publication. In case such conflict occurs, the Authors' materials are to be sent to another Editor.

The Editorial Team ensures the high academic quality of the materials published in the journal *Acta Linguistica Petropolitana*. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies and, if necessary, is obliged to publish corrections, clarifications, and apologies.

7. Editorial Board

The international Editorial Board of the journal *Acta Linguistica Petropolitana*. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies is the supreme governing and controlling body of the periodical. The Editorial Board members, by means of collective decision, have the right to suspend or reject the publication of materials that have gone through double-blind peer review. Papers written by members of the Editorial Board that are submitted for publication in the journal *Acta Linguistica Petropolitana*. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies are considered on their own merit, without regard for their Author's position on the Board.

Due to its academic authority, geographical coverage, and the principle of collegiality, the international Editorial Board of the journal *Acta Linguistica Petropolitana*. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies guarantees that the published content meets international standards of scholarly and editorial ethics. All conflicts arising between the participants of the editorial and publishing process

are to be resolved through the direct involvement of the Editorial Board.

8. Our languages

The journal *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies* accepts papers in Russian, English, French or German. If the paper is written in a non-native language, the Authors are advised to consult a qualified native-speaking editor in order to avoid possible misunderstanding.

All metadata of the papers are reflected on the website of the journal in Russian and English.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Материалы Четырнадцатой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (2017 г.)

От редакторов.....	9
<i>Ф. В. Голосов (Москва)</i> Лёгкие глаголы-телисизаторы горномарийского языка: грамматическая семантика и дистрибуция.....	13
<i>А. И. Груздева (Москва)</i> Синтаксис комитативных конструкций с показателем социатива <i>-ла</i> в баргузинском диалекте бурятского языка	38
<i>Т. И. Давидюк, Кс. А. Студеникина (Москва)</i> Элативный показатель и значение ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ в горномарийском языке	60
<i>Н. Н. Логвинова (Санкт-Петербург)</i> Непосессивные функции показателя посессивности третьего лица в малокарачкнском говоре чувашского языка	86
<i>И. В. Макаrchук (Москва)</i> Глагольный аттенуатив в горномарийском языке	130
<i>Е. В. Моргунова (Москва)</i> Слусинговые конструкции в бурятском языке	163
<i>А. Б. Панова (Москва)</i> Рефактивы в абазинском языке	195
<i>Д. М. Рахман (Москва)</i> Нулевой субъект целевых клауз и эллипсис аргумента в горномарийском языке	213
<i>Н. Рошан (Париж)</i> Лабильность в андийском языке	229
<i>Ю. В. Синицына (Москва)</i> Полисемия и морфологический статус горномарийского показателя <i>-ла</i>	265

<i>А. В. Соловьева (Москва)</i> Синтаксис и семантика партитивных и псевдопартитивных конструкций в горномарийском языке	298
<i>С. С. Шарыгина (Санкт-Петербург)</i> Способы выражения значений будущего времени и проспектива в ингерманландском финском	340
II. Varia	
<i>Н. К. Гусева, Ф. А. Елоева (Санкт-Петербург, Вильнюс)</i> Социокогнитивное измерение побудительных высказываний в институциональном дискурсе русской и итальянской лингвокультуры: общее и этнокультурное	363
<i>Г. А. Мольков (Санкт-Петербург)</i> Графико-орфографические особенности Толстовской псалтыри	392
Сведения об авторах	437
Этические требования	441

CONTENTS

I. Proceedings of the Fourteenth Conference on Typology and Grammar for Young Scholars (2017)	
From the editors	9
<i>F. V. Golosov (Moscow)</i>	
Telicizing light verbs in Hill Mari: Semantics and distribution.....	13
<i>A. I. Gruzdeva (Moscow)</i>	
Syntax of comitative constructions with the sociative marker <i>-lsa</i> in Barguzin Buryat.....	38
<i>T. I. Davidyuk, K. A. Studenikina (Moscow)</i>	
Elative marker in construction with physical contact verbs in Hill Mari.....	60
<i>N. N. Logvinova (Saint Petersburg)</i>	
Non-possessive functions of the third person possessive in Maloe Karachkino dialect of Chuvash.....	86
<i>I. V. Makarchuk (Moscow)</i>	
Verbal attenuative in Hill Mari.....	130
<i>E. V. Morgunova (Moscow)</i>	
Sluicing constructions in Buryat.....	163
<i>A. B. Panova (Moscow)</i>	
‘Again’-markers (refactives) in Abaza	195
<i>D. M. Rakhman (Moscow)</i>	
Null subject of purpose clauses and argument ellipsis in Hill Mari.....	213
<i>N. Rochant (Paris)</i>	
Labiality in Andi.....	229
<i>Yu. V. Sinitsyna (Moscow)</i>	
Polysemy and morphological status of the Hill Mari marker <i>-la</i>	265
<i>A. V. Soloveva (Moscow)</i>	
Partitive and pseudo-partitive constructions in Hill Mari: Syntax and semantics	298

S. S. Sharygina (Saint Petersburg)

The means of expressing future and prospective semantics
in Ingrian Finnish.....340

II. Varia

F. A. Eloeva, N. K. Guseva (Saint Petersburg, Vilnius)

Socio-cognitive dimension of the directives in the institutional discourse
of Russian and Italian languages: Common and ethnospecific features 363

G. A. Molkov (Saint Petersburg)

The description of the spelling system of Tolstovskaya Psalter 392

Contributors 439

Publication ethics and publication malpractice statement.....447

Научное издание

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Глав. ред. Е. В. Головки.

Т. XV. Ч. 2. I. Материалы Четырнадцатой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (2017 г.) / Ред. Д. Ф. Мищенко, Д. В. Герасимов, Н. М. Заика, О. В. Кузнецова, М. А. Холодилова; П. Varia. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. — 458 с.

Подписано к печати

Формат 60×90 1/16

Усл. печ. л. 29,0. Тираж 500 экз.

Институт лингвистических исследований РАН

199053, Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9

info@iling.spb.ru

<https://iling.spb.ru>

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН

Оригинал-макет подготовил П. А. Кочаров

Корректор — Е. В. Артемьева

Издательство РХГА

191011, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15

Тел.: (812) 310-7929, +7 (981) 699-6595;

E-mail: rhgapublisher@gmail.com

<http://irhga.ru>

Материалы издания доступны в электронном виде на сайте ИЛИ РАН

<https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html>